

The background of the cover is a collage of forensic evidence. It includes a silver bullet casing in the top left, a red fingerprint on the left, a black bullet casing in the center, a red pen in the top right, and a yellowish stain in the center. There are also several red splatters and a dark smudge in the top right corner.

Д. Верлицкий

Холмов трагических убийство

16+

Давид Игоревич Верлицкий

Холмов трагических убийство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68014045

SelfPub; 2022

Аннотация

Авантюрный юноша Сол Планк и его товарищ Джефферсон берутся за расследование кажущегося на первый взгляд простым дела, однако одновременно с приближением к истине оно не только становится запутаннее, но и заставляет друзей задуматься о том, что для них важнее всего, и столкнуться с интригами, любовью, обыденностями работы детектива и безумием, открывающимися для главных героев с совершенно неожиданных сторон.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	49
Глава 4	73
Глава 5	89
Глава 6	109
Глава 7	135
Глава 8	150
Глава 9	165
Глава 10	181
Глава 11	197
Глава 12	216
Глава 13	239
Глава 14	269
Глава 15	284
Глава 16	304
Глава 17	337
Глава 18	358
Глава 19	383
Глава 20	412
Глава 21	433
Глава 22	453
Глава 23	476

Давид Верлицкий Холмов трагических убийство

Посвящается тому,
о ком я знать и не хочу,
Но жизни это лишь мгновенье,
Не станет камнем преткновения!

И наша жизнь тогда падет,
Как только духу обретет

Посланник жизни нашей всей,
Кому судьбой предрешено
Мыслителем стать всех затей,
Ким¹ жизнь изранить суждено.

17 августа, День проснувшихся улиток

С тех пор прошло много времени, но какое-то странное и одновременно вдохновляющее чувство до сих пор посещает меня, когда я вспоминаю ту пору. Что-то необъяснимое заставляет меня вновь и вновь задумываться о, казалось бы,

¹ Здесь: каким.

простых вещах, и оно пробуждает во мне желание познавать и восхищаться всем, что меня окружает.

И каждый раз я просыпаюсь в неведении, что же ждет нас всех сегодня.

Глава 1

– *Миг, И Кровь. Пожалуй, это все что надо знать о выстреле.*

(прим. автора: хорошо, что выучил эту фразу).

– *Да, верно. Вы быстро совершенствуетесь, сэр. Если так будет продолжаться, то можете надеяться на светлое будущее. Идем дальше,*

Буря. Единение. Нонсенс. Сон. Одурачивание. Неизвестность. Повторите, пожалуйста: Буря. Единение. Нонсенс...

Заметки пропущено.

Небольшой силуэт, похожий на молодого человека лет девятнадцати и жадно держащий что-то, промелькнул на мосту и мгновенно скрылся за идущей ему навстречу машиной. Она молниеносно пронеслась меж людей и повернула за угол, оставя за собой лишь длинный след от колес, устремляющийся за темный поворот. Темная фигура вмиг проскользнула за стену и начала бежать дальше по переулку, полному света. Тут, не успев еще добежать до его конца, загадочный человек увидел впереди трех грозно стоящих яростных стражей порядка, по их глазам было видно, что они готовы поймать его во что бы то ни стало. Тогда он попытался про-

шмыгнуть между ними, и... был запросто пойман и в тот же час отведен в отделение полиции, что совсем не воодушевило его в этот солнечный день. Дойдя до участка, один из поймавших грабителя начал:

– Сэр Донлон, у нас опять местный вор.

– Небось опять какой-нибудь разорившийся купец! – проворчал шериф.

Тут в кабинет вошли надзиратели, крепко удерживая нарушителя закона.

– Кто же к нам пожаловал? Сам Сол Планк! – воскликнул Донлон, узнав в приведенном своего давнего приятеля. – Что тебя вновь занесло в этот крохотный город, я думал ты закончил проворачивать свои злые делишки. Хм... а что у тебя в руках? – заметил тот небольшой мешок в руках у юноши.

– Несколько яблок. – коротко и уверенно, однако с некоторым страхом ответил он.

– Ты умен, Планк, и сам понимаешь – ближайший лес в трех-четыре милих отсюда, ты определенно добыл их нечестным способом. Мы вынуждены изъять их... У кого ты украл яблоки?

– У торговца... – устремился взгляд другого в пол.

Немного подумав, шериф сказал:

– Хорошо, Сол, ты честен, и я это ценю, поэтому, учитывая твоё положение, на этот раз отпускаю, но учти – в следующий раз тебе не уйти.

– Спасибо, сэр Донлон, я безмерно вам благодарен.

– Хватит лишних слов, Планк. Не хочу больше слушать слов благодарности, слишком уж много мне их говорили.

Сол выбежал на улицу и в радости умчался вдаль, озаряя своей улыбкой даже самые мрачные уголки улицы.

Джон Донлон был довольно известным человеком в своих краях. Был он добродушным и честным, но самое главное – справедливым, хоть он и быстро невзлюбил свою должность из-за ее обыкновенной простоты и рутинности; в жизни его было всего одно интересное криминальное дело, зато настолько загадочное, что только из-за него он не бросал своего призвания. Донлон был человек немолодой, но и совсем не старый, а тех лет, в которых, как любят выражаться “наступает рассвет сил”. Однако у Джона рассвет сил, по всей видимости, еще не настал, да и в общем-то не особо собирался. Несмотря на свою известность и авторитетность, он был самым обыкновенным человеком с самым обыкновенным именем, какое только и можно было выдумать. Читатель может задаться вопросом: “Обычный человек из города стал чуть ли не самой влиятельной в ней фигурой, не делая при этом ничего по-настоящему стоящего?” Вполне справедливо. Если говорить на чистоту, то Джон не такой уж и обычный человек: у него была одна значимая привилегия, которая помогла ему занять столь важное место – очень популярная среди местных жителей супруга. Сказать, что она была хороша собой – значит ничего не сказать. Помимо всего прочего, она была умна и хитра, но этого никто не замечал, а зря

– эти качества зачастую играют немалую роль в принятии самых неожиданных решений. Она имела честь встретиться с бывшим шерифом, который, разумеется, не мог отказать в должности такой даме, да и в принципе отказать в чем-либо еще, но был категорически против того, чтобы отдать должность ее мужу. Впрочем, на следующий день, он был отравлен.

Но, нужно отдать должное, со своими обязанностями Джон справлялся вполне неплохо, хоть и поступал иногда в собственных интересах. Однако в большинстве случаев, все же, придерживается закона, чем мало кто из предшествующих ему важных лиц мог похвастаться.

Как рассказывал сам Джон, жизнь свела его с Солом, когда второму было около года, примерно восемнадцать лет назад. Тогда он разбирал дело об убийстве родителей мальчика, которое и стало самым значимым в его профессиональной карьере. Но оно так и не было до конца раскрыто, оставив после себя только многочисленные легенды. После их смерти Донлон привязался к Планку, и, можно сказать, стал единственным источником хоть малейшей любви и заботы для юнца. Сам Сол был известен как довольно скрытный и ловкий похититель, но только для незнакомых с ним людей. Его приятели довольно хорошо и дружелюбно о нем отзывались, но поистине близких друзей у него было совсем немного. Словом, он был хитер и совсем не глуп, авантюрен и очень любопытен, и вообще был человеком с крайне нескудной

жизнью. Он был без ума от научной фантастики и детективных романов, но в большинстве своем читал именно вторые, поскольку часто и сам любил выискивать в сюжете главного злодея, что и создал все проблемы. Склонность к таким жанрам была, можно сказать, удивительно редким явлением среди его окружения, но еще удивительнее в его жизни была связь с преступным миром, коей он некогда хвастался и гордился.

Обычно в это время – в первых числах июня – торговцы со всей округи пытаются пробраться в центр города, где шансы продать что-то возрастают в разы. Этот год не стал исключением – почти на каждой дороге за целый день можно встретить по десять-пятнадцать, а реже и до двадцати человек, и каждый из них пытается да что-нибудь продать. Зато на окраине – таинственно безмолвно, вы не найдете ни единой души в это время, даже если очень захотите.

Тем временем Сол добежал до дома своего друга, где он решил разместиться на летнее время, открыл дверь и перед ним показалась озаренная лучами солнца комната. Стены были абсолютно белоснежными, на них располагались узоры, на которых то и дело за цикливались взгляды частых гостей, чье присутствие здесь не только украшало сам дом, но и придавало важность этой, обычно дружеской, встрече. Рядом с краями каждой из них располагались колонны, а на потолке висела люстра. Вдруг в прихожую вбежал небольшого роста мальчик и сразу посмотрел на мешок, находящийся в

левой руке прибывшего.

– Принес? – спросил он.

– Еще бы! – довольно ответил Сол и начал доставать что-то из мешка, это были отрывки из старых газет.

– Как тебе удалось их заполучить?

– У одного суконщика приметил. Пришлось пролезать через окно. Только не спрашивай, Джефф, как у меня это вышло. Забрал все что было, больше информации нам и в городе не сыскать.

– Хорошо. Так, сколько тут страниц?

– Около двадцати страниц сухого текста.

– Сколько!?! – разразилось на всю улицу.

– Да, ты все правильно понял...

На шум прибежала девочка чуть помладше. Она сначала неодобрительно посмотрела на Планка, а затем начала:

– Джефф, кто это?

– Это... мой друг, но мы сильно заняты...

– Обычно если так говорят, значит хотят чтобы ты ушел, но я ни за что не уйду! Давайте признавайтесь, о чем шептались?

– Шептались? Мягко сказано, Луна! Ну ладно, так уж и быть, знакомься, это – Сол Планк. Мой верный товарищ, а это Луна Паркинсон, моя сестра. – показал тот, обращаясь уже к другу.

– А это что? – поинтересовалась девочка стопкой бумаг.

– Это очень долгая история... если кратко: много лет на-

зад, когда в этом городе жило много людей, тут начали ходить слухи о некой “Безликой Семерке”. В нее входили, по нашим предположениям, ровно семь человек и никто никогда не знал кто именно был участником этой группировки, отчего держала весь город в страхе. Она была известна цепочкой крайне мистических убийств. Когда полиция начала расследование, эта шайка моментально исчезла. По сей день о ее участниках почти ничего не известно. И вот, пару лет назад слухи о ней опять появились, но в этот раз ненадолго – через пару месяцев, после очередного убийства, она вновь бесследно исчезла. Но мы знаем одно – мирная группировка не может носить такое название, а потому и собираемся раскрыть это покрытое тайной дело.

– Зачем вам его раскрывать? У вас и так дел пруд пруди!

– Ну... дела подождут. – начал объяснять Паркинсон. – Ты только представь, какая слава ждет нас, если мы раскроем это дело! Из всех нераскрытых дел, оно кажется одновременно и самым загадочным, но и самым неизведанным, ведь за его расследование толком никто не брался!

И что же вы задумали? – с явным интересом спросила та.

– Мы верим, что Семерка все еще существует, и ее участники находятся среди обычных людей. Наша цель – узнать ее мотивы и найти тех, кто к ней причастен.

– Но слухи про банду мог пустить любой дурак.

– Правило настоящего детектива номер один: слухи просто так не ходят! – смело заявил Планк.

– И это не может быть обычным совпадением, ведь такой резкий рост количества смертей не может быть случайным. – поддержал Паркинсон.

– Что ж, значит вы собираетесь начать детективное дело. – заключила Луна.

– И написать об этом книгу-разоблачение, детектив в своем роде.

– Вы, я вижу, решили играть по-крупному. Если честно, не думаю что у вас что-то получится, но все равно удачи. – с улыбкой закончила Луна и ушла в другую комнату.

По словам самого Планка, Джефф Паркинсон был его ровесником и очень близким другом, который всегда был готов прийти на помощь. Он был невысок, с темно-зелеными глазами и курносый носом. Любил искать приключения и был весьма озорным, но и не безрассудным, больше даже наоборот – отличался сообразительностью и остротой ума. Практически все время ходил в любимом красно-синем свитере, только летом он сменял его на зеленую футболку с изображением двух перекрещенных между собой револьверов. На ногах у него обычно были обыкновенные башмаки, так как в другой обуви, как он говорил, ему было совершенно неудобно. Жил он очень неплохо, его родители, кинорежиссеры, были одними из немногих поистине почетных и уважаемых лиц, которые были профессионалами своего дела. Но за последние пять лет они выпустили всего одну картину, которая, к тому же, не вызвала особого фурора, как их преды-

душие произведения, поэтому сейчас они усердно трудятся над новым фильмом и заняты им целыми днями.

Луна, сестра Джефферсона, на год младше своего брата. Пожалуй, все, что есть в ней, должно содержаться в слове “предусмотрительность”, от внимания к деталям до стократного обдумывания того, что бы она не затеяла.

– Как скоро твои будут тут? – спросил Сол Паркинсона.

– Они уехали на несколько дней, так что в ближайшую неделю я бы их не ждал.

– Они знают, что я остаюсь у тебя?

– Нет, но они не будут против.

– Ла-адно. Мы управимся с газетами примерно за день. У вас ведь есть бумага, да?

– Да, конечно, но печатной машинки сейчас в доме нет.

– Это не проблема – мы будем писать от руки.

– Угу. А что, если мы не найдем полезной информации из этих двадцати страниц?

– Правило настоящего детектива номер два: любая информация полезна! – воскликнул одну из любимых его фраз Сол, в истинности которой он был уверен всю свою жизнь.

– И то верно, но...

– Никаких “но”, напарник! Теперь мы расследуем серьезное дело, раскрытие которого внесет значимый вклад в историю!

Разумеется, товарищи не придавали этому делу никакой весомости и принимали его больше за шалость, нежели за

реальное преступное дело, но их желание совершить что-то глобальное дало о себе знать.

Наступил вечер. Хотя солнце полностью еще не село, на улице не было ни звука – какое-то странное безмолвие, создающее мистическую атмосферу, захватило город и вызывало чувство неизведанности и предвкушения чего-то необъяснимого. Дорога была абсолютно пуста – лишь с одной стороны ее печально одиноко стоял цветущий кизил, а за ним – виднелся будто написанный на полотне розовый закат, вдохновляющий любого человека на совершение чего-то удивительно необыкновенного.

Затем воцарилась ночь, на небе стали видны звезды. И при виде их невольно хочешь задуматься: каждая из них бесконечно похожа на любую другую, может, даже, находящуюся в нескольких тысячах световых лет, звезду, но одновременно с этим они все же такие разные и неповторимые...

Сол, ночевавший у своего друга, проснулся от звука внезапно хлопнувшей двери. Он открыл глаза, осмотрелся и, никого не увидев, и уже принялся опять засыпать, как перед ним выскочил Джефф. В его глазах можно было легко различить желание приступить к расследованию.

– Доброе утро, приятель! Готов ли ты начать работу? – торжествующе спросил Паркинсон.

– Еще даже семи нет! Я впервые за несколько лет просыпаюсь в такую рань. – посмотрев на будильник, посетовал Сол.

– Правило настоящего детектива номер три: для детективов времени не существует!

– Не совсем похоже на правило детектива... – вставая, лениво произнес Планк.

– На кухне на столе есть завтрак. Когда будешь готов, приходи в мою комнату.

– Ага. – отрезал второй и вышел из комнаты.

Дом был трехэтажным, и под ним был подвал, куда ходить разрешалось только в особых случаях. На первом этаже располагались гостиная и спальная, на втором же – еще одна спальная и ванная комнаты. Все в его строении было изысканно, но само оно было уютно и чем-то близко к Солу. Ему оно казалось настоящим особняком, так как ранее он ничего подобного не видывал. Любой предмет интерьера представлялся ему как что-то экзотическое и раритетное. К слову, в нем и вправду было несколько ценных и редких вещей, которые не так уж и просто найти. Сам дом, да и вообще вся улица находились неподалеку от леса, в который очень не любила ходить Луна, поскольку, будучи одержимой идеей загадочных культов, она реально верила, что в нем скрываются опаснейшие преступники со всего города. Этот лес был чрезвычайно огромным и действительно устрашающим: бесконечно много тонких деревьев возвышались примерно на двадцать метров, и свет, прегражденный их кронами, практически не попадал на землю.

Через пятнадцать минут Сол был уже в комнате Джеффа.

– Я разобрал все статьи по хронологии их написания. Первая из них датируется шестым апреля семьдесят девятого года. – начал Паркинсон. – Вот, держи, тебе десять и мне десять. Главное – не забудь выписывать важные детали – они нам необходимы. Если найдешь что-то интересное, сообщай мне.

Оба начали сосредоточенно читать. Взгляд каждого постепенно переходил с буквы на букву, со слова на слово, со строки на строку, и иногда возвращался к уже прочитанному отрывку. Страница за страницей откладывались в сторону, пока стремительно пролетали часы, как вдруг Джефф удивленно обратился к другу, показывая на публикацию:

– “Предположительно, один из участников “Безликой Семерки” является владельцем красного родстера. Такие заявления делают некоторые констебли, утверждающие, что выследили группировку”. Это может нам что-то дать?

– Безусловно, но сначала нужно понять правда это или нет. Пока занеси в список ключевых фактов, нужно будет его проверить.

Сол записал факт и продолжил усердно читать. Спустя минуту оба опять были полностью погружены в чтение и как никогда серьезны. Прошло еще около пяти минут и внезапно Сол удивленно воскликнул:

– Я нашел весьма любопытную информацию! “Сегодня (на момент написания статьи), около семи часов утра, произошло убийство, возможно связанное с недавно появив-

шейся таинственной группировкой. Очевидцы, прибывшие на место преступления после услышанного возгласа, сообщают, что видели неизвестного человека, быстро скрывшегося за кустами. Жертва нападения, как сообщается из отдела полиции, – молодой автор, известный в небольшом кругу”.

– У меня есть другая статья от неизвестного независимого журналиста об этом же убийстве. – подхватил Джефф. – “Совершенное неделю назад убийство, по всей видимости, раскрывать никто не собирается. Следы, замеченные на месте происшествия, уже обследованы и приводят нас к обычному жителю Стиву Лоуну, однако его допрос не проводился. Что же все-таки это было – хорошо спланированное злодеяние или дело рук местных шерифов, что пытаются тихо замести следы? Пожалуй, мы никогда об этом не узнаем”.

– Дело уже приобретает интересный характер. – с энтузиазмом подметил Планк.

– Если честно, не думаю, что это связано с Семеркой. Слишком странно было бы на фоне слухов убивать писателя.

– Да, ты прав, но что если они хотели наоборот – лишь распространить слухи о банде?

– Точно нет – зачем им это делать?

– Это хороший вопрос. – задумчиво сказал Сол. – Все же мне кажется, что тут не все так просто. Нужно читать дальше. Уверен, там точно есть еще что-то важное для нас.

Минул еще час, к этому времени уже близился вечер. В

уже достаточно большую стопку прочитанных листов Сол положил еще одну страницу газеты, датированную двадцать девятым ноября, и как читатель мог предположить, последнюю.

– Все, мы закончили. – сказал тот и разлегся на постели, чувствуя облегчение.

– Что-то интересное подметил? – спросил другой деловым голосом.

– Конечно, вот смотри. – показал на листок на столе Сол. Паркинсон подошел, взял его и начал читать:

– На всех фотографиях, якобы связанных с Семеркой, есть загадочный красный родстер. Не значит ли это, что кто-то следил за ними? Или, может, сами ее участники ездили на нем?

– Второе предположение малость странно – все-таки это очень секретная шайка, и не думаю, что ее участники были бы настолько недалёковидными. А насчет того, что за ними следили – возможно, но я этого не утверждаю.

– У тебя есть какие-то другие сведения об этом автомобиле?

– Боюсь что нет. Думаю, нам нужно принять это за возможную улику. От этого, думаю, нам стоит исходить.

– О, нет, друг. Исходить мы будем совсем от другого... У тебя записано, что Стив Лоун, следы которого были замечены на месте убийства, живет в нашем городе, и даже на нашей улице. Это ведь настоящая находка!

– Я сам не на шутку удивился, когда прочитал это.

– Больше ничего интересного, я так понимаю, ты не записал. Вот что у меня:, -продолжил Джефф. – Очевидцев того убийства, о котором ты начал мне рассказывать, было несколько, и как уточняют некоторые источники, их было двое или даже трое.

– Почему они ничего не сообщили полиции?

– Возможно и сообщили, только дело начинать не стали.

– Известно кто был вторым свидетелем после Лоуна?

– Нет. Он упоминается только в одной статье, и то – очень расплывчато.

– Как мы можем узнать где живет этот Стив Лоун?

Джефф на секунду задумался, и с необыкновенной решительностью посмотрел в глаза Солу. Тот сразу понял, о чем подумал его товарищ:

– Боже, нет! Я не хочу делать это, только вчера я попал в участок и соврал ему!

– У нас нет другого варианта, он единственный шериф в городе, которому ты можешь доверять.

– Что ж, – быстро согласился Планк. – К Донлону – так к Донлону, но это будет последний раз, когда я к нему обращаюсь.

– Это мы еще увидим. – улыбнувшись, тихо ответил второй. -Неизвестно, к чему приведет нас это таинственное дело...

Весь вечер Сол раздумывал о возможных вариантах про-

изошедшего, перебирал различные гипотезы, пытался придумать хотя бы одну логичную и близкую к реальности версию, но каждая следующая была только чуднее и туманнее предыдущей. То он предполагал, что преступление было хорошо спланировано и совершено самой полицией, отчего его так и не принялись расследовать, а то и вовсе допускал, что это было самоубийство. Любая новая мысль лишь ужасала и тревожила Планка, однако остановиться думать об этом он не мог.

В конце концов, ближе к полуночи, он задремал в беспмятстве.

Рассвело. Лучи солнца жадно обхватили каждый уголок, не оставив ни одного темного местечка. Наши герои, тем временем, еще не проснулись, что свидетельствовало об активно проведенной ночи. В доме по-прежнему никого кроме Паркинсонов и их юного друга не было. За порогом же в этот день кипела жизнь: десятки людей быстро пробежали мимо этого тихого и ничем не выделяющегося дома, думая о самых разных вещах – от того чем же они займутся сегодня в такую прекрасную погоду и вплоть до того, что же они будут есть на ужин.

Вдруг на весь квартал раздался звук клаксона, а затем чей-то возглас. Тут же Сол очнулся, встал с кровати, быстро одел-

ся и сонно посмотрел в окно. В ту же секунду в комнату вбежал Джефф, так как единственное окно, направленное в сторону дороги, находилось именно в отведенной для него комнате.

– Что стряслось? – спросил он у своего друга, однако никакого ответа не получил. – Что там происходит, что ты видишь!?

– Вдалеке, вижу, едет желтая машина, в ней – два человека, один из них с револьвером, на заднем сиденье мешок среднего размера, предположительно, с деньгами.

– Что им надо? Куда они едут?

– Больше никаких вопросов, товарищ, просто смотри. – ответил Планк и резво спустился на первый этаж, затем забежал на кухню, взял из специального шкафчика одну большую иглу и выбежал на улицу.

Паркинсону оставалось лишь наблюдать за происходящим.

Автомобиль стремительно двигался вдоль зданий, качаясь из стороны в сторону настолько сильно, что иногда даже казалось, что он вот-вот перевернется. Вся толпа молниеносно разбежалась в разные стороны, некоторые торговцы пытались удержать посетителей, другие в страхе прятались за свои палатки, птицы с дороги перелетели на фонари, другие люди, жившие дальше, недоуменно глядели на все это, и лишь желтый маслкар преодолевал любые препятствия на своем пути, с каждым пройденным метром увеличивая ско-

рость. Напротив него вдали остановился Сол. На его лице была интригующая улыбка, а одна бровь была приподнята.

– Что это за парень? – спросил у сидящего с ним рядом водитель машины, увидевши Планка.

– Ты ведь не собираешься его убивать? – тревожно спросил второй.

– У нас сзади несколько сотен, а то и тысяч долларов, мы не можем останавливаться.

– Что ты несешь, черт возьми! Останавливайся! Нам до него меньше сотни футов.

– Ну уж нет, я проделывал это ограбление не ради того, чтобы нас поймали! – уверенно произнес первый и еще сильнее надавил на педаль.

Сол понял, что его ждет, если он продолжит неподвижно стоять, потому приготовился осуществлять задуманный им план – он отошел чуть назад, к тротуару, наклонился так, чтобы одним коленом почти касаться земли, а с помощью второго быть готовым удирать, и стал выжидать. Не прошло и пяти секунд, как машина пронеслась в паре сантиметров от его головы, а затем резко повернула, сделала несколько оборот вокруг своей оси, и наконец, чуть не выехавши с дороги, остановилась. Теперь было очевидно – шина проколота ловким движением юнца. Через некоторое время из автомобиля вышел сперва водитель, а затем его напарник. Они были практически невредимы, лишь едва заметные царапины на руках выглядывали из-под закатанных рукавов. На их лицах

были предельно ясно выражены возмущение и негодование, что говорили сами за себя.

– Что вам надо? – спросил Планк, подойдя к ним.

– У нас такой же вопрос к тебе, мерзавец! – яростно крикнул один из грабителей, но не стал набрасываться на Сола, поскольку увидел стремительно приближающегося к ним Джона Донлона.

Он, по обычаю, шел в светло-кофейных брюках, рубашке того же цвета и темных очках, по которым его можно было легко распознать. Был он, как уже упоминалось, немолод, но вовсе не сед – наоборот, он был шатен, и его шевелюра виднелась из-под шляпы, какую обычно предпочитают носить люди его должности.

Шериф, подбежав, начал:

– Молодец, Сол, твои навыки все больше восхищают меня, но шину, конечно, жаль... Вы двое идите со мной, к Микку Бенсону. – завершил грозно он.

– Кто это? – спросили хором все трое.

– Новый детектив и мой помощник. Говорит, профессионал в своем деле, на счету у которого не одно интереснейшее дело! Ни одного упущенного преступника – вот что я называю мастерством! Правда, и стаж работы у него небольшой, но мне он показался довольно хорошим человеком. Честно сказать, не нравится он мне, слишком уж какой-то весь из себя... Но профессионализма у него не отнять, считай, что это мой новый заместитель, у которого есть доступ ко всему,

к чему есть доступ у меня. Все, хватит разговоров, за мной!

Джон и два несчастных преступника направились в полицейский участок, а Планк, как ни в чем не бывало, пошел в дом. На пороге его встретил Джефф, по всему виду которого можно было сделать предположение, что он сам не верит в то, что увидел.

– Что это был, Сол!? Как ты успел столь быстро и точно нанести удар иглой?

– У меня за спиной более шести лет скрытной и проворной жизни, и...

– Но я ни разу не видывал от кого-либо подобных... трюков, если позволишь так выразиться.

– Поверь, если на протяжении столького времени ты все время пытаешься найти изощренные пути выхода из не самых, честно сказать, приятных ситуаций, то опыт приходит сам собой. У меня сегодня ночью возник вопрос: известно ли кто давал показания, приведенные в статье?

– Точно нет, но мне известно то, что один из свидетелей, если конечно это был свидетель, был женского пола. Но о ней, думаю, искать отдельные статьи бессмысленно.

– Тут ты прав, нужно сперва навестить Стива Лоуна, но не забывай – еще не исключается, что именно он – виновник торжества, так как никакого алиби у него нет.

– Ты хочешь сказать, что он может оказаться убийцей?

– Я лишь не исключаю этого, ведь правило настоящего детектива номер четыре гласит: “Любой подозреваемый – по-

тенциальный преступник”.

– Нужно еще будет выяснить, что из себя представляет новый помощник Донлона.

– У него появился помощник!?! – удивленно и одновременно вопросительно воскликнул Паркинсон.

– Да, называется он Миком Бенсоном, я сам только что узнал. Шериф сказал, что он довольно опытный, но шерифу не почему-то не нравится.

– Нужно будет за ним понаблюдать. Так... когда мы пойдем к участку?

– Сперва я хорошенько поем, еще раз обдумаю дело, а потом – хоть куда! – широко улыбнулся Сол. – Даже в чашу, где волки, как не беги, тебя съедят, где зайцы, как не прыгай, тебя догонят, где орлы, как не лети, тебя схватят своими острыми когтями.

– Только не вздумай идти без меня, ведь все-таки мы напарники. – поддержал Джефф.

– Я и шагу не сделаю, не попрощавшись, зная что это последний раз, когда мы видимся.

– Меня это обнадеживает. – кратко ответил другой, тем самым завершив разговор.

Сол зашел внутрь, отведал самый изысканный завтрак из всех что когда-либо пробовал, а затем ушел в свою комнату. Там он провел приблизительно два часа, на этот раз раздумывая о том, чем могла заниматься Безликая Семерка и какие могли быть ее мотивы. Но к определенному выводу он

не пришел, потому как часто его мысли постепенно отдалялись от сути, что он сам иногда не замечал. Задумывался он о разных проблемах и дилеммах, но исключительно близкими и волнующими его. Это была как игра в пинг-понг: он задавал себе вопросы о жизни и смерти, на которые сам же и пытался ответить, часто не давая определенного ответа.

Вообще, Планку было не чуждо размышлять о когда-то совершенных ошибках, он, можно сказать, был мечтателем, который пытался все время изменить в себе что-то, хоть и понимал, что это к чему-то значительному в настоящее время, скорее всего, не приведет.

Пожалуй, ничто так не волновало Планка, как судьба тех, кого он больше не сможет увидеть. Время от времени он продумывал различный ход событий; как бы по-другому он мог поступить в тот последний день?

Примерно в полдень товарищи вышли из дома и направились к Донлону, а через десять минут были уже у самого участка. Он, как в любой другой день, охранялся двумя угрюмыми сторожами, которые, похоже, так и не выспались после новогодней ночи. У каждого в одном кармане был кольт и по ножу во втором, поэтому связываться с ними было не самой лучшей идеей. Здание было скромным, какому и полагается размещаться в отдаленном городе с населением в несколько тысяч человек. В нем было два этажа, но оба небольшие, на первом этаже располагались комнаты высокопоставленных лиц, где, если им было угодно, они могли

взять показания, и комната для допросов, а на втором этаже бывали только сами блюстители закона, потому никто кроме них даже представления не имел что там творится.

Сол сперва из вежливости постучался, а затем, не дожидаясь пока кто-нибудь откроет, сам отворил дверь и ступил в входную комнату, захватив за плечо Джеффа. Второй, зашедши, изумился всему происходящему: два полицейских играли в карты, другой, судя по всему, хмельной, полулежа на единственном в холле стуле, изучал с необычайным интересом недавно выданную ему полицейскую дубинку, третий – имитируя рабочий процесс, издали наблюдал за игрой первых. Лишь единственный человек порядочно выполнял свою главную обязанность – встречать и вселять надежду в пострадавших, что посещали это место только в крайних случаях. Этим человеком был никто иной как Джон Донлон, который важно стоял у входа и задумчиво глядел куда-то в стену.

– Здравствуйте, сэр!

– А-а, что за черт!? – испугался он. – А, это ты, Сол. Мы ведь недавно виделись, что-то случилось? Кто это с тобой?

– Это мой друг – Джефф Паркинсон. Он никогда не был тут, и я решил взять его с собой, показать, что значит “криминальная жизнь”!

– Ха-ха! Криминальная жизнь уже давно не та. – начать вспоминать Донлон. – Вот десять-пятнадцать лет тому назад, когда я был еще очень молод – вот тогда-то я ездил по горо-

ду и выискивал преступников один за одним. А сейчас что? Максимум один жулик в две недели. Ну... если повезет, может какие-нибудь грабители и посерьезнее, как сегодня, например.

– А у вас сейчас обеденный перерыв?

– Нет, ни в коем случае! Перерывов у нас не бывает, мы ведь настоящие профессионалы!

– А что тогда вон те делают? – указал на играющих Планк.

– Они... да так... в карты играют, я что, помешать могу что-ли? Ну захотели поиграть, пусть и играют. Пойми, юнец, наша жизнь уже ничего не стоит. Эта форма, эти машины, звания – все это исключительно для вида.

– Почему же тогда вы не уезжаете отсюда, чтобы опять начать насыщенную жизнь?

– Я предан этому месту, я работаю здесь дольше любого другого и ни за что не уеду. – настойчиво, но с тоской сказал Джон и утих.

Наступило молчание, продлившееся несколько минут. На протяжении них можно было только услышать недовольные возгласы одного из игроков и радостные восклицания его противника.

– Зачем вы пришли? – успокоившись, спросил шериф.

– Мы хотели познакомиться с Миком Бенсоном, о котором вы говорили сегодня утром. – немного растерянно произнес Сол.

– М-и-и-и-к! – прокричал шериф.

Тут же с лестничного прохода выскочил мужчина лет тридцати. У него были длинные закрученные усы, зеленые глаза и вздернутый нос. Остальные черты лица были, можно сказать, милы, и ничем не подозрительны. Кроме того, он был достаточно высок и потому смотрел на всех слегка с высоты, что придавало и без того уверенной персоне еще большую решительность. На нем была черная рубашка и брюки, а также пояс, закрепляющий оружие.

– Да, сэр! Новое задание? – спросил он, подойдя к Донлону.

– Нет, Бенсон, тут пришли наши постоянные гости, и они хотят узнать о тебе побольше.

– О, да, конечно! Я полагаю, это вы, правильно? – обратился Мик к стоящим у двери ребятам.

– Да, сэр, можете ли вы рассказать о том как вы здесь оказались, о своей должности, и, может быть, кратко о своем прошлом?

– Разумеется, но все по порядку: до прибытия сюда я жил в городе, что находится очень и очень далеко от этого места. Точнее, я жил в деревне неподалеку от того города, но это не суть важно. Весной четыре года назад я приехал сюда, чтобы наконец-то устроиться на работу, поскольку в моем прежнем месте проживания конкуренция была невообразимая. Так, проработав не в одном городе, я, как мне кажется, наконец нашел тот самый, где смогу приносить наибольшую пользу. Теперь я местный детектив и помощник шерифа. Я

буду заниматься расследованием крайне серьезных дел, если, конечно, мне будут позволять это делать. У меня есть доступ к информации обо всех проживающих на улице, кто куда выезжал и заезжал. Отчеты ведутся каждый день, и, поверьте, ни один злодей не сбежит от меня. – заключил, хитро приподняв брови, Бенсон.

– Вы сказали у вас есть доступ к информации о всех жителях. Можете ли вы нам тогда сказать, где живет мистер Стив Лоун. – спросил один из приятелей.

– Стив Лоун? – озабоченно неожиданным для него вопросом спросил Бенсон.

– Да, он вроде бы живет на нашей улице.

– А зачем вам это знать? – продолжил настаивать на своем тот.

– Мик, им просто интересно в каком доме он живет, назови улицу, дом – и все. – повелел Джон.

– Сейчас посмотрим. – тот достал из кармана свой блокнот и начал листать его в поисках нужной фамилии. – Да, вы правы, ваша улица, дом номер девять. Вот видите – теперь вы точно уверены, что ни один из преступников от нас не уйдет! – оптимистично воскликнул помощник шерифа и убрал обратно свою записную книжку.

Все они обменялись несколькими приятными друг другу фразами, как принято при первых встречах с незнакомцем, затем попрощались и каждый пошел куда ему надо. Наши герои вышли на улицу и на пару секунд остановились.

– Исчерпывающая у него история, не так ли, Джефф? – спросил Сол у своего друга.

– Определенно... – ответил Паркинсон и потопал к дому, а за ним вприпрыжку поспешил и Планк.

Весь оставшийся день Джефф обдумывал как бы им лучше допросить Лоуна, пока Сол просто развлекался и наслаждался жизнью в предвкушении следующего шага к раскрытию дела. Паркинсон был не только сообразителен, но и любопытен и предусмотрителен, как его сестра – ему было важно знать все обстоятельства ситуации. Поэтому он незамедлительно предложил Солу идею сперва тщательно осмотреть дом свидетеля хотя бы снаружи, на что получил его одобрение. Они обсудили план и решили – на следующий день в семь часов вечера, на закате, у дома номер девять.

Никогда раньше я и не вообразил, что буду заниматься расследованием столь непонятного и мистического дела, а сейчас, кажется, нахожусь в опасной игре, где проиграет тот, кто будет медлить. Любое малейшее замедление может привести к глобальной катастрофе, а любая ошибка может стоить нам провала всего расследования! Эта гонка за справедливость – единственное, что дает мне возможность жить так, как я желаю.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Глава 2

Ничто так не могло вдохновить моего напарника, как мое одобрение его идеи. Как мне показалось, именно с того момента он начал интересоваться делом настолько же сильно, насколько и я. Думаю, тогда и началась наша история расследования этого загадочного дела, которое с каждым днем становилось лишь непонятнее и расплывчатее. Мы знали всю улицу наизусть, каждый дом был нам знаком, поэтому расположение нужного нам дома было известно, что намного упрощало его обыск.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Наступил тот самый день, когда задуманный юными детективами план по изучению дома должен был осуществиться. Они знали, что каждый вечер Лоун куда-то уходит, закрывая за собой входную дверь, но оставляя одно из окон, направленных в сторону леса, открытым, скорее всего, чтобы комната освежилась. Оно располагалось на втором этаже, поэтому забраться туда было непросто, однако с наружной стороны стены были уступы, по которым можно было до него добраться. Еще было известно, что в доме никто другой не живет, так как, уходя, Стив выключает свет во всех комнатах. Последнее, что удалось выяснить – это то, что в доме был

чердак, потому что регулярно по утрам можно было услышать какие-то шаги, доносящиеся из-под крыши. По всем этим данным можно было сказать, что дом этот ничем не отличался от самых обыкновенных, что тихо и мирно ютились на улице. Последние Сол знал как свои пять пальцев, поэтому был уверен в плане как никогда раньше, а если учитывать, что с планами в прошлом он сталкивался чуть ли не каждый день, то можно было считать его почти идеальным.

Перед самым выходом друзья опять повторили план, собрались с силами и вышли из дома. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и было похоже на то, что Лоун уже ушел. Они еле слышимыми шагами пробрались за дом, где, как и предполагали, увидели распахнутое окно, а под ним – как будто бы специально выложенный ряд выступающих вперед кирпичей. Джефф пошел первым: одной рукой он схватился за дождевую трубу, а другой за первый уступ, и начал лезть вверх. До заветного окна от земли было примерно пять метров, что несколько пугало Паркинсона, но он уверенно продолжал взбираться все выше и выше. Вот он преодолел уже первый этаж, как часть одного из кирпичей, на которую Джефф опирался ногой, треснула и обрушилась на землю. Тот должен уже был полететь вниз головой вслед за обломком, но юнец не растерялся, быстро оттолкнулся другой ногой, подпрыгнул и схватился руками за отлив окна. Через секунду ничего не угрожало его жизни – он перелез через раму и очутился в спальне. Сперва Паркинсон прислу-

шался, а затем шепотом обратился к Солу:

– Давай, залезай! Это спальная комната, в доме вроде бы никого нет.

Планк аккуратно преодолел пару метров и затем, при помощи Джеффа, тоже попал в комнату.

Она была мрачна и в ней практически ничего нельзя было разглядеть, ибо попадало в нее крайне мало света. Напротив окна стояла дверь, поэтому ее очертания были еще немного различимы. Джефф тихо открыл дверь и собрался идти в другую комнату, как вдруг Сол удивленно воскликнул:

– У него в шкафу револьвер! Мы имеем дело не с таким простым, как мы думали, человеком.

– Что? – обернулся другой. – Зачем он его там прячет? Ладно, нам надо идти дальше, нет времени уделять этому слишком много внимания и времени. В конце концов, у каждого здесь припрятано по два пистолета в доме. Давай как мы договаривались: ты идешь на первый этаж, я обыскиваю этот. Сначала проверяй то, чего бы не стал проверять, а лишь после этого – все остальное.

Планк отправился вниз, а Джефф остался изучать комнату, в которую вошел. Они сначала проверили видные места, а затем приступили к более затаенным: к полкам, различным тумбам, шкафам. Ничего существенно заинтересовавшего их они не обнаружил, поэтому решили, что уже самое время покидать дом. Планк поднялся по лестнице и подошел к Паркинсону, стоящему у самого окна. Внезапно из-за угла

вышел полицейский. Солу не было знакомо его лицо, поэтому он моментально скрылся за стеной, что повелел сделать и своему напарнику. Незнакомец обернулся в сторону дома и остановился. Он несколько секунд подозрительно безостановочно смотрел на стрелку тикающих часов, а затем пошел дальше, будто ничего и не видел.

– Он ушел, нам надо бежать пока не поздно.

– Точно ушел? – переспросил Джефф.

– Точно. Давай, вперед!

Через несколько минут в дом вошел Лоун. Товарищей к этому времени уже и след простыл, а вместе с тем исчезли и все улики их пребывания в доме.

Вернувшись, друзья первым делом начали обсуждать все произошедшее.

– Что ты заметил? – спросил Сол у Паркинсона.

– Различные письма и ключи, больше ничего.

– Понятно, – сказал Планк, записывая сведения в книгу, – Я обнаружил печатную машинку, поэтому делаю предположение, что он автор или, возможно, журналист.

– Угу. – согласился Планк.

– Я так понимаю, никто из нас больше ничего необычного не увидел.

– Да, судя по всему так. – подтвердил Джефф.

– Тогда надо подготовиться к допросу. Мы уже хорошо знаем его дом, поэтому нахождение там не станет для нас проблемой. А вот что будет действительно сложно, так это

произвести сам допрос. У нас нет никого, кто бы мог его провести? – задумался Сол.

– Нет, но у нас есть улики, не выгодные для Лоуна. – с намеком предложил Паркинсон.

– Ты предлагаешь поставить его в такое положение, чтобы он казался виновным?

– Именно! Но это только для того, чтобы он нам все рассказал, мы ни в коем случае не будем ему этим угрожать.

– Это хорошая идея. Но что, если он не придаст должного внимания уликам и просто выгонит нас?

– Я не думаю, что человек, если он в своем уме, станет выгонять людей, которые имеют весомые показания против него.

– Но только если он в своем уме. Предлагаю завтра в полдень. Любой день малейших замедлений может привести к полному провалу всего дела. – настойчиво произнес Сол.

– Завтра в полдень. – кивнул головой второй и ушел в свою комнату.

Ровно через час, когда уже было довольно темно, послышался чей-то стук. Паркинсон быстро подошел к двери, отворил ее, но никого не увидел. Затем он посмотрел вниз и заметил небольшую бумажку, лежащую на траве. Он подобрал ее и увидел надпись, как будто нацарапанную каким-то острым предметом. На буквах были разные неаккуратные завитки, линии их неожиданно прерывались, поворачивали и некоторые даже доходили до края листа, будто падая в беско-

нечную пропасть с обрыва. Джефф быстро прочел записку, но она его нисколько не испугало и не вызвала подозрений – такие явления были не редкостью. “Наверное, опять кто-то пытается нас запугать”. – подумал он, выбросил записку в первую попавшуюся урну и решил никому об этом случае не говорить.

На ней было начеркано:

“Уезжайте из города. Немедленно!”

Вечер сменился ночью, удивительно темной ночью. Во время нее можно было наблюдать полнолуние, в которое различные преступники, желающие быть похожими на героев эпоса, любили совершать свои черные делишки, так как считали это лиричным и несколько поэтичным, поэтому ожидать, что ничего не произойдет, было довольно опрометчиво. На удивление, эта ночь хоть и была богата на преступления, пролетела незаметно. Первый солнечный свет ознаменовал приход нового дня.

Сол проснулся рано, поэтому к восьми часам был уже полон сил. Он не сразу вспомнил о чем договаривался с Джеффом, поэтому сначала решил выйти на улицу и, может быть, если удача повернется к нему, кого-то обворовать. Он взял самодельную побрякушку, чтобы, в крайнем случае отвлечь

нежелаемых наблюдателей и отправился на поиски сокровищ, как он сам любил называть свое увлечение.

Весь город опять был смятен: кто-то бежал на работу, кто-то метался между купеческими лавками, а кто-то пользовался этим и незаметно продумывал свой хитроумный план, как например, Планк. Он прибежал на площадь, спрятался за бревнами, за которыми должны были вот-вот приехать местные крупные торговцы деревом, и стал пристально смотреть на всех, тратя на одного человека примерно по пять секунд. За это время он мог понять куда направляется человек, какой у него настрой, каков шанс украсть у него что-то и иногда даже какая у него должность. Внимание Сола привлек один покупатель, который яростно спорил с купцом. Даже на расстояние в десять метров можно было услышать их гневные возгласы. Планк начал внимать их разговору, чтобы понять о чем идет речь:

– Оно должно стоять вдвое меньше! Я не вижу в нем ничего необычного – кольцо как кольцо!

– Вы не понимаете, оно сделано из настояще...

– Это обычное кольцо, вы не можете продавать его за такую большую цену!

– Но поймите, я не могу продать вам...

Вдруг в поле зрения юноши попало то самое кольцо, о котором велась речь. Оно было точно из серебра и с искусно обработанным изумрудом, лучи в котором преломлялись и отражались в разные стороны. “Откуда он его достал?” –

именно эта мысль затаилась бы у каждого, кто увидел это украшение у простого купца. Страсть к блестящему у Сола появилась еще с раннего детства, и он не мог упустить такой шанс заполучить столь редкую драгоценность, а потому выпрыгнул из-за укрытия и устремился в сторону ценности. Он подбежал к ларьку и понял, что рядом много людей, которые с легкостью обнаружат его, поэтому, долго не думая, бросил свою погремушку в противоположную сторону от палатки, где располагались другие магазины. Все как один обернулись, а Планк неуловимо схватил кольцо и побежал со всех ног меж толпы, преодолевая любые препятствия на своем пути. Не прошло и десяти секунд, как сзади него слышался жалобный крик торговца, ищущего свое кольцо, которое теперь для него ничего не стоило. Но Сол уже бежал своей дорогой навстречу новым приключениям, а точнее – к своему дому, где его ожидал верный друг.

По прибытии домой Планк принялся записывать все важные детали в книгу, пока он не забыл всю суть его похождения. Он давал сугубо важную информацию и описывал только те моменты, которые, как он считал, имели наибольшее значение и влияние на весь процесс расследования. Сол представлял и воспринимал свое детище как подсказка, своеобразный набор улик для других смельчаков, что захотят раскрыть дело о Безликой Семерке, и еще никогда не задумывался о том, что его труды станут финальной точкой для существования окутанной тайной группировки. Он ни-

когда даже не задумывался о полном завершении дела, так как понимал, что распутать клубок нескончаемой нити исходя только из слухов практически невозможно. Планк был красноречив и использовал слова исключительно литературные, избегая всяческих неподобающих выражений, чтобы приблизиться к максимально научному и в некоторых случаях публицистическому стилю. Он повествовал о каждом событии строго по хронологии его происхождения, сохраняя всю ясность туманного положения дела.

И пусть иногда все обстоятельства склонны помешать тебе, ты никогда не должен забывать, что если ты остановишься, то все сделанное до этого миг станет ничтожным.

Пусть эта мысль и кажется немного посредственной, я убедился в этом на примере одного человека, с которым мне пришлось столкнуться. Из книги "Дело о Безликой Семерке"

Без четверти двенадцать Сол и Джефф были полностью готовы, но следуя по своему плану, они решили дождаться ровно полудня, заняв себя безотрадным наблюдением за небогатой в городе природой, предстающей в виде нескольких кустов и все того же одинокого кизила.

Пробил час. Минутная стрелка часов совпала с часовой, и через семь с половиной минут друзья стояли прямо перед

дверью тихого дома. Теперь, когда они находились ровно перед ним, он казался намного выше и загадочнее, чем прежде, но ничто не могло испугать их в тот момент. Сол трижды позвонил в дверь и стал дожидаться, пока кто-нибудь не откроет. Не прошло и пяти минут, как дверь с противным скрипом распахнулась, а за ней показался пожилой человек.

На вид он был человек недобрый, суровый, не желающий иметь разговор с неизвестными ему подростками, и вообще казалось, что он проклял все на свете еще очень давно. Однако янтарные глаза его были бесконечны и, что называется, умны и веселы. Он басом начал:

–Здравствуйте, вы, наверное, ошиблись домом...

–Ни в коем случае, сэр. Вы ведь мистер Лоун, да?

–Так, и что дальше?

–Мы пришли к вам с довольно серьезным делом, о котором вы возможно уже и позабыли. – настойчиво начал в ответ Планк.

– Хватит с меня этих шуток, детишки. До свидания и счастливого денечка! – чуть было не закрыл дверь старик, посчитавший все это несерьезным, но Джефф успел своей проворной ногой заполнить место между ней и стеной.

– Вы, кажется, нас не так поняли, сэр. Мы пришли по делу о Безликой Семерке.

– Не смешите меня! Уже прошло больше пяти лет, а кто-то до сих пор помнит об этом? – чуть более озабоченно сказал тот.

– Разрешите нам войти, и вы нам все расскажете.

– С какой стати я должен вам что-то рассказывать? – возмутился Стив.

– У нас есть весомые показания против вас.

Тут пожилой мужчина будто прозрел, его губы стали дергаться, а речь стала менее понятной, однако он, сохраняя уверенный вид ответил:

–Л-ладно, не знаю зачем вам вся эта информация, но так уж и быть, зах-ходите.

Ребята вошли в полутемный дом, и Лоун громко хлопнул дверью, будто хотел напугать своих неожиданных гостей. Лишь одна лампада на небольшом круглом столике горела в гостиной, а среди всего мрака были видны только контуры почти неразличимых предметов мебели.

– Что ж, давайте по порядку, – начал Планк. -В семьдесят девятом произошло убийство, которое многие связывают с появлением в том же году некой Семерки, о которой, мы полагаем, вы слышали и не раз. Так вот, на месте происшествия были обнаружены следы, которые протягивались по лужайке вплоть до начала дороги, перейдя которую можно было наткнуться на ваше жилище. Затем они резко обрывались, но это неудивительно – машины ездят по этой дороге каждый день десятки раз, а с момента преступления до попадания известия в массы о замеченных следах прошло ни много ни мало три часа. Это пока все, что мы знаем, но надеемся, что вы сможете рассказать нам поподробнее о том, что произо-

шло в тот ужасный день.

– Многого, боюсь, рассказать я не смогу, потому что я попросту почти ничего не знаю о случившемся. Но все же некоторые детали у меня есть. В тот вечер я услышал прозвевший выстрел, который чуть было не оглушил меня, и я сию же минуту побежал к дому, как мне помнится, номер тринадцать. Я бежал вдоль тропинки, чтобы никто не услышал моих шагов, и добравшись до нужного места, я лицезрел бездыханное тело, истекающее кровью, но не увидел его лица. В тот момент я был сильно испуган и шокирован, и вдруг я услышал странный звук, похожий на щелчок, на секунду у меня даже пронеслась мысль, что меня ждет та же участь, но я оглянулся и увидел человека в черной накидке, в руках у которого был переливающийся лунным светом кольт. Он убежал от меня в чащу леса, и я его больше не видел.

– Вы точно больше ничего не знаете об убийце или, например, о других свидетелях?

– Там... был еще один человек, у него тоже было оружие, но я не думаю, что он был причастен ко всему этому. Он стоял вдалеке и прятался за углом, как будто бы хотел помочь, но не мог.

– Вы помните как он выглядел?

– Он находился далеко, но его безнадежный взгляд до глубины души поразил меня настолько, что я, думаю, запомнил его черты лица надолго. Он был высокий и худощавый рыжий кудрявый молодой человек с карими глазами, длинным

носом и тонкими бровями. На нем был то ли синий, то ли фиолетовый свитер, и самые обыкновенные серые брюки. Я до сих пор не могу понять, что связывало их с этой *чертовой* Фрэнсис Шенк...

– Кем-кем? – полюбопытствовал Джефферсон.

– Фрэнсис Шенк, необыкновенной пронзительности женщина... – его взгляд потерял всякий смысл, глаза бездумно были направлены в пол. – В общем, неважно...

Планк не понимал, что заставило его окончить разговор. Он мог бы расспрашивать еще и еще, но остановился. Может, он увидел в душе Лоуна печаль и тоску, а, может, и сам не желал слышать больше.

– Хорошо, большое спасибо. Если что-нибудь выяснится, мы вам обязательно сообщим.

– Ну уж не-е-е-е-т, не хочу вспоминать эти времена. Дрожь пробегает, когда думаю об этом. Все, малыцы, уходите отсюда быстрее, пока я опять не взбесился. – весело, но с угрожающим оттенком вымолвил Стив. – И еще: если вам понадобится еще большая информация обо мне, то вот, держите. – он протянул Солу газету с незамысловатым заголовком и, дождавшись пока гости его выйдут, запер дверь.

Ближе к вечеру начинающие детективы устроили дискуссию на тему того, являлся ли Стив Лоун истинным убийцей, или же он и вправду свидетель сего кошмара. В точности описанное лицо другого наблюдавшего наводило их на мысль о том, что это мог быть сообщник убийцы, и все это

хорошо спланированное преступление, и все доводы о том, что Стив виновный, моментально разрушались вдребезги. Первый факт, что мог указывать на причастность Лоуна это то, что он намеренно шел тихо, чтобы, как он сказал, его никто не услышал. Недолго поразмыслив они пришли к логичному заключению, что он просто не хотел попасть на глаза преступнику. Второй же – это серебряный револьвер, который друзья решили списать на случайное совпадение, тем самым уверенно вычеркнув пожилого человека из списка подозреваемых.

Позже этим же днем Планк решил прочесть врученную ему бумагу. Он достал ее из кармана и начал шепотом, как бы донося себе:

“Лоун родился в тысяча девятьсот девятнадцатом, в семье известных парфюмеров, чья компания существовала уже более двухсот лет. Он был самым обычным мальчишкой-хулиганом, любящим бездельничать и проводить целые дни в опасных закоулках. Для него детство пролетело совсем незаметно, и, не окончив учебное заведение, он был вынужден искать нетрудную работу, за которую мог бы получать хоть какие-то средства для проживания. Он пробовал одну должность за другой, и каждый раз он покидал новое место спустя месяц, если не меньше, так как заниматься тем, что ему совершенно не нравилось, он не мог. Единственное, что у него было на тот момент – фирма его предков, дело которой он очень не хотел продолжать. Но обстоятельства вынудили

его попробовать добиться успеха на именитой фирме, и, на удивление!, ему это ужасно понравилось. Он стал продолжателем многовекового производства парфюмов, за несколько лет сколотив на этом состояние такое, какое позволяло ему прожить оставшуюся жизнь, ничего не делая. Так из измученного жизнью он превратился в избранника судьбы, и, казалось, жизнь его прожита не зря, но, как это бывает, после продолжительного успеха следует череда неудач, какая свалилась и на Стива. В один день все акции его компании упали из-за развития невероятно успешной новой фирмы, и Лоун понял, что его дело полностью изжило себя, поэтому решил на несколько месяцев уехать из города, чтобы обдумать все. Однако его пребывание вне города затянулось на долгие годы, и по возвращении он не смог совладать со всеми давними проблемами, и чтобы навсегда забыть о совершенных ошибках, решил и вовсе забросить компанию”.

Дочитав, он опять посмотрел на лист целиком, охватывая его всем своим взглядом. Тот был измят и оборван, и глядя на него, Планк вообразил зрелище, описанное Стивом. Все для него показалось несущественным и совсем незначительным. А может, сам он захотел видеть мир таким, чтобы навсегда забыть о всем том ужасном, с чем ему приходилось сталкиваться в своей молодой, но такой израненной жизни.

Лоун протянул нам статью с названием “История взлета и падения”. Она была совсем небольшой, и в ней почти не

было полезной информации, но прочитав историю этого человека, мы могли судить о его мотивах и побуждениях, которые являются неотъемлемой частью любого злодеяния, совершенного когда-либо человеком.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Глава 3

“Иногда, чтобы понять, что происходит, надо лишь потерять контроль над ситуацией, и поплыть по течению”

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Вновь улицу захватила императрица-ночь. Звезды будто надвигающимися войсками возникли из ниоткуда и становились заметны одни за другой в бесконечном порыве ветра, подгоняемые предводителем месяцем, бьющим своим хлыстом впереди бегущие напрямик кометы и озаряющим молочным светом окошмаренные дороги. Один лишь ворон сидел на крыше дома и наблюдал за уходящими вдаль яркими белыми точками, а вскоре и приходящими потоками света, которые предвещали приход зари и наступление нового дня.

Сол, опять не представляя что его ждет сегодня, проснулся за час до того времени, когда их сосед, как это обычно бывало, включал граммофон, звук которого раздавался на всю улицу, и оставлял его включенным до того момента, пока кто-нибудь не придет и трижды не проклянет его со всеми тонкостями скверных выражений.

Планк решил проведать своего соседа по комнате. Тот спал как мертвый и было похоже на то, что просыпаться в ближайший час и не собирался, поэтому Сол решил не тре-

вожить своего товарища, и потому пошел в свою комнату, занятый своими мыслями о предстоящих его действиях. “Что будет дальше, что нам делать и к чему все это приведет?” – такие вопросы часто пугали его, но не задаваться ими он просто не мог. Незвестное будущее вызывало у него необъятный интерес, но страх оступиться брал вверх, и потому Планк любил придерживаться тактики “Нет плана – нет и плохого плана”, и очень редко составлял трудные цепочки раньше времени, а если и составлял, то уж определенно не придерживался их в абсолютной точности. Будучи человеком любящим рассуждать на любые абстрактные темы, он, бравшись за вопросы чересчур нуждающиеся в подробном ответе, никогда не давал единственного такового, так как предпочитал смотреть на сам вопрос с разных сторон, дабы приблизиться к максимальной объективности своих суждений, но к своему сожалению, не всегда ему это удавалось.

Сол, проведя два-три десятка минут в своих думах, наконец с намерением разбудить Джеффа, снова направился в его комнату.

Он, вообразив себя настоящим полицейским, распахнул дверь настолько сильно, что та быстро достигла противоположной стороны стены, ударилась о нее и с не менее большой скоростью столкнулась с лицом вошедшего. Планк в ту же секунду упал с таким грохотом, что тотчас же разбудил Паркинсона, который не мог удержать смеха от представшей перед ним сцены. Он встал с постели и весело сказал:

– Тебе без меня уж точно никуда нельзя. И тем более уж в лес, где волки, как не беги, тебя догонят, где зайцы, как не прыгай, от тебя убегут, где орлы, как не лети, тебя унесут в голубую нескончаемую даль.

– Это точно. – начал поднимаясь другой. – У нас на сегодня есть одно важное дельце, поэтому давай собирайся, а как будешь готов – трижды громко произнеси мое имя.

– Мм; а почему трижды? Это какое-то правило детектива... или, может быть, тайный обряд? А может, ключ к шифру Цезаря?

– Что? – не расслышал Сол.

– Ну... это способ шифровки, когда мы заменяем буквы в фразе на буквы, следующие на какое-то установленное количество букв вперед. Например, чтобы зашифровать слово... ну не знаю... шкаф, ты можешь написать “циют, 3”. Так, буква “ц” заменяется на букву в алфавите, следующую через два шага после нее, то есть “ш”; “и” заменится на “к”, и так далее. Понимаешь? Есть еще шифр Виженера, когда ключом к ответу является не цифра, а целое буквенное выражение. В таком случае, каждой букве исходного сообщения соответствует число шагов, которое необходимо сделать, чтобы получить нужную букву. Ну так что, зачем нужно произносить это три раза? Мои предположения, как всегда, верны?

– Н-нет, я просто хотел придать этой фразе немного загадочности и таинственности. Ну... как это обычно делают в различных фильмах главные герои. Если не хочешь трижды,

то можешь и один раз, это не имеет никакого значения. Главное – громко. – закончил Планк, озадаченный объяснением товарища, и ушел читать газету, всякий выпуск которой он забирал каждое утро из почтового ящика, что стоял около крыльца.

Джефф пошел на кухню, хорошо позавтракал, и на всех парах метнулся собираться, в предвкушении того, что же задумал Сол.

Спустя несколько страниц я вспомнил, что толком ничего не рассказал о себе. Что ж, пора это исправить. Я – Сол Планк – зеленоглазый, среднего роста с чуть вздернутым носом самый обычный мальчишка. Ну, сейчас, я скорее всего, уже пожилой человек или по крайней мере взрослый, но я в этом не уверен. Думаю, о моем прошлом вы уже знаете достаточно, ведь слухи обо мне разлетелись по всему городу. Но я уверен, что многое из моей биографии знаю только я, поэтому поведаю вам о себе чуть больше. Я родился в тысяча девятьсот семидесятом, в самой обычной деревне неподалеку от города, в котором сейчас проживаю. Та деревня не выделялась ничем особенным, и ничего не притягивало меня к ней, но единственное что запомнилось мне оттуда – это своеобразная атмосфера постоянного ощущения опасности и осознание своей беспомощности. Наш дом находился на окраине далеко от всех других, поэтому около него почти никто никогда не проходил. Все то время, пока я жил там,

а это примерно четыре года, я чувствовал, что необъяснимая для меня тяга к городу что-то да означала. И только теперь, кажется, я понял что это было. Через четыре года после убийства моих родителей, о которых я совершенно ничего не помню, мы переехали в город, и жизнь для меня заиграла новыми красками, невиданными мною когда-либо до этого. В тот же год у меня появились первые товарищи и друзья. С раннего возраста я полагал, что друзей может быть невообразимо много, но чем старше ты становишься, тем больше ты это опровергаешь и даже разочаровываешься в этом утверждении, так как бывает, что люди, которые кажутся тебе близкими настолько, что ты готов пойти на все, чтобы не потерять их, вонзают тебе холодный кинжал в спину и отдаляются навсегда, оставляя только воспоминания о том выходящим хорошим времени, что ты провел с ними. Но не будем о грустном – в шесть лет я пошел в школу, где более чем преуспевал. Тогда же у меня и появилась приязнь к чтению, но, преимущественно, детективам и пьесам, зачитываться которыми я мог до потери памяти. На пятом году моего обучения, после которого моя жизнь ничем не отличалась от жизни обычного человека, я познакомился с Джексоном Паркинсоном – моим верным напарником, который в конце нашего расследования погиб. Шучу!.. А, может быть и... хотя... оставим это на размышления читателю.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Через пятнадцать минут друзья вышли из дома и по указанию Сола направились в полицейский участок. Джефф любопытно расспрашивал Планка в ожидании того, что он скажет причину задуманного им похода. Но на все задаваемые ему вопросы он лишь строил задумчивую гримасу и, стараясь сохранять все черты мудрого человека, отвечал что-то вроде “ни один путь не ведет в небытие – все они обязательно приведут нас к чему-то стоящему”. В ответ на эти чудаковатые цитаты Паркинсон лишь недоумевая косился на коллегу и замолкал. Так повторялось несколько раз за время всего пути, пока они, наконец, не приблизились к отделению. Оно, как и в любой другой день, выглядело более чем одиноко и ничтожно.

Сол уверенно зашел в здание и опять восхитился всем происходящим – все те же два полисмена играли в бридж, но уже вместе с двумя другими стражами порядка. Другой сидел на соседнем столе и внимательно наблюдал за игрой, чтобы, по всей видимости, избежать нечестной игры. А судя по их лицам, азарт у всех был немалый, поэтому ожидать можно было во время игры чего угодно. Донлон же изменил свое прежнее место – теперь он важно сидел на своем изысканном кресле рядом с круглым непримечательным столом и тихо покачивался из стороны в сторону, очевидно, не заметив вошедших. Паркинсон, зашедши после Сола, отпустил дверь, и та, расположенная в сторону дуновения ветра, за-

крылась, издав настолько громкий хлопок, что все в комнате как один обернулись в сторону ребят.

– Эм... здравствуйте! – без замедлений поприветствовал всех Планк.

– Знакомьтесь, это – Сол Планк и... – запнулся Джон, приветствуя вошедших, так как с другом своего приятеля был знаком лишь понаслышке.

– Джефферсон Паркинсон. – подсказал Джефф.

– И Джефферсон Паркинсон, они – частые посетители этого злосчастного местечка.

Подождав еще немного, все обратно отвернулись и продолжили играть, а Донлон завязал разговор с вошедшими.

– Случилось что-то неприятное или вы опять решили поговорить? Если второй вариант, то мне придется вас огорчить – ничего нового вы не узнаете.

– В этом я не уверен. – возразил Планк. – Можете, пожалуйста, позвать своего помощника?

В ту же секунду шериф, как и в прошлый раз, прокричал имя своего нового коллеги, который не заставил себя долго ждать. Он в ту же минуту спустился на первый этаж и подошел к своему, как он сам любил называть Джона, боссу. Однако он заметно отличался от того, каким был на предыдущей встрече – в этот раз он выглядел намного озабоченнее и задумчивее, его глаза часто метались из стороны в сторону, избегая встреч с чьим-то чужим взглядом.

– Это опять те дети... – бессильно тихо сказал он.

– Сэр Мик Бенсон, можете ли вы нам предоставить информацию о доме номер тринадцать, живет там сейчас кто-то или нет? – назойливо спросил Планк.

– Мы не можем разглашать информацию подобного рода – таков закон.

– Но вы ведь рассказали нам, где живет Стив Лоун. – заметил другой. – А значит, уже нарушили его.

– Да, но это не имеет никакого отноше... – пытался отойти от ответа Мик, будучи преданным всем правилам и постановлениям.

– Ладно, ладно! Никогда не думал, что буду это делать, но все же. – понимая, к чему идет разговор, произнес Сол и начал рыскать в кармане своих брюк в поисках чего-то. – Нашел!

Планк показал Бенсону серебряное кольцо с изумрудом и коротко повторил вопрос:

– В доме тринадцать кто-то живет?

– Вы думаете, что из-за простой безделушки я раскрою вам запрещенную информацию?

– Это вовсе не безделушка – кольцо из настоящего серебра с изумрудом, истинный раритет! – заманчиво прошептал Планк.

Донлон стоял, не говоря ни слова, и неотрывно смотрел на очаровавший его зеленый камень. Вдруг он, резко ободрившись, обратился к Бенсону:

– Стоит подумать, не правда ли? Такая редкость, и ты еще

смеешь сомневаться?!

– Ваша взяла, детишки, в доме номер тринадцать никто не живет. – смотря в пол откровенно сказал Мик, соблазненный дорогой вещцей.

Сол положил кольцо на стол, продолжая удерживать его пальцами.

– А рыжих у вас тут не видали? – отрезал он.

– Ну уж рассмешил, Сол! Рыжеволосых ты и в городе не сыщешь, а в участке-то и подавно! – задорно ответил Джон.

Рука Планка оторвалась от драгоценности, а сам он дважды похлопал друга по плечу, давая знак, что пора уходить, открыл дверь и вышел из здания с такими важными, но выглядящими незначачими словами: “До скорой встречи!”.

Как мне кажется, Донлон в тот момент помог нам не из-за того, что жажда богатств заточилась у него глубоко в душе, а из-за увиденной в моих глазах беспомощности и расстройтва, какое легло на мое сердце при первой чуть не случившейся в нашем расследовании неудаче.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Все то время, пока друзья возвращались, улица постепенно наполнялась людьми, их голоса все больше и больше заполняли этот некогда тихий квартал. Ни в какой из предыдущих годов в этом городе не было столько много людей, как этим летом, в которое, казалось, все вдруг решили посе-

тить сей одинокий уголок. То и не странно – он находился не так далеко от порта, откуда каждый день в определенное время отходили и прибывали торговые корабли. Словом, оттуда отбывали и пассажирские судна, но их было значительно меньше, так как, честно говоря, небывалых красот вблизи здешнего моря не замечалось, зато можно было перебраться куда-то в далекие края необъятного мира с более благоприятным сложением обстоятельств.

Возвратившись в хорошо потрепанный, но до сих пор представляющий из себя превосходное жилище дом, Планк, даже не хватая карандаш чтобы продолжить книгу, стал вслух рассуждать, затеяв начать обсуждение с Паркинсоном:

– Так, значит в доме номер тринадцать никто не живет. Что мы знаем еще? Давай освежим в памяти: на фотографиях в статьях был красный родстер, у убийцы был револьвер, явно сделанный из чего-то блестящего, и на подозреваемом была черная накидка.

– Тебе не кажется, что это никак не связано с Семеркой, и мы распутываем абсолютно другой клубок? – точно подметил Джефф.

– Пусть даже оно и так, но мы ведь не бросим расследовать его, да?

– Конечно, но мне кажется, что из-за этого некоторые найденные нами улики могут не относиться к делу семьдесят девятого. Например, красный родстер, который связан только

с Семеркой, и то – очень сомнительно. Нам нужен человек, который подтвердит то, что преступление шестилетней давности связано с группировкой, понимаешь? Иначе мы можем попасть в игру, где будем противостоять себе же.

– Мне кажется, что мы близки к поимке такого человека. Помнишь, Лоун сказал про того кудрявого наблюдающего, который, по его словам, “как будто бы хотел помочь, но не мог”. Кому он мог хотеть помочь?

– Ты задаешь вопросы, ответы на которые очевидны – конечно он хотел помочь жертве. – развел руками Джефферсон.

– А что если нет? – предположил Сол. – Вдруг он хотел помочь преступнику, может, они работали сообща?

– Но Лоун сказал, что рыжий не был похож на причастного к делу.

– “Не был похож”. Правило настоящего детектива номер четыре: не существует подозреваемых, не причастных к делу. Мы не можем исключать эту версию.

– Если мы, точнее ты, отрицаешь правдивость информации, данной явным очевидцем, то как нам вообще доверять кому-либо еще?

– Пока мы не выясним связана ли Семерка с преступлением или нет, любая подробность может иметь очень большую цену, о значимости которой мы не подозреваем.

– Тогда что нам делать дальше? – смирившись спросил Паркинсон.

– Искать того кудрявого рыжего. Думаю, следы его должны быть близко.

– И почему же ты так думаешь? – с некой задиристостью спросил тот.

– Видел я здесь одного с волосами огненного цвета. Приходилось даже иметь разговор. К нашему большому сожалению, отношения у нас не самые дружелюбные.

– Что ж ты раньше не говорил!?! – радостно воскликнул Джефф. – Когда и где ты последний раз его видел?

– Это было полгода назад, перед рождеством. Он просто ходил по улице и не обратил внимание на него я просто не мог – он, как мне помнится, выглядел в точности так же, каким нам его описал Лоун. По-видимому, он шел с Бенс-стрит и скрылся за домом номер... три!

– Нам нужно срочно мчаться туда! Уверен, мы его найдем! – загоревшись надеждой поддержал Паркинсон.

– Боюсь, туда нам сегодня не добраться – местный именованный богатеи должен скоро прибыть сюда, там сейчас все забито так, что не пройти. Но завтра, думаю, там должно быть намного меньше людей. К тому же, если произойдет что-то незапланированное, например, если нас обнаружат с оружием в чужом доме, то нам несдобровать, пока рядом находится толпа готовых сдать тебя во что бы то ни стало за какую-нибудь небольшую сумму, обещанную случайным констеблем.

– Ты прав, но на поиски рыжего может уйти очень много времени. Не сегодня, так завтра на рассвете, пока фонари

еще не погаснут, да птицы не запоют.

– Решено – завтра на рассвете. – кивнул Сол и удалился в свою комнату.

Там он взял лист бумаги, карандаш, и продолжил запечатлевать ход расследования. Мысли его полностью были погружены в произведение, над которым он работал так усердно, как ни работал ни над чем другим. Желание узнать правду, которой, казалось, он стал одержим, взяло вверх над всеми его качествами, чего он сам почти не замечал, как и не заметил минувших часов и наступивших сумерек, означающих скорое прибытие мрака, поглощающего все на своем пути.

На следующий день друзья стояли на пороге, когда первые только потоки света освещали дорогу, на которой был отчетливый след от шин проехавшего ранее автомобиля. Сол, как и Джефф, был в куртке, а также своих любимых черных ботинках, которые он “заполучил” несколько лет назад на рынке. Они, по рассказам торговцев, были достаточно хороши, чтобы преодолевать болотные трясины и другие зловещие препятствия, поджидающие там, куда ступит нога путешественника.

Перед выходом Планк протянул Паркинсону нож с пояснением, что “это на крайний случай”, и они отправились в путь. Дорога обещала быть долгой – Бенс-стрит была в

нескольких километров от дома Паркинсонов, а это означало, что им понадобится пройти через несколько перекрестков, где за любую секунду времени проезжающие готовы биться насмерть, дабы успеть проехать до того, как на светофоре загорится роковой красный цвет. Все это зрелище было похоже на бой гладиаторов, где в живых останутся только те, чей гнев, ярость и стойкость не сравнятся ни с чьими другими.

Утром, однако, все движение на дорогах было спокойнее – до семи часов встретить случайных кабриолет на некоторых переулках было настоящей удачей, если не чудом!

Друзья, пересекши первый из многих темных поворотов, где любят поджидать своих жертв самые разнообразные преступники, увидели вдалеке странного сгорбившегося медленно идущего человека, но не придали ему значения, и свернули за угол, продолжив свое шествие. Через пару десятков минут они вновь издалека увидели того человека. На этот раз он переходил дорогу, и Сол, решив, что это хороший шанс определить личность загадочного лица, решил выследить его, так как никого другого на всей улице не было. Однако его задумка была обречена на провал – тот скрылся за одной из промелькнувших машин и пропал из обзора обоих юных детективов, но и в этот раз ненадолго. Эта фигура пересекалась с ними на каждой переходе, каждом перекрестке и закоулке, но разглядеть ее достаточно хорошо не представлялось возможным, и спустя несколько встреч с ней, друзья

решили просто не тратить на нее время. Наконец, добравшись до Бенс-стрит, они решили оглядеть все вокруг, чтобы убедиться в том, что за ними никто не следит и что они оказались там, где надо. На удивление, ничто не привлекло их внимания, поэтому они на пару секунд остановились, чтобы задаться весьма неглупым вопросом: “Что делать дальше?”

– Ты знаешь, где примерно живет этот рыжий? – поинтересовался Паркинсон.

– Все что я знаю, это то, что он бывший журналист, и у него есть двое детей.

– Ты всегда будешь раскрывать мне важные детали так поздно?! И о чем вы могли заводить беседу? – возмущенно воскликнул Джефф, и взгляд его устремился на Сола, одна бровь на лице его была приподнята, а другая направлена вниз, показывая все недовольство, что упало ему на душу.

– Правило настоящего детектива номер пять: никогда не поздно сообщать важные детали! – весело ответил Планк. – Беседа у нас велась о какой-то новости, на которой он был помешан, и у нас тогда не совпали взгляды, ну это мягко говоря. Так, получается, все, что нам остается делать – это искать его дом.

– И как мы это сделаем? У нас нет ничего, что могло бы нам указывать на его жилище...

– Ты очень сильно ошибаешься, напарник. – намекнув произнес Сол. – У нас есть по крайней мере один занимательный факта, который может помочь нам распознать его. Он,

как я уже говорил, журналист, значит...

– На стенах его дома висит куча статей? – заинтересованно предположил Джефф.

– Нет, конечно нет! Как тебе это в голову взбрело? – ошарашенно спросил Планк, удивленно раскрыв глаза.

– А что ты собирался предположить? – раздосадованно спросил другой.

– Ну... например, его дом не выглядит слишком бедно, но и не слишком вызывающе, поскольку это может привлечь нежелательное внимание со стороны людей, которого журналисту и так хватает.

– Не понимаю, как ты можешь так точно судить о его доме? – чувствуя себя глупым и неспособным понять Сола, опять спросил Паркинсон.

– Просто надо иметь фантазию, дружище. – указал другой на голову коллеги. – А она, как и все, приходит с опытом. Зато у тебя хорошо получается все просчитывать и продумывать. Мне б такого таланта – и я бы был самым могущественным человеком во вселенной! Но, кажется, он мне никогда не придет.

– Ну... если мы рассматриваем именно нашу вселенную, то, может и быть, но если говорить о вселенных в более больших масштабах, да вдобавок учитывать еще и параллельные вселенные, то вот тут ты малость преувеличил. – мимолетно пролепетал Джефф и замолчал.

– Хватит морочить мне голову своими странными и за-

мудренными теориями. Давай лучше найдем его дом, наконец. – сосредоточившись, повелел Планк и пошел вдоль тротуара, рассматривая каждый из домов, ровно выстроенных как один в ряд.

Строения были по виду своему практически одинаковы – отличался лишь цвет крыш и иногда двери, но в остальном они были точными копиями друг друга. Проходивший впервые здесь, вероятно, мог с легкостью заблудиться, если только он не считал количество домов, которые он повидал. Вся улица представляла собой ничто иное как квадратную сетку, где чередовались ряды домов и тропинок. Заглядывая в каждое окно, через которое можно было увидеть хоть что-то, друзья лишь больше разочаровывались и больше теряли надежду на то, что у них получится найти нужное им здание за короткое время. Так, потратив больше часа на безрезультатные поиски, силы их иссякли и было принято решение сделать небольшую паузу. Оба присели на одну из многочисленных скамеек, и стали рассуждать:

– Сколько домов мы миновали – и не одного, похожего на дом журналиста! Может, он вовсе не тот, за кого себя выдавал? – сомневаясь в правдивости слов друга спросил Паркинсон, мысленно уже представляя как пытается выбраться из этой, кажущейся бесконечной, улицы.

– Нет, я помню, что читал его статьи. Написаны они, безусловно, были криво, но факт остается фактом.

– Мне кажется ты скрываешь еще какую-то деталь. – по-

дозрительно спросил Джефф.

– Я, право, больше ничего не знаю. Хватит пытаться уличить меня в обмане или недосказанности! Только подумай – зачем мне врать тебе?

– Ладно, ладно. – утихомирился тот. – Может, есть другие признаки, по которым можно распознать его место жительства? Может он вообще не живет на этой улице!

– В том, что он живет где-то недалеко я уверен, как и во всех остальных моих доводах.

Тут Джефферсона будто осенило – он широко раскрыл рот и хотел было выкрикнуть, но затем сдержанно воскликнул:

– Конечно! Ты не сказал мне его имя, которое, я уверен, точно знаешь. Как его звать?

– Я могу ошибаться, но насколько я помню... Вилли Говард. По крайней мере таким он назывался в своих статьях. Но я не понимаю, зачем тебе это знать?

– Если у нас есть его имя, то мы можем найти его хоть из другого конца города!

– Ни в коем случае! Ты переоцениваешь популярность Говарда. Его знает максимум человек тысяча, да и живут они, скорее всего, далеко от этой пустоши. – разочаровал товарища Сол.

Внезапно какой-то силуэт опять на секунду попал в область зрения Планка и так же быстро исчез.

– Да кто это, черт побери? – гневно вскрикнул тот и ки-

нулся за незнакомцем.

– Ты вообще о чем? – ничего не заметив, а оттого и не понимая, удивился Джефф и побежал вслед за напарником.

Они выбежали на следующую дорогу и тут же увидели, как очертания перебежали через другую и устремились за дом. Было понятно, что незнакомец заметил юных детективов и очень боялся встречи с ними. Добежав до следующего здания, наши герои опять окинули взглядом все дома вокруг. Сол, опять обнаружив беглеца, возгласом потребовал тому остановиться, но его приказ для постоянно скрывающейся тени ничего не значил. Тогда Планк снова кинулся в погоню за ней, преодолевая любые преграды на своем пути, будь то скамейки, фонарные столбы или заборы. Но и загадочное лицо тоже не сдавало оборотов – оно мчалось меж домов по узким путям, то и дело поворачивая на широкую дорогу, чтобы забежать за любое другое строение и раз и навсегда пропасть из вида своих искателей. Но, какой бы долго улица не была, дороги из нее все равно ведут в центр города, где людей – несметное количество, а потому, добравшись до последнего перекрестка, силуэт остановился и обернулся назад, чтобы проверить есть ли кто сзади. К его глубочайшему сожалению, преследователи его за все время погони ни на секунду не остановились, и по этой причине, в отчаянной безысходности он с упреком спросил:

– Кто вы такие и зачем вам я?

Товарищи находились еще достаточно далеко от незна-

комца и не слышали его речи, но продолжали медленно подбегать к нему. Постепенно его внешность начала проявляться – это был высокий и худощавый кудрявый рыжий. Он дрожа стоял на месте и ничего не предпринимал. На вид он был не опасным человеком, но его острые зубы и дикий взгляд на миг пронзили Планка. Поняв, что это тот, кто им нужен, Сол, подойдя и подняв руки в знак приветствия, начал:

– Вилли Говард! Не думал, что смогу еще раз вас увидеть, но раз на то пошло, то... мы пришли по поводу дела, с которым, как мы предполагаем, вы связаны, причем очень сильно.

– Я не понимаю о чем ты, псих! Ты знаешь, что я тебя ненавижу, поэтому сейчас же убегай с этой улицы, ясно? – с угрозой, но страхом произнес Говард.

– Мы можем пройти в ваш дом, если вам угодно. – Сол расстегнул свою куртку и на ремне его брюк Вилли увидел блестящий нож, отчего сразу запаниковал.

– О каком деле идет речь, Планк? Я не припомню ничего такого криминального, с чем меня можно было бы связать. – глотая воздух промолвил он.

– Думаю, сочетание “Безликая Семерка” вам о чем-то говорит, не так ли?

– Планк, да ты спятил! Что за Безлика...

Тут Джефферсон, которому надоел весь этот разговор вскрикнул:

– Хватит врать! Если продолжишь лгать – лишишься сво-

его лживого языка, понятно?

– Это он сгоряча, не обращай внимание, просто ему иногда хочется побыть настоящим опасным шерифом. – успокоил обоих Сол. – Ну так что, не лучше ли нам пройти в дом?

Ответ на этот вопрос теперь был очевиден, и Вилли, не сказав ни слова, а только хитро ухмыльнувшись, нехотя потопал по дороге через всю улицу к своему жилищу.

Через пять минут все трое стояли перед двухэтажным особняком, находившимся в стороне от всех других домов и выделяющимся от остальных структур, что возвышались здесь. Он был величественен и одновременно с этим чувствовалось, что структура его достаточно утонченна. “Все-таки наше предположение про то, что его дом должен быть ничем не изысканным было глупым”. – подумал про себя Паркинсон.

Говард отворил дверь и зашел внутрь, а затем вошли Сол и Джефф. Изнутри он казался еще громаднее и грандиознее, что подчеркивали закругленные лестницы и мраморные постаменты.

– Ждите меня здесь, я должен взять важные записи. – сказал Вилли и ушел в глубины темного коридора.

Друзья, любующиеся всем представшим пред ними, начали пытаться догадываться о предназначении каждого непонятного им объекта в комнате. Так, на вопрос “зачем тут стоит этот большой мраморный куб?” они единогласно решили, что это своеобразный стул, а впервые увиденную ими подоб-

ного рода лестницу они посчитали лишь необычной декорацией, которая пусть и не особо вписывалась в общую картину гостиной, но и была не столь привычной для юных авантюристов, чтобы назвать ее обычной лестницей.

Прождав около десяти минут и так и не увидев Говарда, они начали подозревать его в очередном побеге, но на этот раз из своего собственного дома. Паркинсон уже хотел проведать будущего обвиняемого, как через стену пролетела, разрезая воздух, пуля.

– Беги! – крикнул Планк приятелю и залез под стол, стоящий прямо под люстрой.

Джефферсон, в свою очередь, достал нож и ушел в соседнюю комнату, прячась за находящимся в ней шкафом. Грозными шагами из-за угла вышел, держа револьвер, Вилли Говард. После первого выстрела он произвел еще два, но на этот раз в сторону другой стены.

– Хотели меня поймать, мерзавцы? – зловеще прошептал он. – Теперь-то я вас поймаю!

Конструкция всего дома была таковой, что часть второго этажа, представляемая своеобразным балконом, защищенным небольшим ограждением, была видна с первого, и потому прятаться там было не самой лучшей идеей. Медленно и глубоко дыша, Планк наблюдал за движением ног Говарда и выжидал наилучшего момента для нападения. Вдруг Вилли молниеносно приблизился к столу и опрокинул его вниз головой, параллельно выстрелив еще три раза по нему. На

удивление, все три пули прошли мимо Сола, и тот остался без своей единственной защиты, но с оружием. Он быстро поднялся и, увидев, как злоумышленник перезаряжает пистолет совершил попытку нанести удар по нему, но Говард быстро схватил его руку, а самого Планка оттолкнул назад, тем самым повалив его на пол. Не готовый бросать друга, но так же и не готовый сражаться, из-за своего укрытия отчаянно выбежал Паркинсон и дважды ударил врага в спину и скрылся за столом, лежавшим теперь у стены. Безумный стрелок скривился от боли и, упав на пол, прибыл в необыкновенную ярость, какую прежде ни один из юнцов не видел. Воспользовавшись моментом, Сол проскользнул мимо Вилли и побегал на второй этаж по лестнице, ранее принятой за декорацию. Чуть придя в чувства, Говард своим зорким глазом одним поворотом головы осмотрел темное помещение, в котором не было ни одного источника света. Никого не обнаружив и без возможности идти, он пустил очередь в ограждение на втором этаже, за которым как раз-таки скрывался Планк. Тот, не желая получить снаряд в голову, бросился в противоположную сторону от образовавшихся в загородке отверстий. На пару секунд обстрел завершился, и можно было услышать несколько щелчков, но не прошло и секунды после их прекращения, как опять прозвучали семь выстрелов. Все они не принесли злодею никаких результатов, и Сол, зная, что в обойме обычного револьвера восемь патронов, вышел из-за своей маскировки и показался свое-

му недругу. Говард, удивленный самоуверенностью Планка, хорошо прицелился и... с треском настезь открылась дверь, пробив свет в комнату.

За порогом показался человек, чье появление не столько удивило всех троих детей, сколько вызвало облегчение. Оно показалось всем троим даром судьбы, которая в этот день была на их стороне.

Глава 4

В проходе можно было увидеть миловидное лицо, некоторые черты которого были скрыты из-за поглотившей все вокруг темени, но можно было хорошо разглядеть голубые сияющие глаза, взгляд которых был вовсе не грозен, но настолько пронизывающим и страшно уверенным, что он лишь заставлял обратить внимание на крепко удерживаемый в руках этого загадочного человека пистолет, нацеленный на Вилли. Ворвавшийся кивнул в сторону головой, давая распоряжение бросить оружие. Говард тотчас же отпустил револьвер и тот звонко ударился о паркет.

– Кто ты? – с дерзостью, но тем не менее, опасаясь, спросил он.

– Помощник этих двух неудавшихся детективов.

– Луна!? – спросили в унисон Сол и Джефферсон, узнав в незнакомце свою подругу.

– Да, да. Я сама удивлена тем, что стою сейчас здесь. Давайте побыстрее спросим этого недо-убийцу обо всех интересующих вас вещах и быстрее уйдем отсюда, поскольку полицейские не заставят себя долго ждать – вашу перепалку было слышно по всей округе.

Оба молодых людей были рады этому крайне неожиданному спасению, и только пойманный в своем доме не шибко

меткий Говард окаменело от удивления замер, не понимая совершенно ничего.

Луна зашла внутрь и впечатлилась всему интерьеру, представленному перед ней.

– Это. Так. Завораживающе! – радостно произнесла она свою любимую фразу, какую использует исключительно в производящих на нее впечатление случаях. – Так, перейдем к делу. Сол, Джефф, что хотели спросить у него?

Говард одумался, но не стал сопротивляться, так как понимал, что сейчас это было уже бессмысленно. Он спокойно сел на свое кресло и максимально расположился к разговору.

– Что ж, тогда начнем. – сказал Планк. – Вы видели убийство в семьдесят девятом своими собственными глазами?

– Да, я видел истекающее кровью...

– Мы это уже слышали, не мучайте себя этими ужасными воспоминаниями. Вы хотели помочь жертве? – более благо-склонно спросил Сол.

– ... Определенно, но я не мог этого сделать. – дрожащим голосом ответил Вилли.

– Хорошо, – задумчиво кинув взгляд на своих друзей продолжил другой. – Вы видели того, кто совершил это ужасное преступление?

– Нет, все мое внимание приковало тело.

– Угу... – записав в блокнот слова допрашиваемого, промычал Планк. – Тогда вот вам какой вопрос: знаете ли вы что-то о жертве?

– Ее звали Фрэнсис... Фрэнсис Шенк. Что-то подсказывает мне, что кровь ее пролита была не на пустом месте. – сердечно сказал Говард.

– Почему вы так думаете? – скептически спросил Планк.

– Это лишь мои догадки, я не знаю. Понимаю, это может быть весьма странно, что я, стоящий неподалеку от места происшествия, ничего не знаю и не помню о том случае; но я и вправду ничего не могу вам сказать.

Паркинсон, чуть не лишившись терпения, ворвавшись в беседу, задал наиболее волнующий его вопрос:

– Вы принадлежите к числу участников Безликой Семерки?

– Как ты смеешь приписывать меня к этим негодьям! Никогда я не был связан с этой проклятой группировкой!

– Не смей врать нам! – приказал Планк, почуяв неладное. – Говард, либо ты говоришь нам всю правду, либо мы вышибаем тебе мозги.

– Никогда не думал, что дети будут угрожать мне расправой.

– Говори сейчас же! – вспльчиво возгласил Сол. – Говори все, что знаешь!

– Хорошо, хорошо, ваша взяла. – не на шутку испугавшись приставленного к виску пистолета, согласился Вилли. – Да, вы правы, я бывший участник Семерки. Выложу вам как все есть: как вы догадываетесь, всего участников ее было ровно семь, причем все они были представителями раз-

ных категорий как возрастов, так и специализаций. Убийство семьдесят девятого было совершено Семеркой, но я в нем не участвовал. Я не был настолько фанатичным, как все другие ее участники, поэтому о каждом ее участнике и их встрече я не знаю, но у меня есть информация, что все они регулярно выезжали в какую-то гостиницу, понятия не имею в какую. Я вступил в Семерку уже в самом конце ее существования, поэтому не помню почти никого из этих тварей.

Вдруг послышались звуки сирены. Это была приближающаяся полицейская машина. Через пару секунд она остановилась, на что указывал звук, который обычно раздается при резком повороте автомобиля от шин.

– Вот и настал нашему разговору конец. Больше я вам ничего не скажу. Совершенно ничего. – настойчиво сказал Говард, найдя в прибытии стражей порядка свое спасение.

Ребята, понимая, что сбежать они не успеют, даже не предпринимали попыток сделать это, и просто ждали, как в дом войдет констебль. Послышались тяжелые неспешные шаги, плавно перешедшие в одиночный стук. После него дверь с невероятной силой раскрылась и дала дорогу пробивающимся сквозь витраж ослепительным лучам солнца. На фоне прорывающихся световых потоков знакомый всем заложникам мрака вошедший человек казался словно сошедшим с небес. По его усам и отменной шляпе можно было безошибочно понять, что вошедший есть никто иной как Джон Донлон. Он, увидевши все происходящее, как и полагается

профессиональному блюстителю закона, немедленно схватил свой кольт и выстрелил в небо, чтобы насторожить всех находящихся внутри. Через несколько секунд пуля упала позади шерифа с еле слышимым звуком.

– Руки вверх! – строго начал он, держа наготове оружие. – Выходите все из дома. Быстро!

Первым вышел Говард, а за ним – дети. Все они подошли к стене и опустили головы.

– Что здесь произошло? – чуть более мягко спросил Джон. Все резко посмотрели на Сола, и он понял, что никто другой не сможет объяснить все содеянное так хорошо, как сам он.

– Мы практически ворвались в его дом и начали допрашивать об очень загадочном деле. – признался Планк.

– Как его зовут? – указал рукой шеф на Вилли. – И по какому же делу вы его опрашивали? – любопытствовал Донлон.

– Он – Вилли Говард, бывший журналист. Он рассказал нам об убийстве, совершенном в семьдесят девятом. Вилли подтвердил, что оно связано с Безликой Семеркой, одной из самых загадочных шаяк за последние десять лет.

– Охохо! – восхитился другой, закручивая свой ус. – А не за слишком ли серьезное преступление вы взялись, смельчаки? Даже лучшие из лучших не смогли распутать этот дьявольский клубок! Что же мне с вами делать?...

– Послушайте, сэр, – перебил того Сол. – Вилли связан с

Семеркой, он только что прямым текстом рассказал нам об этом. Мы зашли достаточно далеко, чтобы завершать расследование.

– Так-так-так-так-так.... То есть, если Говард связан Семеркой, а Семерка – с убийством, то Вилли тоже причастен к тому самому убийству? – облизнувшись и с огненной страстью в зрачках, проговорил шеф.

– По его словам, он никого не убивал, поэтому он связан лишь косвенно.

Говард не перечил словам Планка, поскольку понимал, что у него изначально было не самое лучшее положение. Немного помолчав, Джон решил:

– Садитесь все вчетвером в машину. Мы едем в участок. Донлон надел наручники на Говарда, сразу обговорив с ним то, что “это всего лишь формальность”, и все отправились в путь.

Доехав до полицейского отделения, все вышли из автомобиля и, ни минуты не задерживаясь на свежем воздухе, зашли внутрь. По комнате уже всюду разлетелся запах табака, оскверняющий разум всех находящихся в ней. С прошлых дней там ничего не изменилось, а значит и о никакой рабочей обстановке речи даже не велось. Вошедшие быстро прошли на второй этаж, где располагалось множество различных закрытых комнат, и лишь одна решетчатая дверь в камеру заключения была открыта. К слову, такие камеры располагались и на первом этаже, но в значительно меньшем ко-

личестве. Подойдя к решетке, Донлон сказал:

– Говард, ты пока сиди здесь, в этой клетке, на время пока я допрашиваю других.

– За что вы сажаете ме...

– Я тебя еще никуда не сажаю. Тебе повезло, что я вообще собираюсь брать с тебя показания, поэтому будь добр, посиди здесь как можно тише, ладно?

В ответ Вилли язвительно кивнул головой и зашел в камеру. Джон запер дверь и, позвав за собой детей, направился в допросную.

Вернувшись вниз, наши герои зашли в пугающую Планка с детства “серую комнату”, как он сам ее часто называл, освещенную двумя белыми лампами. Джон, раскинув руки, присел на свой роскошный, но суровый на вид стул и начал то, ради чего он привел сюда ребят.

– Отвечать будет один из вас. Тот, кто знает больше остальных... и вы все понимаете о ком я говорю... Так, вы уже много знаете о Семерке и о том убийстве? – спросил Донлон.

– Достаточно, чтобы продолжать расследовать дело. – уверенно ответил Сол.

– Вы много знаете о Говарде, о его семье?

– Он женат и у него двое детей, сам он, как вы уже знаете, он был журналистом.

– У него нет никаких психологических проблем со здоровьем?

– Мы не настолько хорошо знаем его, чтобы судить об этом. Но при нашей первой встрече он казался взволнованным и чутка нервным.

– Мм... У вас есть дальнейшие планы на расследование?

– По-моему, вас больше беспокоит процесс нашего расследования, нежели личность Вилли, который, поверьте мне, скрывает больше чем кажется?

– Ты прав, Планк. – сердечно согласился Джон и сделал глубокий вдох. – Понимаешь, за всю мою карьеру я так и не раскрыл ни одного интересного дела, а я ведь так люблю свою работу! И теперь вы, считающие это простым развлечением, чуть не превзошли меня всего за пару дней... У меня есть только одна просьба, – его голос чуть содрогнулся и стал заметно тише. – Дайте мне шанс помочь вам провести расследование.

Меня настолько тронула просьба шерифа, что я не мог сказать совершенно ничего. Мы минуту сидели смотря друг другу в глаза и не понимали, что связывает нас обоих, почему я готов довериться человеку, который совершил ни один грех в своей жизни и которого я почти не знаю. Почему я произвольно сближаюсь с тем человеком, чьи взгляды когда-то были мне совсем далеки. Почему я, иногда даже не в силах терпеть человека, верю и сочувствую ему? В тот день не я дал согласие Джонсу на его просьбу, а мое сердце. Я ощутил важный долг, хранившийся с давних времен в за-

холустьях моей души, который никогда ранее не замечал.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Отпустив троих юных детективов, Джон направился к Говарду. Он зашел к нему в комнату и затем грубо, с силой надавливая своей массивной рукой тому на спину, повел в допросную.

Через минуту посреди подавленной и до невозможности жуткой комнаты перед темно-белым, словно туман, столом, на стуле ожесточенно расположился Вилли. Он смотрел на черную дверь, располагающуюся напротив себя и бессознательно дергал губами, иногда намиг улыбаясь.

– Что ты знаешь о Семерке? – спросил тот уже в комнате.

Вилли, будто сам не свой, вдруг встал и попытался вырваться из оков и наброситься на Донлона, но кандалы сдержали его и не позволили свершить задуманное. Он, не прерывая гробовой тишины, молчал, а одна из его ног бессознательно тряслась.

– Ты, я так понимаю, не собираешься ничего говорить? – жестко спросил Джон.

Тут безмолвие Говарда прервалось, и он произнес:

– У вас нет никаких доказательств того, что я причастен к Семерке, и уж тем более – к преступлению семьдесят девятого. Мне терять нечего – в жизни я уже разочаровался. Она такая коварная, несправедливая. Да, Джон? Ты наверняка меня понимаешь. Заклучи меня в своей проклятой тем-

нице и приходи за советом, когда он тебе понадобится. Если, конечно, ты будешь готов его принять.

– Чепуху не неси. Ты сейчас мне все расскажешь и уйдешь как ни в чем не бывало.

– Если я расскажу что-то про Безликих, то запятнаю честь Семерки, а этого мне кое-кто не простит. Убить меня вы не можете, как и не можете посадить в тюрьму. В ваших силах – лишь держать меня взаперти, пока не завершится расследование.

Донлон, понимая что информации от Говарда не добудет, встал со стула, одним жестом дал указание сделать то же самое Вилли, и отвел его в клетку, в которой прежде велел ему находиться. В ней было единственное окно, так же заполненное решеткой, как и стены; в углу стояла кровать и предметы первой необходимости. И больше ничего здесь не напоминало о желанной и прекрасной свободе, коей в мгновение ока лишился Говард и стоимость которой в беззаботном течении нашего существования мы нередко не осознаем.

По пути домой, пока легко моросил дождь, облегченные друзья решили ввести свою новую коллегу в курс дела. Они рассказали обо всех обстоятельствах исследуемого злодеяния во всех подробностях, о каких только могли знать. Луна быстро влилась в дело и в конце объяснения всего того, что совершили мальчишки, задала резонный вопрос:

– А вы не думаете, что все ваши проделки слишком дерз-

ки?

– Ну... разве что несколько ударов в спину Говарда, и то – это была самозащита. – парировал Джефф. – К тому же, сейчас, с участием Донлона, у нас будет намного больше возможностей... Кстати, как ты нашла нас на этой огромной улице меж этих до тошноты одинаковых домов? И откуда у тебя взялся пистолет?

– Пистолет пришлось взять из подвала. – ответила, смотря на свое отражение в револьвере, та. – А нашла я вас по следам от ваших ботинок. Их было нетрудно разглядеть, учитывая, что обувь была довольно испачкана после ваших предыдущих походов. Услышав выстрел, я сразу рванулась к вам, ни о чем не раздумывая.

– Но в подвал ведь разрешается заходить только в крайнем случае. – произнес Сол.

– А разве это был самый обычный случай? – с улыбкой подмигнула Луна и помчалась вприпрыжку к дому, озаряя своей натурой этот ненастный и тусклый денек.

Когда друзья уже вернулись, мелкий дождь сменился ливнем, и свист ветра проносился в самый лес, где деревья наклонялись, чуть не касаясь земли. Но с другой стороны окон дома, окруженных наступившей бурей, было намного теплее и уютнее, как это обычно бывает в любой другой пасмурный

день.

Сол, вспомнив, что в своем детище он многое не рассказал, приступил к написанию нового пункта расследования. Вся книга была уже довольно немала, чтобы называть ее рассказом или сборником различных полезных фактов, так как описывал Планк все что только замечал и о чем только догадывался. Рукопись его местами была неаккуратна, иногда даже было трудно разобрать написанное, но Сол мог по одному предложению понять, о чем идет речь на всей странице. Бывало, он, в порыве несущихся в голове идей, упустил какую-то деталь, о которой мог днями и не вспоминать. Однако, предпочитая перечитывать каждую главу, он непременно находил эту пропущенную подробность и в тотчас же начинал повествовать о ней, все с теми же мельчайшими деталями, что сами возникали вновь и вновь у него в голове.

День шел, но был неизменчив – только солнце, чуть видимое за тучами, медленно и неохотно уходило за горизонт, оставляя за собой лишь тонкую полоску света. На небе появился месяц, а это означало, что рабочее время всех находящихся в полицейском отделении истекло, и участок был оставлен наедине с заключенным в нем преступником, хранящем в себе тайны, о которых мог знать только он сам.

Наутро все жители дома проснулись от внезапного стука в дверь, повторяемого через каждые две секунды. Он, казалось, начался еще давно, но услышали его только сейчас. Джефферсон, будучи человеком рано встающим, первым по-

дошел к выходу и открыл дверь. За ней же находился Джон с явной усталостью на своем лице.

– Здравствуйте, сэр Донлон! – инстинктивно воскликнул Паркинсон.

– Я стою здесь уже больше двадцати минут. Но мне, конечно, грех жаловаться. И хватит называть меня этим противным “сэр”, теперь мы коллеги, а значит и приятели. Зачем я пришел? – спросил вслух как бы самого себя он. – Ах, да! Раз уж я теперь помогаю вам, то, можете ли вы рассказать мне все что вы знаете об этом деле?

– Это займет немало времени, так что... может быть, вы зайдете? – предложил Джефф.

– О, если только вы не против. – стараясь быть максимально вежливым, сказал другой, пройдя в дом.

Он начал рассматривать все вокруг, и по его несколько замороженным глазам можно было сделать вывод, что он был удивлен не меньше ребенка, впервые увидевшего скелет динозавра. Взгляд его метался с одного объекта на другой, пытаясь понять, чьих чудесных рук это дело. Он прошел к дивану, и не в силах держать себя на ногах, грохнулся на него.

– С чего начать, Джон? – спросил Паркинсон.

Донлон мигом пришел в себя, но, толком не успев оправиться после испытанного им тяжелого восхищения, не знал что сказать.

– Давай с самого начала. – ответил он первое пришедшее ему в голову.

Джефф начал свой долгий рассказ, постепенно погрузив в него и своего слушателя, мысли которого через десять минут уже полностью были отданы рассказу. Его веселое лицо сменилось задумчивым, и по всему его виду было件нятно, что он заинтересован как никогда раньше. На середине всего этого действия в него вступил и Планк, то и дело поправляя своего напарника в самых разных тонкостях, вплоть до неудачно выбранного слова для описания какого-нибудь человека или дома.

После того, как Донлон выслушал всю историю, он несколько секунд еще раз прокрутил в голове все с самого начала и подытожил:

– Получается, что у нас есть три улики, которые могут привести нас к убийце: красный родстер, черная накидка и блестящий кольт.

– Все верно. Но мы не уверены насчет красного родстера. Все же это не такая уж и редкая машина в нашем городе. – заключил Джефферсон.

– А на фотографиях есть еще машины?

– Ни одной. Мы проверили все фотографии и заметили только эту.

– Пока у нас нет следов, по которым мы можем вычислить преступника, надо обыскать дом Говарда. Может, найдем там что-то полезное.

– Да, первым делом обыщим его дом. – повторил Сол. – Но что делать дальше?

– Главное правило профессионального шерифа: никогда не стреляй на поражение, прежде чем узнал истинное лицо жертвы! Эта фраза вовсе не про выстрел, как вы могли подумать. – просвещенно и философично приподнял голову тот. – Так что сначала все тщательно проверим, а потом, если что-то обнаружим, будем отталкиваться от этого. Но сначала я должен вам кое-что показать.

Донлон встал с дивана, вышел на улицу и подошел к своей патрульной машине. Он взял что-то с сиденья и подошел обратно. Джон положил на прозрачный стол две вещицы, которые сверху скрывал руками, и отодвинул в сторону мальчиков.

– Это револьверы. Луне пока рановато выдавать такое оборудование, если, конечно, так можно выразиться. А вы, как настоящие специалисты, должны иметь при себе хоть какое-то серьезное огнестрельное оружие.

Оба юноши рассматривали и любовались неожиданным дарованием с необыкновенным любопытством.

Но запомните: если вы используете оружие для того, чтобы бороться со злом, оно не перестает быть оружием. – будто из глубин разума произнес шериф. – Пожалуй, я поехал. Как будете готовы продолжать дело – сообщайте мне, я приеду к вам в любую пору и за считанные секунды, зная, что вы не в безопасности.

В ответ ни Планк, ни Паркинсон ничего не вымолвили. Они только восхищенно посмотрели вслед за машиной, мча-

щейся далеко вдаль среди безграничных просторов природы, и после продолжили каждый про себя раздумывать о данном Донлоном предупреждении, которое оставило неизгладимый след еще надолго в жизни их обоих.

Глава 5

Как и в любой другой день, Донлон отправился в участок, где его ждали близкие и не очень работники. Он проехал две мили, прежде чем осознал, что напрочь позабыл о заключенном, который создавал только больше вопросов с каждым днем. У отделения Донлон был уже меньше чем через две минуты. Вновь обретя желание исполнять свою работу, он, торжественно, почти что выбил своим корпусом дверь, чем приковал внимание всех других людей внутри, и, будто объявляя что-то необычайно важное, начал:

– Сегодня это здание превратится из невиданного даже заядлым охотником страшного и свирепого зверя в место, куда любой может обратиться за помощью, зная, что ему обязательно помогут. Вы четверо, – обратился он к азартным игрокам. – Либо сейчас же избавляетесь от своей дурной привычки, либо здесь более не находитесь.

Те сию же секунду встали из-за стола и негодуя проворчали:

– Что на вас нашло, сэр? У нас нет никаких дел целыми днями кроме как...

– Теперь они появились, поверьте мне. – обращаясь все к тем же, вымолвил Джон.

На неудовлетворительный для них ответ они начали твер-

дить о своих коварных бедах в жизни, и о том, как им скучно пребывать на этом белом свете, на что Донлон незамедлительно послал заядлых бездельников на все четыре стороны. После этого, он был готов приступить к исправлению всех совершенных им еще в давние годы ошибок. Шериф вызволил нескольких не самых продуктивных полисменов с верхних этажей, чтобы те постарались как можно быстрее привести все здание в приличный вид, и спустя несколько дней тяжелых работ участок был не просто приведен в отличное состояние, но более того – неотразим и неузнаваем.

Все то время, пока над этим отчаянно трудились рядовые сотрудники, их более высокие по званию коллеги пытались вытрясти из Говарда хоть каплю связного текста. Но Вилли был стойким человеком, неизменно придерживающимся своих слов, а потому ничто не могло заставить его проговориться. На четвертый день расспросов к нему пришел и сам Джон, которого не устраивало текущее положение дел по поводу расследования. Он встал за решеткой, опираясь на стену, и стал рассматривать одинокого преступника:

Вилли поднял исподлобья глаза и уставился на Донлона. Его лицо казалось сильно измученным, а голубая роба была жесточайше изрезана. Заметив эту странную деталь, шеф, повернув голову, задал риторический, как он сам хорошо понимал, вопрос:

– Что ты тут вообще делаешь? Я поставил наблюдать за тобой трех первоклассных людей, и ты прекрасно осознаешь,

что тебе отсюда не сбежать. Поэтому, может, ты изволишь нам рассказать все как было, и мы мирно разойдемся?

– Я ждал встречи с тобой, Донлон. – начал, наконец, Говард. – Как же ты не понимаешь, что твои подчиненные от меня ничего не добудут. Я буду разговаривать только с тобой. Ты еще не знаешь, что нас связывает, но я уверяю, что знакомы мы намного дольше чем ты думаешь. Ты, скорее всего, позабыл о нашей первой встрече. А вот я о ней думал каждый день, до того как попал сюда, в надежде на то, что когда-то опять увижу тебя и заставлю расплатиться со мной.

– Я не понимаю о чем ты говоришь. – ответил Джон, на которого не произвела впечатления устрашающая угроза Вилли.

– Ничего, рано или поздно ты все поймешь. А пока – представь, – переведя разговор в другое русло и проведя рукой в сторону, продолжил другой. – Ты едва почувствовал, что настало твое время. Время, в которое ты начнешь добиваться своих самых высоких целей. Но в один день все это рушится и раскалывается на мелкие-мелкие осколки. Десятки мечт и желаний за секунду становятся недостижимыми и нереальными. – быстро опустил руку он. – Когда ты бежишь навстречу солнцу, а мимо тебя пролетают деревья, люди, машины – ты не задумываешься о том, как будет скорбно, если ты упадешь. Но ты даже не представляешь, насколько велики будут твои страдания, когда, ты даже не успев разогнаться, уже потерпел все неудачи, которые только могли повстре-

чаться в твоей жалкой жизненке.

– Замолкни раз и навсегда! – вскрикнул Донлон. – Ничто нас не связывает и никогда не связывало.

– Хе-хе! – рассмеялся Вилли. – Сначала ты хочешь, чтобы я рассказал тебе всю правду, а потом приказываешь мне замолчать... Вот что я еще забыл сказать – моя жена и дети в отпуске, и кто-то из них точно вернется за мной. Чего бы ему это не стоило.

– Но у никого не получится добиться того, чтобы тебя отсюда отпустили.

– Да, это я знаю. Мне этими же угрозами прожужжали всю голову твои подданные. Однако есть поблизости одно лицо... которому все же удастся это сделать, как бы все вы этого не хотели. Так же как и уверен, что ваше расследование – гиблое дело. Пустая трата времени. – улыбнулся Говард, сделав несколько наигранных покачиваний головой.

– Если понадобится – поставлю больше зрителей. Единственное, что ведет из этой комнаты на улицу – это вон то окно. – показал пальцем Джон. – И я не думаю, что тебе волшебным образом оттуда прилетит ключ от камеры.

– Не знаю, не знаю... На мой взгляд, одна десятая доля процента сбегает по счастливой случайности, остальные девяносто девять – не сбегают вообще. Это даже не тюрьма, Донлон! Одумайся – здесь, в этом участке, единственное, что может проследить за мной – это проклятые констебли, в надежности которых, если честно, я сомневаюсь.

– Все, мне противно слышать эти попытки запугать меня, Говард. Не жди меня тут раньше обеденного времени, и то – я не уверен, что вообще с тобой сегодня еще увижусь.

Донлон легко оттолкнулся от стены и ушел. Он впопыхах спустился по лестнице, и по дороге к своему кабинету дал указание нескольким разговаривавшим между собой деловым людям пойти на свои посты, на что получил непременное исполнение и повиновение, какое очень любил и поощрял. Джон вошел в офис, только-только расположился за своим круглым, но не сказать, чтобы большим, столом, как раздался залиvistый телефонный звонок. Черная, отражающая белый свет трубка, еще не успев подпрыгнуть от раскатистого дребезжания, в мгновение ока была ловко схвачена рукой шерифа, и тот,

– Кто это? – первым спросил тот.

– Сол Планк. Тот, что недавно был у вас.

– О, здравствуй, Сол! – вспомнив своего друга и резко сменив устрашающий тон на дружелюбный голос, поздоровался Джон. – Зачем ты звонил?

– За последние четыре дня наших совместных раздумий мы пришли к тому, что ни к чему не пришли. Все наши предположения противоречат друг другу. Тогда мы вспомнили о вашем предложении обыскать дом Говарда. Думаю, вы понимаете, к чему я клоню. Когда вы будете готовы помочь нам?

Джон, продолжая держать телефон в руке, открыл свой блокнот и начал листать маленькие странички, пытаясь най-

ти свои планы на этот день. Пробежав глазами все записи и не найдя то, что искал, он вспомнил, что никакого графика у него вовсе нет, и потому сообщил:

– Сегодня, в полседьмого. Ждите меня у дома. – отрезал шеф, закончив разговор, и развалился на своем кресле, находясь на седьмом небе от счастья.

В тот момент он больше не сказал ни слова – просто бросил трубку в полном молчании. Я могу объяснить реакцию Джона только тем, что он был несказанно рад признанию с моей стороны. Ему нужен был тот человек, что искренне оценит его идеи и честно примет их.

В потоке нескончаемых эмоций на нас, бывает, находит что-то необъяснимое, что движет нами и полностью управляет нашими поступками. Это как паразит, залезший в нашу голову, но который по сути своей не желает нам никакого зла.

Хотя, честно сказать, параллель не самая лучшая...

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Донлон, просидев еще пять минут в мечтаниях о своем будущем и будущем своих друзей, не стал погружаться в них с головой, а, наоборот, вовремя одумался и вернулся к своей работе. Он перебрал листы с разными фамилиями и детальными досье, предоставленными его крайне профессиональными друзьями-сотрудниками, чтобы освежить все послед-

ние события в памяти, и, внимательно просмотрев заинтересовавшую его бумагу, остановился на имени, которое не особо запомнил. “Крупный вор стеклянных изделий, объявившийся в прошлом месяце”. – прочитал про себя Джон под фамилией. -Им мы и займемся... – решительно пафосным голосом в голове прошептал он и оглушительным криком, коим он обычно пользовался для общения с людьми зависящими от него, позвал Бенсона.

Тот, стараясь всегда угождать своему начальнику, не заставил себя долго ждать. Он прибыл в кабинет с приятной и голословной похвалой о заслугах и достижениях своего босса, а затем спросил о значении его приглашения.

– Видишь имя и фотографию? Запомни его, на сегодня это наша цель. Довольно опасная и авантюрная, поимка которой может стоить нам многого. Но пока она продолжает действовать в нашем городе, а мы ничего не предпринимаем, опасность для всех жителей и нас лишь возрастает. Если мы его поймаем, то может, и тебе что-нибудь перепадет.

– О-о, я заинтригован. Но почему как только полиция начала что-то делать, наш город сразу стал центром криминала? – задумался Мик.

На пару секунд Джон замолк, и они пробыли в непробудной тишине два-три десятка секунд. Поразмыслив, шериф начал:

– Ох, боюсь, что ты не поймешь... Дело в том, что преступники не просто хотят совершить злодеяние, они...

– Хотят получить максимум эмоций, доказать истинность и верность своего мотива, не так ли? – произвольно продолжил Мик мысль, которая показалась ему знакома.

– Да, ты прав как никогда... – подтвердил Донлон, глубоко пропав печальным и задумчивым взглядом в небытии. – И в этом месте у них больше всего шансов получить то, чего они так давно хотят; ладно, давай перейдем самому интересному. Известно, что этот скрытный грабитель работает один и всегда приезжает на своем кабриолете, что довольно странно и недальновидно для преступника такого уровня. Крадет за один раз не менее трех ценных ваз, статуэток и всего прочего, а также снабжен, по меньшей мере, двумя револьверами. Второй, судя по всему, запасной. Как ты понимаешь, личность эта достаточно серьезная, но за все время он не совершил ни одного убийства. Совершает свои дела на обширных рынках, переезжая с улицы на улицу и из города в город.

– Я так понимаю, сперва нам надо понять, куда он отправится на этот раз?

– Эта информация у меня уже имеется. У нас есть сведения, что за последние две недели он был замечен три раза – в трех разных скверах. В первый раз он был вот тут, – разложил карту Джон и поставил палец на описываемую точку. – Во второй – тут. В третий раз его заметили уже на дороге в автомобиле, но, предположительно, он сбежал отсюда. – указал в последний пункт Донлон. – Вероятно, если проанализировать все преодолимые им территории, в ближай-

шие дни он должен оказаться ровно здесь. – показал на отмеченный на карте красный крест шеф. -Но и это еще не все: сегодня мои люди изучили оставленные совсем недавно на шоссе оборвавшиеся следы, и они дают понять то, что злоумышленник будет в предполагаемой нами точке с часу на час. Медлить мы не можем. – поднял глаза на напарника Джон.

Тот в ответ лишь пожал плечами и сказал:

– Выбора у меня нет.

Не прошло и минуты, как коллеги уже сидели в автомобиле и были готовы гнаться на всех парах за захватившей страхом город угрозой. Одним движением ноги Донлон нажал на педаль, и они помчались на трассу вблизи парка, где ожидали застать вора. Выехав на широкую дорогу, по которой куда-то стремились пять-шесть других машин, они заметили вдали внушающее скопление людей, которое означало то, что преследователи недалеко от цели. Затем они резко свернули с шоссе и попали на более заселенную местность, которая теперь была единственным, что отделяло их от заветного будущего места кражи. Будучи замкнутыми посреди множества других пассажирских машин и понимая, что любая секунда времени важна, полицейские решили применить то, что заставит расступиться любую толпу – сирену и красно-синюю мигалку. Тут же впереди стоящие транспортные средства разъехались по сторонам, открыв путь для стражей порядка. Они, в свою очередь, сразу метнулись сквозь все-

го и вся, и, почти доехав до светофора, опять повернули на переулок, по которому можно было значительно сократить путь. Вновь сделав оборот, они направились к ярмарке, проходившей неподалеку от зеленой рощи, в окружающей несколько небольших сторонних домов.

– Здесь мы выходим, чтобы преступник не понимал, что за ним следят. – сказал Джон и вышел из автомобиля. За ним вышел и Мик.

Оба положили одну руку на карман, дабы постоянно ощущать пистолеты, а второй неприметно держали свои ремни, и начали медленно подходить к палаткам. Ничего не вызывало у них подозрения, все было спокойно, пока мелкая фигура, таща за собой мешок, не проскользнула меж преград и подошла к какому-то кабриолету. Насторожившись, Донлон тихо сказал, положив руку на плечо товарища:

– Будь готов стрелять. Если начнет уезжать – сначала попробуй остановить, а затем, если продолжит, стреляй в колеса. Главное – не убей, а то... даже представлять не хочется, что тогда будет.

В ответ на наставление Бенсон послушно кивнул головой и спрятался за широким деревом, крепко держа оружие дулом вверх. Донлон подкрался к домам и стал быстрым шагом подходить к подозреваемому вдоль стен. Тот сел в машину и чуть было не унесся в неизвестность, но его на мгновение отвлек разразившийся возглас Мика:

– Не смей уезжать! Нажмешь на газ – считай, что ты остал-

ся без машины. А может и без чего-то еще. Ну... это уже как получится.

Грабитель быстро закинул сумку на заднее сиденье, нагнулся, чтобы не быть убитым, и на всех парах ринулся в даль далекую. Действуя по плану, Мик сделал несколько выстрелов по колесам, и, увидевши что Джон размашистым жестом подзывает его к автомобилю, запрыгнул в патрульную машину. Шериф, тоже ни секунды не медля, запрыгнул внутрь и не успел еще закрыть дверь, как Бенсон с невероятной скоростью погнался за нарушителем.

– Это тот, о ком ты и говорил! Нам ни в коем случае нельзя его упустить. Иначе... Иначе...

– Не думай о том, что будет, Бенсон! Просто догони его, и там за дело возьмусь я.

Непрерывная прямая тропа вела напрямиком в лес, о котором ходило не одна сотня слухов в окрестностях. Высокие и богатые малахитовой листвой деревья одновременно завораживали и заманивали путника в бесконечную глубину этого чудовищного, по легендам, места, куда даже самые отважные и смелые странники не решались и ногой ступить. Синий кабриолет равномерно отдалялся от своих гонителей и неизбежно подступал к массе низкорослых растений, означающих начало того зловещего места, о котором было упомянуто выше. Чем ближе беглец был к нему, тем темнее и невразумительнее было небо, и все некогда белоснежные облака казались все больше и больше коварными серыми ту-

чами, затеявшими много чего недоброжелательного и предательского.

Тем временем, блюстители закона тоже не бездействовали – они незаметно набирали скорость, отчего неспешно, а оттого и незаметно приближались к грабителю. Они понимали, что погоня обещает быть долгой, поэтому не стали раскрывать все карты сразу. Как настоящие хищники, они тихо наступали, чтобы за единственное изошренное, но в то же время нехитрое движение схватить свою желанную добычу, которую выслеживали все это время.

Преодолев еще пару километров по шоссе, оба автомобиля выехали на бездорожье, где существенно сбросили скорость. Поначалу ничто не преграждало им путь, однако затем на пути появился один дуб, потом – другой, третий, и чем дальше заезжали полицейские, тем их количество только многократно увеличивалось. Они, будто, армией пытались остановить проникнувших на территорию чужаков, чтобы предотвратить скоропостижную гибель своих соратников.

Без сомнения, чем дальше ты заходишь в бор, тем опаснее, непролазнее и запутаннее он становится, потому не минуло еще десяти минут, как редкие неровности на земле сменились по-настоящему глубокими впадинами и ямами, которые почти не давали проехать ни одной из сторон этого уже наскучившего полицейским преследования. На их счастье, довольно неловкий в своих движениях злоумышленник очень скоро был пойман этой малопривлекательной ловуш-

кой природы, и был вынужден продолжить свое движение на своих двоих.

К тому времени редкие тучи сменились роем злых и готовых сразить любого наповал темными пятнами на небе, постоянно нависающими над головами осмелившихся пройти в затерянную чащу. Мик с Джоном же продолжили непримиримо догонять беглеца, понимая то, что шансы сделать это у них возросли в разы. Объезжая дерево за деревом, рытвину за рытвиной, добрались они туда, откуда, они бы в жизни не выбрались, не будь следов от шин, проложенных ими с самого начала.

Но, прежде чем продолжить повествование, стоит сказать, что оба – шеф полиции и его помощник – были далеки от всех слухов и сплетен, поэтому совсем не находили ничего опасного в их пребывании среди извилистых тропинок этого леса. А, как известно, если не знать об опасности, то и она не узнает о тебе.

Вдруг, сам того не ожидая, Бенсон увидел за одним из кустов фигуру, напоминающую ему преследуемого преступника, и сию же секунду, указав пальцем в растение и чуть не испугав уже находящегося в полусне шерифа, вскрикнул:

– Вот он! Лови его быстрее!

Джон схватился за свой револьвер и выпустил несколько пуль в кустарник. Из-за него же, испуганный и ошеломленный столь негостеприимным приветствием, выбежал низкий и исхудавший пожилой человек, лет семидесяти, с белой бо-

родой. Его глаза чуть косились в разные стороны, и его неаккуратная испачканная рубашка и дырявая шляпа лишь подчеркивали всю странность его образа. Проскользив на спине за ближайшее укрытие, представляемое кучкой потрепанных колес, он весьма доброжелательно воскликнул:

– Не стреляйте по мне, ради бога! Я не тот человек, что пытался скрыться от вас. Если бы я был таковым, вы бы меня здесь не увидели.

Мик, услышав речь старика, остановил автомобиль и вышел из него.

– Кто ты такой? Почему мы должны доверять тебе? – начал он, держа наготове оружие.

– Я самый обычный житель этого города. Я не хочу причинить никому вреда. – показал ладони тот.

– Что тебя занесло в этот лес?

– О, не переживайте, друзья мои! Я здесь обитаю уже не первый год! Этот бор – мой дом, который я оберегаю и защищаю любой ценой.

– Ты сказал что-то про убегающего от нас человека, ты видел куда он направился? – задал поистине интересующий его вопрос Бенсон.

– Да, – посмотрел на табличку позади себя незнакомец. – Видите надпись? Вот он убежал за нее и повернул направо, вот на ту утоптанную дорожку.

Заметив рядом небольшую палатку, Джон решил поинтересоваться:

– И как у вас тут чувствуется, много ли людей сюда приходит, чтобы полюбоваться на все эти природные богатства. – оглянулся он.

– Ну... как сказать, – затруднился в ответе пожилой человек. – Достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким, думаю так. А вообще, если честно, оно заслуживает большего внимания. Ведь здесь, право, можно воссоздать любые ваши желания и мечты! Вы, наверное, считаете это глупостью, но это и понятно – людям, которые каждый день выполняют свою ужасно скучную работу, обычно не представляется шанса изменить свою судьбу.

– Но наша работа несколько не скучная, и мы вправе принимать свои собственные решения.

– Или вы так думаете... – буркнул старик и, повернувшись в другую сторону, поднял взгляд на серое небо. – Что, если все в нашей жизни предписано? Что, если все предопределено и не имеет смысла?

– Все в нашей жизни предписано... – вполголоса повторил Донлон. – Ладно, Бенсон, поехали, дальше. Тот, на кого мы охотимся может быть уже далеко.

– Стойте-стойте-стойте! – опять повернулся Рон и неуклюже топнул ногой в глубокую лужу. – Дальше вы ехать не сможете – там непроходимые болота. Их можно обойти здесь, между этими двумя деревьями, где ни одна машина пролезть не сможет. Боюсь, вам придется оставить ее здесь.

– Но мы не можем возвращаться за ней потом. – возму-

тился Бенсон.

– Нет, Мик, мы можем. Ты недооцениваешь значение этого задания. Пойдем без машины.

Донлон пошел в направлении указанного пути, поведя за собой напарника, который теперь чувствовал себя униженным ребенком, не получившим желаемое. Полисмены быстро отошли от старика, и уже через пару минут были в темном лесу посреди многочисленных деревьев. Обходя все участки, которые казались им странными и опасными, в один прекрасный для них, но печальный для беглеца, момент наткнулись на чьи-то следы, тут же принятые как знак того, что они находятся на верном пути. Излишняя самоуверенность их не подвела – забравшись на холм, с которого можно было хоть немного разглядеть местность, в свете совсем малой части солнца, прорывающейся сквозь облака, они заметили отчаянно бегущего в поисках выхода человека с мешком за спиной. Тогда стало понятно, что от них он больше не уйдет.

В это же время, как и следовало ожидать, начался наводящий печаль и тоску дождь, быстро сменившийся настоящей устрашающей грозой.

Значительно увеличив скорость, полицейские скрытно перебежали из одного уголка чащи в другой, пытаясь неумолимо окружить ничего не подозревающего грабителя. Наконец, подойдя к одинокому разрушенному деревянному дому, около которого пробежала заветная их цель, Мик дважды выстрелил в небо, отчего та незамедлительно скрылась за

стеной. Не надеясь на удачное стечение обстоятельств, похититель, пытаясь добиться перемирия, громко сказал:

– Я отдам все, что вам нужно! Только перестаньте преследовать меня.

– Нет уж, самозванец, твоя поимка значит для нас больше, чем ты думаешь.

– Тем не менее вы меня еще не поймали. – загадочно произнес другой. – Вижу, вы не собираетесь отступить. Тогда, пожалуйста, выживет лишь один из нас.

Тот достал из карманов два пистолета и, не выходя из-за своей защиты, наугад выстрелил сквозь нее. Не впечатлившись этим, Джон, тоже взяв оружие, саркастично выкрикнул:

– Какой точный выстрел! Еще бы чуть-чуть, и эта пуля оказалась бы у меня в черепе! Что ж, хочешь потянуть время, пока ты еще на свободе – удачи!

Донлон, держа в одной руке свой черный кольт, сделал три выстрела по краям, а затем еще четыре ближе к центру стены. В ответ, злоумышленник ненадолго выбежал из-за укрытия и выпустил очередь в сторону шерифа, и тут его мастерство дало о себе знать – пули пронеслись настолько близко к Донлону, что рассекли его щеку и унеслись еще на пару десятков метров вперед. Вид собственной крови привел шерифа в ярость, отчего желание схватить злосчастного грабителя лишь еще увеличилось. Джон, которому изрядно надоел этот поединок, выхватил нож из своего черного ремня и мет-

нул в выглянувшего, чтобы опять нанести удар, врага. Кинжал, преодолев с десяток метров над землей, попал в ногу и обездвижил свою цель, оставив за собой кровавую лужу.

Полисмены подошли к уже валявшемуся на холодной почве рядом с заполненным пакетом преступнику, и шериф, как бы издеваясь над тем, начал:

– Ну и чего ты добился? Сначала я думал, что ты очень умен, но потом оказалось...

– Хватит! – корчась от боли вскрикнул правонарушитель. – Хорошо-хорошо, вы меня поймали.

– Давай сперва достанем из твоей ноги нож. – предложил Мик.

– Нет! Ни в коем случае! – опять разъяренно воскликнул первый. – В таком случае нельзя доставать поразивший тебя предмет, ты что не в курсе?

– Он не будет этого делать, не переживай. – успокоил обоих Джон. – Сперва отдай мешок, а затем мы отвезем тебя в участок, ну а потом... решать буду не я.

– Вы что, спятили? В какой участок?

– Ну... в тот, что на окраине города, ты, скорее всего, о нем не знаешь. – опять вступив в разговор произнес Бенсон.

– Да я не это имел в виду! Эй, ты, – обратился раненый к шерифу. – Твой дружок совсем идиот, что ли?

– Он иногда слишком заинтересован в своем деле, поэтому просто не бери в голову. Так что, ты даешь нам мешок?

– Вот он, забирайте! Только не разбейте, там много всего

стеклянного и дорогого. – тот толкнул второй ногой сумку.

– Отлично. Так бы сразу. – сказал Донлон. – А сейчас на предстоит долгий путь к нашей машине.

Стражи порядка подняли пойманного и пошли к машине, путь к которой сопровождался светлыми вспышками разрядов молний и оглушающим звуком гремящего грома.

Позже с нарушителем церемониться не стали – в его до-сье, со слов его раскаяния, записали еще несколько крупных краж, и обрекли на несколько лет заключения в тюрьме Блессуорт, о которой в дальнейшем, будет еще не раз упомянуто.

Джон, крайне довольный собой и проделанной работой, сидел в своем кабинете, закинув ноги на стол, и курил сигару. Окно было открыто, но только наполовину, так, что капли дождя врезались в него, не попадая внутрь комнаты. Раздался звук сирены и Донлон устремился взглядом на улицу. Он не увидел ничего, кроме уходящего желтоватого света, падавшего на влажную дорогу и единственного фонаря, чей свет освещал ближайшие дома и проходящих мимо людей, не обращающих на него внимание в беззаботном течении своей несчастной и до боли предсказуемой жизни.

Пожалуй, ничто не может так сильно увлечь, как поиск путей и способов поимки злоумышленника. Разве что сама

его поимка.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Глава 6

Наступил долгожданный для шерифа вечер, и, при щелчке дошедшей до цифры шесть часовой стрелки, шериф вышел из участка и, никому уведомив о своем уходе только лишь Бенсона, поехал к дому Говарда, где условился встретиться с Солом и его компанией. По прошествии около пятнадцати минут он уже стоял у дома и ждал приятелей, без которых ни за что бы не начал обыск. Полчаса прошли незаметно, но, единожды посмотрев на время, Джон немного приуныл, поскольку в договоренное время никого кроме него самого на улице не было. Он осмотрелся вокруг, в надежде заметить хоть кого-то, и, никого не увидев, грустно сел на скамейку, раздумывая о том, почему его юные сообщники опаздывают. В глубине души он таил мысли о том, что возможно о нем напрочь забыли, но, будучи настоящим оптимистом, отметал подобного рода домыслы сразу, как только они тайком всплывали у него в голове.

Тем не менее, его весьма удручающее ожидание не продлилось долго – на дороге вдаль показался Планк, а за ним – Джефферсон и Луна. У первых двух в карманах были пистолеты, а у третьей – нож, коим она научилась пользоваться за все эти безрезультатные с точки зрения расследования дни.

Все трое, распознав в покрытой мраком фигуре своего знакомого, мигом подбежали к нему и остановились перед зданием, вновь восхищаясь его возвышающейся структурой.

– Здравствуйте, сэр Донлон! – начал Сол.

– Помнишь, что я тебе говорил? – раздраженно спросил Джон. – Не надо называть меня так. Впрочем, неважно. Вы опоздали. Может, мой вопрос покажется неуместным, но почему так вышло?

– А-эм... – неуверенно вступил в беседу Джефф. – Мы хотели выйти намного раньше, у нас даже был какой-то расписание, но... Сол долго не мог найти свои ботинки, да и искать он их начал за пять минут до назначенного времени. И... в итоге нам пришлось задержаться почти на треть часа.

– Нет, все было не так, как ты говоришь. – оспорил Планк. – Я начал искать их тогда, когда было еще совсем рано, я ведь не знал что они лежали за другой парой обуви!

– А по-моему, ты просто слишком поздно начал собираться. – поддержала своего брата Луна. – И к тому же, ты искал не только свои башмаки. Сколько у тебя ушло на поиски своей никому не нужной шляпы, которую ты в итоге так и не обнаружил, а?

– Так, хватит ругаться. Примем мою версию за самую правдивую и точную и закроем этот глупый вопрос. – пытаюсь усмирить своих друзей, произнес Сол и посмотрел в окно этого окутанного тайной дома.

Спустя полминуты полного безмолвия, Донлон, объясняя

план действий, сказал:

– Сначала полностью изучаем первый этаж, затем все вместе идем на второй и на третий. После того, как обыщем все внутри, нужно будет также осмотреть все рядом. Мы не должны ничего упустить, иначе расследование ждет неприятности. Оружие, думаю, вам не понадобится. Что ж, а теперь – заходим.

Шериф распахнул дверь и вошел в комнату полную мглы. Нашулав рукой выключатель, он включил свет на всем первом этаже, а затем прошел дальше, ближе к лестнице, где находились арки в соседние комнаты. Он жестом подозвал к себе ребят, все еще стоящих за порогом, и сказал:

– Тут разделяемся. Я – на кухню, Джефф и Луна – в гостиную, а ты, Сол, обыщи коридор.

– Но это нудно, Донлон! Почему я должен обыскивать его? – начал капризничать Планк, всеми жестами давая понять, что крайне находится в крайнем недовольстве и недоумении. – Скучнее и хуже места для обыска не придумать!

– В следующий раз предложу тебе что-нибудь поинтереснее, а пока что следуй моим командам. Я проработал в полиции не один десяток лет, поэтому точно знаю что говорю. Ах да, – подняв глаза еще вспомнил Джон. – Закрой дверь, пожалуйста.

“Вечно мне достается самая глупая и простая работа!” – еще раз подумал про себя Сол и пнул ногой уже превратившуюся в заклятого врага дверцу.

Все разошлись и стали внимательно рассматривать каждый объект, находящийся в помещении, начиная от древней узорчатой амфоры, которая красовалась на полке перед самым входом, и заканчивая камином, неприметно расположившемся между двумя колоннами в холле.

Джефферсон зашел в гостиную, и лицезрел всю красоту средневековых структур, какие всегда оказывали на него особое впечатление. Большой роскошный диван, деревянный узорчатый стул возле потухшего камина – ничто так не передает атмосферу загадочного замка, как все эти неповторимые предметы интерьера. Первым делом Паркинсон решил проверить внушающий страх своими габаритами деревянный шкаф со стеклянными ручками. Увидев его впервые, он задался вопросом: “Зачем надо было делать ручки настолько хрупкими?” Но, поймав себя на мысли о том, что он задает слишком много странных и никак не связанных с расследованием вопросов, и потому совсем забывает о его цели, мгновенно перестал искать ответ на эту чудаковатую загадку и вместо этого открыл гардероб, в котором висела самая разная одежда. Джефф перебрал все вещицы, ощупывая руками каждую из них в надежде обнаружить что-нибудь интересное. Однако, к разочарованию его авантюрной сущности, ничего подобного там и близко не было – его заинтересовала лишь одна куртка, в кармане которой он нашел обрывки старой газеты, но разобрать что там было написано не представлялось возможным.

Тогда Джефф закрыл шкаф и обратился к своей сестре, которая рассматривала коробки, сложенные в углу:

– Тут ничего. – показал он в сторону стены. – А у тебя что-то есть?

– Пока нет, но сейчас я изучаю надписи на этих ящиках, видишь?

– И... зачем же ты это делаешь? – чуть заинтригованно спросил тот. – В коробках есть что-то заманчивое?

– Нет, эти коробки кажутся самыми обычными. – закрыв глаза, в знак отрицания повернула головой Луна. – Но мы ведь расследуем непростое дело, поэтому я бы предпочла исследовать абсолютно все, что советую делать и тебе.

– Ты хочешь сказать, что я плохо осматриваю комнату? Еще скажи, что я неправильно дышу или что-то в этом духе. Я выполняю свою работу как нельзя лучше! – самоуверенно загордился сам собой Паркинсон.

– Тогда почему ты не заметил эту надпись внутри гардероба? – зная, что выиграет этот спор, самодовольно подметила Луна.

– Какую надпи... – начал Джефферсон, открывая шкаф.

Свет пролился на все его стороны, и, растолкав одежду в разные стороны, юноша увидел неаккуратно начертанную фразу: “В восемь вечера. Гранд-Энд”. Сперва Паркинсон не поверил своим глазами и незамедлительно сказал:

– Но этого здесь раньше не было! Ты думаешь, я буду врать? – обратился он к Луне.

Та в ответ лишь неодобрительно покачала головой и быстро вымолвила:

– Запиши эту находку в свой блокнот. Возможно, она важна намного больше чем мы можем себе представить.

Джефферсон еще раз кинул взор на все написанные буквы и все вокруг них. Прищурившись, он заметил рядом много мелких черных точек и, неслабо заинтересовавшись этим странным посланием, еще более тщательно присмотрелся к стене, приблизив свой взгляд настолько, насколько он только мог, и тогда Паркинсон стал различать небольшие фразы с различными датами и местами, каждая из которых немного заходила на другую, иногда даже полностью пересекая ее.

– “Двадцать седьмое марта. Дом номер четыре”. Шестое января. Перекресток у дома номер шестнадцать”. – вслух прочитал он. – Только у одной, последней надписи указано точное место. Или же старые надписи просто скрыты под новыми...

Джефф попытался вынести еще что-то из увиденного, и предположил, что все эти послания были сделаны давно, поскольку их было достаточно много, и все они датировались совершенно разными днями и месяцами. Затем Паркинсон еще раз проверил все стороны шкафа и, убедившись, что больше точно ничего не упустил, с громких хлопком, закрыл его двери и опять спросил свою сестру:

– Заметила что-нибудь необычное на коробках?

– Нет, это, как я изначально и предполагала, оказались са-

мые обычные ящики. А ты, я вижу, обзавелся списком многообещающих улик, не так ли? – насмешливо спросила вторая.

– Ну... ты, безусловно, малость переборщила, но в целом – да, пара важных деталей у меня есть. Мы проверили всю гостиную?

– Вроде бы да. Надо проведать остальных. – холодно отрезала Луна и вышла из комнаты.

В озаренном солнечными лучами проходе, продолжающемся до самого выхода, царил тишина. Тут, из-за комода выпрыгнул, состроив чудаковатую гримасу, Планк, держа в руке что-то наподобие меча. Он чуть не совершил им сокрушительный удар по голове только вышедшей Луны, как она быстро вильнула в сторону и ударила ловким движением ладони того в бок. Планк, не ожидая такого исхода ситуации, проворчал что-то неразборчивое, а затем дерзко начал:

– Я не собирался кромсать тебя на кусочки! Это ведь просто реплика!

– Тот факт, что это реплика не отрицает того, что он может меня убить.

За Луной показался ее брат, который, заметив в руках друга такое ценное оружие, более не мог оторвать от нее глаз, а потому забылся и перестал вслушиваться в возгласы коллег.

– Перестань быть такой серьезной! Лучше скажи: вы все обыскали? – продолжил спор Сол.

– В гостиной – все. А ты тогда скажи, где твой несостоявшийся приятель-детектив? – холодно вымолвила в ответ Луна.

– Не смей называть его так! – в ту же секунду вскрикнул Планк и посмотрел в глаза своей оппонентке. – Ты не понимаешь, насколько это дело серьезно и важно для него. Между прочим, он хотя бы честно пытается расследовать дело, а не притворяется, что делает это.

На вопли детей из соседней комнаты вышел Джон. Он подошел ближе и, чувствуя ответственность за тех, кто ему далеко не близок, присел на корточки и начал умирять ребят:

– Успокойтесь, прекратите оба! Не надо усугублять и без того не лучшее положение нашего расследования. Эх, – вздохнул он. – Поймите, вместо того, чтобы ссориться и пытаться избавиться друг от друга, лучше помиритесь, найдите общий язык, или как там говорят, узнайте об интересах друг друга, и тогда ваша жизнь, жизнь вас всех станет намного лучше. Не правда ли, что жизнь в мире и добре выглядит куда счастливее, чем жизнь во вражде и злобе. Я вас еще хорошо не знаю, но могу точно сказать, что вы можете стать хорошими людьми.

– Хватит с меня этих баллад про светлый мир. Ничего такого не было и не будет. – с тоскливой неприязнью произнесла Луна. – Мы можем, наконец, пойти на второй этаж?

– Конечно, я как раз закончил с кухней. Сол, отправляйся в спальную комнату, вы оба, – повернулся шериф к бра-

ту с сестрой, -Пойдете в ванную, а я займусь чердаком; все понятно?

Никогда не видел такого вредного человека, как Луна. Она все время пытается казаться лучше меня. Но мне это не нравится. Эх... в любом случае – если я ввязал ее в расследование, то отступить от этого не могу.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Все четверо поднялись на второй этаж, где располагался длинный и достаточно узкий коридор. Он практически в точности повторял тот, что расстилался при входе, и только одна незначительная деталь различала их. Это была лестница, ведущая в небольшой квадратный люк, который, казалось, скрывал за собой много нераскрытых чудовищных тайн. Планк, возомнив себя истинным опытным сыщиком, воодушевленный тем, что его послали обыскивать комнату, в которой можно найти много всего мистического, приготовился следить за каждой песчинкой своим зорким глазом. Однако, к его великому сожалению, комната, в которую он вошел, не представляла из себя чего-то заманчивого. У стены в ней возвышался высокий тонкий торшер, а рядом с ним лежал небольшой тонкий матрас, заменяя собой кровать. Эта комната совсем не была похожа на то, что видел Планк до этого в доме. Она рушила всю картину, сложившуюся в богатом фантазий воображении Планка. Все же, по-

нимая, что это необходимо, он начал идти вдоль плинтуса, за которым он непрерывно следовал взглядом, и проверял каждый объект, попадающийся ему на пути. Так, не дойдя и до угла, он наткнулся на багровую тумбу, а между ней и стеной виднелась узкая щель. Сол сделал то, что бы сделал любой детектив – отодвинул ее от стены и пригляделся к стене, дабы найти какие-то зацепки. Но и в этот раз ему не повезло – белая стена была абсолютно чиста, на ней не было ни одного изгиба или любой другой неровности. Ничего толком не сыскав, Сол пошел дальше в направлении кровати. Благо теперь на его пути никаких предметов, кои могли вызвать у него подозрение, не было. Планк, дойдя до постели, остановился и посмотрел под ноги, где покоился серовато-желтый тюфяк. Он был не на шутку потрепан, о чем свидетельствовали многочисленные дыры и сама скомканный его вид.

На нем я увидел немислимое количество повреждений. Он показался мне искалеченным, но бесконечно верным и преданным другом, который когда-то с необыкновенным чувством гордости сражался с тобой за благое дело, но в конце нашего пути пал, оставив за собой только светлые воспоминания.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Юноша еще секунду не отводил взгляда от него, а затем поднял голову и посмотрел в окно. Увиденное не столько поразило его, сколько вызвало у него чувство просветления ра-

зума, и он, опомнившись, ринулся к своим напарникам.

– Смотрите быстрее, смотрите! – воскликнул он. – Бегите сюда!

На его крики прибежали сразу все – и Луна, и Джефф, и Донлон были в одной комнате уже через полминуты.

– Вот, – отдышавшись, показал на окно Сол, – Вон там, видите?

Джон первым заметил удивительную находку приятеля. Он сначала непонимающе опустил брови, а затем широко раскрыл глаза и выкрикнул:

– Кажется, это дело можно завершать! Этот красный родстер был связующим звеном во всех этих преступлениях и подозреваемых. Теперь все ясно – Говард убил Фрэнсис Шенк и скрылся по тропинке, не оставив за собой следов! Предлагаю выпить за раскрытие дела!

– Кхм, кхм. – возразил Планк. – Но тогда слова Лоуна – ложь, и получается, что он соврал... Но зачем ему это делать? Что-то мне подсказывает, что Говард никого не убивал, а значит делу еще не конец. И к тому же, я не пью! С чего ты взял что я вообще делаю это? – начал опять задавать пустые и не относящиеся к делу вопросы тот.

– Ну... я думал, ты, может... – поддержал разговор Джон, явно не поняв мысль несогласия Сола.

– Так, давайте лучше немедленно отправимся в участок и еще раз проведем допрос Вилли, на этот раз имея больше доказательств его виновности. – не давая другим уйти от те-

мы дела, предложила Луна.

– Да, это хорошая идея. – поддержал ее брат. – Если он не сознается, то отправится в Блессуорт, чего уж точно ему не хочется.

– Так точно, мои коллеги! Тогда я сейчас же завожу машину и мы возвращаемся в отделение. Правда, я все же не вижу смысла его повторно опрашивать. – согласился Донлон и начал спускаться по лестнице, поведя за собой детей.

Выйдя из дома, все они сели в автомобиль и унеслись далеко-далеко, среди порывов ветра в предчувствии стремительно надвигающихся захватывающих событий.

К этому времени уже стемнело, и дорогу освещал только тусклый свет фонарей. Как и раньше, ни одной живой души нельзя было заметить на улице. И непонятно – уединялись ли они в своих домах каждым вечером или же вовсе не обитали тут. Впрочем, это никак не влияет на то, что эта улица уже давно была забыта как редкими посетителями города, так и давними его обывателями, которые знали наизусть каждый квартал.

Спустя треть, а то и половину часа старая патрульная машина с горем пополам, кряхтя и изредка издавая странный скрип, добралась до участка.

Новоиспеченные сыщики зашли внутрь и, не обращая ни на что внимание, прошли на второй этаж. В голове у каждого таилась своя собственное желание о том, что он хочет услышать от Говарда, который, между тем, смиренно сидел в своей

клетке и периодически поворачивал голову, то ли для того, чтобы размять шею, то ли осмотреться. Увидев прибывших к нему гостей, он, с улыбкой на лице и еле сдерживая смех, начал, :

– Сэр Донлон, как давно я вас не видел! Сколько времени прошло? Десять часов, пятнадцать, двадцать?

– Тебе лучше придержать язык за зубами. – строго погрозил Джон, приблизившись к решетке. – У нас есть то, что заставит тебя рассказать нам всю правду.

– Всю правду! – засмеялся другой. – Ни за что в жизни я не скажу, что убил эту проклятую Шенк.

– Кто вообще такая эта Фрэнсис Шенк? – в ярости от непонимания происходящего кратко спросил шериф.

– Почему вы думаете, что я знаю? – попытался уйти от ответа Вилли.

– Говори нам сейчас же, иначе отправишься в Блессурт! – продолжил настаивать на своем Донлон. – А там уже тебе найдут местечко, которого ты стоишь.

– Хорошо-хорошо, только давайте не все сразу. Может я, лучше, расскажу вам о своей жизни. Поболтаем по душам, как говорится.

– Мы только что были в твоём доме, и то, что мы нашли рядом с ним, тебя должно, по меньшей мере, расстроить. Красный родстер тебе не о чем не говорит?

– Как эта совершенно бесполезная машина может связать меня с преступлением? Лучше я расскажу больше о своем

жилище, вам будет интересно, поверьте мне.

– Хватит нести бред!

– Стой, Джон, может он нам и вправду расскажет что-то полезное. – придержал того Сол.

– С какой комнаты начать? – наслаждаясь моментом, когда его не пытаются обвинить в совершении убийства, спросил Говард.

– Со спальни. – кратко ответил Планк и приготовился слушать.

– Спальная, неплохой выбор. – медленно проговорил Вилли. -Как насчет поговорить про мою кровать?

– Это мне и было интересно. – перебил Сол. -Почему этот матрас такой тонкий и лежит на полу, когда весь остальной дом просто идеален во всем?

– Ой, не стоит комплиментов. – очарованный приятными для него словами мальчика, продолжил свой рассказ Говард. -Все дело в том, что пол у меня, если вы заметили, холодный, и, чтобы мне не было слишком жарко, я специально сплю на тонком матрасе.

– Я ожидал услышать что-то про тайник, находящийся под ним.. или хотя бы про какой-то ключ, который в нем лежит. Ну... – растерялся Планк от донельзя странного и глупого ответа.

– Ну я ведь говорил, что он твердит только чепуху. – опять вернулся к своим мыслям Донлон. -Зачем мы вообще завели разговор о его постели? Так, либо ты нам рассказываешь что

произошло тем роковым вечером, либо сегодня же уезжаешь в тюрьму.

– Что ж, пусть будет по-вашему. Но сначала ответьте, а какие зацепки еще у вас есть? – загадочно спросил Вилли.

– Ни-ка-ких. – переглянувшись, хором неуверенно вымолвили расследователи.

– Тогда с какой стати вы угрожаете мне отправкой в Блессоурт! – зло, но одновременно с этим и весело, воскликнул Вилли.

– Власть примет любую нашу версию. А учитывая то, что у нас есть достаточно подозрительная улика, то посадить тебя нам не составит большого труда.

– И что же мне сделать, чтобы вы отстали от меня со своим чертовым делом?

– Всего лишь рассказать, что ты видел.

– Я верен Семерке, и никогда не предам ее!

– Одумайся, никакой Семерки уже не существует, теперь это лишь название, обреченное на полное забвение через несколько лет.

– Я вот что заметил, – встав со своего стула деловым голосом сказал другой. – Вы почему-то всегда выставляете свои версии за истину, даже если они такими не являются. Попробуйте покопать чуть глубже, а не искать сокровище на поверхности. И хорошенько подумайте, прежде чем в следующий раз называть меня сумасшедшим.

– Я вспомнила! – вдруг выкрикнула Луна. – В шкафу, на

одной из его сторон, было написано “Гранд-Энд”, что это такое?...

– Отвечай! – вновь пригрозил Джон.

– Хорошо, хорошо! Не ожидал, что вы зайдете так далеко. – испугался Говард. – “Гранд-Энд”, когда-то известная гостиница, где Безликие любили собираться, чтобы обсудить волнующие их вопросы.

– Отлично. – сказал Донлон. – А теперь мы едем в Блессурт.

– Но вы обещали, что... – удивился Вилли.

– В криминальном мире обещаний нет, дружок. Через пару минут я вернусь. – с издевкой закончил шериф и отошел от комнаты.

Планк быстрым шагом, стараясь угнаться за полицейским, стал отговаривать его от решения обрести Вилли на долгие муки.

– Джон, мы не можем так поступать с ним!

– Почему же? Он причастен к преступлению, которое не могли раскрыть больше пяти лет! Представляешь, какая слава свалиться на нас?

– Нет, так нельзя! Пойми, если мы будем держать его здесь, он будет нашим советчиком. Что нужно сделать, чтобы поймать убийцу, а?

– И что же? – резко остановившись спросил шериф.

– Мыслить как убийца! С Говардом у нас намного больше шансов раскрыть дело, нежели без него.

– Знаешь, ты прав, Сол. Но что, если он нас, наоборот, запутает?

– Тогда его судьбу решать будешь ты. Но сейчас ему нужно дать шанс.

– Так уж и быть, уговорил, хитрец! Но я все же продолжаю думать, что это он убил Шенк. Потом обрадую нашего несчастного заключенного. Однако я надеюсь, что ты осознаешь цену каждого твоего решения.

– И ты каждого своего тоже. Завтра утром, думаю, я буду здесь, обсудим наши дальнейшие действия. – радостно сообщил Планк, и спустился на первый этаж, откуда, позвав за собой друзей, выбежал на тихую, но нисколько не печалившую юнца улицу, утопающую в массе неразличимых темных силуэтов.

Джон был очень легок на подъем, да и вообще ему было свойственно мгновенно меняться в характере – он может моментально согласиться с вами, хотя секунду назад отрицал все ваши доводы... Я захотел дать Говарду шанс из-за того, что увидел в нем тайное желание помочь нам, однако одновременно с этим он что-то недоговаривал. Причиной тому, как мне кажется, мог быть отстраненный человек, которому ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Вилли его выдал. А может, Говард и сам играет в двойную игру. Это нам лишь предстоит выяснить.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Примчавшись домой, Планк, не в силах от переполняющих его чувств, больше раздумывать над различными деталями дела, казавшимися ему скучными, лег, широко раскинув руки, на просторный мягкий ковер и засмотрелся на потолок, все глубже и глубже погружаясь в собственные мысли о добре и зле, о правде и лжи, о верности и предательстве, пока, наконец, не задремал в полном безмолвии.

Прозвучал уже надоевший утренний звонок в дверь. Планк, проснувшись посреди гостиной в полной бессознательности, лихорадочно начал вспоминать что он учинил прошлым вечером. Он посмотрел на часы над камином, на которых часовая стрелка вот-вот дойдет до десяти, а затем быстро встал и подбежал к окну, ослепленный проходившими ему навстречу огненными лучами солнца. Сол приставил руку ко лбу и прищурился. Долго не мог он понять, кто бы мог потревожить Паркинсонов в столь жаркий день, а потому подошел к двери и, по своему обычаю приветливо встречать любого гостя, даже самого наглого и нетактичного, медленно, дабы подчеркнуть свою важность, начал открывать ее. С каждой секундой фигура за порогом становилась все выше и постепенно завоевывала в неравной битве превосходство себе. Когда дверь была полностью распахнута,

Планк увидел статную женщину лет тридцати пяти. Своим холодным и беспощадным взглядом она внушала не только страх, но и свое безоговорочное преимущество над стоящим перед ней мальчишкой.

– Здравствуйте, мадам. – саркастично поприветствовал Сол незнакомку. – Возможно, вас смутит мой вопрос, но кто вы?

– Кто я? У меня такой же вопрос к вам, молодой человек. Полагаю, вы не знаете, что находитесь в моем доме.

– В вашем доме? Нет, вы точно что-то напутали.

Сзади из фургона вышел мужчина примерно того же возраста. Он уже не казался Солу таким величественным, но все равно вызывал неподконтрольную неуверенность.

– Кто это? – подойдя чуть ближе, спросил он у женщины и затем повернулся к Планку с неожиданным для того вопросом. – Должно быть, ты знаешь Джеффа Паркинсона?

– Конечно знаю, эм... а зачем вы спрашиваете?

После непродолжительного молчания Планк поднял указательный палец, как он обычно делал при появлении идеи, и отрывисто произнес:

– Кажется я понял! Вы – мистер Уилл Паркинсон и миссис Несси Паркинсон, так ведь?

– И я, кажется, узнала тебя. – сама от себя не ожидая, удивилась женщина. – Ты Сол Планк, о котором говорил нам Джефф, ну конечно!

Только лишь мужчина стоял, пытаясь понять что вообще

тут происходит.

– Погоди, то есть ты все время знала о его существовании, но при этом не говорила мне? – возмутился он.

– Я вживую его вижу впервые в жизни, чего ты от меня хотел? – начала оправдываться другая. – Что ж, пора вас познакомить. Сол Планк, это – Уилл Паркинсон, отец вашего друга, Джефферсона Паркинсона. Уилл, знакомься, это Сол Планк, в ближайшие пару месяцев он будет жить с нами.

– Не понимаю, почему ты сказала мне об этом только сейчас. – снова рассердился тот. – Это ведь еще одна огромная куча проблем, ненужных дел и всего такого. Я скоро сойду с ума от всех этих домашних хлопот... к тому же еще эти съемки, которые доставляют больше всего неприятностей!

– Что с тобой, почему ты так приуныл? Хватит преувеличивать все наши проблемы. Да, их у нас немало, но все они в сумме размером с горошину! – успокоила Несси своего мужа.

– Эх... – вздохнул тот. – Ладно, что тут поделывать, твое сравнение как всегда неудачное, но, тем не менее, меня воодушевляет. Все, мой лимит чересчур теплых лирических слов на сегодня исчерпан, идем в дом, надо разложить все вещи. Но перед этим я должен хорошо отдохнуть.

– Кстати, теперь в той комнате, где ты жил, будем жить мы, поэтому тебе придется расположиться на диване. В остальном же можешь себе ни в чем не отказывать – когда как ни сейчас наслаждаться жизнью. – сказала Несси Планку и ушла

за мужем, который уже зашел в дом.

Сол, в свою очередь, на опережение побежал на второй этаж, чтобы взять самое ценное – рукопись книги, которая могла не только потеряться, но и в случае обнаружения Паркинсонами-старшими, вызвать у них неподдельный страх за его жизнь и жизнь его друзей. Он быстро перебежал ступеньки одну за другой, на пять секунд забежал в комнату, схватил листки с полки и выбежал обратно, будто ничего и не делал. Планк глазами обежал весь зал и нашел весьма неприметное, как он думал, место для хранения его детища – это была самая верхняя полка для книг, где лежала всего одна энциклопедии, кои Сол терпеть не мог.

Но перед тем, как спрятать страницы, он решил их пересчитать, чтобы убедиться, что он ничего не потерял или забыл. Обнаруженное не столько поразило его, сколько испугало и несколько затуманило его разум, в глубинах которого он немедленно начал искать объяснения тому, что увидел. Сол еще раз перебрал и пересчитал все бумаги, с надеждой на то, что он просто ошибся при подсчете листов. Однако, к его разочарованию, он и в этот раз не увидел трех листов, исчезнувших из самых разных мест книги. Планк, понимая, что больше не может держать стопку исписанных листов на виду у всех, слегка подпрыгнул, чтобы достать до верхней полки, и закинул на нее страницы, оставив у них немного выглядывающий угол. Переведя дух, тем самым приготовившись к предстоящему дню, он вышел на улицу и помчался к

полицейскому участку, перед этим спрятав в обширном кармане своей черной куртки револьвер.

Юноша преодолевал метр за метром, не оглядываясь ни на редко проезжающие мимо машины, ни на голубей, слепо летящих ему навстречу, ни на уходящие вдаль открытые почтовые ящики, из которых то и дело, вылетала какая-нибудь старая газета и развевалась на ветру до тех пор, пока не улетит куда-то далеко, может быть даже за пределы города. Озадаченный мыслью о пропавшем тексте, он думал только о том, где бы он мог оставить эти подлые листы. Проходящие рядом люди, мелькающие в глазах Сола дома и фонари – все это теперь было для него лишь частью экспозиции, разыгранной у него в голове. Он продолжал вспоминать день за днем, каждый час и каждую минуту, в которой он мог совершить ошибку, влекущую за собой столь волнующее последствие пока, в конечном счете, не добежал до отделения. Там, в своем кабинете на кресле, уже сидел шериф, который, не издавая ни малейшего шороха, наблюдал за стрелкой часов и вслушивался в каждый ее стук. Нарушил это беззаботное состояние неожиданно вошедший Планк, который произвел быстрое движение руки, едва похожее на знак приветствия, и сразу начал с самого главного:

– Куда-то исчезли три листа из книги, причем все они относились к разным главам.

– Стой, из какой книги? – курьезно спросил Джон.

– Разве я тебе не говорил? Мы ведем записи и констати-

руем все факты, с которыми сталкиваемся в ходе расследования, чтобы, когда мы раскрыли преступление, все знали что из себя представляет эта Безликая Семерка.

– Я удивлен, что ты сказал мне об этом только сейчас, но не суть. Так, где она хранилась?

– На столе в моей комнате. Я могу с уверенностью сказать, что не слышал, как кто-то ночью заходил в мою комнату.

– Ты в этом уверен?

– Только в этом я и уверен. Что-что, а мой слух ничто не обманет.

– Л-а-а-дно. – медленно произнес тот, записывая слова друга в блокнот. – Когда ты последний раз до этого пересчитывал листы?

– Точно не знаю, но, насколько я могу вспомнить, два дня назад, поздним вечером. Это было за день до того, как мы обыскали дом Говарда.

– Ага. Значит, ты не знаешь что творилось с твоей книгой последние два дня. Может, ты их просто потерял?

– Джон, это очень важная деталь, не надо ставить под сомнение мои сведения. Они не могли никуда пропасть из моей комнаты.

– Значит, их кто-то украл. Вы всегда закрываете дверь и окна перед тем, как уйти?

– Конечно, что за вопрос. – зло ответил другой.

– Ты можешь это утверждать? – увидев в глазах Сола неуверенность, переспросил шериф.

В ответ последовало лишь молчание, очевидно, означающее категоричное отрицание.

– Понятно. – вздохнул Донлон. – Предположим, что их украли. Тогда возникают два вопроса: кто и зачем?

– Вот именно, Джон, я даже представить не могу кому могли быть нужны эти страницы.

– Но при этом такой человек есть. – поставил Сола перед дилеммой Джон.

– В таком случае нам нужно быстрее его найти, пока он еще не натворил чего-нибудь подлого. Каждый день может стоить нам новых украденных листов. Начнем с того, кто точно не мог это сделать.

– Бенсон сегодня всю ночь караулил нашего подопечного, поэтому его можно сразу вычеркнуть из списка потенциальных подозреваемых.

– Луна и Джефф тоже не могли их украсть, ведь им делать это незачем.

– Надеюсь ты меня не подозреваешь. – развел в руки стороны Донлон.

– Нет, конечно нет! – раздраженно заверил того Планк и продолжил размышления. – Если никто из тех, кого мы знаем, не мог этого сделать, то как мы вычислим злоумышленника?

– У кого-то был доступ к дому кроме вас?

– Нет, говорю же.

– Тогда наша версия, полагающая, что их украли, невер-

на. – заключил шериф. -Потом попытайся вспомнить где ты мог их оставить, хорошо? Ты ко мне, кажется, не за этим пришел.

– Ты прав. – сменил мысль Планк. -Итак, наши дальнейшие действия таковы: мы должны найти тот отель, о котором сказала Луна, и куда, по словам Говарда, часто приезжала Семерка, и разузнать все что можем о его посетителях, и, если повезет, наткнемся на кампанию из трех-четырех, может больше, человек. Она нам и нужна – если поймаем хотя бы одного, считай остальные у нас уже в паутине.

– И кто будет все это проворачивать? – с энтузиазмом спросил Джон.

– Один ты не справишься, поэтому в напарники с тобой отправиться Бенсон.

– Почему это я один не справлюсь?

– Не задавай лишних вопросов. Все же ты нам помогаешь, а не мы тебе.

– Чего только можно ожидать от моей профессии... я и ума приложить не могу! Когда мы выезжаем?

– В ближайшие дни. А ты что, уже знаешь где находится гостиница? – недоумевая спросил Сол и слегка повернул голову влево, в сторону окна.

– Это не проблема. – заявил другой и взял с одной из полок своего стеллажа большой тонкий лист бумаги с каким-то, на первый взгляд, непонятным чертежом.

Рассмотрев его ближе, Сол понял, что это было ничто

иное как карта города.

– Как я понимаю, наша цель – это здание. – указал пальцем тот на маленькую точку с надписью “Гранд-Энд”.

– Именно. – отрезал Планк и протянул руку шерифу. -За дело.

Глава 7

В тот день наше расследование разошлось на два совершенно разных, но тесно связанных друг с другом пути, если и вовсе не свернуло в другое русло. Тогда я по-настоящему осознал, как сильно ошибался, отрицая то, что каждое преступление можно раскрыть, если судить о нем как о деле отстраненном и самостоятельном, что несколько совершенно непохожих криминальных дел могут лишь запутать детектива, и что преступником может быть абсолютно любой живой человек, с кем я когда-либо был знаком. А может, и не знаком. А может и не любой. А может и не живой. Так, что-то я совсем отошел от темы.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

После ухода Сола, Джон незамедлительно уведомил о предстоящем визите своего коллегу, отчего тот еще некоторое время пребывал в удивлении и волнении, которое, как он сам объяснял, возникло из-за того, что данное шерифом задание было первым столь необычным в его жизни.

Донлон же пошел проведать Говарда, что с недавних времен стало входить в его личные обязанности.

– Опять здравствуй. – сел он на стул возле стены. – Думаю, ты догадываешься куда я в скором времени поеду.

– Это вам ничего не даст. Семерка уже давно не была там.

– Ты не знаешь где находятся остальные ее участники? – холодно спросил Донлон.

– Неужели ты настолько глуп и наивен, Джон! Даже если бы я знал, то тебе бы не сказал. – сдерживая смех, ответил Вилли.

– Смотрю, в тебе проснулся поэт. Ты всего лишь самый обычный сумасшедший, который верит в то, что его клятва перед Семеркой важнее всего и что его ждет неминуемое спасение, если он ее не предаст.

– Я не спятил, и точно знаю это... Знаешь, многие люди настолько сильно отличаются, что им не суждено понять друг друга. Вот и тебе не понять моих слов и мыслей.

– Так зачем мы тогда вообще заводим беседу?

– В наших разговорах ты и ищешь на это ответ. – утонул в глазах собеседника, шаг за шагом будто пожирая их, другой.

– Понятнее не стало, если честно. – сказал Джон, отведя взгляд в сторону. – С каждым часом, пока мы не продвигаемся в расследовании, ты все ближе и ближе к своей участи просидеть оставшуюся жизнь в тюрьме. Поэтому пора бы задуматься о том, кому ты больше доверяешь – бывшим друзьям, которые исчезли куда-то пять лет назад или нам, полицейским, которые действуют по закону.

– Законы субъективны, Донлон, разве ты не понимаешь? И кстати, по-моему ты собирался уезжать, так что изволь оставить меня.

– Не смей указывать мне, иначе...

– Иначе что? Что ты сделаешь мне, чертов обманщик. – хищно набросился на решетку Говард. – Не-ет, ты не заслуживаешь такой жизни, ты не шериф, и никогда не должен был становиться им.

– Замолчи сейчас же! – в бешенстве выкрикнул Джон.

– Что ж, это мне нередко приходится слышать. – отошел обратно другой. – Все же как всех нас легко привести в ярость, не правда ли?

Донлон молча отошел от камеры и направился к кабинету Бенсона.

– Мы находим очередного участника группировки? – спросил записывающий что-то Мик, увидя вошедшего шефа.

– Да, точно. Когда поймаем его, то заставим рассказать все, что он знает, а по нашим предположениям, он знает достаточно, чтобы мы, наконец, раскрыли дело.

– И сколько мы времени мы будем находиться в отеле?

– Не знаю. Она может затянуться больше, чем я изначально предполагал. Я не исключаю того, что эта компания до сих пор посещает Гранд-Энд, ведь о ее причастии к Семерке никто даже догадываться не может. А потому их поимка в месте, куда они много лет ездят, будет наилучшим способом их схватить.

– А если же мы не получим данных о посетителях, а например, нам выдадут какую-то другую ненужную информа-

цию за ту, на которую мы охотимся?

– Как любит говорить один мой хороший друг, любая информация полезна. И напоследок – выезжаем через день, поэтому советую поторопиться со сбором всего нужного. – властно завершил свое объяснение шериф и ушел куда-то на второй этаж.

Сол, тем временем, почти добрался до дома, со стороны которого издавалось скрежетание, скрип и что-то похожее на жужжание. Это была Несси Паркинсон – она сидела возле двери и что-то старательно чинила, одновременно с этим говоря что-то. Сделав еще с десяток шагов, Планк смог различить в ее руках цепочку, которую та внимательно рассматривала. К Несси быстро подошел Уилл и тоже посмотрел на цепочку. Дойдя до крыльца, Планк стал вслушиваться в их разговор, однако многие слова он все равно не улавливал, а потому решил вовсе не обращать на него внимание.

Ничем не примечательный день неизбежно приближался к концу: солнце уже зашло за горизонт, на небе стали видны звезды, а затем над городом вознеслась луна, окрашивающая все полутемные дороги в свой зловещий мрак, который вскоре окутал и всю улицу. Такие ночи вызывали у Сола необыкновенное желание поразмышлять о смысле жизни, о своих поступках и решениях, о сути своего предназначения. Задаваясь такими вопросами, он непременно ловил себя на

мысли, что находит в существовании каждого человека что-то неповторимое и удивительное, что не найдется ни у кого другого. Эта идея согревала мерзлую душу Планка, еще давно разбитую на мелкие осколки, в каждом из которых оставалась неуволвимая частица его самого.

Следующий день прошел так же незаметно, как и предыдущий. Никто не хотел искать лишних проблем перед неосценимо важной точкой в расследовании – шериф и его помощник прочищали каждый угол, чтобы убедиться, что не забыли сложить в свои рюкзаки все необходимое. Планк известил Джеффа и Луну о пропаже страниц, но они, подобно Джону, остановились на мнении, что Сол просто потерял их, и больше не обсуждали этот, как они считали, глупый и не относящийся к делу вопрос. Однако временами, когда никакие другие обстоятельства не ставились под вопрос Планком, он все же задумывался об их исчезновении, и еще долгое время не мог перестать об этом рассуждать.

День – всего одна из трехсот шестидесяти пяти пылинок года. Год – всего одна из ста крупинок века, а век – всего один из десяти фрагментов тысячелетия... Думая об этом, мои предположения о нашей незначительности становятся еще более разочаровывающими и кажущимися трагичными.

Как хорошо ранним утром, далеко в глубинах чаши, когда уже можно услышать звенящий лепет птиц и трель ручья, проснуться в своей уютной, но вместе с тем просторной хижине, окруженной переливающейся зеленью листьев, сквозь которых пробиваются вдохновляющие потоки света и, не дожидаясь пока весь остальной донельзя прекрасный и потрясающий живой мир проснется, выпить чашечку крепкого кофе. Так представлял начало своего лучшего дня в жизни и шериф, но это утро было явно не из таких. Серое небо, захваченное тучами, не внушало никакой надежды на то, что впереди его ждет хоть что-то сколько-нибудь хорошее. Шериф, прошедший ночь в своем кабинете, пробудился ровно по звуку будильника, который он специально расположил на своем столе. Он посмотрел на стрелки и, удостоверившись, что пока все идет по задуманному плану, набрал десятизначный телефон напарника и, услышав ленивое “кто это?” быстро сказал:

– Джон Донлон, местный шеф полиции. Будь в участке не больше, чем через тридцать минут. В ближайший час мы выезжаем в Гранд-Энд.

Он не стал дожидаться ответа и бросил трубку, после чего накинул на свою рубашку куртку, запасся сигарами и вышел на улицу в ожидании Бенсона. Как назло, в этот же момент начался ливень, и капли не только попадали на всю одежду

Джона, но и еще сильнее заводили в уныние всех жителей этого неведомого городка.

Минуло двадцать минут тоскливого нахождения Донлона снаружи, как вдалеке, за туманом, на дороге, показались два белых огня. Они приближались к участку, с каждой секундой немного замедляясь и оставляя за собой почти незаметный черный след, пока окончательно не остановились. Пройдя навстречу, Джон понял, что это была машина. Стекла были полностью покрыты каплями, из-за которых он сначала не мог понять, кому принадлежал автомобиль. Через некоторое время из нее вышел зеленоглазый человек в шляпе, в котором шериф безошибочно узнал Мика, с которым он толком еще не успел сработаться.

– Здравствуй. – коротко и сердито сказал тот.

– Что с тобой? – заметив в настроении Бенсона жалобность спросил другой. – Если честно, сейчас ты выглядишь как... как недоваренная картошка.

– Рассмешил, друг! – в шутку резко ободрившись саркастично ответил детектив. – Я просто не выспался, так что лучше меня не злить, а то и сам знаешь – один мой выстрел из двух всегда точный.

– Никто еще не пытался мне угрожать. – усмехнулся Джон. – А тем более уж так уверенно. Ты рискованный, но надежный, и мне это нравится, поэтому и беру тебя на все задания, не боясь оказаться преданным.

Эти слова поистине тронули Бенсона, и он, проникнув-

шийся душевным признанием от своего напарника, профессия которого не заставляет часто откровенничать с другими, в ответ задал лишь один вопрос, оставшийся в памяти шерифа еще надолго:

– Что лучше – говорить правду своему недругу или лгать тому, кому ты доверяешь и кого ценишь?

– Не знаю... – задумался Джон. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так... Просто интересно поразмышлять. – вышел другой из-под крыши и протянул руку вверх ладонью, ловя многочисленные мелкие капли дождя. – Через сколько мы отправляемся в путь?

– Можем уже сейчас, если ты готов. Ты взял все, что тебе нужно?

– Ага. Вон мой рюкзак. – показал большим пальцем сзади себя на автомобиль Мик.

– В таком случае мы можем выезжать. Садись в патрульную, поедем вдвоем в ней, иначе шансы того, что мы спугнем нашу цель, еще больше возрастут.

Бенсон послушно переложил свой ранец на заднее сиденье другой машины, а затем и сам сел в нее. Донлон еще раз окинул взглядом улицу, на которой он провел большую часть своей жизни, и, насладившись пусть и горестной, но неимоверно близкой ему картиной, нырнул на место водителя и понесся в сторону других проспектов и кварталов, где уже вовсю кипела тихая, но весьма недурная жизнь.

Пролетая сквозь здания и посаженных кустов агавы, преодолевая ряды пешеходов, полисмены проворно лавировали между проезжающими рядом роскошными синими и желтыми родстерами, водитель каждого из которых с неистовым желанием хотел обогнать любого другого. В этой грандиозной суматохе можно было задумываться только о том, почему именно сегодня на дорогах собралось так много людей – рука ли это судьбы, или просто дело случая? Но такие вопросы были чужды нашим героям, поэтому они провели весь путь в пронизывающей душу тишине, лишь изредка заводя разговоры о жизни и прочих совсем не интересующих, на самом деле, их делах.

К слову, Гранд-Энд находился не так далеко, поэтому весь путь обещал быть недолгим. Однако, по широко известному закону подлости, его растянули постоянные светофоры и обгоняющие машины, так что добрались стражи порядка до него только спустя два часа нудной поездки, о которой, впрочем, не стоит лишний раз разглагольствовать.

Я пообещал Джону, что буду каждый день отправлять ему письма о нашем прогрессе. То же самое сделал и сам шериф, от которого я впервые услышал столь честную и искреннюю речь, с которой он дал мне это обязательство. Не знаю, было ли на сие значительное изменение в его поведении веская причина, но в любом случае, он начал казаться мне не таким уж и суровым и отдаленным, каким казался до

этого.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Погода начала постепенно улучшаться – на небе, за облаками уже можно было увидеть частичку солнца, которой хватало, чтобы осветить хоть какую-то часть города, а дождь сменился радующей сердце радугой, чей вид придавал этому часу несколько торжественные оттенки. Заехав за поворот, Бенсон и Донлон увидели белокаменное здание внушительных размеров, которое мгновенно приковало их внимание. В нем было четыре этажа, о чем свидетельствовали длинные ряды окон, проходящие вдоль всей гостиницы. Через каждое окно повторялись изысканные колонны, которые также и завершали всю конструкцию здания. По центру же красовалась массивная деревянная дверь, которая только своим наличием давала понять, что Гранд-Энд явно из тех числа отелей, которые отличаются особым комфортом и гостеприимством. Под ней располагался красный ковер, а сверху висела выложенная из золотистых букв надпись с названием этого необычайного места.

– Ничего себе мотельчик... – пораженно воскликнул Джон, медленно подъезжая к сооружению. – Я представлял его явно не таким. Не слишком ли опасно для обитания опаснейшей группировки?

– Эта группировка профессиональна, так что нет. – предположил Мик. – Если они хорошо

подготовились, то их нахождение здесь не должно вызывать у кого-то вопросов, верно?

– Да, все же слухи об их злодеяниях основаны не на пустом месте.

Донлон подъехал к гостинице, но не остановился, а поехал дальше. Удивленный таким решением, Бенсон недоуменно воскликнул:

– Куда ты едешь? Нам надо попасть в Гранд-Энд, оставь машину на месте!

– Если мы поставим машину здесь, то мы будем представлять еще больший интерес, что совсем не играет нам на руку. Кстати,ними значок, иначе тогда нас точно опознают и все наше задания пойдет к чертям.

– Не буду я снимать значок! – начал пререкаться другой. – Для меня честь и долг...

– Хватит спорить, ты все равно снимешь этот проклятый значок. – настоял шеф.

– Не буду я этого делать! – упрямо противился его подопечный.

– Нет, будешь! – обернувшись к собеседнику, ударив кулаком по спинке кресла, зло повелел первый.

– Нет, не буду!

– Я тебя уволить могу в любую секунду! – угрозил Джон.

– Не можешь, потому как только я в твоем участке являюсь профессиональным детективом.

– Никакой ты не детектив, а просто мой помощник, заме-

ну которому я найду в два счета.

– Раз я не детектив, то зачем ты позвал меня на эту миссию?

– Миссия! Какое важное слово, не так ли?... Раз ты такой упорный, то придется действовать жестко. – тот достал из кармана револьвер.

В глазах Мика сразу же вспыхнули огоньком страх и жалость. Он придвинулся спиной к двери и немного приподнял руки. Вдруг послышался звук клаксона стоящей сзади машины, облитый всеми красками выражения гнева и свирепости. Услышав его, шериф опять повернулся, положил обратно револьвер и чуть ли не бессознательно нажал на педаль и рванулся дальше.

– Ладно, ты прав, уволить тебя я не смогу. – остывши сказал он, слегка одним глазом посматривая назад. -Но значок изволь снять.

– Что на тебя нашло... – с облегчением вздохнул Бенсон. -Никогда не думал, что буду стоять на грани жизни и смерти из-за какого-то значка, когда твоя судьба находится в руках твоего же напарника.

– Добро пожаловать в криминальный мир. – улыбнувшись, воскликнул Донлон, внимательно смотря на дорогу. - Тебя и не такое ждет, ведь каждый тут может оказаться не тем за кого себя выдает, и, поверь мне, я знаю о чем говорю.

Доехав до какого-то безлюдного умиротворенного, но в то же время и жуткого, закоулка, блюстители закона притормо-

зили, а затем вышли из автомобиля. Окруженные тремя полуразрушенными стенами, они дошли до тротуара и направились к зданию. Полисмены прошли немного-немало двести метров, как были уже у входа. Джон наступил на ковер и, оставив на нем черный след от своих сапог, открыл двери и перешагнул через порог. Все внутри казалось еще больше, чем снаружи – высокий вертикальный столб, от которого отходили более мелкие горизонтальные, прикрепленные к балконам, будто не имел конца, а сами эти балконы со стеклянными бортами, проходящие вдоль каждого этажа, снизу казались и вовсе продолжением друг друга. Впереди Донлона располагалась стойка со множеством разделенных между собой окон, в каждом из них виднелось мило улыбающееся лицо, ожидающее своего гостя. Еще буквально несколько минут детективы рассматривали и запоминали каждый угол, лесенку и дверь. Закончив описывать своими глазами круги и вернувшись взглядом в изначальную точку, Мик и Джон опомнились, и подошли к одному из проемов.

– Здравствуйте! – послышался тонкий голосок за окном.
-Что привело вас к нам?

– Мы... – замялся Донлон. -Решили съездить куда-то отдохнуть, и не нашли места лучше...

– О, несомненно, вы сделали лучший выбор из всех возможных! Не буду вас задерживать, перейдем сразу к сути – какой номер пожелаете? На одного, двоих, может быть четверых? – быстро спросил голос.

– Второй вариант. Да, Мик? – обратился тот к Бенсону.

Его напарник, не ожидая такого несвоевременного обращения, в мгновение кивнул головой и отошел в сторону, где и стоял прежде.

– На двоих. – повторил голос. -Отличненько. У нас есть три комнатки, все они очень хороши, мы можем вместе осмотреть их.

– Нет, не надо. – вперед Донлона ответил Мик. -Просто поселите нас в любой из них.

– Конечно, он обойдется вам в шестьдесят долларов за ночь.

Полицейский обменялся еще парой фраз и, взяв протянутые ему ключи, подошел к коллеге, и, дважды ударив его по плечу, потопал дальше по направлению к серебристым дверям, за которыми, по всей видимости, находился лифт.

По истечении тридцати секунд друзья были уже на третьем этаже, где в отведенном для них номере им предстояло жить еще несколько дней, а может и недель. В любом случае, к полудню, они, полные сил, уже сидели за столом и были готовы продолжать свое затянувшееся расследование, вопросов в котором становилось все больше, и ответы на которые им только предстояло раскопать в песке бесконечных переплетающихся тайн.

Они добрались до Гранд-Энда, но теперь у них была другая задача – найти того, кто может помочь им найти на-

шу цель, за которой они туда и приехали. На этом этапе, думаю, мы преодолели границу между глуповатой авантюрой, коей мы сначала и представляли нашу затею, и серьезным криминальным делом, каким она является сейчас. Детали его завели нас на настоящую кровавую тропу, идя по которой мы, уверен, наткнемся еще и не на одно ужасающее для нас открытие.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Хорошо поев и подремав, стражи порядка обсудили все происходящее и решили, что лучшим способом поймать цель будет нехитрый план: узнать у кого-либо, когда последний раз она была здесь, а затем, обратившись к местным констеблям, напасть на ее след. Сказать, что этот план был ненадежным и не детальным – значит ничего не сказать, однако это уже совсем не тревожило Мика и Джона, ведь они были не столько заинтересованы в деле, сколько готовы с энтузиазмом распутывать каждую его нить.

Глава 8

Весь оставшийся день детективы пробыли в своей комнате, где каждый раздумывал над волнующими его вопросами. Джон помечал что-то на своей карте, пока Мик записывал длинными строками какой-то текст на вырванном из его блокнота листе. Солнце неспешно уплывало за линию горизонта, оставляя на мокрых дорогах непрерывный след золотистых бликов, протянувшийся примерно до соседней улицы. Вскоре городом завладела ночная темень, но она была по-своему волшебна и нисколько не мрачна, как до этого – все те же светло-голубые огни свисали с небес и наблюдали за мирным существованием этого места, сохраняя его невозмутимую умиротворенность. В полночь ее прервал прилетевший на крышу черный ворон, еще долго ворчащий таким раздражающим и донельзя противным голосом, что все заставшие этот стон отдали бы все, дабы более не слышать его.

К рассвету, видимо ослепший от взора яркого светила, он неожиданно затих, а спустя еще пару минут уже можно было уловить звук порхания его крыльев, которыми он безнадежно бился о воздух, устремляясь ввысь в надежде на новую, более яркую и светлую жизнь.

Какими бы печальными и сокрушительными ни были на-

ши жизни, в них всегда найдется проблеск чего-то инородно светлого и радостного. Кто-то не замечает его, а кто-то приумножает в разы. Вся судьба – лишь нескончаемая река, по которой плывет одинокий кораблик. Парус его – удача, мачта – стойкость, а капитан в нем – вы.

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

На весь номер раздался раскатистый звон будильника. Джон, упершись лицом в подушку, чтобы не видеть выступающих из-за штор лучей света, начал бродить рукой по поверхности тумбы в поисках своих наручных часов. Порыскав ею некоторое время и ничего не найдя, Донлон все же, прикрывая лицо рукой, встал с кровати и посмотрел на свое запястье, на котором увидел смирно регулирующие ход времени, отрывисто передвигающиеся стрелки.

Шериф посмотрел на соседнюю кровать, в которой непробудно дремал его товарищ. Он лежал на боку и раз в полчаса переворачивался на другой, в поисках самой удобной позы.

– Вставай, Мик. Уже девять, а ты до сих пор лежишь в постели. – начал будить того шеф.

– Ты сам-то когда проснулся? Дай мне еще десять минут... – сонно сказал другой и повернулся к Джону спиной.

– Какие десять минут, Бенсон! У нас на сегодня дел выше крыши, а ты всерьез хочешь, чтобы я тебя ждал.

– Я последнюю неделю спал по пять часов в день, так что в один день могу и подольше поспать, сам-то ты того не хо-

чешь?

– Ты недооцениваешь значение нашего задания. Мы не можем тратить время на такие глупости, если будем это делать – все наше расследование пойдет коту под хвост! Или и вовсе стоять кому-то жизни.

– Брось ты! – рассмеялся Мик. – Скажу тебе прямо: я не верю в существование Семерки, и все, что тебе наговорил Говард и эти детишки – полнейший бред, никак не относящийся к реальности.

– погоди, откуда ты знаешь что мне рассказал Говард? – не понял Донлон.

– Ты вообще в курсе, что его клетка находится по соседству с моим кабинетом?

– Правда? Я почему-то никогда этого не замечал... Но все наши разговоры не были громкими, поэтому удивительно, что ты их вообще слышал. – признался Джон.

– Как забавно! Пару секунд назад ты обвинял меня в том, что я трачу наше время, а сейчас сам становишься этим человеком!

– Ты не первый человек, который обращает мои слова против меня же. – заметил шеф.

– Это и не удивительно. Попробуй для начала поискать проблемы в себе, а только затем – в других. – смело заявил детектив.

– Как ты смеешь!? – рассердился Джон, начав размахивать руками в воздухе.

– Хватит относиться ко всем своим помощникам как к чему-то незначительному и третьестепенному, без них ты – никто! А мое пожелание все-таки обдумай. – Мик встал с кровати и подошел к торшеру в углу. – Зная твою настойчивость, спорить с тобой у меня нет никакого желания. Я буду готов через пять минут..

– Насчет настойчивости ты прав. – уверенно произнес Донлон. – Если что-то и может остановить такого человека как я, то это только пуля в голову!

– Метафорично... – задумался Бенсон и начал одеваться. – Надейся, что нам не придется это проверять.

– И все же, почему ты не веришь в существование Семерки? – вернулся к интересующему его вопросу Джон.

– Весь этот пазл никак не может сложиться воедино: улики слишком мало, и каждая связана с другими очень уж ненадежно, будто их точка соприкосновения выдумана самими вами. Я, наблюдая за тем, как вы пытаетесь раскрыть это убийство, постоянно ловил себя на мысли, что все выводы, которые вы делаете, образуются в ваших умах только потому, что в глубине вашей души что-то непостижимое играет за вас – вы, сами того не понимая, создаете несуществующие связи со всеми другими вашими находками. И боюсь, что в итоге, после всех проделанных шагов, вы придете к тому, что никакого преступления изначально никто и не совершал.

– Не совсем понимаю твою идею, что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, друг, что чем дальше вы заходите, тем

больше сходите с ума. Разве ты сам не понимаешь? Ты чересчур хочешь закрыть это дело раз и навсегда, потому что это единственный твой шанс прожить свою чертову жизнь не зря. Ты так же очень хочешь помочь этим детям, потому что чувствуешь ответственность за них. Но у тебя нет ничего, что может доказать то, что Безликие – это не чья-то выдумка, созданная для того, чтобы просто напугать всех. Посмотри на себя со стороны и попытайся взглянуть на все это в здравом уме...

– Если ты считаешь, что все это нереально, тогда зачем помогаешь мне?

– Помогаю? Смелое заявление, Донлон! Это наша первая совместная стоящая миссия, в которой я нахожусь только из-за того, что ты мой босс, приказы которого я выполнять обязан.

– Получается, все, что мы проделали, было зря?

– Как бы это печально не было, но да. – согласился Мик.

– Но тогда зачем Говарду врать про ее существование? – ничего не понимая, задался вопросом шериф.

– Это хороший вопрос... Может быть, он кого-то прикрывал. А может в этом кроется и какая-то другая, более странная причина.

– Но это ведь невероятно глупо! Кого может прикрывать такой человек как он?

– Я расследовал не один десяток ограблений, покушений и прочих ужасающих вещей, и, поверь мне, то, что может ка-

заться нам абсолютно бессмысленным, может казаться другому гениальной идеей.

– Ты и вправду расследовал много дел, и знаешь о чем говоришь – тут я не могу не согласиться, но я так и не могу понять, как все то, что мы сделали, не имело смысла?

– Не преувеличивай Ты сделал не так уж и много, потраченная неделя для тебе уже завтра стоит ничего не будет.

– Дело не только в проведенном впустую времени – это было делом всей моей карьеры, всей моей жизни! Каждый из этих семи дней я просыпался с мыслью о том, что у нас впереди – светлое будущее, а у нашего города – былое величие! А теперь, за секунду, все это рухнуло, и я потерял желание заниматься тем, чем когда-то мечтал.

– Таких дел по всему миру – хоть отбавляй! – задорно воскликнул Бенсон в попытках поддержать начальника.

– Ты не понимаешь... – глубоко вздохнул Джон и поднес руку ко лбу. – Я напишу письмо Солу, и буду действовать так, как он скажет.

– Ты подчиняешься указам какого-то мальчишки? – усмехнулся Мик. – Он одержим этим делом, так что его ответ будет вполне ожидаемым. Я вот что тебе советую – не слушай его, ему терять нечего – обо всем этом он забудет через месяц-два, а потом и вовсе уедет из города, навсегда покинув и тебя. Твоя привязанность к нему излишняя и безответная, и...

– Ты хочешь отдалить нас? – загадочно спросил шериф.

– Нет конечно! Я просто говорю, что ты слишком сильно зависишь от него. Просто представь – самый важный человек в округе повинуетя какому-то мелкому воришке, это ведь просто смешно! Подумай только какая реакция будет у людей, если это вскроется.

– Ладно... хорошо... Я с тобой согласен, но письмо я ему напишу.

– Разумеется, само собой. Просто я не хочу, чтобы ты подзревал меня в чем-то.

– Я никогда не сомневался в твоём профессионализме, и сейчас не собираюсь. – обнадежил своего друга Донлон.

Шеф полиции взял лист бумаги, незаточенный карандаш, который он впопыхах бросил в рюкзак перед отъездом, и, пока Бенсон продолжил собираться, начал судорожно записывать:

"Дорогой Сол, скорее всего, ты не ожидал получить от меня письма в первые дни нашего пребывания в отеле, но это послание вынужденное. Пишу я по причине того, что у меня совершенно нет мыслей и идей по поводу того, что нас ждет дальше. Я опустошен, и потому обращаюсь за советом к тебе, поскольку только ты один можешь мне его дать.

Все дело в том, что в голову мне за мгновенье пробрались мрачные фантазии, которые теперь не будут давать мне покоя. Прошу отнестись ко всему что написано ниже с холодной головой.

Гипотеза, повергая меня в столь глубокие размышления, полагала, что все сделанное нами не имело ни цели, ни смысла, из-за того, что никакой Семерки изначально не существовало. Я знаю, такое утверждение на первый взгляд может показаться крайне нелогичным и ты считаешь меня слетевшим с катушки, но вспомни последнее предложение предыдущего абзаца. Все, что у нас есть – это слухи, причем даже их источник нам неизвестен. Я ни в коем случае не настаиваю на этой версии, так как мне и самому хочется, чтобы она оказалась ложью.

В связи с такими обстоятельствами, мне нужна наводка, подсказка, как нам действовать.

С нетерпением ожидаю ответа.

Твой коллега, напарник и друг."

Шериф поставил жирную точку, через несколько секунд превратившуюся в нечто похожее на кляксу, и, бросив карандаш, вышел из комнаты. Тем временем, Мик, уже обутый и с револьвером за поясом, стоял и смотрел в окно, на стекло которого градом обваливались крупные капли утреннего дождя. Он пристально следил за передвигающейся толпой, не сводя глаз с суетливо метающихся из стороны в сторону ног. Его зеленые глаза то и дело цеплялись за какой-нибудь мерцающий фонарь или любой другой объект, мертво стоящий на месте, и, если какое-то движущееся тело попадало в его поле зрения, он непременно начинал наблюдать за ним,

рассуждая о его направлении, характере движения и вообще обо всем, о чем мог рассуждать человек такого же аналитического склада ума, как и он.

Погруженный в свои раздумья, он совсем не услышал щелчка двери, с коим в комнату вернулся Донлон.

– Все, думаю мы можем продолжать. – заявил он.

– Неужели ты уже получил ответ от Планка? – не веря в такой расклад событий спросил Мик, продолжавший стоять спиной к вошедшему.

– Еще нет, но мы ведь не можем сидеть тут и бездействовать, правильно?

– Тогда какое у нас задание? – готовый сделать все, что потребуется, поинтересовался Бенсон.

– Найти того, кто может помочь нам найти Семерку. Надеюсь ты не забыл, что несколько ее участников регулярно посещали это место. Сначала надо понять, кто может владеть подобного рода информацией. Та женщина, с которой мы разговаривали вчера, как только прибыли сюда – мне кажется, что она может навести нас на верный путь.

– Тогда что же мы медлим? Вперед к ней! – подняв нос воскликнул Мик.

– Оружие можешь оставить здесь, оно тебе не понадобится. – опасаясь того, что пистолет может вызвать страх у обывателей, посоветовал Донлон.

Детектив последовал просьбе шефа и, оба вышли из своего уютного и теплого номера. Впереди них раскинулся уз-

кий, но чересчур длинный коридор, вдоль него расстился мягкий красный ковер, а на стенах висели различные сюрреалистичные картины. На потолке же висели четыре громадные люстры, окрашивающие все в яркий желто-оранжевый цвет. Через метров семь-восемь, одна из стен сменилась на вид хрупкой стеклянной низкой стенки, с ее стороны можно было узреть все величие Гранд-Энда, начиная от постоянно работающих лифтов и заканчивая номерами в противоположной части этажа. Но стражи порядка не собирались рассматривать все представленные их глазам красоты, и вместо этого пошли дальше, к лестнице, которая располагалась в самом конце этого холла. К слову, в нем не было ни единой души – все уже находилось либо внизу, где разные персоны любили проводить целые дни, сидя на удобных просторных диванах за бокалом вина и играя в карты, либо на улице, но такое бывало намного реже.

Полисмены, шустро перепрыгивая чепез ступеньки, спустились вниз, в главный зал, о чем сообщала миниатюрная табличка возле большого круглого стола, гордо стоящего прямо по центру помещения.

Десятки необыкновенно похожих друг на друга людей не давали прохода – каждый бежал куда-то в разных направлениях, сражаясь за место стать первым в этой сумасшедшей гонке, участником которой, сам того не понимая, оказывался любой вошедший в отель. Вокруг того самого стола, о котором упоминалось ранее, всегда собиралось много наро-

ду, так как обычно там на утре присаживались знатные лица, пользовавшиеся небывалой популярностью, и будто притягивали всех других посетителей гостиницы из, как те сами любили называть себя, "передних рядов", которые воспользовались бы любой секундой, чтобы покрасоваться перед первыми. Эти известные личности часто заводили беседы на умные темы, но по правде говоря, совсем в них не разбирались. Они любили обсуждать все, что угодно, но только не то, о чем действительно могли бы аргументированно по дискутировать. Однако, на их счастье, все, кто к ним присоединялся тоже были из людей недалеких, и могли слушать это надоедливое трепетанье целыми днями и ночами напролет. Вероятно, обусловлено это было тем, что при разговоре обе стороны использовали слова исключительно высокого штиля, и потому их речь была приятна уху, если, конечно, не вдаваться в заложенную в них идею. Рядом с сей компанией постоянно спорящих, обычно устраивалась и другая, люди "попроще". Они занимались тем, что сначала подслушивали разговор соседей, и затем начинали разбирать не только сам выдвинутый тезис, но и все представленные аргументы. В итоге все кончалось обычно тем, что эта группа становилась настолько заморожена рассказами других, что забывала цель своего собрания, и поздно ночью, так и не дождавшись конца монотонной беседы, либо вся засыпала, либо расходилась по своим комнатам.

Блюстителю закона протиснулись между трущимися об их

куртки телами и подошли к стойке. У нее, на удивление, было намного меньше человек – около нее, облокотившись на колонну, курил сигару и поглядывал на часы пожилой мужчина, изредка выглядывающий что-то в окне. Джон, словно обратившись к стеклу, начал басом:

– Здравствуйте, милейшая. Это Джон... Джон Донлон, ваш вчерашний гость. Мы бы хотели знать... – его голос внезапно оборвался от увиденной на лице Мика улыбки, видеть которую он совершенно не привык. – Тебе смешно?!

В ответ Бенсон лишь еще шире улыбнулся. Края его рта были в паре сантиметров от ушей. Так и не поняв, что позабавило его напарника, Донлон, опять уставившись на стекло, продолжил:

– Извините... Так вот, я бы хотел знать, не водилось ли у вас тут...

Раздался громкий смех Мика, который было хорошо слышно даже несмотря на возгласы других находящихся в зале.

– Над чем, черт тебя побери, ты смеешься? – взбесился шериф.

– Ты хоть проверял, сидит кто за этим стеклом или нет?

– Что? Там серьезно никого не было!? – вскрикнул Джон и приподнял голову, чтобы посмотреть за стойку. – А! Чтоб им всем головы порохом набили и разорвали на куски! Зачем я тут стоял и распинаясь?

Донлону, человеку довольно вспыльчивым, было свойственно вмиг меняться в настроении, отчего в любую секунду ты не знал чего от него можно ожидать. Это всегда забавляло меня, но больше я удивлялся от его умения подержать и вовремя сказать правильные слова. Это всегда будоражило мой разум, и раньше у меня никак не укладывалось в голове, как он, получив новое совсем безынтересное и унылое задание мог подбодрить любого на его завершение, и теперь я, кажется, понимаю – даже если что-то пошло не так, он никогда нам об этом бы не сказал...

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

С грубыми словами, которыми Джон оперировал как никто другой, он подошел к следующему окну, и, удостоверившись, что за ним кто-то есть, стал изъяснять свой вопрос. Он быстро пробормотал что-то и, положив руку на стекло, стал дожидаться ответа. Но, к его сожалению, он получил лишь наиболее подходящую для того, чтобы уйти от ответа фразу "извините, мы не можем вам ничем помочь", и, крайне неудовлетворенный ею, проворчал себе под нос:

– Почему все постоянно так говорят? Я начинаю им все больше не доверять.

"Лучше бы он продолжил разговаривать с пустотой". – подумал про себя Бенсон и сказал:

– И кто, если не эта женщина, может нам помочь?

– Не знаю... хотя идея одна у меня есть...

Джон любил говорить загадками, и думаю, это можно считать одним из его талантов. Он так непринужденно мог сделать самую очевидную вещь таинственной, что ты и сам начинал верить в то, что она не такая уж и очевидная. Когда он заканчивал короткой фразой свою поистине стоящую мысль, во всем его образе не хватало только одного – задумчивого хитрого взгляда.

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

– И какая же? – дерзко спросил Бенсон.

– Кто лучше всего помнит своих постоянных гостей?... – загадочно сказал Донлон.

"Не преувеличивай свою гениальность, отвечая вопросом на вопрос". – снова подумал про себя Мик.

– Ты не знаешь? – разочарованный тем, что не получил ожидаемого ответа от коллеги, спросил другой. – Конечно же, хозяин отеля, это ведь очевидно.

– По-моему мы не совсем понимаем друг друга.

– Все очень, очень просто: нам нужен владелец этого местечка, кто как ни он должен знать в лицо своих давних посетителей?

– Да уж, идейки у тебя определенно не самые реалистичные – я не представляю как ты собираешься найти его, а затем еще и раздобыть такую информацию.

– Запомни: посредственная идея – значит бесполезная

идея. – парировал Донлон.

– Знаешь, если я назвал твою идею нереалистичной, это вовсе не значит, что она оригинальная. – оспорил Мик.

– А у тебя есть идея получше? – уверенный в своем успехе, задал риторический вопрос Джон.

Гробовая тишина сказала все сама за себя, и, подождав еще немного, шеф громогласно дал наставление найти того, кто всем здесь заведует. Хоть Мик и не верил в их успех, отказаться выполнять приказ он не мог, и потому не отходя от стойки, вновь подошел к стеклу и спросил об имени того, кого они собираются искать. Без промедлений он получил в ответ всего три по-настоящему важных для расследования слова: "Мистер Роберт Грейди". Это имя сразу въелось в память Донлона, и он сразу понял, что оно еще часто будет напоминать о себе. Впрочем, об этом пойдет речь далее...

Глава 9

В быстротечном ходе жизни нет времени на то, чтобы долго раздумывать над принятием судьбоносных решений. И пусть последствия у них могут быть не самые благоприятные, все же лучше жалеть о совершенном поступке, чем каждый раз погружаться в тоскливые размышления о том, как текла наша жизнь, если бы это решение не было предпринято.

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

Мик пропал из поля зрения напарника, но, моргнув уже наблюдал его идущим к нему от входных дверей.

– Ты где был? – раздраженно спросил он.

– Выходил выбросить спички, а что?

– Без лишних вопросов, ты ведь помнишь?

Полицейские ненадолго вернулись в номер, чтобы выработать новый план, поскольку весь старый за одну долю секунды "пошел к чертям".

– Мы даже не знаем, кто этот мистер Грейди! По-моему, это дело зашло слишком далеко, не находишь? – взялся за свое Бенсон.

– Я только пришел в себя, а ты опять начинаешь рассказывать мне о бессмысленности всего сущего.

– Тогда предлагай новый план. – скрестив руки, возразил тот.

– "План"-"план"! – передразнил Джон. -А что, если не будет никакого плана, а!? Не будет плана – не нужно будет придумывать новый!

– Ловко ты это придумал, конечно. Пойми – план – основа всех наших действий. И если у нас раз за разом ничего не выходит, это значит что ты просто сам придумываешь задачи, которые мы не в силах выполнить, а не то, что наш план плох.

– А может только ты не можешь их выполнить! – ударил ногой по паркету Джон. -Может все-таки ты не имеешь смысла, а не наше расследование? Что ты на это скажешь?

– Хватит винить меня во всех своих проблемах! Мы никогда ничего не добьемся, если будем постоянно выяснять отношения. Мы детективы в конце-то концов, и не должны тратить наше драгоценное время на...

Послышался звонок телефона. Донлон схватил трубку и прислонил к уху, а Мик сел на кровать и, задумавшись, закрыл лицо ладонью.

– Алло, это Джон Донлон? – издал детский голос.

– Планк! – узнал в позвонившем своего друга шериф. -Ты уже получил письмо?

– Какое письмо? – удивился Сол.

– А почему ты тогда звонишь? – не менее ... спросил Джон.

– Я хотел сказать, что времени в вас теперь ограниченное количество – Говард с каждым днем начинает себя все страннее и страннее вести, и нам нужно, чтобы вы скорее возвращались, иначе он скоро собьет с толку всех ваших со-трудников.

– Каким образом он их одурачит, он ведь псих!?

– Если каждую ночь оставаться рядом с сумасшедшим, то и тебе до него скоро будет недалеко.

– Он уже успел натворить что-то? – испугался Донлон.

Послышались гудки, и звук оборвался.

– Черт! – стукнул телефоном по столу шеф. – Этот Говард та еще дрянь! Ладно, если времени у нас меньше, это не значит, что его нет. У тебя случаев нет информации про Грейди?

– Чего-чего, а этого у меня уж точно не найдется.

– А есть хотя бы что-то связанное с Гранд-Эндом?

Бенсон начал перебирать в своем портфеле стопку бумаг. Он достал одну из них, и показал боссу. Тот пробежал глазами все дело и озвучил вердикт:

– Не то, надо искать дальше. Нам нужно что-нибудь про Роберта Грейди.

Мик опять начал рыться в сумке, как Джон, будто озаренный гениальной мыслью, воскликнул:

– Это ведь удача ценой со слиток золота! Тот "прибывающий именитый богачей", статьи о котором начали заполнять все газеты, случаев, не наша заветная цель?

– Почему бы ему не быть просто каким-то известным человеком? – логично предположил Бенсон.

– Никакая знаменитость не поедет в эту дыру, а если и поедет, то точно не по своей воле.

– И ты хочешь сказать, что этот человек никто иной как наша цель.

– Именно! Но сперва, для того, чтобы его найти, необходимо понять, куда он приедет.

– Приплывет. – поправил Мик.

– Что? – не поверил своим ушам шериф.

– Он приплывает на пассажирском судне уже завтра.

– Ты имеешь ввиду корабле?

– Да, причем на довольно внушительном корабле. Выследить его будет не такой уж и простой задачей.

– Недооценивал я этого Грейди. Сбегай за новой газетой, там точно должно быть что-то про него. – велел Джон своему подчиненному.

Бенсон вышел из комнаты и отправился за последним номером газеты, а Донлон задумался о чем-то более неприкосновенном, нежели о том, во сколько завтра ему необходимо проснуться. Он обратил свой взор на темное небо и задался вопросом, которым, пожалуй, задавался каждый из нас: “В чем смысл моего нахождения здесь, разве это то, о чем я мечтал в ранние годы, когда мир мне был неизвестен и все, что мне оставалось делать – это познавать суть всего окружающего?” По натуре своей Джон был склонен преувеличивать

все стоящие перед ним проблемы и преуменьшать значение достижений, и поэтому не только чувствовал себя обделенным жизнью и регулярно убеждался в этом, но и не располагал душою к подобного рода рассуждениям, поскольку заранее знал их исход. И пускай он никогда не опускал руки, с каждым днем он все больше осознавал, что все его фантазии о будущем – лишь сплошная ложь, придуманная только для того, чтобы хоть как-то озарить его еще с самого начала окутанную тьмой судьбу.

Послышался шелест. Это проскользила по столу новоиспеченная газета.

– Сегодняшняя. – подтвердил детектив. – “Возвращение величайшего артиста и любимца публики! Уже в эту субботу все улицы города будут забиты толпами ликующих о прибытии Роберта Грейди, известного шоумена, который не так давно объявил о том, что возвращается к истокам и собирается вновь завоевать былую славу. Он прибудет к причалу на Мидл-стрит меньше, чем через неделю! Отмечайте двадцать шестое число в календаре, ведь именно в этот день фокусник ступит ногой на некогда живые дороги нашего прекрасного городка”.

– По-моему, мы знаем все, что нам нужно. – заключил Джон. – Надеюсь, он не сможет нас ничем удивить – у нас и без того сложностей по горло. Запиши в блокноте всю известное нам на данный момент. – посоветовал шеф и начал перечислять. –Имя: Роберт Грейди, профессия: фокусник,

дата приезда: двадцать шестое июня, место: причал Мидл-стрит.

Бенсон по наставлению Донлона взял в левую руку карандаш и сделал заметку, а сам Джон, в свою очередь, вырвал листок и положил его в карман со словами:

– Это на всякий случай... Лишний раз сходить с правильного пути мне не хочется.

Тучи рассеялись и открыли путь сиянию солнца, пробирающемуся до самой земли, а небо окрасилось в розово-лиловый цвет. В оставшийся день полицейские ощутили всю скуку в пребывании в гостинице, когда ты мечешься из стороны в сторону в надежде найти хотя бы что-то, что может занять тебя, но все равно безысходно приходишь к тому, что ожидаешь предстоящего дня с осознанием бесчисленного количества времени, потраченного впустую. Но время, несмотря на то, что для всех оно относительно, течет с постоянной несменяемой скоростью, а потому розовый закат всегда неизбежно сменяется лучезарным рассветом.

Оба полисмена проснулись до звука будильника, и быстро перекусив, отправились на Мидл-Стрит. Выбежав за дверь, они спрыгнули со ступенек на тротуар и увидели мчащиеся друг навстречу другу автомобили.

– Нам нужно перейти на ту сторону! – громко крикнул

Джон Мику, закрывая лицо воротником и пытаясь затмить звуки ударяющихся о бетон капель дождя.

В ответ Бенсон ничего не сказал – он лишь, покачиваясь из стороны в сторону, дал одобрительный знак рукой и был уже готов переступить на асфальт, как перед ним на всех парах проскочила машина.

– Черт тебя побери! – испугавшись вскрикнул он. -Нам тут не пройти, они ездят как чокнутые!

– Мы не можем не идти! – возразил шериф. -За мной!

Шеф немного спустил угол своей шляпы и, наклоня голову, пошел вперед. Он преодолел несколько метров, прежде чем испытать чуть не настигшую судьбу своего напарника – очередной шальной джип чуть не коснулся его носа, но блюститель закона не растерялся и быстро сделал пару шагов назад. Но тут его ожидала другая опасность – пронесшийся у него за спиной кабриолет не только не на шутку испугал его, но и едва не сбил с ног.

– Вот же мерзавец! – вырвалось у него из груди, а сам он, немного опираясь на коллегу, ринулся дальше.

Он сделал еще пять-шесть быстрых, но коротких шагов, и очутился вблизи бордюра. Сперва он этому несказанно обрадовался, что даже на его суровом лице показалась улыбка, но потом, вспомнив что ему еще предстоит долгий поиск важного и весьма недурного лица, она вмиг превратилась в ухмылку, а затем и вовсе – в содержащую все горести прожитой жизни гримасу.

Не задумываясь, Джон, ухватив за воротник Мика, запрыгнул на тротуар и, достав из кармана намеченную на коленке по памяти карту, побежал в сторону поворота. Пересекши несколько закоулков, детективы наткнулись на очередную дорогу, однако недолго побродив вдоль нее, они встретили и свое спасение – кишашую толпами кричащих улицу, не дающую прохода ни одному несчастному автомобилю, кой завела сюда хитрая и непредсказуемая тропа. За множеством поднятых вверх голов и вытянутых рук можно было разглядеть только черно-синий острый нос возвышающегося белого корабля. С него по маленьким, но широким ступенькам спускались, быстро перебирая ножками, пассажиры, которые в недоумении оглядывались на массу народа и еще долго не понимая что происходит в этот, казалось бы, ничем непримечательный день, проходили мимо.

Не успел Бенсон моргнуть, как в самом конце медлительно передвигающегося ряда увидел человека, заметно отличающегося от всех остальных – на нем был белый плащ и черные сапоги, которые терлись друг о друга, пока он, стараясь не вызывать внимания и слиться с другими прибывшими, переступал с ноги на ногу. Мик своим зорким глазом быстро осмотрел его, и, пока никто и подумать не мог, что данное лицо – забытая знаменитость, восторженным шепотом обратился к Джону, при этом ни на миллиметр не поворачиваясь к тому лицом:

– Видишь человека в белом костюме? Так вот – это тот,

на кого мы охотимся. Надо выждать момент, когда он приблизится к нам на максимально близкое расстояние, так что будь начеку.

Джон глубоко вздохнул, взялся за свой пояс и сказал:

– Только давай без лишних выступлений – наше дело проследить за ним, а все остальное, если, разумеется, все удастся, будет уже не столь важно.

Мик, пусть и недовольный скрытым упреком Донлона, промолчал, понимая значение единожды предоставленной им возможности.

Вдруг в глубинах толпы послышались возгласы, и будто по пронзенной иглой линии начали расходиться в разные стороны люди. Стремглав пролетев меж нескольких протяженных дорог, одна единственная молниеносная полоса вмиг расслоилась на два расходящихся потока, каждый из которых неумолимо приближался к белой фигуре.

– Возьми револьвер. Здесь есть те, кто явно недоволен его прибытием. – почувствовав неладное, настойчиво сказал Бенсон.

– Что? Тут я команды даю, вообще-то! – обескураженно и зло произнес Джон, но Мик уже был в десятках метров от шерифа, ведь на кону сейчас стояло все расследование.

Донлон бросился сквозь любые преграды навстречу Грейди, пока его товарищ уже выслеживал след сбегających злоумышленников. Тем временем, Роберт с каждой секундой приближался к своим возможным посягателям. Внезапно

раздался выстрел, и все разом забыли о всех причинах их нахождения у корабля, и пустились со всех ног в разные стороны. Пробиваясь через бегущих и отталкивающих любого встречного, шеф поднял голову, дабы убедиться, что знаменитость находится в безопасности. Однако посмотрев на лестницу, он никого не увидел, и нервно начал быстро оглядывать все вокруг. Тьма испуганных лиц, которая сумасбродно удалялась от, будто неподвижно застывшего во времени Донлона, не столько испугала его, сколько заставила изумиться неразумности человеческого сознания. Затем, обернувшись взглядом на отчаянно бегущего куда-то в пустоту Мика, он на секунду забыл о сути всего происходящего, но через мгновение, увидев вдалеке два шустро перебегающих через фонари силуэта, опомнился и ринулся за ними. Потихоньку догоняя Бенсона, он, не оборачиваясь ни на секунду, старался догнать неприятелей, но те тоже были не из простых – заворачивая за каждый угол и перебегая с дороги на дорогу, они все больше разрывали дистанцию между собой и своими преследователями. Потратив достаточно сил, так ничего и не добившись, Джон предложил:

– Надо их окружить! Беги вон к тому дому, и когда увидишь их, попытайся не дать убежать, иначе мы можем их упустить. – указал он рукой. – А я побегу здесь, чтобы перекрыть им путь назад. Все, к действию!

Шериф направился в сторону заброшенного квартала, а Бенсон побежал мимо зданий на опережение предполагае-

мым преступникам. Они, тем временем, мчались между двух рядов чуть ли не соприкасающихся друг с другом домов и приближались к повороту. Джон был человеком отнюдь не спортивным, да и в целом – любил поесть, что серьезно мешало ему выполнять все обязанности, которые должен выполнять человек его профессии. В сравнении с ним, Бенсон, тоже будучи человеком ведущим не самый активный образ жизни, казался грациозной и, как любят говорить приближенные некоторых “важных” особ, статной фигурой.

Выбежав на прямую, по которой убежали неизвестные, Донлон, недолго думая, достал из-за пояса свой недавно убранный пистолет и, прикрыв один глаз, чтобы точнее прицелиться и немного отклонившись корпусом в сторону, пустил две пули вперед. Услышавшие выстрел беглецы в раз начали медленно оборачиваться, чтобы узреть, кто нанес им столь неожиданный и, честно сказать, неприличный визит. В этот момент, шеф, словно оглушенный и удивленный от своего же решения, остановился на месте и приковал свой взгляд к двум летящим очередью снарядам. Разрезая воздух, они хладнокровно настигали своих целей.

Тут, откуда ни возьмись выскочил Мик, который, наведя револьвер на стоящих к нему спиной фигурам, встал на месте. Сосредоточенное лицо Донлона по непонятной причине резко сменилось испуганным. Первая пуля рассекла еще несколько метров воздуха и, проскочив между всеми тремя, попала в табличку “номер девятнадцать” на кирпичной сте-

не дома позади. Вторая же, вылетевшая несколько неточно, чуть было не столкнулась с жесткой стеной, но проскользила в нескольких сантиметрах от нее и, разрушая все надежды на счастливый конец своего пути, вонзилась в плечо одного из преступников.

– Нет-нет-нет, только не это! Проклятье! – вне себя от злости вскрикнул Джон и топнул по земле ногой. – Черт побери, не хватало еще и этого!

Раненый, еле держа себя на ногах, прикрыл ладонью красное пятно, а второй, понимая, что далеко не уйдет, бросил оружие и поднял руки вверх.

– Не стреляйте! Умоляю вас, не стреляйте! – начал рыдать он.

– Да не будем мы стрелять. – успокоил всех Мик. – Нельзя допустить, чтобы твой дружок умер, нам от вас еще кое-что нужно.

Бенсон быстро надел наручники на злоумышленников и посадил их в машину.

– Так-так-так, я тут раздаю приказы. – подбежал к нему Джон. – Мы должны продолжить задание...

– Какое задание, Донлон!? Двое человек сейчас едва не оказались на том свете, а ты предлагаешь продолжить задание? О чем ты думаешь?

– Уйти сейчас – значит раз и навсегда загубить возможно одно из самых величайших расследований в истории! – возразил шеф. – Пусть вина во всем этом и моя, но, знаешь ли,

мой долг важнее, чем...

– Чем что? – дерзко спросил Мик. -Чем человеческая жизнь? Если ты и вправду так считаешь, то ты просто мерзавец.

– Не пойми меня неправильно, но, дело – это то, на что я поставил все оставшееся в своей жизни. Ты не можешь понять насколько оно мне дорого.

– Неужели? Тебе дорого дело, к которому ты причастен всего пару дней?! Мне кажется, тебе дорого совсем не оно... – озлобленно возразил Бенсон.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ах, у нас нет времени на споры, нам нужно срочно отправляться в госпиталь.

– Но мы не можем уходить отсюда – мы упустим Грейди... Нет уж, мы оставим их здесь, а сами продолжим задание.

– Мы должны спасти их, как же ты не понимаешь?!

– Черта с два я буду миловать убийц! – гневно закричал Донлон. -Они могли убить человека, и, поверь мне, такие люди не заслуживают второго шанса!

– Тогда почему бы тебе сейчас же их не пристрелить?

– Ты спятил что ли? – скорчил лицо шериф. -Все, хватит слов – мы продолжаем расследование.

– Ты одержим делом, Донлон.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. – сказал Джон и навел револьвер на лобовое стекло автомобиля, за которым тихо сидели ничего не осознающие жулики.

– Стой! Мы не можем убивать людей, только потому что мы полисмены.

– Ты – нет, а я могу. – с издевкой сказал Донлон. -И все наши решения принимаю здесь только я, понятно?

Тут рядом с головой Донлона показался другой пистолет. Это был серебряный кольт, направленный решительной рукой Бенсона в висок другого полицейского.

– Либо мы сейчас же возвращаемся обратно, либо твоя черепушка набьется свинцом. Надеюсь, твой выбор меня не разочарует. – прозрачно для напарника намекнул он.

– Ты ведь не понимаешь, ради чего все это делаешь, у тебя нет цели – лишь бесконечный путь в пустоту.

– Этот путь и есть моя цель. А вот ведет он в пустоту или нет, это я узнаю сам. Не пройдя путь, не взойдешь на вершину, не так ли?

– Верно. – ухмыльнулся Джон. -Однако с вершины есть только одна дорога...

– Вовсе нет. Просто для тебя это именно так.

– Какой же ты подлец. – противно вымолвил шериф, кивая головой. -И зачем я только тебя нанял?

– В целях безопасности я вынужден надеть на тебя наручники, сам понимаешь.

– Да давай уже, делай свои грязные делишки! – сдался другой и поддался Мику.

Бенсон толкнул локтем коллегу в машину, и все вчетвером они поехали обратно, на свою родную и печалившие сы-

рую и тусклую в этот день улицу.

Дорога, ранее проливающаяся грохотом шин проезжающих автомобилей, стала безлюдна и безмолвна, как никогда. Бело-голубая патрульная пересекала одну улицу за другой, волоча за собой пытающийся снести все за собой поток ветра. В автомобиле так же царила абсолютная тишина – оба полицейских, оказавшиеся в ступоре от осознания того, насколько их представления друг о друге были ошибочны, сохраняли молчание, в которое каждый из них вкладывал немалое значение. Истекающий кровью на заднем сиденье иногда всхлипывал, но, замечая укоризненный взгляд шерифа в зеркале, тут же замолкал. В подобного рода не самой расслабленной обстановке, провели они в одной машине около часа, и, вернувшись, наконец, на улицу и прибыв к ближайшему госпиталю, недобро переглянувшись, все, за исключением второго беглеца, вышли из нее. В зрачках посмотревшего на небо Бенсона отразилась радуга.

– Надеюсь, ты не пристрелишь меня сзади. – сказал он, снимая с рук шерифа наручники.

– Еще этого мне не хватало. – сдерживая ярость, вымолвил другой.

Мик вывел из автомобиля пострадавшего и быстро, чуть ли не закинув того на плечо, зашел внутрь. Все сразу обрати-

ли свой взор на жуткую картину, представленную перед ними. В этот же момент прозвучало несколько равнодушных "ах!", и все идущие по коридору разом разошлись по сторонам, ближе к белым стенам, пропитывающим все помещение духом прозрачной безысходности и беспомощности.

Только один невозмутимый и обладающий непоколебимым характером человек в рубашке кофейного цвета спокойно подошел к шерифу и, наведя свой устрашающий взгляд на всех оборачивающихся, с улыбкой прошептал:

– Не думал, что ты явишься так рано... Ну что ж, мой давний друг, начнем нашу историю с чистого листа?

Постепенно я начинал замечать, что люди вокруг, те, которые были мне чрезвычайно дороги, удаляются от меня, они будто раз и навсегда выбрасывают меня из своей жизни и дают обещание себе больше этого не менять. И знаете, после долгих лет раздумий, я начинаю сомневаться в том, что этих людей я и вправду ценил, отчего, честно сказать, мне и самому становится не по себе.

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

Глава 10

Незнакомец обошел вокруг полисменов и, крикнул:

– Джеймсон, у нас тут пострадавший! А ну-ка живо иди сюда!

Из-за угла вышел высокий человек средних лет. Он был в белом халате, а на руках его были перчатки. Он, тоже не подав виду отвращения, быстро подошел ко всем четверым.

– Не стоит благодарности. – проговорил бас позади полицейских.

Голос отвлек их, и они синхронно обернулись в сторону исходящего звука.

– Он будет в безопасности, не волнуйтесь. – он достал из кармана сигару. – Джон... ты, я заметил, ничуть не изменился! Сколько времени прошло – а ты все еще тот самый “шериф с большой душой из маленького пригорода”.

– Чего ты хочешь? – недовольно спросил Донлон. – У нас в машине сидит хитрец, который может сбежать в любой момент, так что давай без лишних слов.

– По правде сказать, я думал, ты уже отдал концы. Я знаю немногих людей, способных целую жизнь заниматься тем, что убеждаться в ее бессмысленности. – неизвестный обогнул еще один круг и исчез за спинами у обоих.

Оба блюстителя закона опять повернулись, но не увидели

ни человека в халате, ни раненого – они одни стояли между двумя все теми же белыми стенами. Сию же секунду Бенсон разразился вопросительным восклицанием:

– Кто это был?

– Скорее наоборот... – вздохнув, грустно ответил Джон. – Это, пожалуй, самый противный и лицемерный из всех, что можно себе представить, человек.

– Да ты что? Думал, человека хуже тебя уже не придумать. – отметил Мик. – Надеюсь, он не окажется каким-нибудь головорезом, который станет нас преследовать?

– Если ты еще не понял, он вовсе не доктор. Рон Уэбли, шериф соседнего городишки. Давай быстрее пойдем отсюда?

– Ответственность за жизнь преступника лежит на тебе, поэтому мы никуда не уйдем, пока не узнаем, что он будет жить.

– Но в этом нет никакой необходимости...

– Давай будем честны: ты просто не хочешь иметь дело с этим противным тебе шефом?

– С чего бы!?! – поправил пояс Джон. – Никто никогда не страшил меня, и сейчас не станет!

– При этом от приставленного к виску револьверу ты сразу сдал назад. – заметил Бенсон.

– Напомни мне – кто тут главный?

– Главный или нет, решение будет принимать тот, кто может их разумно взвешивать.

– Как ты смеешь упрекать меня в непрофессионализме? –

рассердился шеф.

– Никакой это не профессионализм – это обычный вопрос, которым задается каждый день любой человек. Ты ни разу не пробовал представлять себя на месте другого? Тебе не важны человеческие жизни, ты можешь убить кого угодно и когда угодно, лишь бы тебя за это не осудили, не так ли?

– А разве ты этого бы не сделал? – стиснув зубы, спросил другой.

– Просто знай: убийство, как чашка крепкого кофе – совершив одно, желание совершить второе возрастет в десятки раз, а страх перед ним исчезнет навсегда.

– Вот поэтому ты и кажешься мне таким идиотом! Вечно пытаешься найти справедливость и правду. Вот только ты никогда не задумывался, а существуют ли они вообще.

В метрах десяти от препирающихся опять показалась фигура в рубашке. Она чинно перешагивала с ноги на ногу, неторопясь насвистывая под нос какую-то неритмичную мелодию. Подойдя достаточно близко, он начал:

– Что у вас стряслось? Пулевое ранение в плечевой сустав, конечно, дело не смертельное, но тем не менее. – он приблизил свою голову к детективам и чуть уменьшил звонкость своего голоса, – У меня никогда не было такого интересного случая.

– Интересного случая? – непонятливо воскликнул Мик. – Да у нас тут человек чуть не умер, а вы оба только и делаете, что восхищаетесь тем, что мы его чуть не убили.

– Постой-постой, меня с этим немощным не связывай. – поправил Бенсона Уэбли и распрямил спину. -Я всегда, абсолютно всегда и во всем, был на голову его выше.

– Что ты несешь? – не согласился Джон. -Он лжет, не понимает что говорит, бредит – называй как хочешь, но правда одна – еще никто не превзошел меня, поэтому можете считать меня безоговорочным лидером среди шерифов ближайших городов. Вообще, что ты тут делаешь?

– Я приехал вспомнить былое, разве ты не помнишь, как мы проводили целые ночи напролет, играя в карты или гоняясь за очередным похитителем какой-нибудь безделушки? Эх... волшебные были времена! А сейчас что? Все реально стоящие мерзавцы разбежались кто куда, и что нам теперь делать – непонятно.

– Если что. – перебил разговорившегося Рона Мик, -Я не знаю кто ты, черт возьми, такой, помимо того, что вы с Донлоном, видимо, когда-то были заклятыми врагами.

– Заклятыми врагами? Брось ты, это была дружеская конкуренция, понимаешь?

– Давай к делу. – сердито сказал Мик.

– Рон Уэбли, шериф соседнего городка, очень рад знакомству. – радостно пожал тому руку Уэбли. -Вы оба, по всей видимости, тут уже с давних времен, раз Джон не навещал меня столько лет.

– Да, вы правы. – подтвердил Бенсон.

– Что? – удивился его напарник. -Ты ведь говорил мне,

что приехал недавно.

– Ах да, что-то я совсем запутался во времени. – покраснел от неловкости тот. – Ладно, не будем вас задерживать...

– О, нет, вы совсем не задерживаете меня. Даже наоборот – я несказанно рад встрече с вами, и...

– Только не говори что ты узнал о расследовани...

Не успел Джон и вымолвить фразу, как эхом на все здание раздалось:

– Ты сказал – рас-след-о-ва-ни-е?

“Зря он это сказал”. – подумал про себя Мик, закрыв лицо ладонью.

Донлон, понимая, какую глупость совершил, переглянулся с коллегой, на что получил единственный изнуренный кивок головой, олицетворяющий безвыходность ситуации.

– Да-да, мы сейчас ведем самое обыкновенное и ничем не примечательное дело, так что нам пора.

– Что-что, ну а ложь в твоих словах я распознать могу. Выдавайте все как есть, вы все равно от меня ничего не скроете.

Джон, не имея других вариантов, начал ворчливо повторять всю историю, когда-то рассказанную ему Солом. В это время Бенсон слегка удивился происходящему: “Неужели мы будем брать в наше расследование любого встречного?” – подумал он, почесывая свой затылок. На свой, казалось бы, риторический вопрос, он едва мог дать ответ. “Все бегущее своей дорогой, должно быть, непременно приведет к наилучшему”. – в глубине его души вспыхнул луч надежды. На фо-

не бормотания надоевшего ему Донлона, Бенсон не мог сосредоточиться, холодно поразмыслить над всем. Он каждый раз отвлекался на очередное неподходящее слово своего напарника, и тут же останавливался на половине уверенно текущей до этого мысли. Тут что-то внезапно поразило его, повергло в шок, он вдруг будто ослеп от своих дум и начал пытаться захватить воздух. Делая вдохи полной грудью и захватывая воздух, у него ничего не удавалось – его рыскающего в фантазиях обхватила тьма, и в тот же миг он упал без сознания.

“Ничего нет лучше, чем вечерняя чашка чая, не правда ли?” – Мик еле открыл глаза и увидел сидящего перед ним в роскошном и до боли знакомом кресле испускающего круги дыма Рона. – “Как ты вообще умудрился упасть в обморок посреди бела дня?”

– Где Джон? – испуганно спросил Бенсон, ощущая под собой мягкую массу.

– Не волнуйся, он сейчас в соседней комнате. – тот развел руки в стороны и встал. – Заранее тебя успокою – нет, я никакой не могущественный “злодеишка”, осуществивший свой план, даже не думай. Мы находимся в участке, в кабинете моего приятеля. О пойманных не беспокойся – они в целости и сохранности находятся под охраной. Правда, один

из них в госпитале, но это не важно. Тебе резко поплохело, и мы, по правде сказать, думали, что ты уже умер, но, к счастью, этого не произошло.

Тут Мик начал кусками вспоминать все, что произошло до его пробуждения, он остановил взгляд на стрелке часов и будто прозрел, вспомнил в точности все, что забыл. В его зрачках вновь выглянул страх, но он, не желая выдавать своих истинных чувств, холодно сказал:

– Только не говори, что Джон рассказал тебе все обстоятельства дела.

– Это именно то, что он мне и рассказал! – радостно сообщил Рон. – Поэтому рад объявить, что с этого дня я буду помогать вам вести это злосчастное расследование.

– Мне срочно нужно поговорить с ним. – решил Бенсон.

– Но тебе нельзя вставать! – взволновался Уэбли, подходя к собеседнику, чтобы поддержать того.

Мик вытер вспотевший лоб и, грубо оттолкнув протянутую ему руку, отправился в соседнюю комнату. Он, перешагивая с ноги на ногу и качаясь из стороны в сторону, еле дошел до двери, и, схватившись за ручку буквально своим весом отворил дверь.

– Чтоб сквозь тебя триста пуль пролетело! – испугался внезапного гостя шериф. – Ты наконец-то очнулся. Что с тобой произошло? Ты будто выпал из реальности, сперва стал нервно осматриваться, затем ты широко раскрыл глаза и спустя секунду уже лежал на полу.

– Я не знаю что это было, Джон. Я пришел за другим.

– И за чем же? – снова наслаждаясь своим абсолютным контролем над происходящим, задиристо спросил другой.

– В смысле “зачем же?” Хватит брать в помощники не пойми кого из ближайшей округи! Может быть, ты, наконец, начнешь расследовать дело серьезно, а не добавляя в него все больше потенциальных предателей, а?

– Какое дело, Бенсон? Мы упустили след Грейди, теперь финальная точка его находится в необозримом будущем, и, посмею предположить, мы до нее больше не доберемся.

– И что ты предлагаешь? Неужели ты просто начнешь жизнь с чистого листа?

– Нет, так просто я не сдамся. Хорошо подготовленный план – тот план, на случай провала которого существует второй план!

– Если бы у тебя был план, мы бы не упустили Грейди. – заметил Мик.

– Замолчи! – взбесился шеф. – Ты не представляешь: если бы я мог пристрелить тебя на месте, то давно бы это уже сделал!

– Я сделал бы это первым. – уверенно воскликнул Бенсон.

– Но разве что со второй попытки. – начал спорить второй.

– Однако вторая моя пуля всегда летит в цель... ты ведь не забыл?

– Все, довольно! Нам нужно обсудить расследование. Рад представить тебе так называемый план “Б”. – открыв пап-

ку со множеством досье, большинство из которых включали только фотографии, пафосно объявил Донлон и затем позвал Рона, дабы включить его в процесс обсуждения.

– Есть у меня на примете один интересный человек, который обладает очень уж интересной информацией... – спустя полторы минуты размышлений, начал полицейский.

Джон без промедлений перелистывал страницы, и делал это настолько быстро, что казалось, что смотря на лица подсудимых, он сразу мог назвать все их имена. Однако переходя с листа на другой, его лицо медленно становилось все более озадаченным. Когда он дошел до конца, стало понятно – никто не мог помочь им разыскать шоумена. Все, подобно туче, соорили недоуменную гримасу и начали потирать подбородки.

Затем Уэбли стал медленно расхаживать по комнате, иногда поднимая голову в сторону картины, изображающей женщину, держащую весы. Он перекатывался с пятки на носок, ощущая каждый миллиметр каждой плитки. Он делал это до тех пор, пока за ним не начали повторять и другие находящиеся в комнате. Вдруг за окном промчался автомобиль. Он не выглядел подозрительно, и ничто не говорило о том, что это может быть погоня, потому особого внимания на нее никто из полисменов не обратил. Однако за ней, с промежутком в полминуты, незаметно пронеслась еще одна – на этот раз с сине-красным огнем на крыше. Бенсон хотел было ринуться за жуликом, но его остановило озаренное восклица-

ние Рона:

– Кажется, я понял что делать. Кто может знать этого мистера Гр... – запнулся тот.

– Грейди. – быстро подсказал Джон. – Роберт Грейди.

– Точно, Г-р-е-й-д-и! – повторил он. – Так вот, кто может знать этого мистера Грейди, если не те, кто за ним охотятся?

Неоднозначный для Донлона и Бенсона намек не натолкнул их на мысль, которую собирался озвучить Рон. Они лишь, как истинные ценители идей, остановились на месте и, чтобы показать, что всячески заинтересованы в его словах, подняли пытающийся казаться задумчивым взгляд на самого Уэбли. Поняв, что оба его собеседника недалекого ума, он, не подав никакого знака расстройства, однако будучи поистине оскорбленным, продолжил:

– Что ж... Вы, наверное, уже догадались, к чему я клоню – те двое, которых вы поймали, очевидно имели задачу, и задача эта была отнюдь не из простых. Посмею предположить, их цель была никем иным, как Робертом Грейди, и я не думаю, что они идут на такое преступление неподготовленными. Нам нужно их допросить. – решительно закончил он.

– Ты хочешь, чтобы мы допросили полумертвого?

– Нет. Его оставим в покое. А вот напарника его... следовало бы хорошенько расспросить обо всем ему известном, понимаете о чем я?

– Он сейчас в камере номер семь. – подсказал Джон. – Символично это все, конечно, но ему все равно несдобровать –

Блессурт уже с распростертыми объятиями готов принять его испорченную душонку. Отведите его в допросную. Я пощупаю все, что связано с делами этой парочки, если, разумеется, таковые были, и вернусь к вам, чтобы, в конце концов, покончить с ними.

Рон и Мик, беспрекословно повинаясь, вышли из комнаты. Они, спустившись вниз и зайдя за решетку, взяли не сопротивляющегося пойманного за руки и повели в серую, известную всем крупным вора, некогда пойманного в этом городе, комнату.

В черном полном мраке помещении, окруженном четырьмя стенами, включился свет. Маленькая лампочка, висевшая ровно по центру потолка, равномерно растягивала свои лучи мраморно-белого света по всем углам. Посередине комнаты стоял металлический прямоугольный стол, а за ним, на жестком стуле, восседал, нервно дергая ногой, один из неосуществивших свои дерзкие и смелые планы авантюристов. Перед ним, запястьями прикованному к ручкам стула, на стол положили пистолет, нож, влажную салфетку и часы на цепочке.

– Револьвер, нож, хлороформ... – грозно крикнул Джон, решивший сразу начать допрос с наступления. – До чего вы со своим другом еще догадаетесь? И да – надеюсь ты знал, что для того, чтобы усыпить человека с помощью этого. – он

взял в руки салфетку. -Тебе потребуется около пяти минут. Что ж, перейдем к главному: вы обвиняетесь в покушении на жизнь человека, и, как сами понимаете, срок отбывать будете в самом жесточайшем месте для таких же, как вы. Так что в твоих интересах нам сейчас же все рассказать, ясно?

– Имя? – взял разговор в свои руки Мик.

– Майк. Майк Гебнер. – уже спокойно ответил сидящий.

– Кто был целью вашего визита на причал?

– Грейди. Мы выслеживали его местоположение долгое время, чтобы в сегодняшний день свершить задуманное. Но этому помешали вы.

– Какой был ваш мотив? Что вам двигало, когда вы приняли решение попытаться устранить Грейди?

– Мы хотели известности, как и все вокруг.

– Тут и не поспорить... – будучи человеком, любящим по-дискутировать на различные, даже никак не связанные с ним темы, сказал Бенсон. -Все вокруг тебя только и хотят, что насладиться вкусом славы. Если ты известен, значит ты бессмертен. А убийство ради убийства, на мой взгляд, пустая трата времени. Что ж, если вы были так уверены в себе, то, должно быть, у вас был какой-то подробный план, вы многое должны знать о Грейди, раз были так настойчивы.

– Верно, мы знаем практически все о нем. По крайней мере, у нас есть достаточно информации, чтобы поймать его.

– Это очень хорошо. Давайте пойдем на сделку: вы рассказываете, где он может сейчас находиться, а мы вычеркиваем

из вашего срока символические цифры, пойдет?

Задержанный глотнул, в его зрачках появилась надежда.

– Д-да, безусловно. – начал рассказывать он. -Мистер Роберт Грейди, известный шоумен, прибыл сегодня утром, а точнее в восемь часов сорок три минуты. Он вышел из каюты и пошел в сторону спуска, где его ожидала толпа. В сорок семь минут я сделал выстрел в воздух. Толпа моментально разбежалась, и мы выиграли несколько минут времени. Я побежал в сторону Грейди, а Шон решил в случае, если я его не догоню, подловить нас на другой стороне улицы. Все шло по плану, пока не появились вы – увидев двух полисменов, я тут же рванулся к Шону, чтобы предупредить его и сказать, что нам нужно срочно бежать. И, когда я подбежал к нему, раздался выстрел, шокировавший меня. Через пару секунд я опять увидел вас, приближающихся к нам с револьверами в руках.

– Нам нужно от тебя только несколько вещей. Первое – где сейчас может быть Грейди?

– Он планировал задержаться в своем отеле, в комнате номер тридцать семь. Но будьте осторожны – по информации, которой мы владеем, у него есть особенный сюрприз для особенных незнакомцев – питбультерьер. Так что, если захотите внезапно избавиться от него, вам нужно будет изрядно постараться.

– Откуда такая информация? – ворвался в разговор Джон.

– Сейчас это неважно. – ответил Мик. -Он дает нам дан-

ные, мы сокращаем время его нахождения в Блессуорте – никаких лишних вопросов.

– Ясно. Значит мы используем преступника для того, чтобы в итоге поймать другого преступника. Гениально!

– А что ты предлагаешь? Сам ведь хочешь поймать Семерку.

– Я уж и позабыл, кого мы ищем. – раздраженно проворчал Донлон. – Ладно, давай дальше.

– Ты знаешь, где будет Грейди в ближайшие дни – будет ли выходить из Гранд-Энда? – обратился Бенсон к допрашиваемому.

– Ближайшее выступление начинается через неделю, остальное – не знаю. Не думаю, что он будет прохлаждаться в такое бурное время, когда на каждом шагу тебя может подстеречь твой убийца.

– Это правда. – подтвердил детектив. – Можешь еще что-то сказать?

Продлившееся некоторое время молчание дало понять, что всю ценную информацию своим надзирателям тот уже поведал.

– Понятно. – заключил Мик. – Рон, отведи его, пожалуйста, в одну из камер снизу, и возвращайся к нам – у нас есть что обсудить.

Уэбли осторожно взял за воротник злоумышленника и повел в сторону лестницы. Дождавшись, пока он уйдет, Бенсон твердо попросил Джона:

– Мне нужна вся информация о нем.

– О ком? Я не понимаю о чем ты говоришь. – как обычно выражаются в случае недопонимания, спросил шериф.

– Я о Роне. Мне нужны все данные о нем.

– Зачем? – скорчился другой. -Он профессионал, ты разве еще не понял? Если бы я выбирал между тобой и ним, я бы выбрал его.

– Это меня, конечно, обнадеживает. – саркастично сказал Бенсон, кивнув головой.

– Поверь мне, он лучший из лучших...

– В этом и проблема. – обернулся, чтобы посмотреть не идет ли кто сзади, Мик. -Его профессионализм может затмить в нем другие черты характера – и если он настоящий мастер своего дела, он сможет их очень хорошо скрывать. Этого я и боюсь.

– Но он единственный, кто может направлять нас в нужное русло. Ты против нашего расследования, я же, как ты говоришь, одержим им. А он – золотая середина между нашими стремлениями!

– Не нужна нам никакая середина. – скрестил руки Бенсон. -У нас и без того трудностей немало, да ты еще замешиваешь кучу других людей в это все. Зачем тебе этот Рон? Он – самый посредственный шериф, как и ты, которому ты просто даешь шанс поучаствовать в возможно одном из самых грандиозных расследований в истории!

– Во-первых, ты слегка преувеличил насчет одного из са-

мых грандиозных, а в-вторых, почему бы мне не дать ему этот шанс?

– Ты сегодня же чуть не прикончил никому не причинившего вред человека, а сейчас говоришь о том, чтобы дать кому-то шанс исправить ошибки прошлого? Какой же ты лицемер!

– Послушай, я никогда еще не врал тебе. Даже если ты считаешь иначе, просто поверь мне на слова. Я понимаю, это тяжело, но все же – дай обещание, что поверишь, каждому моему слову.

Мик с надеждой посмотрел в глаза товарищу, и, будучи человеком доверчивым и прощающим практически все невзгоды судьбы, улыбнулся и одобрительно моргнул.

– Раз ты хочешь узнать все о Роне, то начнем с момента нашего первого знакомства...

Глава 11

1963

29 АВГУСТА

Ночь. Вся улица поглощена мглой, только из окон полицейского участка сыпется и падает на землю лучами теплый желтый свет, исходящий от одиноко поставленной в угол стола, на котором лежало множеством папок, лампы. Дверь в кабинет распахнулась, как в ней оказался Джон. Куда ни обернись, всюду кипела работа: на этаже с ним находилось около с десятков человек, каждый из которых занимался исключительно своим делом. Во всей этой суматохе он был лишь обычным констеблем, ждущим приказ свыше. Он сел за стол и начал быстро разбирать листы, параллельно записывая в них какие-то сведения. Джон работал в ночную смену, а потому именно на его долю приходилось большинство важных заданий. Поимка преступников была для него всем – он мог оставаться в отделении до девяти часов утра, без перерывов разбирая досье пойманных и не только лиц. Более того, он был любимцем всех проживающих в городе – его поддерживали как коллеги, так и обычные обыватели, благодарные полисменам за сохранность их необычайно прекрасного и нетронутого криминалом местечка. В проходах меж-

ду офисов то и дело раздавались благодарные восклицания, адресованные Джону.

Если говорить кратко – жизнь его была великолепна. В свои двадцать четыре года он уже ловил в свои сети первоклассных убийц и обводил вокруг пальца наилучших из плутов. Была у него жена и... да только жена. Семейную жизнь, как он сам объяснял, Джон “не воспринимал как сферу, отдаленную от своей профессии” и потому всячески старался погрузить избранницу в свой полный зловещих историй мирок. И это получалось у него довольно хорошо – та не только начала интересоваться криминальной историей, но и помогать мужу в расследованиях. Будучи остроумной красоткой, ей было совсем нетрудно притвориться, что называется, глуповатой особой, и, пользовалась весьма недурным принципом “главная сила моя – есть моя недооцененность”. Он, зачастую, показывал себя исключительно хорошо, и даже не пытайтесь отрицать этого, иначе он сработает против вас же.

В кабинет врывается мужчина намного старше Джона – лет пятидесяти. Он, властный и в солнцезащитных очках, подходит все ближе к столу, и, наконец, подойдя совсем близко, повелел:

– Ты и Уэбли – на Грэйс-стрит. Вот тебе дело. – он положил затмившее все остальные бумаги досье и показал на расположенную в левом верхнем углу фотографию. – Это – мистер и миссис Роуд, действуют в паре, грабят все, что только можно ограбить. Ро-о-он!

Не увидев никакой реакции со стороны Уэбли, он сказал Донлону:

– Иди-ка разбуди его и скажи, что если еще раз заснет на работе, ему несдобровать.

Джон беспрекословно последовал приказу шерифа. Он, звеня своими сапогами и поблескивая звездой на груди, пошел выполнять данное ему задание. Не прошло и десяти минут, как оба – *Джон* и *Рон* (или, в угоду второму, *Рон* и *Джон*) находились в погоне за двумя сногшибательно сумасшедшими воришками. Те ехали на своем желтом фургоне, извиваясь в разных направлениях. Шины, так и казалось, что вот-вот лопнут, но угловатый автомобиль все время продолжал свое незамысловатое движение. У них на хвосте же были настоящие профессионалы своего дела – полисмены ловко поворачивали руль и ни на секунду не упускали беглецов из виду. Солнечный лучи преграждали обзор и первым, и вторым, поэтому все они, полуослепленные, не совсем понимали, куда направляются. Пока они завершали круг за кругом вокруг домов, у полицейских не исчезало желание пробить тем колесо. Однако, к их несчастью, негласное правило не стрелять без особой нужды могло нарушиться с высокой вероятностью появления пострадавших, чего опасался и избегал любой страж порядка в городе. За машинами оставались лишь два почти совпадающих следа от колес, простирающихся на сотни метров, если не на несколько километров вперед.

Выехав на безлюдное шоссе, обе стороны встретились лицом к лицу. Из-за окна фургона выглядывало лицо, на котором неизменно сохранялась безумная улыбка. Это была молодая женщина, она, слегка прищуриваясь, целилась револьвером куда-то в сторону патрульной. В ответ Джон, не сильно подставляя голову под удар, так же направил свой пистолет, но не в угонщиков, а в одно из колес.

– Нам нельзя пробивать им колесо, это не их машина. – предупредил Рон.

– Ну не в лица их мне же стрелять! – стоял на своем Джон. – Сначала нужно не дать им удрать от нас. Любой ценой.

С этими словами он нажал на курок, и в то же мгновение поврежденное заднее правое колесо дало о себе знать – мало того, что беглецы и без этого непроизвольно перекатывались с одной дороги на другую, так еще и начали исполнять незавершенные кульбиты, каждый раз находясь в шаге от переворота.

– Что ты не стреляешь? – занервничал Роуд, еле справляясь с управлением. – Просто набей их черепушки свинцом, разве это так сложно!?

– Я не виновата, что ты не умеешь нормально ездить. Мы каждую секунду смещаемся на несколько метров, и я по-твоему, должна попасть? Ладно, была не была.

Та решительно взялась за револьвер и выстрелила в лобовое стекло догоняющего их автомобиля. Из патрульной сразу донеслись грубые ругательства, коими и Рон, и Джон поль-

зовались отменно и на редкость изысканно, да так, что могли превратить любое из них в тщательно выточенное произведение искусства. С необыкновенно выразительными лицами они вкладывали смысл в каждый произнесенный звук, и чем фраза была устрашающей, тем звонче и четче слышались буквы.

Кое-как свернув с дороги, грабители выехали обочину и понеслись в бескрайнюю степь, границы которой обозначали лишь поля пшеницы, располагавшиеся далеко-далеко впереди. Казалось, колосья вот-вот поглотит кроваво-алый закат, и тьма обратит на себя взор всего живого, ознаменовав наступление полнолуния, но захваченным азартом полицейским было важно одно – перехитрить злополучных преступников.

– Мы так долго не протянем. – обратился Рон к Джону. – Дальше, на холмах, мы не сможем угнаться за ними, так что у нас времени осталось совсем немного.

– Я не попаду, если буду стрелять издалека. Подъезь к ним как можно ближе, может тогда нам удастся поймать этих паршивцев.

Уэбли нажал на педаль еще сильнее, и автомобиль резко ускорился. Нещадно давя тюльпаны, ромашки и одуванчики на своем пути, они начали нагонять свою цель. Проносясь мимо одиноких умиротворенных строений, увидев которое хочется раздумывать над целью его нахождения ровно в этот час ровно на этом месте, они бойко сокращали расстояние до

линии начала обширных полей. Но сколько бы ни старались блюстители закона, сколько сил они не истратили, роковой фургон все время оказывался на шаг впереди. Посматривая на свои часы, на которых минутная и часовая стрелки указывали на пять, Рон стал осознавать – перестрелка во ржи будет лишь вопросом времени. Потеряв из виду злоумышленников, и обнаружив пустой минивэн, оба поняли – те сейчас, должно быть, бегут сквозь высокую траву в последней надежде найти свое спасение. К слову, перебраться сквозь подобные поля – очень непростая задача, особенно если у вас с собой мешок с деньгами в одной руке и по кольцу в другой.

Вновь посмотрев на часы, Уэбли усомнился в равномерности движения стрелок – на них было уже без трех минут шесть.

– Главное – не расходимся. – посоветовал он своему напарнику. –Иди тихо и сообщай мне о любом движении, я за тобой.

Нагнувшись, они начали красться в неведении того, куда их заведет этот странный путь. Перелезая через множество тонких колосьев, они заходили все дальше и дальше в глубь не имеющей границ пашни. Солнце к этому времени уже село, ранее обжигающие кожу лучи спрятались за горизонтом. Все четверо оказались наедине с природой, не зная о местоположении друг друга. Над путниками изредка пролетали стаи воронов, как будто бы предостерегающие их от будущего, что жадно потирает руки в ожидании свершений

подруги-судьбы.

Но опустим унылое описание Джоном долгих поисков мистера и миссис Роуд, и потому сразу переместимся на час-два вперед, дабы читатель не внимал богатому на скверные выражения и не имеющему никакого смысла рассказу шерифа, содержащему весьма скудные детали происходящего.

ДВУМЯ ЧАСАМИ ПОЗЖЕ

Около Джона послышался шорох. Он повернулся в сторону, из которой доносился чуть слышимый шелест, и медленно, стараясь переступить через каждую соломинку, стал идти на звук.

– Нам осталось совсем чуток, вон – видишь белое свечение? Это – луна, значит мы на верном пути. – прозвучал тихий заботливый женский голос. – Только не забывай держать пистолет при себе – эти ищейки могут застать нас врасплох в часу на час.

“Как же она права!” – подумал на секунду Донлон, готовый сейчас же поймать воров. Он выхватил из-за пояса нож и, дотянувшись рукой до одного из пары, приставил к шее того лезвие. Отойдя чуть подальше от второго, он, не отводя оружия, выкрикнул:

– Не подходи! Если сделаешь шаг, – он смотрел на траву, за которой не мог ничего разглядеть. – Прикончу твоего паренька на месте.

Из-за кустов вышла мисс Роуд. Она бросила мешок на землю и, видя что на прицеле ее держит Уэбли, подняла руки.

– Все-все, вы поймали меня. – разочарованно и не понимая еще своей участи, спокойно произнесла она. – А мы ведь были так близки, чтобы осуществить свою мечту, не так ли, Джек?

Донлон отпустил заложника, но продолжил пристально следить за ним.

– Рон, надень наручники на этих двоих. – отвернувшись в сторону, из которой они шли, дал команду Донлон.

Его коллега начал тянуться рукой к ремню, как его оглушил неожиданный выстрел. Джон осмотрелся вокруг, и все будто бы погрузилось в туман. Он не увидел никого – ни второго полисмена, ни хитрецов. Он перебрал в своей голове все варианты этого происшествия, и, поймав себя на мысли, что пессимистические мысли, какие накатывали на него в особо скорбные минуты, никак не помогут ему, побежал через все поле, думая только о том, чтобы найти своего приятеля.

Перебирая руками и делая глубокие вдохи, он нервно оглядывался по сторонам и, не находя никого за бледными колосками, продолжал бессознательно бежать в случайную сторону. Постепенно он приходил в себя, но он не переставал страшиться своих мыслей, потому что никогда не знал, что взбредет ему в голову.

*Джон, когда мы впервые познакомились с ним, сказал за-
помнившуюся мне фразу:*

*– Самое страшное, чего только может бояться человек,
это своих мыслей. Запрыгнув в твой мозг однажды, она еще
долго будет морочить тебе голову, и следующее твоё столк-
новение с ней будет лишь еще страшнее.*

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Удивительно, что шастанье меж трав может быть таким пугающим и безнадежным. Ни одного звука, ни одного шуршания не мог расслышать Рон, чтобы хотя бы получить надежду на благополучный конец. В итоге, он вышел из травы и упал на зеленую траву, освещенную лунным свечением, и погрузился в сон, полностью охвативший его разум и душу.

Уэбли очутился около реки, поверхность которой переливалась невинно-голубым сиянием. Он стоял на мягкой зеленой траве, и казалось, ничто не могло прервать воссоединение его с прекрасной природой. “Где я? – задался вопросом он. – Неужели это – то, куда все хотят попасть?” “Нет, конечно нет”. – ответил он сам себе, и ничто не могло переубедить его. К тому же, зачем ему попадать сюда? Но это не может быть случайностью. Донлон, никогда не веря в совпадения, решил найти ответ, на который никто и никогда не мог дать ответа. Он посмотрел вокруг – сплошная равнина, на которую проливалось тысячи дождей, сейчас была окутана сол-

нечными лучами, беззаветно чистыми и очаровательными.

“Может, я в бреду?” – опять заговорил сам с собой Джон. Ничто не могло подсказать ему, где он и зачем тут находится. Смысл его присутствия здесь был не глубже, чем смысл того, что корни древ питают воды. Он попытался сделать шаг, но ничего не вышло – необъяснимая сила сковала его, и он просто не мог пошевелиться. Не чувствующий ничего и не способный понять, что именно мешает ему почувствовать всю свободу движений, Джон предпринял еще одну попытку сделать шаг. В этот раз он приложил намного больше усилий, но сейчас его старания не дали никакого результата – и он вдруг почувствовал всю свою незначительность. Все, что выглядело в его глазах важным и имеющим смысл, неожиданно потеряло связывающую нить между ним. Все, к чему он стремился, так же стало ему чуждым и незнакомым. Любому существу, внезапно оказавшемуся тут, оставалось, разве что, раздумывать над содеянным. “Обычно прибывших сюда не беспокоит судьба всех остальных. – с сомнением выдвинул гипотезу блюститель закона, – Но я все равно не понимаю, почему оказался здесь”.

Солнце сияло так ярко, что неба практически нельзя было рассмотреть. А может, это было вовсе и не солнце. При попытке взглянуть вверх, Донлона в мгновение ока накрыла волна полуживых мертвецов, и ему померещилось, что среди них он различил Рона. Пробившись через тьму, он очутился около поля.

Кинув взор на серые облака, он вспомнил, где находится, и оттого ему стало не по себе: навевала тоска, к сердцу подступил страх. Сначала ему показалось, будто память его заволок туман, но через некоторое время он все вспомнил – и то, где только что пребывал. Все до мельчайшей подробности он мог восстановить в своей памяти, каждый лист на деревце, каждую поющую птицу, каждую каплю росы. Донлон понял – он не может допустить смерти товарища. Он провел рукой по земле, чтобы взять свое оружие, но ничего не нащупал. Тогда его охватила паника, его бросило в дрожь только от осознания возможной вероятности гибели Уэбли.

– Куда ты запропастился? Мне пришлось расправляться с этими мерзавцами в одиночку. – посетовал Рон и махнул головой на лежащих на камнях негодяев, связанных рыболовной сетью. – Пытались поймать меня в свою дурацкую ловушку! Эта вообще – как услышал звук спущенного курка, я уж думал что обречен, начал думать о том, о чем обычно думают перед смертью, но, к счастью, она промахнулась. И кстати, о чем думаю люди перед смертью? Я вот подумал обзавестись парой бутылок крепкого вина, да...

– Я думал... я думал ты... – переводя дыхание, начал другой.

– Ничего. – с пониманием и теплом успокоил того Уэбли. – В любом случае – мы их поймали. А это главное. Надеюсь эта собака Уайлфер заплатит нам по заслугам. Не могу больше терпеть его выходок – расхаживает по всему участку и по-

стоянно орет на всех, как идиот. Он всю жизнь дает приказы, и живет тем, что делают другие. Не надоело ли ему самому? Жду не дождусь, когда он распрощается с нами. Навсегда.

– Это точно. – придя в себя, встав, тихо произнес Джон. – Но задание это нам надо завершить. Не притащим их к Уайлфелу – и нам можно распрощаться с нашими значками.

Примерно в шесть с половиной часов вечера пленных, которые в совокупности своей напоминали один большой мешок картошки, полицейские бросили в патрульную и отправились восвояси. Во время всей поездки они рассуждали о своей профессии и жизни: о том, почему каждый из них выбрал путь посланника закона, что будет с ними завтра, и, в конце концов, какой кофе они будут пить утром следующего дня. Им так нравилось беседовать, защищать свои позиции, приводить аргументы, выслушивать мнения, они были равнодушны ко всему этому.

Дилемма была в том, что ни один из них не понимал, что порождало такую близость между людьми совершенно разных представлений о мире; а может, дружба это нечто большее, чем близость характеров, как представляли себе констебли, может это...

Автомобиль резко затормозил у входа в участок. За стенами были слышны озлобленные крики, которые обычно никого не тревожили, да и значимость их, чаще всего, была ничтожно мала. Рон взял за шкурку обоих жуликов и потащил их в здание.

– Ох-ох-ох, кого я вижу за порогом? – раздался восхищенный голос, исходящий из уст самодовольного Уалфера. – О, это же вы – та самая парочка профессионалов, о которых мне прожужжали голову все ваши “коллежки”. Ну что, кого на этот раз притащили сюда?

Он коснулся своей большой рукой шеи мисс Роуд и, разглядев все черты ее лица, топнул ногой по полу и с восторгом воскликнул:

– Неужели вы поймали их? Никому еще не удавалось в столь короткий срок управиться сразу с двоими. – он любопытно, будто заглядывая в душу, посмотрел в глаза Джону. – Или меня одурачивает моя память?

– Они не были трудной целью. – смиренно и безэмоционально сообщил Рон. – Мы выполняли свой приказ, и теперь преступники в ваших руках – на этом наша работа закончена.

На лицах обоих пойманных появился оскал – они были явно недовольны тем, что про них наговорил Уэбли.

– Но, несмотря на то, что они оба не опасны, – продолжил тот. – Все же советую выделить им по скромному уголку в Блессурте.

Тут гнев сменился страхом: оба будущих заключенных в ужасе зарыдали, и начали умолять:

– Т-только не туда, только не туда! Мы не сможем находиться там, мы ведь ничего не сделали! О, боже, помилуйте нас и наши гнилые души!

Никакие метафоры не могли смягчить непреклонного Уалфера. Он, свысока посмотрев на обреченных, сказал:

– Вы ошибаетесь. Людей утаскивают в тюрьму не из-за того, что они сделали, а из-за того, что бы они сделали, будь у них такая возможность.

Понимая, что их, скорее всего, ждет мучительная смерть в темных закоулках этого невероятных масштабов бастиона, и что они никак не могут на это повлиять, слезы плавно перелились в истерический смех. “Никогда еще я не видел настолько правдиво испугавшихся людей”. – поймал себя на мысли будущий шериф. – “И все-таки их участь ясна и отвратна...”

Джон описывал мне Уалфера как низкого крупного мужчину лет пятидесяти. Он говорил о нем, как об опрятном и вежливом лице, однако по секрету мне сказал, что называть его так требует сам Уалфер. На самом деле он был ворчливым и никого не уважал – ему было дело только до выгоды, которую тот искал практически во всем. Он любил давать приказы, но чаще – откровенно бессмысленные приказы. Кажется, он получал удовольствие уже из того, что выжимал из своей власти все соки. Думаю, не стоит пояснять, что он прославился среди всех жителей как самый злобный и противный человек в городе.

Правда... я так и не понял кем приходился этот Уалфер Джону. Зачем он мне про него вообще рассказал? Я даже не

знаю его имени! Надеюсь, что когда-то я это узнаю. <...>

Никогда не понимал, почему все так боятся этот Блессурт? Уже не терпится побывать там и понять, отчего все приходят в ужас при его упоминании. Думаю, там убивают людей. Это ужасно – и я знаю это – но что там творится на самом деле, если мое предположение окажется неверным? Ответ на этот вопрос, если честно, мне хочется получить куда меньше, чем на любой другой. И тем не менее, именно он не дает мне спокойно спать по ночам.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

– Ты спас мне жизнь сегодня. – сказал Донлон, стоя у входной двери под крышей, Рону.

– Не преувеличивай. Они тебя даже не увидели – разбежались, словно крысы, кто куда, и решили первым делом избавиться от меня. Это была их главная ошибка. Вот если бы они сначала перерезали тебе горло, вот тогда бы...

– Давай не будем озвучивать то, что было бы в таком случае. – Джону не понравилась выдвинутая Уэбли версия. – Почему ты не убежал? У тебя ведь было все для этого – они тебя не видят, а у тебя есть машина.

– Не знаю. Я даже не задумывался о том, что могу поступить так. Возможно, в каком-либо из бесконечного количества вариантов сегодняшнего дня, это решение повлекло бы наилучшие последствия. – будучи ярким поклонником теории о существовании параллельных вселенных, которые вле-

кут за собой целый перечень возможностей, что были за пределами человеческого разума, предположил другой.

Джону впервые за долгие годы почувствовал себя по-настоящему счастливым – сам того не понимая, он начал напевать про себя веселую песенку, и, еще очень много часов не останавливаясь рассматривать у себя в кабинете различные документы, вышел к утру на улицу, где только-только начал нагреваться асфальт и птицы подготавливались к раннему пению, и лишь одна торжественная и исходящая прямо из сердца мысль была у него на уме: “Проснись и пой, город. Проснись и пой, мир!”

Шериф закончил свой рассказ и услышал хлопок двери. Это вошел Рон. Не успевший ничего сказать, погруженный в историю Донлона Мик сделал вид, что тщательно обдумывает свои дальнейшие слова, но на самом деле он размышлял о том, справедливо ли Уэбли вторгся в считавшееся секретным расследование.

– Итак, – недолго подождав, начал он. – Мы знаем где будет находиться Грейди. Это комната номер тридцать семь. Нам ни в коем случае нельзя испугать его – связи, которыми он охотно воспользуется при первой возможности, доставят нам массу неприятностей. Поэтому действовать будем по принципу использования доверия. Нам нужно втиснуть-

ся в тот круг, с которым он предпочитает общаться, и желательно некоторое время не выходить из него – делать вид, что мы такие же, как он. Поверьте, людям нравится видеть в других свои малость искаженные версии себя же. Так вот, когда мы поймем, что настало время действовать, нужно будет подготовить все для “контрольной операции”. Сначала как-то обезвредить собаку – если это не сделать, она сочтет нас за три больших куска мяса, и тогда жизни нам не видать. Затем нужно будет убедиться, что никто не может помешать нам – все подозрительные или любопытные лица не должны знать цель нашего пребывания в Гранд-Энде. Наконец, когда Грейди все нам расскажет, нельзя допустить, чтобы он распространил информацию про нас журналистам. Если это произойдет, можно смело считать наше расследование провалившимся. Чтобы добиться этого, нам нужно будет найти какой-нибудь компромат, у людей как он подобных немало. – он на секунду улыбнулся, а затем невозмутимо продолжил. –И только тогда, когда мы будем знать, кто посещал Гранд-Энд во время существования Семерки, и будем уверены в том, что он сохранит нашу секретность, только тогда мы сможем уехать отсюда. И желательно сделать это как можно скорее, так как с каждым днем количество наших преследователей может расти без нашего ведома.

Тут Донлон вспомнил об утраченном Солом листе, и, до конца еще не веря в то, что его кто-то украл, согласился:

– Да, с каждым закатом и рассветом заниматься всем этим

становится все более опасно.

Трое полисменов перекинулись парой добрых и поддерживающих, но с некой долей подозрения взглядов, и попрощались друг с другом. Донлон и Бенсон остались в участке, а Уэбли решил переночевать “у своего друга”.

Всю ночь был слышен скрип поворачивающегося от ветра дорожного знака и жуткое карканье, издававшееся откуда-то из леса. Месяц осветил дорогу, но все вокруг нее оставил в полной темени. “-Почему все так странно выходит? А не спятил ли я?” – Джон рассмотрел еще одно досье, и в полночь откатился на спинку своего кресла и сладко задремал.

Насколько мне не было бы страшно за свою жизнь и жизнь моих приятелей, я не могу не признать то, что внешне перевернувшая все дело с ног на голову перипетия, возникшая в нашем рассказе, вызывала у меня неподдельный интерес и энтузиазм, ведь что может быть авантюрнее, чем охотиться на сбежавшего при загадочных обстоятельствах безумного негодяя, который помешан на криминалистике жаждет лишь кровопролития? Одна только мысль об этом захватывает мой дух.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Прогредел будильник. Джон раскрыл глаза и, посмотрев на время, они раскрылись еще сильнее.

– Десять часов утра, Мик! – гневно закричал он. – Где тебя

до сих пор носит?

Не успел Бенсон откликнуться на возглас Донлона, как в дверь постучались. Причем постучались так громко, что удары можно было легко расслышать и на втором этаже. Примерно в это же время ошеломленный и поразивший всех до потери ума робкий женский крик оповестил на все здание:

– Говард сбежал! Эта дрянь Говард сбежал!

Глава 12

Что ж, не будем опережать события и вернемся к мирной жизни Сола. Эта преамбула призвана напомнить читателю, что Сол был весьма неприкаянным человеком, и потому за все то время, пока мы отвлеклись на стражей порядка, не сидел без дела.

1985

15 ИЮНЯ

Планк догадывался, что этим утром уже не увидит полисменов. Поэтому он со спокойной из-за отсутствия какой-либо ответственности за дело, душой, проснулся в десять часов утра и не торопился выходить из дома. Он знал, что на втором этаже точно так же поступит Джефферсон, и с нетерпением ожидал его пробуждения. Сол взял пачку печенья заварил чай, и начал трапезу, от которой чрезмерно веяло уютом и теплом. По его нехитрым соображениям, Паркинсоны-старшие должны были вновь отбыть в другой город, где начали бы новую работу. К слову, юноша не слабо интересовался их деятельностью – он обожал смотреть фильмы, но еще больше – обсуждать и критиковать их. Он мог часами беседовать о смысле, заложенном автором в произведение,

но все, что ему удавалось делать в этом мало понимающим его мире, это изливать свои мысли на бумагу, дабы хоть как-то запечатлеть свои взгляды. Капли, оседавшие на стекле, совсем не пробуждали в Планке желание изменить все. Да и к тому же – что может изменить шестнадцатилетний подросток, у которого на пути все время встают либо злостные и одураченные жизнью неудачники, либо недоумки, все время пытающиеся найти незаконный способ пожитьяся?

Но Сол не предпочитал вынашивать тяжелые мысли – он либо сразу пытался избавиться от них, либо... хотя нет, здесь всего один вариант. Не прошло и двух часов, как сонный Джефф спустился к своему другу.

– Сколько можно спать? – возмутился Сол. – Ты вообще на время смотрел?

– Не-ет. – протянул Паркинсон. – А сколько сейчас?

Планк посмотрел на часы, висевшие на кухне, и, нарочито повысив громкость своего голоса, воскликнул:

– Двенадцать часов! Скорее одевайся, нам нужно кое-кого проверить. Пока Джон с Миком в своем “дальнем плавании”, нам нужно совершить много дел. Так что не медли и скорее начинай одеваться.

Джефф неаккуратно вскарабкался на ступеньку и потопал обратно вверх. Он заскочил в свою комнату на пару минут, и, выйдя из нее как из примерочной, предстал в своем обычном наряде: на нем красовалась футболка с двумя перекрещенными револьверами и самые обычные шорты. На ногах

у него были испачканные в грязи сапоги, которые никак не сочетались в его остальным внешним видом. Но это его не беспокоило – и он, даже не зная намерений Сола, по прошествии трех минут был уже на улице и разглядывал представляющееся ему необычным дерево. Следом за ним вышел Планк, который уж точно не ожидал, что потратит целых десять минут на доказательство того, что у крыльца дома Паркинсонов находится не яблоня, а ленкоранская альбиция². С предубеждением Джеффа боролась и Луна, которая заметно превышала по познаниям в этой теме своего брата и его товарища. Завершив эту бессмысленную дискуссию, Сол, уже направляясь в путь, сказал:

– Нам, на всякий случай, нужно проведать участок.

Паркинсон послушно прошел чуть дальше по тротуару, вышел на дороги и пошел за Планком. Льющий дождь пусть и доставлял неприятности, но воздух по-прежнему был теплым – в те дни только к вечеру мог начать выть леденящий душу ветерок, от которого доносился легкий холод. Во все остальное время же погода была непредсказуемой, да и летней ее назвать было довольно сложно. Скорее, время этих безмятежных дней могло сравниться только с сырой заунывной осенью. Это, конечно, раздражало Сола, которому было совершенно противно от всей этой безрадостной атмосферы, но и изменить это он никак не мог, и потому делал все, что было в его силах – озарял своим озорным существом все

² Вид деревьев рода Альбиция семейства Бобовые.

жизненные тропы, по которым приходилось ему проходить. После отъезда полицейских, отделение стало заметно скромнее – вокруг него теперь не собирались компании смельчаков, которые подшучивали над двумя все время несогласными друг с другом детективов, не проезжали испытывающие судьбу подлецы – все они разом исчезли, как будто бы знали, что именно в этот день в участке никого не будет. “-Неужели слухи так быстро расходятся?” – вопросительно промолвил шепотом Планк при виде гробом возвышающегося над землей уединенного здания.

Дверь со скрипом отворилась. Зайдя внутрь, Планк не увидел ничего привычного: ни играющих в карты за третьим справа столом, ни деловито обсуждавшую что-то группу в углу комнаты, ни двух перекликающихся между собой блюстителей закона. Все, что открылось его глазам – это идиллически-покоящиеся столы, стулья, стойки. В пролетах между ними изредка наблюдались и констебли, которым, в силу их малого опыта, даже выходить из помещения для попытки поймать пусть даже самого мелкого преступника было рискованно. Планк, привыкший к немного иному укладу, но до сих пор не утративший чувство верности, связывающее его с этим местом, сохранил ту любовь, что все время испытывал к нему, и, с целеустремленным видом направился вверх. Не только Джефферсон посмотрел на него непонимающе – все внутри так же медленно последовали головой в его сторону, но затем, потеряв того из виду, продолжили заниматься сво-

ими делами. Паркинсон же не перестал сводить с него глаз и лишь неуверенно шел за ним. Твердая решительность Сола подействовала на него – он не знал, что будет в ближайшие пять минут, но ему это уже нравилось. Все время проверяя револьвер в правом кармане, он чувствовал себя в безопасности, так как знал, что одно из двух – Сол или пистолет – точно спасет его шкуру. К тому же – чего ему бояться там, где все хоть сколько-то опасные лица заперты на замок, верно? Однако при всем при этом ранее незнакомое ему чувство тревоги ни на секунду не покидало его – он вроде бы был в безопасности и прекрасно знал это, и источник страха был глубже, чем на подсознательном уровне. Планк попросил Джефферсона подождать на лестничном проходе, и прикусывая губу, подошел к клетке всем известного Вилли Говарда. Пытаясь походить на профессионального сыщика, он стал расспрашивать:

– Ты знаешь, что произошло сегодня ночью. Прекрасно знаешь.

Говард сконфуженно посмотрел на Планка и ухмыльнулся:

– Хм. О чем ты? Всю ночь я сидел тут, может быть, даже спал, уже точно не помню. Решетка здесь прочная, я проверял. – он немного улыбнулся.

– Пропажа. – пояснил Сол. – Пропажа кое-чего ценного... чего-то, что ценнее золота.

Вилли опять сделал смешок.

– Я думал тут все думают только о богатствах. Разве это не была первоначальная цель твоего расследования?

– Моего? – переспросил юноша.

– Да, именно так! – вцепился в решетку своими красноватыми руками Говард. -Хватит делать вид, что не считаешь, что это ты – лидер всего расследования. Я все знаю, в-с-е.

– Тогда почему-же не знаешь о краже? – непоколебимо перехватил разговор в свои руки Сол. -Не лжешь ли ты сам себе, пребывая тут в полной безнадежности?

– Мне совсем не одиноко. – посмотрел Говард в глаза Планку, как хищник смотрит в глаза своей жертвы перед роковым сражением. -Все эти люди вокруг – они такие глупые! Ничего не понимают, зато пресмыкаются у ног Донлона, у этого мерзкого человечка, в руках которого судьбы сотни пойманных. Думаешь, он понимает что творит?

Сол испугался дикого взгляда Вилли и отвел глаза на стену. Другой продолжил давить:

– Ми-ик. Вот он... он хотя бы что-то смыслит в своей профессии.

– Откуда ты знаешь? У него было все два задания.

– И оба он выполнил на ура. – замешкался Говард. -Слушай, не задавай лишних вопросов, ты вроде умный малый. У тебя еще есть много времени, чтобы свершить в жизни то, что хотел. В любом случае, даже если я ошибаюсь, помни, что жизнь – это один долгий полет, в котором может случиться все что угодно – от взятия новой высоты до сокрушитель-

ного падения. И, раз уж ты завел со мной разговор, за что я уже тебе благодарен, то держи нехитрый совет на будущее: если жизнь дает тебе шанс, ты не в праве отказаться от него.

Планк, расположившийся к приятным речам Вилли, не уловил конец мысли собеседника, и еще пару секунд просидел, глядя в стену. Заключенный показался ему человеческим, со своими взглядами и мыслями, каким ему когда-то показался Паркинсон-младший. Представление о нем вмиг изменилось, и он, сам не поверив своему разуму, отошел от клетки обратно к лестнице.

Джефферсон встал у него на пути и развел руками в стороны:

– Пропажа чего? Ты сказал ему, что что-то ценное пропало. Что именно это было?

– Ты подслушал наш разговор?

– Расследование – общее дело, и мы оба должны знать, чем занимается каждый из нас, верно? В конце концов мы друзья, и не должны скрывать ничего друг от друга.

– Ты прав. Учти – ты сам попросил меня рассказать тебе. Три листа из моих отчетов пропали. Просто провалились сквозь землю!

– Но это ведь небольшая потеря, ты, думаю, их попросту потерял.

– Потеря, может, это и небольшая, но есть две вещи: первое – я точно не мог потерять их, и второе – это может быть значимой уликой. Если мы определим вора, то приблизимся

еще на несколько шагов к раскрытию убийства. Я поразмыслил и остановился на единственном объяснении этого происшествия – кто-то не хочет, чтобы мы продолжали расследование.

Джеффа осенило. Он вспомнил про записку, брошенную в урну, которой, с высокой долей вероятности, там уже не обнаружится.

– Я тоже должен тебе о кое-чем рассказать. Около недели назад на пороге нашего дома я увидел записку. На ней было что-то вроде: “Делайте ноги, пока не поздно”.

– Почему ты мне раньше не сказал? Она есть у тебя? Если есть – то хвала дактилоскопии! – он уже начал воображать, как выходит на след убийцы и ловит его.

– Нет. Сол, прости, я совершенно не думал в тот момент... но я выбросил ее, счел бредом.

Интригующее ожидание сменилось полным разочарованием. Стараясь скрыть его, Планк сказал:

– Ладно, и без этого обойдемся. Черт, если листы и вправду крал кто-то из помощников Говарда, то теперь он не будет этого делать, так как я открыто дал понять, что подозреваю его в этом.

– Ты уверен, что это кто-то из Семерки? Ни у кого постороннего не было доступа к Вилли, и поэтому я не думаю, что это был его сообщник.

– Согласен, но кто другой мог украсть их? Нам нужно выйти из помещения, пока кто-нибудь другой не узнал о на-

шем разговоре.

Оба вышли наружу. Они попали под дождь, но так хотя бы никто не мог узнать, о чем они так страстно болтают. Все мысли и чувства смешались воедино, и идя домой они не переставали рассуждать кто был укравшим рукопись человеком, зачем он это сделал, почему она была ему нужна? На все эти вопросы на данный момент не было точно ответа, и с уверенностью можно было сказать, что все мысли, не приводящие к результату – бессмысленны.

У дома Планк и Паркинсон опять встретили Луну – держащую что-то блестящее в руках. Сол издали попытался опознать что это, но девочка скрыла его за спиной. Заметив подходящих ребят, она, не переставая прятать неизвестный предмет, спросила:

– Как там продвигается расследование, майор Планк и рядовой Паркинсон?

– Между прочим, все очень серьезно. – не оценил шуточки Сол и поинтересовался сверкающей вещицей. -Что у тебя в руках?

– Ничего. – невинным голосом ответила она и попыталась уйти от ответа. -И насколько же все серьезно?

– Настолько, что тебе лучше не вмешиваться это. – пригрозил Сол.

– Почему же? Думаю, ты сильно недооцениваешь меня. – отметила Луна.

– Переоцениваю? Вовсе нет, просто я не могу допустить,

чтобы кто-то пострадал. А для этого нужно следовать всем моим указаниям. – опять взял роль главнокомандующего Планк.

– Тогда как тебе такое? – та достала из-за спины кольт и направила на Сола.

Тот, в свою очередь, без промедлений поднял руки.

– К направленному в мою сторону пистолету мне не привыкать. – уверенно произнес тот.

Под маской стойкости скрывалась испуганная душа, тем не менее Планк не столько переживал, сколько поразился уверенной хватке Паркинсон. Из всех случаев, что были на грани его убийства, этот показался ему самым убедительным. В данной ситуации не на шутку перепугался Джефф, который немедленно поторопился охладить пыл сестры:

– Опusti оружие, это того не стоит! Ты ведь его убьешь, если выстрелишь. Ты не будешь стрелять, да ведь?

– Конечно не буду, Джефф. Ты такой умора! Он даже не заряжен. – Луна спустила курок и раздался громовой выстрел.

Через пару секунд остолбенения с небес возвратилась пуля.

– Не заряжен!?! – впервые так оцепенев от выстрела, вопрошая воскликнул Планк.

– И как это понимать, великая вершительница судеб?

– Ой. Я случайно. – попыталась сгладить обстановку та. – В любом случае... револьвер в доме забыла не я.

Сол проверил карманы и еще больше растерялся:

– Это был еще и мой револьвер?! Ах, почему все всегда идет не по плану? Забудем об этом, давайте лучше обсудим текущее положение дел. – сказал Планк и зашел внутрь дома, за которым последовали и брат с сестрой.

Через десять минут все трое стояли вокруг стола с чистым листом бумаги по центру и рукописью ближе к его углу.

– Итак. – начал объяснять Сол. – Как стало известно почти всем, три листа из наших записей просто исчезли. Задаваться причиной этого мы будем позже, для начала нам нужно определить, что нам надо сделать, чтобы предотвратить их повторную пропажу. Предположим, что их кто-то украл. В таком случае нам нужно найти в доме место, куда не проберется ни один чужак. – он начертил на бумаге квадрат. – Это дом. Второй и третий этажи сразу не в счет – там нет ничего, куда бы можно было спрятать стопку. Остается первый этаж и подвал, и я тут приглядел одно местечко... – он посмотрел в сторону лестницы. – Там, под ней, есть множество каких-то ящиков. Почему бы нам не хранить листы там?

– Ни в коем случае. – сразу отказал Джефф и покачал головой. – Их часто переносят и открывают, так что это место точно не подойдет.

– Тогда я знаю еще только одну комнату, в которую их

можно было бы спрятать. Но, боюсь, вы от этого откажетесь.

– Ты сам прекрасно знаешь, что подвал предназначен только для “особых” случаев. – напомнил Паркинсон.

“-Да что там такое хранится, если вы так тщательно оберегаете его?” – задумался Планк.

– Понятно. – смирился он. -Тогда стоит еще раз посмотреть на чердаке. Там точно должен быть укромный уголок.

– Там есть один сундук, но я не уверен, что ключ от него я до сих пор храню. Нужно будет проверить его. Если конечно, он еще не развалился или увяз в паутине.

– О нем точно никто не вспомнит? – стараясь продумать все до мелочей, спросил Планк.

– Уверен. Его не открывали уже около десяти лет, насколько мне помнится, и стоит он в пучине остальных ветхих и знатно потрепанных ящиков.

– Отлично, надеюсь ты знаешь о чем говоришь. В таком случае мы можем переходить ко второму вопросу: что могло произойти этой ночью? Любой вариант, связанный с тем, что я их просто потерял, сразу сталкивается с аргументом, что все листы выбраны из разных мест книги. Не думаю, что я бы потерял листы, которые даже не доставал за последние несколько дней. Но и версия со злоумышленником, который хочет уничтожить плоды нашего расследования, тоже крайне странна, ибо зачем кому-то это делать? А, как известно, из Семерки о нас знает только один человек – Говард.

– Кто такой этот Говард? – не понимая о ком идет речь,

спросила Луна. -Почему о нем постоянно все говорят?

– Это задержанный в участке, подчиненные Джона сейчас работают над тем, чтобы вытрясти из него хоть каплю информации. – пояснил ее брат. -Мы поймали его из слов одного из очевидцев убийства – не помню как его звали – и сейчас он главный подозреваемый. Именно от него мы узнали о реальном существовании Безликих...

– А что, если, – продолжил Планк. -Мы ищем убийцу среди не тех, кого нужно? Мне кажется, что причастные к делу ближе, чем мы думаем. Иначе откуда грабитель знал, где именно лежали отчеты? Откуда он знал, в каком доме надо искать? Либо он и есть среди нас, либо он среди тех, кто вокруг тех, кто среди нас, понимаете?

Я собрался с мыслями и был готов, что все мои выводы разобью в пух и прах, но тут я увидел понимание со стороны Луны. И тогда я понял, что мы будем вынуждены понять друг друга из-за сложившихся обстоятельств.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

– В этом есть логика. – сказала Луна. -Но... я и ума приложить не могу, кто бы это мог быть. Да и знаю я только Донлона, кто еще участвует в деле помимо него?

– Мик Бенсон – помощник Джона. Но он тоже надежный, иначе Донлон бы с ним уже давно распрощался бы. Он не любит предателей и различает их с первого взгляда.

– Получается, есть кто-то еще, о ком мы забыли? – предположил Джефферсон.

– Возможно. – допустил Планк. – Нам нужно следить за поведением Говарда, и делать выводы исходя из его слов. Мне кажется, мы рассеяли его внимания, и он стал более доверчив. Это сыграет нам на руку.

– Главное не стать доверчивыми по отношению к нему. – заметила Луна. – Иначе и он может обмануть нас. Как-никак нельзя пренебрегать его статусом подозреваемого – кто знает, что он мог совершить в реальности, правда?

– Определенно. – хором согласились друзья и решили было идти наверх. – Мы пойдем проверим сундук, чтобы спрятать отчеты.

– Я с вами. – настояла Паркинсон. – Надоело быть в стороне от всех ваших, по правде сказать, невероятно интересующих меня затей.

Все втроем они поднялись сначала на второй этаж, а с него, при помощи неуклюжей раздвижной лестницы, раскачивающейся с одной ножки на другую, залезли на чердак. Темная комната, заполненная серым от неба светом, почти вся состояла лишь из квадратных чемоданов и коробок. Можно было подумать, что сам чердак держится только на них, и в самой глубине этой массы однотипных кубов и параллелепипедов заметно выделялся большой сияющий сундук. Его изгибы были практически параллельны друг другу. Это можно было отчетливо увидеть, когда лучик попа-

дал на одну из таких кривых – она отражала его на вторую, а та снова на первую, и таких пар был бессчетное множество. Джефферсон еле-еле поднял его и перетащил из угла в более доступное, но не менее незаметное место. На месте, где до этого мертво-намертво стоял этот огромный ящик, теперь красовался такой же изысканный ключ. Планк взял его, отряхнул от заволокшей его паутины и передал Джеффу. Тот вставил его в замок и легко повернул. Послышался щелчок. Втроем они открыли его, и еще не увидя что внутри, перед ними предстал абсолютно новый мир, мир их грез. Ничто так не радует глаз, как вид того, чего ты желаешь. На секунду все они бездумно погрузились в представленные картины, и казалось, что ни один другой вид не мог нарушить этот мимолетный момент, когда ты чувствуешь себя покорителем судьбы и счастья, когда нет для тебя препятствий и трудностей, и ты не знаешь, что такого несчастье и боль.

Оказывается, такой вид есть. Это было полчище пауков, быстро выбежавшее из-под дряхлой крышки. Они расплозились в разные стороны и больше не выбегали. На дне сундука торчал какой-то гвоздь, но бумага помещалась и в стороне от него. Собрав все листы воедино, они стопкой аккуратно положили ее и закрыли ящик.

– Ключ спрячем под сундук, как и раньше. – предложил Планк и закатил его в щель между днищем элегантной коробки и полом.

– И делов-то! – встряхнул руками Сол. – Теперь точно ни-

кто не сможет посягнуть на наше творение.

Со спокойной за свое будущее душой они спустились с чердака и, предпочтя забыть об этом странном и не поддающимся объяснению случае, разошлись по разным комнатам.

Следующее утро для Сола началось с рокотом грома и ударом молнии. Он почувствовал что-то неладное, и вспомнил про рукопись. Он босиком побежал наверх, опять разложил лестницу и поднялся к тайнику. На первый взгляд он не увидел ничего изменившегося с предыдущего дня. По крайней мере, он так думал. Планк пригнулся, протянул руку под сундук и, достав до ключа, случайно задел ногой лестницу. Та с грохотом упала, прокатилась еще на пару десятков сантиметров и, если и не подняла весь дом, то точно оставила гигантскую царапину на полу. Юнец отпрянул в сторону и повернулся лицом к квадратному проходу, в котором теперь был виден лишь деревянный пол. “Чтоб тебя!” – чуть не вырвалось из горла у него, но он, наивно полагая, что кто-то до сих пор спит, побоялся всех разбудить. Незаметно выпавший у него из руки ключ уже лежал в паре шагов от него. Он быстро дотянулся до него и открыл ящик. На месте лежала стопка бумаг, и он принялся пересчитывать ее. Сол думал только об одном: “Лишь бы я досчитал каждый чертов листок, лишь бы ничто не испарилось у меня из-под глаз”. Он считал вслух: “один, два... девять, десять, один, два... девять, двадцать, один...” Закончив подсчет, ему потребо-

валось еще немного времени, чтобы вспомнить, сколько их было вчера. К его удивлению, память его выдала точно такое же число, что оказалось и сейчас – шестьдесят восемь. Шестьдесят восемь страниц, исписанных кривыми и постоянно опускающимися на полсантиметра буквами, каждая из которых более странная и загадочная предыдущей, где даже не видны пробелы или концы предложений. Если кому-то и удалось бы прочесть это, то только самому Планку, и то – кажется, что он сам не до конца уверен в том, что понимает все написанное. Иногда даже ему самому казалось, что не он пишет свои отчеты, а нечто более неосознанное делает это. Нечто, к чему невозможно прикоснуться, даже если сильно этого захочешь. Но, как говорят некоторые из тех, кто предпочитают нож пистолету, “если к чему-то нельзя обратиться, значит оно уже мертво”.

Таким же чувствовал себя и Планк, оставшийся наедине со стопкой бумаг на чердаке и ожидавший прибытия помощи в лице Джефферсона или Луны, которые смогли бы поднять лестницу и вызволить из захваченного пауками темного дворца своего друга. Не успев и заснуть, Сол услышал медленные шаги, приближающиеся откуда-то из стороны окна к Планку.

У него перехватило дыхание, потому что он не знал, кто бы это мог быть. Шаги, не сказать, что были тяжелые, но и шагками их назвать было нельзя. Позже стал слышен стук каблучков и Планк понял – приехала Несси Паркинсон. По

его расчетам ее не должно было быть здесь прямо сейчас, но все его планы в один момент рухнули с треском. Он прижался к стене и задержал дыхание. Все, на что он надеялся – это на невысокий уровень сообразительности пришедшей. В единственном стечении событий, которое более чем устраивало его, она просто складывает лестницу обратно, берет что ей там нужно и поскорее уходит. “Нельзя, чтобы кто-то увидел мои заметки”. – прошептал себе Сол, даже не подозревая, что обнаружить она может кое-что похуже – заряженный револьвер, оставленный под подушкой дивана.

Паркинсон прошла чуть дальше и завернула в комнату. Планк выглянул из-за угла и посмотрел в квадрат. Он смог выдохнуть и вдохнуть, как увидел черную туфлю, направляющуюся в его сторону. Планк знал, что Несси совсем не из тех дам, которые за любую неподобающую шалость проклянут тебя тринадцать раз, отчитают за все грехи, когда-либо совершенные людьми, затем начнут сеанс возвышения предыдущих поколений и закончат на повелительном ударе каблука, оставаясь при этом в полной своей невозмутимости. По рассказам Джефферсона он знает, что она никогда бы так не поступила с тем, кто ей дорог. “Но я ведь дорог ей, правда?” – вдруг вслух спросил Планк.

Все замолкло: ни единого скрипа, шороха, хруста. Было почти очевидно – Паркинсон прислушивается и пытается понять, не послышался ли ей этот звук. Сол не мог позволить себе выглянуть, чтобы посмотреть, куда она пропала, но его

любопытству не было конца – он одним глазом посмотрел щелку между досок стены и увидел подозрительный взгляд той самой женщины, которую он впервые увидел всего два дня назад. Он изо всех сил пытался успокоить себя мыслью, что причина ее прибытия в дом заключалась в нужде взять забытое, однако она казалась ему настолько нелепой, ведь как можно забыть что-то, когда ты едешь на съемки? Звук медлительных шагов вновь возобновился, и тот единственный аккорд начал сбываться: сначала она аккуратно закрыла дверь, затем подняла лестницу, поставила ее у стены и прошла мимо квадрата. После прокатился по всем стенам и потолкам хлопок двери, и душа Планка словно запела: чувство облегчения задало тональность, а мысли о свершениях предстоящего дня сложились в мелодию. И теперь уж точно ничто не могло затмить ее характер – на небе разбежались, высвободив солнце из заточения, облака, и открыли его лучам новые пути для озарения этой пусть и не безвинной, но все же мало-мальски стоящей планетки.

– Ну и что ты тут забыл? – деловито перекрестив руки, неожиданно спросила стоящая внизу Луна, глядящая на прищурившего от света глаза Сола. – Как ты умудрился лестницу-то уронить, ума не приложу!

– Луна, это ты! – обрадовался Планк. – Освободи-ка меня, пожалуйста, отсюда, а потом я, может быть, все вам расскажу.

Паркинсон последовала просьбе Сола. Тот, положив об-

ратно стопку и закрыв сундук, спустился вниз и теперь уже окончательно закрыл глаза – поток света был настолько сильным, что без сомненья можно было сказать, что подставив лупу под один из них, с легкостью можно было бы устроить пожар.

– Теперь я жду-с объяснений. – все с тем же тоном сказала Луна.

– Постой, мне надо опомниться... С утра меня что-то ударило в голову – я забеспокоился о всех наших записях, и мигом ринулся наверх. Открыл ящик, посчитал страницы, и все оказались внутри – ни пропало ни одной. Но есть, как видишь, одна неприятная тонкость, – он посмотрел на взбесившуюся его стремянку, – Все, что могло пойти не по плану, пошло не по плану.

– Лучше бы ты и вовсе не поднимался сюда. Ты слишком волнуешься о расследовании, вкладываешь в него больший смысл, чем есть на самом деле. Не хочу говорить это слово, но, похоже, ты начинаешь быть ОДЕРЖИМ им.

– ОДЕРЖИМ? – жалостливо посмотрел он в глаза Луне.

– Именно, Сол, ты с каждым днем заботишься о нем все больше и больше, не оставляя времени на себя и других. Это меня пугает. И, скажу по секрету, Джеффа тоже.

– Нет, я не ОДЕРЖИМ. – отказался от приписанного ему статуса Планк. – Мне просто нечем больше заниматься. Так же, как и пару лет назад, когда я впервые оказался здесь, с вами, где не живет ни единой выдающейся живой души.

– Не говори так... Жизнь циклична. Все приходит и уходит, возвращается на круги своя, и если сейчас наш край не процветает – это не значит, что так будет всегда.

– Почему вы решили приютить меня? – неожиданно для Луны речь зашла не туда, куда бы ей хотелось.

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне нужен прямой ответ. – настойчиво сказал Планк.

– Боюсь, сейчас ты его не получишь. – холодно ответила другая.

– О как же я тебя понимаю... – не в силах сопротивляться уклонению от ответа Луны, отступил Планк и резко сменил характер своих вопросов на волнительный. – А почему вы не сказали мне, что Несси и Уилл приедут сегодня?

– Что? Не-ет, они уехали в Техас, там они останутся еще на несколько дней.

– Но сегодня утром... я видел ее, Несси Паркинсон проходила здесь!

– Я спала, так что ничего не слышала. Если кто-то и вправду был здесь – он уже ушел?

– Да, я услышал стремительные шаги, а затем как кто-то закрыл дверь. – Сол показал рукой на лестничную клетку.

– Ты уверен, что это была именно мама? – тревожно спросила Паркинсон.

– Теперь уже нет. – произнес Планк, теперь уже жалея о том, что та женщина не поднялась наверх, и он не рассмотрел ее лицо. – Но думаю, она просто решила вернуться, так как

забыла что-то.

– Это на нее непохоже... – подчеркнула Луна. – По-моему, и я начинаю быть замешанной в этот круговорот странных событий, и меня это напрягает – я не хочу быть убитой каким-нибудь безумцем.

– Конечно ты не будешь убита каким-нибудь безумцем. – усмехнулся юноша. – У меня шансы на это гораздо выше, даже если ты так не думаешь.

– Успокоил, ты меня, конечно. Шансы быть убитым у того, кто регулярно носитя по улицам с украденными вещицами бесконечно приближается к ста процентам.

– В этом с тобой не согласиться я просто не могу. Но, в конце концов, у тебя есть револьвер, который обязательно защитит тебя.

– Это уж точно... – согласилась та. – Я до сих пор не понимаю, почему ты не даешь мне никаких указаний, и я сижу без дела круглыми сутками. Не все люди не похожи на тебя.

– Но ты ведь именно из таких. – с разочарованием произнес второй.

– Да, но не до конца. Если мир цикличен, это не означает, что он не может измениться. Есть всего две вещи, которые остаются постоянными на всем белом свете: *ИЗМЕНЧИВОСТЬ* и *ЦИКЛИЧНОСТЬ*.

16 ИЮНЯ

Мне показалась ее идея сущим бредом, но не задумать о

ней я не мог. Изменчивость и Цикличность как два божества встали на пьедестал моего разума. Странно, но я стал замечать, что больше задумываюсь над словами других, чем над своими собственными. Не знаю плохо это или хорошо, но это отвлекает. Так я и позабыл, о чем шел наш с Луной разговор, и, черт!, как ей так мастерски удается контролировать его, как она ловко обходится со всеми моими вопросами и ответами. Иногда это даже начинает меня нервировать. Честное слово.

17 ИЮНЯ

Никогда не думал, что когда-то мое пробуждение будет сопровождено видением, в котором человек в черном плаще уходит из дома и закрывает дверь, от чьего звука я немедленно проснулся. Что я отчетливо помню? Неопределенной формы фигура выходит на улицу и беспощадно хлопает ей, будто нарочно хочет разбудить меня. Пишу я это уже в конце дня, и потому не хочу растягивать мысль от осознания которой меня немедленно начинает качать из стороны в сторону, а потому просто напишу, что то, чего я сегодня не обнаружил, опять проверяя сундук, вы прекрасно знаете.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Глава 13

“Говард сбежал! Эта дрянь Говард сбежал!” – услышал я крик, когда начал открывать дверь. И я подумал: “Кажется, только что наступила самая безумная точка в нашем расследовании...”

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Ошеломленный и обессиленный от вести Джон вышел из своего кабинета в полном замешательстве. В эту же секунду в участок зашел Планк. Оба они хотели оказаться одурманены, но этому не суждено было сбыться, и они враз закричали:

– Как это – сбежал? Кто следил за ним, а ну-ка покажите мне этого урода!

Донлон побежали наверх, и увидел лежащее у стены окровавленное тело, а рядом с ним качающуюся дверцу из железных прутьев.

– Не впускайте сюда Планка! – вскрикнул он. – Бенсон, иди сюда! Эта сволочь уже угробила моего констебля!

– Это не Говард убил его! Он не мог этого сделать. – стал уверять всех Планк, пока бежал вверх по ступенькам.

Бенсон, по всей видимости еще не выспавшийся, еле открывая глаза подбежал к шерифу. Он посмотрел на тело и, несмотря на то, что выглядел он довольно неважно, его эмо-

ции можно было понять очень точно: опустошенный взгляд, трясущаяся рука, которая держала монету, потный лоб – все говорило о том, что он потрясен не меньше остальных.

Но остановить Сола было не так уж просто – он был той еще пронырой, и перескакивая через мечущиеся фигуры, оказался за Джоном, который закрывал ему вид на мертвеца. Донлон обернулся и, увидев что Планк уже почти достигнул его, быстро схватил того за плечи и оттолкнул:

– Я сказал тебе не приходите сюда. – свирепо промолвил он. – Зачем же ты пришел?

– Я хочу увидеть его, увидеть, как его убийца обошелся с ним!

– Называй вещи своими именами, Сол. Все мы знаем, кто его убийца – Вилли Говард.

– Почему вы не верите мне, шеф? Почему вы отрицаете его невиновность?

– Потому что уверен, что он таковым не является, понятно? – остервенело закончил Джон.

– Вы не даете никому второго шанса, Донлон! Как так можно?

– Убивший однажды будет убивать всю оставшуюся жизнь, и я не хочу, чтобы ты думал, что цена смерти другого человека ничтожно мала. Поэтому сейчас же спустись на первый этаж и жди меня там.

Солу было нечего ответить – он был еще недостаточно дерзок, чтобы продолжить спорить с полицейским. Он ото-

шел назад и скрылся за бежавшими ему навстречу другими работниками.

– Ночью кто-то слышал выстрелы? – спросил Джон у всех стоящих вокруг него.

В толпе – полная тишина.

– Значит он убил его ножом... Причем очень профессионально, раз тот даже писка не издал. – он присел и посмотрел на кровоточащую рану. – Как можно было убить человека, находясь за решеткой, выхватить у того ключ... погодите-ка, а у кого был ключ?

Джон со скрытым презрением осмотрел каждого подчиненного, а затем обшарил все карманы мертвого:

– Ну, разумеется, он не дурак – все забрал с собой. Ладно, отойдем от подробностей, нам надо срочно найти его, пока он не успел свершить еще чего-нибудь нехорошего. Теперь главный вопрос дня: как мы будем искать его?

Бенсон вышел вперед и, показывая явную заинтересованность в поимке Говарда, начал:

– Вас тридцать человек. Разбейтесь на кучки по шесть человек, и пусть каждая обыщет свой округ вплоть до деревень на окраинах – мы не знаем как давно сбежал этот самозванец.

Полукруг людей остался неподвижным.

– Ну, что стоите? Вперед, шевелитесь! И чтоб через пять минут никого здесь не было. – поторопил Бенсон и подождал, когда все разойдутся по местам. – А что будем делать

мы?

– Мне нужно поговорить с Солом, сейчас же. – он обошел Мика и спустился к мальчику.

Тот сидел за столиком, за которым некоторые раньше проводили дни и недели, играя в бридж. Стулья были высоки, поэтому он не доставал ногами до пола и качал ими взад-вперед даже немного кружась на сидушке.

– Ты ведь не знал, что Вилли сбежал. Так что тебя занесло сюда?

– Честно говоря, я не думал, что вы уже вернулись, но у меня не было времени все объяснить вам. Не буду томить – пропало еще семь страниц.

– Семь!? – не поверил словам Сола Джон.

– Да-да, именно семь, то есть в сумме уже десять листов (Сол использовал только одну из двух сторон листа, чтобы все записи не просвечивались и не пересекались). Но то что случилось у вас намного интереснее. Вы что-нибудь добыли из Гранд-Энда?

– Еще нет, нам пришлось возвращаться, произошло незапланированное.

– О чем ты говоришь? Что ты называешь “незапланированным”? – полюбопытствовал Планк, приблизившись всем телом к шерифу.

– Неважно, кхм-кхм. – покашлял Донлон в надежде, что другой не станет расспрашивать его об этом дальше. – Стой, мне нужно кое-кому позвонить.

Джон вспомнил о человеке, в чьей надежности он стал сомневаться.

– Так и знал – не отвечает! Чтоб его дьявол растерзал! Рон Уэбли – поганец, которому мы доверились. Еще вчера мы были уверены, что он поможет нам в деле, а сейчас он даже не отвечает на звонки!

– Кто он? – немного наклонив голову, спросил Планк.

– Мой давний, как я думал, приятель. Сначала втерся к нам в доверие, а потом взял и сбежал. – собрав руку в кулак пояснил Донлон.

– Если он сбежал, значит должен был что-то взять, правильно? Если бы это было не так, то в чем смысл его побега, верно?

– Но он не заходил в участок... По крайней мере, выше первого этажа он точно не поднимался, в этом я уверен.

– Если он ничего не украл, значит он помогал Говарду.

– Но не он один. Участок был закрыт, значит кто-то открыл его и дал сбежать этой скотине.

– Не факт, Вилли мог сам их открыть, этим нельзя пренебрегать. – заметил Сол, посмотрев на стеклянные двери. – Но, как ты уже понял, я не очень-то и уверен, что Вилии выбрался сам. Кстати, ты никогда не пробовал понять его, найти то, что вас объединяет?

– И ты туда же. Он несет чушь, в которой нет ни единой доли здравого смысла. Если ты и вправду считаешь, что у меня есть с ним что-то общее, то я оскорблен.

– Ты просто не пытался понять его. Он говорил со мной...

– Что!?! Так вот оно... он тебе уже мозги все промыл, надо было мне это предусмотреть.

– Вот когда он будет отсиживать в Блессурте, поговори с ним, только серьезно, не думая о том, что он зверски убил человека.

– Еще нужно будет разбираться с этой Фрэнсис Шенк, как же все запутанно!

– Я удивлен, что ты помнишь ее имя, с учетом того, что мы о нем пока не сильно заботимся. А надо бы начать это делать, зайти с другого угла, так сказать. Может, найдем еще какие-нибудь улики.

– В первую очередь нам нужно найти Говарда. – ткнул пальцем в стол шериф. –И это мы с Бенсоном будем делать одни.

– Нет уж, нет уж. – Сола отнюдь не устроили условия Джона. –Мы действуем впятером.

– Ты еще и Луну решил ввязать... – откинулся на стуле другой. –Ты хоть понимаешь, что из детских игр это превратилось в самое настоящее дело, в котором может произойти все что угодно. Вспомни, зачем ты его начинал? Просто из того, что тебе было скучно, ты искал то, что тебя всерьез заинтересует. Ты искал наживы, не думая о последствиях. Пора одуматься, Сол!

– Никогда не поздно, Джон. И сейчас мое решение неизменно. Не я ввязал их в это, а они сами. Я лишь посредник

между самим делом и ними. Ты тоже был на их месте, вспомни. Разве тебе было приятно смотреть на то, что я расследую его в одиночку?

– Это было вовсе не из-за этого.

– А из-за чего тогда? Хотя стой, я знаю: ты, как тебе не хотелось думать, ничего не добившийся самый обычный житель этого никому не нужного городка, которому завидно смотреть на то, как какой-то воришка с улиц превзошел все твои достижения за неделю.

– Как ты посмел... я ведь всегда дорожил тобой, у меня никогда не было чувство завис...

– Не говори дальше. Просто знай: никогда не поздно изменить все. Ты ведь всегда хотел быть шерифом, о котором все говорят как о лучшем в своем деле, не так ли? Все мы стремимся примерно к одному и тому же, а затем вдохновение угасает, теряется та вспышка, что дарована нам в начале жизни. Потеряв ее, кто-то больше не находит ни одной, а кто-то отыскивает десятки. Вопрос в том, чего хочет от жизни тот, кто впервые потерял ее. И я вижу в тебе того, кто не потерял стремление, желание стать лучше, и потому я верю в тебя как ни в кого другого.

На глазах Джона выступили слезы. Слова будто пронзили его, одновременно оставили и в полном восторге, но и в абсолютном огорчении. Некоторое время еще он не решался взглянуть Солу в глаза, но, поразив страх, решился:

– Думаю, время пришло. Пора поговорить о том, что на

самом деле случилось с твоими... – он замолчал.

– Донлон, у нас нет времени, нужно выдвигаться на поиски. – прервал их беседу Бенсон.

Джон предпочел послушаться словам Мика. Он отодвинулся от стола и резко встал. Кажется, и Планку не хотелось продолжать разговор – он коротко, сохраняя свою серьезную веселость сказал:

– Я позову Джефферсона и Луну, мы вернемся к зениту солнца.

После этих слов он выскочил из здания и убежал.

– К зениту солнца... к зениту солнца... – повторил про себя Джон и вытер слезы с щек, от которых остались лишь красные пятна вокруг глаз.

Сол был славным парнем, очень славным. Я помню, как впервые пошел с ним в кино. Это было незабываемо, так наивно и легко! Солнечное утро последнего числа мая. До сих пор в точности помню его лицо, когда он, смотря на меня, сказал, что всегда будет со мной. ...Какой же я дурак, какой же я дурак!

Из заметок Дж. Донлона, “Дело о Безликой Семерке”

– Внимание, внимание! – сказал Джон в рацию, сидя на правом сиденье патрульной и держась рукой за руль. – Кто-нибудь уже напал на его след?

В ответ – молчание, которое все время раздражало Донло-

на. Он ненавидел, когда на его вопросы просто не отвечают, но понимал, что тишина может быть знаком лишь одного.

За шерифом сидели трое подростков, с удивлением рассматривающих стекла, сквозь которые они почти ничего не видели. Джон бросил рацию рядом с собой и, подождав пока к ним вальяжно зайдет Бенсон, отправился в дорогу. У них не было определенной цели, но Донлон целеустремленно куда-то ехал. Путь не волновал ни одного из других сидящих в автомобиле – они всем разумом и телом доверились шерифу. Каждые десять минут Джон снова брал трубку, нажимал на кнопку, спрашивал нашел ли кто-то следы Говарда, отпустил кнопку, клал обратно, и так по кругу, не изменяя ни во времени, ни в порядке своих действий. Менялся только вид из лобового окна. Хотя, и это было не всегда заметно. Сменяющие друг друга сырые здания отличались только степенью их разрушенности. Во всей этой казавшейся безумной неизменчивости Донлон так же циклично задавал себе три вопроса: “зачем я взял этих трех мальцов?”, “зачем я взял этих трех мальцов?” и “зачем я взял этих трех мальцов?” Если он выглядел не колеблющимся в своих решениях и действиях, то на деле это было совсем не так – он не любил начинать “с не натянутыми струнами”, как выражался круг его приближенных неопытных скрипачей, в котором состоял и он сам, чем в будущем еще не раз хвастался и гордился, но на деле ни разу не воспользовался на практике. Он любил лишь высказывать свое важное мнение подобно истинному

ценителю культуры.

“Заточены в сердце” – не мог забыть последние слова перед последней пропавшей страницей Сол. За все время поездки он только один раз повернулся в сторону остальных – все оставшееся время же он задумчиво смотрел в окно, наблюдая за уходящими пейзажами забытых человеком полей и лесов. “Должно быть, мы едем из города. Но зачем?” – неоднократно спрашивал себя он. “Лучше не беспокоить Донлона. Он, наверное, сейчас думает о чем-то более важном...”

Тот и вправду был занят – он внимательно следил за редкими пролетающими мимо домами и надеялся увидеть огонек хоть в одном из них. В последние десять минут он начал чаще оглядываться назад, будто чувствовал, что его цель поблизости. Наконец, он резко нажал на тормоз и патрульная остановилась у солидного особняка, стоявшего посреди леса, почти у самого его начала. К нему вела тропинка из камня, и был он огорожен забором из железных прутьев.

– Выходим. Возьмите револьверы и будьте готовы стрелять, цельтесь только в тех, кого не знаете. – сказал Джон, выходя из машины. – Но не стреляйте без необходимости – только если кто-то из нас внезапно не попадет в ловушку. Пожалуйста, не спрашивайте что мы тут делаем. Одним словом – собираем долги прошлого.

Остальные четверо достали по пистолету и последовали за

Донлоном. Они преодолели дорожку, и перед ними возвысился казавшийся перед этим совсем невысоким забор. Луна, в порыве страсти к делу, подошла к калитке и приставила к замку оружие.

– Не стреляй, только этого нам не хватало! – остановил ее Джефф.

– Она серьезно собиралась стрелять? – озадачился Сол.

– Вы что, не видели как в недавней “Смерти всем невинным!” детектив Росс открывает замок при помощи выстрела? – так же недоуменно спросила Паркинсон.

– Это всего лишь фильм, Луна! Разумеется, если ты попробуешь повторить этот трюк, у тебя ничего не выйдет. – удивился незнанию подруги Планк.

– Что!? Я тоже всегда думал, что это и вправду может сработать. – признался Джон. – Так, это все неважно, нам нужно как-то пройти через нее.

Сол косо посмотрел на шерифа, и, значительно упавший в его глазах по части интеллекта детектив решил пройти немного дальше вдоль ограждения. На его счастье там, по всей видимости уже давно образовалось отверстие, поскольку погнутая решетка уже заржавела.

– Я так и думал. – сдержанно улыбнулся шериф и отвел взгляд на небо. – Все же не зря застрелил ту сволочь.

Они тихо пролезли сквозь лазейку и очутились посреди сада, засаженного самыми различными цветами – от самых обыкновенных ромашек до экзотических “Antirrhinum”

и “*Psychotria elata*”, насколько помнил их названия Джон. Это место было для него знакомым, он знал каждый его уголок. Пройдя до особняка, они все проверили, что у каждого заряжен револьвер, и по лучшим канонам своего дела, с возгласом Донлона, “это полиция!”, зашли внутрь. Перед ними раскинулась огромная прихожая, в которой грациозно висела люстра, равномерно распределяющая свои лучи всей комнате. Напротив вошедших располагалась спиральная лестница, а перед ней стояли два спорящих между собой человека. Оба они были знакомы и Мику, и Джону – это были недовольные Рон и Вилли. Они размахивали руками друг перед другом и поначалу не заметили вошедших, но один поворот головы решил все – они вмиг бросились за диван и все их разговоры сменились отчаянными действиями.

– Ты, черт побери, говорил, что никто не может знать, где мы! – сердито вскрикнул Говард.

– У тебя есть пистолет? – не обратив внимания на претензии второго, взволновался Уэбли.

– Конечно нет, а ты что думал? – все с тем же настроением сказал другой.

– Они лежат там. – показал в соседнюю комнату бывший шериф. – Я возьму их и один кину сюда, тебе останется лишь расправиться с этими ублюдками.

Джон опасался дерзко наступать – он, что было непохоже на него, страшился участи, которая может настичь его за излишнюю самоуверенность. У него из-под ног выскочил

Рон и, пригнувшись, устремился за угол.. Донлон не успел вовремя выстрелить, и выпущенная пуля попала в стену. Вдруг вдоль пола проскользил за диван пистолет. Тут реакция Джона дала о себе знать – он сразу понял что к чему и трижды выстрелил по направлению кресла. Тот мгновенно разлетелся на клочья пуха, и закрыл обзор для всех и нападающих, и обороняющихся. Планк выпустил еще одну очередь – туда же, куда и Донлон. Затем он, воспользовавшись незнанием о своем местоположении других, добежал до шкафа, находившегося в гостиной, и спрятался за ним. Тем временем, из-за перьев вышла статная фигура в рубашке, давний друг шефа. Он был уже готов стрелять, как посмотрел в глаза Джона и, по взгляду друг друга, они оба поняли, что делает здесь и за что борется каждый из них. Пронзительный взгляд в душу покорил их обоих, они стояли, крепко держась за рукоять пистолета, готовые стрелять, но тянули этот момент изо всех сил – никто не хотел видеть труп друга. Но и остановиться и бросить оружие они не могли. Пощадить своего противника в этой ситуации означало оступиться, дать предателю еще время для предательств. После выстрела, казалось, не для кого не должен настать мир, и этого должны были бы бояться стрелки, но, увидев встающего с колен Вилли позади Уэбли, Джон спустил курок. Сначала появилась ослепительная вспышка, затем громкий удар, и вдруг снова вспышка – показались две навстречу идущие пули, которые могли бы вот-вот столкнуться и закончить поединок, но...

обе они пролетели мимо друг друга и поразили своих целей. Рон схватился за левый бок и стал втягивать в себя воздух, пока Донлон старался сдерживать поток крови, бьющий из плеча.

– Ну, и? – довольствуясь собой, начал хриплым тоном Рон. – Разве это то, куда ты шел? Разве это конец твоей дороги, разве к этому ты стремился всю свою жизнь?

Тут Говард хотел уже добить Донлона, как в его ногу вонзился снаряд.

– Проклятье! – прокричал он, схватившись за колено, и упал на пол. – Без вас бы все было хорошо, все было бы даже отлично, если бы вы не были такими упрямыми! Вечно пытаетесь вскрыть всю правду. Правду, которой нет и никогда не существовало!

Джефф решительно выстрелил вблизи Вилли.

– Ты чего? – отскочил в дальний угол тот.

– Брось оружие! – повелел тому Планк, прицелившись в негодая.

– И ты, живо! – заметила хитрое выражение лица Уэбли Луна. – Если сейчас же не бросишь этот чертов пистолет, жизни тебе не видать.

Оба заговорщиков положили револьверы на пол и толкнули рукой вперед, к ногам Джона.

– Привел сюда этих детишек. – со злостью вымолвил Вилли. – Ты ведь не дашь им убить меня, тебе не это нужно. А вот его... – он кивнул головой на Уэбли. – Цена его слова не

такая уж и высокая, правда?

– Что ты затеваешь? – испуганно спросил Рон, еле выговаривая каждую букву.

– Можешь расценивать это как измену верности. Что ж, Джон. Убьешь Уэбли, и, может, я вам что-то да расскажу.

Донлон нахмурился. Он вопросительно посмотрел сначала на Мика, а потом на Сола.

– Выходит, Уэбли тоже из Семерки. – сделал умозаключение Планк. – Так что убивать его нет надобности, он может рассказать нам больше, чем Вилли.

Тут в безрассудных глазах Говарда появилась капля страха. Он поспешил оправдаться:

– Я не лгу вам! Если принесете в жертву Уэбли, я полностью в вашем распоряжении.

– Зачем вообще кого-то убивать? – выдохнулся Рон.

– Правда стоит жертв... Я безумен, и вы это знаете.

– Он сейчас соображает что говорит? – не понял Донлон.

– Мы не можем его прикончить! – защитил Вилли Мик.

– А ты-то чего боишься? Что за выбор – между идиотом, который ничего не рассказывает или хоть сколько-то вменяемым...

– Предателем. – улыбнулся Говард. – Вы выбираете между психом и предателем, и в этом вся прелесть. Предавший однажды, предаст еще десять. Ты ведь сам знаешь, Джон!

– Опять его выходки... Почему бы нам просто не посадить вас обоих в Блессуорт?

– О, нет! – дотянулся до пистолета Вилли и направил его себе в висок. – Выбор неизбежен, подобно смерти. И пусть судья расценивает твой поступок, только он в праве!

– Выбор очевиден, Джон! – снова начал Бенсон.

– Да замолчи ты! – яростно вскрикнул Донлон.

Сол не осмеливался взять происходящее в свои руки, пусть и был он зачинщиком сего действия. Джон медленно направил револьвер на Вилли, но не стал стрелять сразу. Он продолжил раздумывать, нервно притопывая ногой. Все закружилось в вальсе у него в голове, здравые мысли заблудились, а логики – как и не было. Теперь он, сам тому удивляясь, опирался исключительно на чувства, которые затмили все факты и любые идеи, опирающиеся на них. Внезапно послышался еще один выстрел. Но это не Говард прострелил себе голову – это была пробита черепушка Уэбли. По стене распластались его окровавленные останки, и ровно посередине головы виднелась мелкая дыра. Казалось, если бы она прошла вдоль всего мозга, то порубила бы его на две равные части.

– Мне надоело, слишком уж долго ты раздумывал. – сказал Вилли, зная, что его точно оставят в живых. – Пришлось оставить тебя без выбора.

И что получил Донлон? Кого бы он не выбрал, все равно он будет иметь дело с предателем. Любой выбор приводит к одним и тем же последствиям, ничто не важно и никто

не вершает ничью судьбу. Получается, все бессмысленно?

Его гневу не было предела, но и убить уже не сопротивляющегося Говарда – он получил все чего хотел – Джон не мог. Шеф не давал взять верх своей ненависти над желанием закончить дело, он понимал, что прерывание жизни Говарда здесь и сейчас до добра не доведет. Донлон схватил его, надел наручники и повел в машину, пока все продолжали впечатляться багровой картиной, написанной на золотистом полотне.

Планк понял, о чем ему говорил шериф пару часов назад, и ему сразу стало противно при виде тела. Мик ухмыльнулся, но это было и неудивительно – для него он не имел никакого значения.

– Идите в машину. Думаю, мы сразу отправимся в Блессуорт. – сказал Бенсон. -Донлон рано или поздно вытрясет из Говарда всю душу, пока тот не расскажет ему правду. Ему нужно остаться здесь, и он это знает. Он даст все сведения констеблям, которые приедут, уверен, уже через час-полтора.

Пишу это через сорок лет после всего произошедшего, но до сих пор помню и одурманенное лицо Джона, и труп тогда незнакомого мне Рона Уэбли, о котором Донлон рассказал мне позже. Прочитав отчет, я ужаснулся всем подробностям, мною описанными. Не понимаю, как тогда я про-

должил смотреть на безжизненную неопределенную форму кожи и костей... Может, тогда я был потрясен и одновременно чувствовал вину по отношению к шерифу за случившееся. Ведь... не начав бы я расследование, ничего бы этого не случилось. Как не случилось бы и того, о чем расскажу я дальше...

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

“Как он мог это сделать? Это невообразимо. Он псих... да, он псих. В смерти Рона виновен он, он пристрелил его. Что я такого сделал, чтобы испытывать это все? Неужто сама господь-судьба спустилась ко мне с небес, чтобы сказать: “Это твой последний миг?”

Если это так, то я ненавижу свою судьбу. Если она, конечно, у каждого своя”. – раздумывал Джон, сурово сидя на стуле. При каждом повороте его мысль становилась все более мрачной, он начинал терять ее, чаще забывать. В полусне его отрезвлял только свет люстры, не видя который он сразу погружался в дремоту.

– Едьте к лесу около Гилт-стрит. Там особняк. – сообщил Мик из машины в рацию. – В нем вы обнаружите кое-что интересное... Так вот, зафиксируйте это и запишите, все, что скажет вам Донлон. Мы уже едем в Блессуорт, приказ остановить поиски. Повторяю, приказ остановить поиски!

Вилли, сидевший на соседнем кресле, наслаждался своим сумасшествием, казавшимся ему гениальностью. Теперь он

ничего не желал от Джона – будто тот искупил грех перед ним. Но какое-то чувство незавершенности все же преследовало Говарда. Будто он не закончил что-то начатое или закончил не так, как хотел. С дикой улыбкой он глядел в окно, иногда похлопывая ладонью по ноге. Теперь сомнений не было – этот рыжий настоящий чокнутый, им движут не чувства, а какие-то странные идеи. Можно полагать, что через какое-то время все станут мыслить как он, и это новая ветвь эволюции. Но знаете, когда перед вами ведет свой монолог эксцентричный чудаки, что убил по меньшей мере одного человека, это не первая мысль, которая приходит вам в голову.

В конце концов, детектив и трое детей в три часа дня подступили к Блессуорту. Это было каменное сооружение метров тридцать в высоту. По бокам находились две смотровые башни, на которых можно было различить двух мелких человечков. Мик вывел Говарда из машины и велел оставаться детям в ней, с чем они неохотно, но согласились. Бенсон без всяких переживаний переступил белую черту, обозначающую начало территории сооружения, и оказался в месте, представляющемся ему знакомым. Как писал Сол в своих отчетах, чтобы описать Блессуорт, недостаточно расхвалить изысканность, грандиозность и масштабность его структуры – нужно перед самым описанием этого места добавить “БЛЕССУОРТ”, и, что важно, именно в верхний правый угол выделенным шрифтом – так его описание будет выделяться

ОТ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ.

БЛЕССУОРТ

Мик приоткрыл дверцу и вместе с Вилли зашел в главное здание. Снаружи эта громадина казалась заметно менее изящной, чем изнутри: множество колонн, стоящих ровно в ряд, отличались не столько своей толщиной, сколько вырезанными на них волнистыми линиями, пересекающимися между собой и уходящими ниже, куда-то глубоко под землю. Впереди было видно три больших арки, и каждая вела через свой коридор в специализированное отделение – слева находилось помещение для сошедших с ума, в центре – для особо опасных, которые совершили не одно тяжкое преступление в жизни, и справа – отдел для простых “везунчиков” (именно такое название тех, кто там находился, приводит Джон в своих заметках). Между ними находилась скругленная стойка, за которой сидело множество людей в очках, а за ней – два лифта. Здесь Мика знали не понаслышке – когда-то ему уже приходилось встречать с распростертыми объятиями новые группы пойманных, еще не знавших, что их ждет. Он был самым обычным надзирателем, и смотрел в никак не угасающие глаза, пылающие надеждой о свободе. Но больше он так не мог – та правда, которую он скрывал, он больше не мог хранить в себе, его разрывало на куски, когда он, очередной раз, подавая обед приговоренному на долгий

срок мученику говорил, что все будет хорошо. После этого он стал тем, кто обрекает людей на эти муки. Лучше ли это того, кто лишь наблюдает за всеми страданиями?

– Здравствуйте, мистер Бенсон! – почти хором воскликнули сидящие при виде Мика.

– Мм, они тебя еще помнят... – буркнул Вилли.

– Замолчи сейчас же. – оглядываясь по сторонам, сдержанно произнес детектив.

– О, я уж и позабыл...

Внезапно кто-то схватил Мика за руку. Он быстро обернулся и увидел Планка вместе с его друзьями.

– Я ведь сказал вам ждать в машине. – нервничая, тише сказал он.

– Мы решили, что нам будет не лишним изучить это помещение. Думаю, мы находимся тут не в последний раз.

– Так уж и быть. – понимая, что ему не избавиться от преследователей, смирился он. -Но тогда не подходите к камерам слишком близко – кто знает, какие люди там обитают.

– Обитают? – возмутился Говард. -Ты говоришь о них, как о животных!

– За-мол-чи. – сквозь зубы проговорил Бенсон.

Они повернули направо и пошли по узкому коридору, соединяющему корпус для заключенных и главное здание. Стены в нем были выполнены все из того же камня, на них лежали лучи тусклого света, порождаемые двумя единственными лампами накаливания. В конце тоннеля видне-

лась черная металлическая дверь, за которой, можно было подумать, таится совершенно другой мир. Если до нее антураж помещения соответствовал больше деловому стилю, в котором нет места эмоциям, то после нее все здание превращалось буквально в подземную темницу, где содержались правонарушители самых разных разрядов, в чем убедились наши герои, преодолев ее. За ней была комната чуть меньших размеров, чем главный холл. В первых десяти метрах слева нее была сплошная стена, огораживающая это отделение от второго, справа – точно такая же стена, но она уже отделяла помещение от давящих на него со всех сторон масс земли. Дальше уже начинались ряды клеток, в каждой из которых могли находиться до четырех человек. Мик шел здесь не первый раз, и потому на каждом разветвлении уверенно поворачивал в нужную сторону, пока не дошел до комнаты, где содержались самые отъявленные преступники этого отделения. Там сидел один надзиратель, который всегда знал, что никто из заключенных даже руку меж решетки не просунет – в этой комнате решетка была полностью пронизана каналами зубчатых проводов, который беспощадно резали любую руку, пытавшуюся протиснуться между ними.

– Здравствуйте, Мик! – поздоровался он, сразу ободрившись.

– Приветствую, приветствую. – Мик предпочитал скрывать свои намерения от других. – Я привел вам еще одного злоумышленника...

– Ничего, у нас таких полно. – самоуверенно ответил другой.

– Такой настрой мне нравится. – подбодрил Бенсон, запер Говарда за решеткой и, подмигнув, сказал ему. – Второй мой выстрел всегда точный.

И было непонятно – был ли это попытка завязать дружбу или, скорее, издевательство. Зато прозрачно было другое – это точно не последний их визит в тюрьму, Говард просто так не отделается.

Бенсон с ребятами снова вышли из комнаты, поднялись по лестнице, прошли у стойки, как Мик незаметно подошел к девушке за ней и шепотом сказал:

– Пока что запишите: “Вилли Говард. Камера сто сорок девять, пожизненное, с правом на досрочное освобождение”.

Та вопросительно и возмущенно посмотрела на Бенсона, и вот-вот должна была ему что-то сказать, но его страшно осуждающий взгляд испугал ее – она уткнулась носом обратно в бумаги и записала: “Вилли Говард, камера сто сорок девять, пожизненное, с правом на досрочное освобождение”.

На протяжении еще долгого времени Джон, полностью опустошенный и истерзанный провиденьем, сидел, смотря на своего мертвого давнего приятеля, в один день ставшего врагом всей жизни.

“Зачем тебе нужно было все это? – подумал он. – Что заставило тебя примкнуть к Семерке? Ты ведь никогда не был

мне далекой душой, я всегда понимал тебя. Может, Безликие и вправду не такие уж плохие, как о них думают? Тогда почему в ней состоялся мерзавец Говард? Что их объединяет? Чего я не знал о Роне такого, что могло бы их сблизить?”

Никогда до этого я не задавал себе столько много вопросов, на которые не мог ответить. Незнание выбешивает меня, забирает у меня все силы, но я должен смириться.

Нет, ты не должен, ты определенно спятил! (запись внезапно обрывается)

Из заметок Дж. Донлона

С каких пор я начал делать заметки? Кажется, я упустил этот момент. Я стал сомневаться в верности того, что делаю, какие решения принимаю, какие люди меня окружают. Все начало казаться мне подозрительным. Не схожу ли я с ума? Или же все мои теории относительно всего происходящего реальны?

Из заметок Дж. Донлона

Дверь расхлопнулась, и в комнату вошли констебли. Джон сразу встал с небольшой табуретки и, повернувшись к ним, сказал:

– Пулевое ранение, калибр – 10,35 миллиметров. Убийца уже пойман, находится в Блессурте, его оставьте мне, остальное полностью под вашим контролем. Если нужны бу-

дут дополнительные сведения, у меня их нет. Да и желания рассказывать об этом не имеется. Удачи в дальнейшем расследовании... А пойду заниматься своим. И еще: изучите все связи Уэбли, и предоставьте мне список всех имен, с которыми он когда-то сотрудничал. Они точно должны быть где-то либо в его доме, либо в его кабинете. Но учитывая то, что он уже давно не работает там, где я предполагал, первый вариант выглядит наиболее правдоподобным. Затем возвращайтесь на свои посты, я не знаю как скоро вернусь.

Впереди идущий полисмен утвердительно кивнул в ответ на просьбу Донлона и прошел дальше, к трупку. Он в перчатках поднял пистолет, лежащий рядом с ним, и осмотрел его.

– Попахивает дактилоскопией.

– Зачем она нам? Мы знаем убийцу, знаем жертву. Разве нужно что-то большее?

– Сэр, я не хочу вас обвинить, но ваш отказ подозрителен.

– Послушай, если бы я убил его, то меня бы тут уже не было. А теперь иди занимайся своим делом, пока окончательно не довел меня.

Страж порядка продолжил рассматривать мертвеца. Через пару секунд прозвучал щелчок, а затем легкий хлопок, и Донлон в одной рубашке стоял на улице, принимая на себя все презрительные взоры небес. Капли дождя облили его с ног до головы, и продолжили делать это, если бы рядом не проехал пожилой мужчина, который оказал шерифу бесценную в тот день услугу – подхватил его и пообещал отвезти

до города. Они еще долго разъезжали по волнистым склонам зеленых холмов и безжизненным сухим равнинам, пока не добрались до участка, у которого Джон вышел и, любезно вручив своему спасителю символических двадцать долларов, без памяти лег упал скамью и задремал, бессознательно стараясь отправить все отпечатавшееся у него в памяти в забвение.

Я помню, как проснулся среди мокрых дорог, а в лужах отражалось солнце. Завораживающее пение птиц заставило меня вспомнить все. И самое худшее было то, что я не забыл случившееся. Лучше бы я не просыпался. Даже радуга не могла скрасить несколько часов, проведенных мною на лавочке в ужасающих раздумьях. Последний раз я так разочаровывался в жизни только после смерти... А впрочем, это совсем не важно.

Почему? Почему неважно? Отвечай! (запись обрывается)

Из заметок Дж. Донлона

Утром шеф обнаружил у участка машину, на которой, по всей видимости, вернулись Мик и дети. Джон вдруг вспомнил детство – беззаботное, воспевающее идею вечной жизни. Он стал припоминать те жаркие дни, в которые он просыпается под звук весенних капель, соскользающих с листьев деревьев в лужицы, образовавшиеся после короткого дождя.

Затем в его воображении представилось безграничная, заполненная зеленой травой поляна, в которую он убегал, когда ему хотелось. Там он мог проводить сутки, в тайне используя оружие отца в качестве развлечения.

Все двигалось так плавно, так умеренно, но тебе не наскучивало твое существование! Теперь же все наоборот – жизнь то и дело, что висит на волоске, а тебе только хочется, чтобы все это поскорее закончилось. Разве раньше мы были смелее, а сейчас потеряли те нотки авантюризма, никогда не покидавшие нас? Что происходит с людьми, почему они становятся такими злыми и перестают мечтать? Истинная душа не может находиться в созвучии со всем плохим, что может содержаться в людях, жизнь ее поддерживается лишь тем хорошим, что мы не успеваем сохранить. Мы не убеждаемся в надобности в них, и они безвозвратно утекают в воспоминания.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Пристрастие к оружию у него проявилось именно тогда – он видел искусство в стрельбе. Его восхищал не сам выстрел, а то, как он легко расправляется с пойманными целями. Как легко, нажав на курок, можно закончить жизнь другого. В этом он находил основную особенность пистолета – в смерти не ощущалось тяжести, она не казалась ему чем-то стоящим или серьезным, он никогда не ощущал ее цены. До опреде-

ленного момента.

Из отделения вышел Мик. Он прищурился и посмотрел на голубое небо.

– Замечательное утро для того, чтобы продолжить дело, не так ли? – вдохновенно спросил он Донлона.

– Та-ак. – вздохнул другой. – Ты не устал от всего этого?

– Я? Не знаю. Когда я работал в Блессурте было хуже, с этим ничего не сравниться.

– Почему ты так уверен?

– Потому что многое испытал. – он обратил свой взор на шерифа. – И, поверь мне, хуже этого нет почти ничего.

– Я устал, Мик. – вздохнул Джон.

– И зачем же ты говоришь это именно мне? – спросил не только шерифа, но и себя, Бенсон.

– Потому что доверяю.

– На тебя это очень непохоже. – пронзительным голосом сказал Мик.

– Как думаешь: люди меняются? Могут ли повернуть всю свою жизнь в новое русло?

– Этого я еще не знаю. Быть может, Донлон, все впереди? Ты, мне кажется, слишком торопишься. Наслаждайся тем, что есть сейчас, потом его может и не быть.

– Так чем мне наслаждаться? Чем? – разгневался полицейский. – Потерянным другом, или сумасшедшим, что пытается снести мне крышу? Если этого всего не станет, я буду только рад, поверь мне.

– Он был предателем, Джон. Ты уже простил его? Пойми: если он был твоим другом, то не факт, что останется таковым навсегда. Неужели ты не можешь отпустить те времена, когда вы работали вместе? Что тянет тебя туда? Лучшая жизнь или, может, окружение?

– У меня хотя бы есть что вспоминать, Мик. Пока ты пытаешься найти счастье там, где его может и не быть, я свое уже нашел.

– Но потерял, так же быстро, как и нашел. – парировал Бенсон. – Стоит ли останавливаться на том, что прошло? Стоит ли стремиться к тому, что было?

Джон закрыл лицо руками. Мик видел, что тот находится в терзаниях, и потому решил поддержать товарища:

– Какими бы разными мы не были, у нас всегда получается работать в команде. Наши дороги пересеклись не зря, для каждой цель нашей встречи своя, о которой мы пока не знаем. Но, может быть, когда-то узнаем. Не отчаивайся, приятель. Кто знает, что ждет нас после всего этого кошмара? После сна всегда следует пробуждение.

“А что если этот сон последний?” – подумал про себя Джон, но решил не говорить это вслух. – “Что будет тогда? Мы просто умрем, как и было предписано изначально? Разве может быть все так просто? Пожалуй, соглашусь с ним, лучше об этом вовсе и не думать.”

Донлон встал и положил руку на плечо Бенсону.

– Кажется, мы начинаем понимать друг друга. – тепло

улыбнулся он. -Думаю, нас обязательно ждет успех. У нас все еще есть время, чтобы не упустить Грейди. В какой он там комнате, не помнишь?

– Номер тридцать семь, там он пробудет еще, как минимум, пять дней Так что времени у нас и вправду хватает. – Джона будто осенило, и он позабыл о всех своих бедах. -Пока есть шанс, нам нельзя потерять его. Живо в машину!

Шериф что-то записал на странице блокнота, вырвал ее и зацепил за дверь. Тут же они заскочили в автомобиль, развернулись в сторону дороги и в Гранд-Энд, где их ждал, сам того не зная, ждал известный шоумен, не подозревающий о том, что он уже участвует в опасной игре, ошибка в которой часто стоит очень дорого. И, говоря “*очень дорого*”, я имею в виду “до боли *невыносимо* дорого”.

У участка осталась лишь висевшая записка: “Шериф отправился в путешествие всей его жизни. Прошу понять и не беспокоить до возвращения”.

Глава 14

18 ИЮНЯ

ВБЛИЗИ ГРАНД-ЭНДА

Блюстители закона зашли внутрь и вновь вдохнули отличающийся от обычного воздух. В нем содержалась вся концентрация того элегантного и утонченного, что только можно было представить в подобном месте.

– Мы даже не оставляли комнату запертой. – вспомнил Мик. – Думаю, нас не раз собирались навестить какие-нибудь старые зануды, что вечно проверяют не забыли ли мы заплатить по счетам.

– Это уж точно. Ненавижу звук поворачивающейся ручки, когда ты знаешь, что это не кто-то из твоих знакомых. – согласился Донлон. – Лишь бы они не выкинули нас отсюда со словами по типу “забирайте вещички” или, чего похуже, “делайте ноги, пока на вас полицию не нагнали”. Представлю их лица, когда они узнают, с кем имеют дело.

Товарищи постарались незаметно проскользнуть мимо рядов пожилых дам, обсуждающих, наверняка, очень важные вопросы, и, на удивление полисменов, им это удалось. Они поспешили на свой этаж, и не стали дожидаться прихода лифта, а сразу пошли по лестнице. Чуть ли не добежав на

самый верх, Мик с Джоном слегка замедлили шаг, чтобы не казаться подозрительными – если узнается, что они сыщики и на них, возможно, ведется охота, то им уж точно не видать конца расследования. Городовые дошли до заветной двери, толкнув ее, забежали внутрь и закрыли обратно – будто бы никто и не выходил.

– Знаешь что плохо? – спросил Джон, раскинувшись на кровати. – То, что этот Грейди живет на первом этаже. Это создает две трудности: нам не удастся сбежать в свою комнату, если это понадобится, и также это повышает наши риски быть услышанными другими случайными прохожими.

– Никто не сможет осудить нас за допрос, верно?

– Не знаю. Это как посмотреть.

– Но убивать-то мы его точно не станем. – удостоверился

Мик.

– А угрожать – не знаю. Думаю, сложно будет добыть от него слов. – засомневался Джон.

– В любом случае, мы этого добьемся. Любой ценой. Сейчас нам нужно разработать схему, по которой будем действовать.

– Ты не устал от бесконечных планов? – утомленно спросил Донлон. – Какой в них смысл, если все равно каждый из них никогда не помогает?

– А что ты будешь делать без плана?

– То, что считаю нужным. – твердо ответил Донлон, взмыв руками ввысь.

– Ты действуешь не один, и потому должен действовать, следуя из плана. Чтобы все делали то, что должны.

– Ах! – Донлону самому стало противно оттого, что он не может ничего противопоставить своему напарнику. – Только давай тогда без лишних подробностей, хорошо?

– Конечно. – довольно принял условия шерифа Бенсон, начертил в на желтоватом листе квадрат и провел внутри него две линии – обозначающие две стены, отделяющие приемную от ряда комнат. – Это первый этаж. Тут живет Грейди. – он указал пальцем примерно на середину одной из сторон фигуры. – Мы знаем, что он обзавелся собакой, поэтому сначала нужно попытаться обезвредить ее.

– И как же мы это сделаем?

– Нам нужно ветеринарное ружье. – сконцентрировано произнес Мик.

– Ах-ах! – рассмеялся Джон. – И откуда же ты собираешься его достать? Мало того, что ты его никогда не найдешь, из него ведь еще и выстрелить надо! Хе-хе!

– Я пошел на это все не ради тебя, Джон; а ради вознаграждения, понимаешь? Смотри правде в глаза – у тебя точно такая же причина, по которой ты ввязался в это.

Донлон замолчал и не мог оторвать глаз от пола.

– Вот-вот. – продолжил Бенсон. – Поэтому если у тебя нет других идей, изволь принять мою. Согласен, ружье – это не совсем то, чем мы хотим пользоваться, когда на нас бежит питбуль. Пистолет будет получше.

– Ты ведь не собираешься убивать собаку? – с подозрением спросил Донлон.

– Нет, конечно нет. Мы всего лишь на несколько часов дадим ей отдохнуть. Но где же мы, и вправду, раздобудем его?

– Нигде. Я не знаю ни одного человека, у которого бы имелся ветеринарный пистолет. Господи, да я даже ни одного ветеринара не знаю!

– А дробтики хоть мы можем как-то получить?

Очередной сеанс безмолвия разозлил Бенсона:

– Черт! Ну и как мы собираемся допрашивать Грейди, когда мы даже с собакой его разобраться не можем?

– Думаю, нам стоит выбрать иную стратегию – нужно сначала расположить его к себе, а затем поймать на том, что его бдительность уснет. Нам нужно будет...

А впрочем, перейдем к самому акту, для которого было выбрано весьма и весьма недурное время – десять часов утра, когда, обычно, такие занятые люди, как Роберт, и предпочитают просыпаться.

Джон описал мне это событие как настоящий шпионский боевик. Его рассказ, признаюсь, захватил мой дух, и я не мог дожждаться его конца. Правда, я думаю, он многое приукрасил. К моему разочарованию, я заранее знал конец истории, потому как Донлон выдал мне его раньше времени. Надеюсь, что читатель его еще не знает, иначе все дальней-

шие мои отчеты будут выглядеть несколько странными. Или это вовсе не плохо?

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ УТРА

КОМНАТА № 37

В дверь постучались. Это были два коротких стука с промежутком примерно в полсекунды. Стражи порядка сдержанно стояли перед входом и дожидались, пока им кто-нибудь откроет. Дверь медленно отворилась, и перед полисменами появился мужчина средних лет.

– Категорически приветствую, сеньоры! – звонко сказал он. – Что привело вас сюда, к самому Роберту Грейди, одному из известнейших шоуменов современности, а?

Его самовлюбленность уже с самого начала поразила Джона, но он не подавал никакого виду, который бы мог свидетельствовать об этом.

– Здравствуйте, уважаемый. – решил долго не распинаться и придумать более удачное обращение Мик. – Не будете ли добры пустить нас в комнату?

– А по какому поводу вы...

Бенсон показал значок со звездой и взгляд Роберта отображал его мысли лучше любых слов, на физиономии было такое выражение, с каким обычно говорят: “это все объясняет”. Грейди молча притянул дверь к себе еще ближе, пока-

зывая, что дает войти гостям, и те, без лишних телодвижений, зашли в номер. Он почти ничем не отличался от того, который заняли себе полицейские. Единственное, что было здесь иначе – полный беспорядок вещей: одеяло чуть ли не лежало на полу, рядом с ним лежало около шести сумок со всяким барахлом, со шкафа свисал длинный красный шарф, удививший Донлона.

– Заче-ем вам ша-арф, сэр? – аккуратно поинтересовался шериф.

– О, я вас прекрасно понимаю, вам непривычно видеть такой хаос в месте, где кто-то живет. Но поймите, я человек творческий, и мне не чуждо вносить беспорядок в свою жизнь.

Ни шеф, ни его помощник, не находили связию между первой частью его предложения, – про творческих людей – и между второй – про полный беспорядок, но пытались сдерживать свои противоречивые чувства и мысли, которыми они могли бы сконфузить “творческую натуру”. Грейди присел на стул и теперь детективы могли рассмотреть его во всей красе: два карих глаза были непонятливо направлены на стену, ноги скрещены, из-за чего ткань черных брюк мялась еще сильнее, а руки держались за черный галстук, даже немного поглаживали его. И всему его виду добавляла загадочности точно такого же черного цвета шляпа, закрывающая половину его лица, из-под которой виднелось два длинных уса. Он взял из кармана сигару, зажег ее и сделал затяж-

ку.

– Ну-с, выкладывайте, зачем пришли? – более серьезно спросил он, на его лице выступила некая хмурость.

Из темного угла комнаты раздался ворчливый и несколько смущенный “гав”. Затем из темени стал приближаться оскал, пока вдруг собака резко не вскочила на лапы и приблизилась носом к стоящему подле Роберта Джону. Она тут же ударила шейю о сковывающую ее цепь и отошла обратно, жалобно протонав.

– Не бойтесь его, он у меня послушный. Правда, Джек? – посмотрел он на пса. – Он не привык встречать гостей, поэтому первое время может вести себя немного агрессивно. Но вам нечего тревожиться – он у меня все время на цепи, и если уж убежит, то только вместе с куском этого столба. – Грейди показал на колонну, к которой было приковано животное.

Донлон доброжелательно кивнул, в душе не понимая и не соглашаясь с тем, как можно держать своего домашнего питомца под замком, когда оно может передвигаться только на расстояние нескольких метров.

– Мне все равно на то, что вы полисмены, у вас все равно не получится получить что-то от меня. – предупредил тот. – Так что если вы пришли именно за этим, можете сразу убираться отсюда.

Донлон, понимая, что сейчас нельзя идти в нападение, нашел выход в перемирии:

– Нет, что вы! Мы знали, что вы прибудете сюда еще око-

ло недели назад, и так хотели увидеть вас вживую!... Если честно, мы ваши большие поклонники!

Мика не столько позабавила неловкая попытка выкрутиться, сколько заставило его растеряться: он покраснел, и, дрожащими руками достав из кармана салфетку, протер лоб.

– О, дорогой, что с вами? – озаботился состоянием Бенсона Роберт. – Давайте я принесу вам бокал вина. А вы, любезнейший, вы же не откажетесь от выпивки?

Последний вопрос он произнес, с надеждой смотря в глаза Донлону. Тот просто не мог отказаться от просьбы, хоть и понимал, что она не может хорошо повлиять на осуществление замысла полисменов.

Грейди отошел в другую комнату, но не заставил себя долго ждать.

– Примите, мсье, это пойдет только на пользу. – вошел он обратно с тремя сосудами.

Джон взял бокал и сделали глоток. Ничего не почувствовал (за исключением кислого вкуса). Мик приставил бокал к губам, но лишь сделал вид, что выпил.

– Прекрасно-распрекрасно! – похлопал в ладоши Роберт и тоже сделал глоток.

В его поведении сразу стали заметны изменения: извивающиеся движения стали плавнее, речь стала еще больше сиять льстивыми словечками и обращениями:

– Стало быть, дорогуши, вы изволили приукрасить мой унылый день своим бесценным визитом, чтобы поговорить

о моих представлениях?

Мик открыл рот, как фокусник продолжил:

– Знаете, я польщен, очень-очень польщен. Но все же, давайте поговорим о чем-то более... более утонченном, так сказать, чем самые обыкновенные фокусы. Кино, например. Вы любите кино? Вам понравился “Солнечный свет неземного бытия”?

Мику казалось, что название Грейди составил из бегающих у него в голове случайных слов. Джон, который в жизни видел всего шесть-восемь картин, в свою очередь, уверенно кивнул. На него начало действовать спиртное:

– О, да, кино-с – вот что настоящее искусство! Думаю, “Солнечный свет...” определенно заслуживает свое место в списке глубочайших фильмов всех времен, а вы как думаете? – забыв, что стало удивительным для Бенсона, название киноленты, влился в беседу шеф.

– Думаю, автор хотел заложить в него идею куда более неоднозначную, чем та, которую он смог показать в конечном итоге. Думаю, он хотел больше сказать о жизни и смерти...

– Но, признайте, любовная линия тоже вышла весьма неплохой. – наугад сказал Донлон.

В стороне от этого разговора двух безголовых голов одиноко сидел Мик, который, похоже, мог выпить намного больше, чем ему казалось. Однако он не стал этого делать, вместо этого он продолжил следить за культурной беседой.

– Безусловно, в данном произведении любовь – нечто большее, чем чувство... Оно, как персонаж, как один из главных героев, все время держится с ними рядом, но его нельзя увидеть.

– Вы как нельзя точно определили ту мысль, которую я хотел сказать. А вы помните, как главная героиня отчаянно кидает камень в воду, и он отскакивает несколько раз от воды, но при очередном ударе проваливается сквозь воду и начинает тонуть? Не является ли это ничем иным, как символом увядания, гибели?

Бенсон с каждой секундой лишь больше удивлялся, насколько заразен был тон Грейди.

– Вы опять-таки правы! – безотказно согласился второй. – Вы настоящий ценитель искусства, культуры! Вы видите в произведениях то, чего не могут увидеть другие. Вы – гений!

От лестных слов Мика чуть не стошнило. Или все же это на него подействовал напиток? В любом случае, теперь он будто стал болельщиком, которому удачное замечание Джона, от которого Грейди вновь и вновь начинал восхвалять его, было сродни голу, забитому его любимой командой, от которого и он сам приходил в восторг. Правда, иногда их фразы часто надоедали ему, и он засыпал, просыпаясь на очередном восклицании одного из них.

– Вы чертовски правы!

– Бросьте, это вы истинный идеал! А что насчет сцены в поезде?

– Гениально! Ничто не может быть лучше...

– Как же я с вами согласен!

– Никогда я еще не видел человека столь высокой культуры, подобно вам.

В один момент Бенсон не выдержал и толкнул Джона в бок. Тот, опомнившись, обернулся и спросил:

– Что тебе надо? Не видишь – я разговариваю с человеком, мог бы ты не мешать нам?

Мик осуждающе посмотрел на приятеля и спросил:

– Тебе что-нибудь говорит слово “Семерка?”

– Он бредит, сеньор. – обратился Донлон к Грейди. – Не внимайте его бессмысленным словам – представьте, что его нет.

Бенсон ударил по столу кулаком и закричал:

– Два идиота, что бы черт вас побрал! Хватит нести чушь и вообще говорить что-то! Вы оба лживые дураки, что только и могут создавать умный вид.

– Ох, опять он за свое... – выпитый Донлоном бокал дал о себе знать.

Тут возмущение Бенсона хлынуло через край, он достал пистолет и навел на Джона.

– Может хватит направлять его на всех, кого видишь и кто раздражает. Так ты скоро убьешь половину света, Мик.

– У нас есть дело, Донлон, разве ты не помнишь?

Грейди от испуга полностью погрузился в мягкое кресло, оно словно начало затягивать его в свою бесконечную глубь.

Ему было свойственно приходиться в трезвое состояние, когда это требуется больше всего. Он несколько раз моргнул, и обдумал все, что происходило сейчас на протяжении двух часов. Ему не показалось это ни странным, ни, тем более, чудовищным. Он часто любил поговорить с кем угодно на интересующую его тему, ему было важно настоять на своей позиции и понять, что ее услышали. Джон же не мог ничего поделать – он даже забыл, что в кармане у него тоже есть пистолет, и ему ничего не оставалось, кроме как поднять руки, что он и сделал.

Мик, осознавая, что прежний свой облик в глазах Грейди он не вернет, и прицелился теперь в него.

– У нас к тебе всего один вопрос: кто-то на постоянной основе приезжает в этот отель? Кто-то должен был часто, очень часто приезжать сюда, ты знаешь этих людей?

– Я не понимаю, о чем вы. – чуть не рыдая, произнес он, растеряв все свои мысли.

– Говори! – он приблизил револьвер ко лбу Роберта.

Бенсон хладнокровно держал оружие. Грейди поникнул головой. Донлон сидел, ничего не понимая. Пес лаял. Все достигло пика своего напряжения. Тут что-то со звоном упало, и через кресло перепрыгнула собака. Хозяин понимал, что если сейчас он воскликнет “Фас, Джек!”, то его, скорее всего, уже не будет в живых, и потому он тактично промолчал, и, увидя как собака валит детектива с ног, встал и ринулся к кровати, где начал быстро разбирать свои вещи в поисках

револьвера. Наконец, протянув руку в квадратный портфель, он нащупал курок и быстро выхватил оружие.

Выстрел. Ничего не слышно. В глазах все плывет. Кровь. Рядом – пистолет. Пес был убит.

– Скотина! Я-то тебя сейчас в гроб и отправлю! – злобно выкрикнул Грейди.

Бенсон кувыркнулся в сторону и избежал пули. Он добежал до входной двери, и, прицелившись, сказал:

– Adios!

Грейди, не тратя времени впустую, отчаянно нажал на курок в направлении своего врага.

И, пожалуй, тут могла бы закончиться история всего расследования, но кто-то внезапно начал открывать дверь. Бенсон старался удержать ее, но сильный толчок откинул его на пол, и пуля пошел под косую. Женское лицо постепенно начинало выходить из-за двери, и, несомненно, пуля, выпущенная Робертом, прошла бы насквозь, пробив не только ее голову, но и штук пять таких же. Примерно такая картина была бы перед троими, если бы только пистолет Грейди был заряжен. Поняв, что больше ничего не угрожает его жизни, он рухнул на пол, полный облегчения. Бенсон осознавал, что ему несдобровать, но поделать ничего не мог. Вошедшая увидела все, что тут творилось, и молча, с широко раскрытыми глазами, даже не переступая через порог, ушла обратно и закрыла дверь. Бенсон поднялся и опять навел оружие.

– Из всех, что я помню, была у меня компания из четырех

друзей... Нэлли Батсон, Питер Кейли, Юсеф Вейт и Оскар Перри. Вам нужен именно последний. -Все остальные уже мертвы, их убили пару лет тому назад.

- Ты знаешь, где он сейчас? – все так же холодно спросил Мик.

- Н-нет, честное слово, не знаю.

- Так бы сразу. – он взял за шкуру уснувшего Джона и ударил его по щеке. -Вставай, вставай! Нам нужно идти, скорее!

Донлон еле удержал себя на ногах и пошел за Бенсоном.

- Это – за собаку. – он положил на шкаф купюру и открыл дверь. -И за молчание.

Полисмены вышли из здания и сели в машину – Мик на переднее, за руль, а Донлон занял все задние.

- Ты такой мерзкий, Мик! Как можно было убить собаку? А потом ты еще и попытался откупиться за нее, как так можно вообще? – начал лежа отчитывать своего помощника шериф.

- Этого требовали обстоятельства. Я действую разумом и только им. В отличие от...

- Ну что ты сразу начина-а-аешь? – было видно, что Джон еще не трезв.

- Лучше просто заткнись.

- Ну...

- ПРОСТО. ЗАТКНИСЬ. Мы едем в участок, нам нужен Оскар Перри. Там я заставлю тебя выплеснуть всю эту дрянь.

Наконец-то! Наконец-то они вернулись и мы возобновили наше СОВМЕСТНОЕ расследование. Наверное, пока они были в Гранд-Энде, они и позабыли о том, кто был основателем всего того, чем они сейчас живут. Это согревает мое внутреннее “я”, которое в глубине моей души иногда взывает к моему разуму.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

В комнате остался сидеть на коленях Роберт Грейди, некогда великий шоумен, вместе со своей мертвой собакой. Непонятно, что заставило его замолчать, но можно с уверенностью сказать, что он знал, и, более того, верил и боялся того, что в один день Безликие могут безвозвратно разрушить его жизнь.

Глава 15

Хе-хе, вот твое время и пришло. Не знаешь, кто крадет у тебя листы, тупой мальчишка! Думаешь, все это игра ради забавы? Если так, то ты глупее, чем я думал. Мне нравится играть с тобой, когда я понимаю, что ты не сможешь определить, кто я. Я могу быть любым человеком, но знаешь, что самое сладкое? То, что когда ты узнаешь меня, у тебя уже не будет шансов. Пуля, пуля – нет тебя! Ах-ах-ах!

На следующее утро полисмены проснулись с неприятными воспоминаниями: мертвый пес, Грейди, номер, за который, как все думали, им еще нужно платить. Только одно известие сглаживала это утро – Оскар Перри. У них было имя, а, как известно, имя – лучшая информация, которую может дать человек, непричастный к делу.

На этот раз Мик первым зашел в кабинет шерифа.

– Надеюсь, вы не забыли, что нам предстоит сегодня сделать.

– Кажется, еще не забыл. Но сперва я должен позвонить Солу, не пропадать ведь ему зря, не ведая чем мы занимаемся. – он набрал десять цифр и приложил трубку к уху. – Здравствуй, Сол. Бери своих друзей и беги напрямиком в участок, у нас достаточно информации, чтобы предпринимать

какие-то действия.

Он, не дождавшись ответа, положил трубку обратно и повернулся всем телом к Бенсону:

– Не будем вспоминать, что было вчера. Сделаем вид, что никто из нас этого не видел, хорошо? Будем считать эту миссию, как неудачный дубль, ладно?

– Я только с радостью. – без теплого оттенка согласился Мик. – Сейчас нам нужно будет прорыть все кабинеты, чтобы найти дело об Оскаре Перри. И моли всевышнего, чтобы у нас оно было.

– А с чего бы ему не быть? Разве у нас не содержатся дела всех жителей города?

– В том-то и дело, что это не так. Досье у нас только на тех, кто хоть раз попадался на преступлении. Как ты можешь быть шерифом, не зная таких очевидных вещей?

– Слушай, заканчивай перечить мне и иди ищи дело этого Перри. Смешнее фамилии не слышал!

Бенсон удалился из кабинета, а Джон, развалившись на стуле, взял карандаш и начал целиться им в стакан для воды. Бросок! и стакан проткнулся, и из него потекла вода. Дон-лон не ожидал, что попадет не внутрь стакана, а в его стенку, а уж тем более то, что карандаш окажется настолько острым. Он принялся быстро вытирать салфеткой стол, затем, достав поразивший пластик предмет, заткнул ей пробойину, и начал пить, пока уровень воды не опустился до уровня отверстия. К тому времени он проглотил уже достаточно жид-

кости, чтобы можно было с легкостью захлебнуться, но он сделал несколько глотков и опять посмотрел на стакан. Теперь ничто не пыталось вырваться из него наружу, и Джон, выдохнув, спросил сам себя: “И зачем только я пытался попасть карандашом в наполненный водой стакан? Может мне серьезно стоит задуматься над посещением психиатра?”

Вернулся Мик. Он выложил на влажный стол стопку файлов и принялся расхаживать, как он любил, из стороны в сторону.

– Если здесь ничего нет, то и нигде нет.

– Если здесь ничего нет, то он и невиновен, раз не был пойман на чем-то. – сделал иной вывод Донлон.

– Не факт. Он мог свершать свои делишки и в другом городе, а мог просто быть очень скрытным. Профессионал он на то и профессионал – никогда не знаешь, что от него ожидать.

– А мы кто?

– Тоже профессионалы, мастера своего дела.

– Значит нужно выяснить, кто из нас кого хитрее. – выдвинул громогласный тезис шериф.

– Ты сначала нужные бумаги найди, а потом будешь умничать. – предостерег Мик.

Джон фыркнул что-то в сторону и начал читать все на листах: дата, имя, улики, содеянное, дата, имя, улики, содеянное, дата... В основном он обращал внимания на имя, но, чтобы не быть обманутым, быстро пробежал глазами и

все остальное. Но в голове у него была лишь одна мысль: “Как мы найдем его, если мы не найдем нужное досье?” На этот вопрос было еще рано отвечать, и это знали оба полисмена. Бенсон всегда говорил, что сначала нужно проверить все предоставленные подсказки, а затем действовать самому. Стопка прочитанных листов неумолимо приближалась к своей максимальной высоте, а ничего полезного до сих пор найдено не было.

Кто-то открыл дверь. Было понятно, что это пришли Сол, Джефферсон и Луна.

Так и оказалось.

– Еще раз здравствуй, Сол! – радостно воскликнул Джон из своего кабинета, даже не выглядывая из него. – Идите сюда, у нас есть чем вас порадовать.

Те вошли в комнату и приготовились внимать словам шерифа. Но тот молчал – продолжал листать страницу за страницей. Когда они исчезли у него из рук, он повернулся лицом к детям и грустно начал:

– Да, все как я и полагал. Ну что ж, мы с Миком разузнали интересный подробности. Ну... я бы даже сказал *интересную* подробность. Имя, Грейди назвал нам имя “Оскар Перри”. Он бывал в отеле со своими дружками, которые уже померли.

– Хорошо, вы знаете где нам его искать? – спросил Планк.

– Еще нет...

– Постой, то есть все, что вы сделали за неделю, это узнали

одно имя?

– Не надо возмущаться, мы избавились от внезапно появившегося предателя и к тому же ты и сами знаешь, что провернуть допрос Грейди было не самым легким заданием. – Донлон тактично умолчал об убитой собаке, чтобы не разозлить Сола, который очень любил животных, в особенности собак.

Он всегда восхищался тем, как эти четвероногие могут преданно защищать хозяина, как они, с искренним гавканьем верности, могут прыгнуть на возвратившегося хозяина. Всегда он ставил в пример дворняг – повидавших многое, но не переставших отдавать себя полностью ради жизни того, кто их приручил. “А ведь во многом людям нужно поучиться у них...” – считал он в любом вопросе о предательстве и покорности.

– И, значит, сейчас нам нужно будет разбирать все бумаги, чтобы найти его дело? – наводяще спросил Планк.

– Ну... половину мы уже сделали, и, думаем, что у нас не получится найти то, что мы ищем. Этот Оскар Перри, по всей видимости, очень аккуратный гражданин, не возникавший лишний раз на глазах у представителей закона.

– Удивительно для участника Семерки. – ворвалась в безмятежную беседу Луна. – Если это так, то тогда я не думаю, что он входил в число Безликих.

– Но тогда зачем Грейди назвал нам его имя?

– Может, что-то скрывал. А может, и не было в помине

никаких частых посетителей, связанных с группировкой. – скептически пояснила она.

– Этого быть не может! – отрешенно сказал Донлон и махнул рукой. – Нет, я в это не верю. Но если это так, он получит по заслугам. Ладно, не будем о плохом, давайте лучше попробуем поискать дальше.

Бенсон ушел в коридор, пока остальные начали вместе прочитывать каждое слово в каждом деле. Ежеминутные “что-то нашли?” Донлона через какое-то время вышли из-под контроля, и он начал задавать свой насущный вопрос чаще и чаще, его можно было сравнить с тиканьем секундной стрелки, которой еще очень долго не суждено остановиться. Мик вернулся с очередной пачкой бумаг.

– Эти – последние. – скинув с плеча башню высотой в полметра листов, выдохнул детектив.

– Чудно... – все еще не теряя надежды, начал повторять Джон. – Чудно...

Теперь эта фраза стала возникать у него каждый раз, когда он клал очередной лист в левую, неудержимо заполняющуюся, стопку. С каждым разочаровывающей страницей его “чудно” наполнялось оттенками безнадежности, и если сначала это был подбадривающий призыв, то сейчас это больше напоминало предсмертный возглас. Перечитав, наконец, все досье, Джон заключил:

– Угу... Все так, как я и думал, в самый неподходящий момент!

– Ты точно не пропустил чего-то, может, чего-то не прочел? – начал искать объяснения этому фиаско Мик.

– В любом случае должен быть способ выйти на него. – сказал Джефф. – Нужно изучить все нити, которыми он связан с Семеркой. Говард... из всех Безликих мы знаем только Говарда?

– Нет... – возразил Донлон. – Рон Уэбли. Он тоже из Семерки, но от него ничего хорошего мы тоже не получим. Мы забыли о ком-то...

– Вы перечислили всех знакомых нам преступников, но что, если поискать чуть глубже – в тех, кто имеет более невидимые связи со всеми ними?

– Не думаю, что Грейди может сказать нам большее. – сказал Бенсон. – О! Если при убийстве Семерка действовала вместе, то нам нужно найти то, что связано с этим убийством.

– Далеко не точно, что они действовали вместе. – жестоко перерезала всю мысль Мика Луна. – Но про убийство, думаю, все верно.

Планк и Джефф переглянулись – одновременно у них появилась мысль, которой они сами от себя не ожидали.

– Если ты думаешь о том же, о чем подумал и я, это... эврика! – воскликнул Паркинсон.

– Да, думаю так. – подтвердил Сол и начал объяснять. – Фрэнсис Шенк, убитая в тот роковой день у дома номер тринадцать. Человек, которого мы допрашивали первым – Стив

Лоун – нехотя упомянул ее, но затем решил умолчать.

“Какой я дурак, что не спросил его о ней!”

– Он, – Планк продолжил. – Знает больше, чем мы могли подозревать. Нам срочно нужно выезжать к Стиву...

– Вы уверены, что он не опасен? – начал остерегаться Джон.

– Теперь уже нет. – загадочно произнес Сол и повелительным тоном сказал. – Давайте быстрее, в патрульную!

“Как же меня это начинает изматывать... – подумал Бенсон, для которого, будто, это дело имело меньше всего значения. – Начинает казаться, что я зря влип в это все... И вправду, лучше бы я смирно сидел в участке и выпивал чашку кофе за чашкой кофе”. Трижды проклянув себя, он, с горем пополам, потащился за остальными, к машине.

– И где живет Лоун? – спросил Джон, поправляя зеркало.

– На Оуэн-сквер, дом, если я не ошибаюсь, семнадцать. – начал припоминать Планк, почесывая затылок. – Нужно успеть до того, как он уедет, он всегда уезжает в полдень.

– Да понял я, понял. – усмирил того шериф и нажал на педаль. – Дорогу подскажешь или будем ехать куда сердце подскажет?

Сол начал, что называется, *directo en el camino correcto* Донлона, указывая рукой нужное направление. Джон послушно следовал всем указаниям своего юного напарника, пока автомобиль не оказался у нужного им дома.

Раздался тонкий звонок и мрачная сторбившаяся фигура открыла дверь.

– Что. Вам. Надо? – спросила покрытая мраком голова. – Это опять вы, забавные детишки!

Его голос резко переменялся, когда он перевел взгляд с шерифа на ребят.

– Именно, но сейчас все произойдет в более серьезной манере. – ловко перехватил Джон и продолжил. – Миссис Фрэнсис Шенк, думаю, это имя вам знакомо.

– Мисс Фрэнсис Шенк, если быть точнее. – поправил мужчина и отошел из проема, чтобы дать войти незванным гостям.

Те быстро переступили за порог и последний вошедший – то бишь Мик – захлопнул дверь.

– Пусть будет по-вашему. – вежливо согласился Донлон и, сохраняя оттенок речи, которую он использовал в культурной беседе с Грейди, приступил к делу. – Мисс Фрэнсис Шенк, вы что-нибудь о ней знаете?

– Думаю, вам очевидно, что мой ответ будет утвердительным, раз вы навещаете меня во второй раз. Сначала, признаюсь, я думал, что у этих троих, – он по-дружески посмотрел на детей. – Поехала крыша! Думал, что у вас ничего не получится, ведь пять лет ни у кого не получалось, и тут такое!

– Удивительно! – усмехнулся Джон. – Вы единственный, кто не принял нас за полнейших психов!

– Если бы вы не явились сюда еще раз, что большая ред-

кость в наших краях, я бы продолжил так думать. Но попросту никто никогда не возвращается, это – проверенный временем факт... Я восхищаюсь вашим упорством...

– Не стоит хвalebных слов, сэp. – сказал Джон и дерзко выхватил нить разговора у Лоуна из рук. – Все же мы еще не раскрыли дело, и потому будем благодарны за любой вид сотрудничества. Так что, будьте любезны, не пытайтесь скрыть что-то, если вас затронет что-то, лучше скажите об этом сразу.

– Обещаю. – было непонятно, что заставило сказать его эту фразу настолько искренне, что всем на секунду показалось, будто в следующих своих словах он раскается в совершенном, но этого не случилось. – Раз вы хотите знать все о Фрэнсис Шенк, то я расскажу вам о ней. Во-первых, это была необыкновенной красоты женщина, с ярко-зелеными гла...

– Давайте опустим эти подробности, они, все-таки не так важны, правильно? – не пожелал слышать подробного описания ненужных деталей Донлон.

– Нет, сэp, продолжайте, пожалуйста. – наперекор воле Джона, сказал Мик и посмотрел на шефа. – Нам нужны все детали происшествия.

– Хорошо. – немного помешкав, Стив продолжил. – Это была зеленоглазая блондинка, не то, чтобы низкая, но и не высокая, очень общительная. Она всегда по утрам заходила ко мне и радостно сообщала: “С добрым вас денечком, да покинут вас все невзгоды!” Никогда не понимал, откуда

она набирается стольким количеством энергии, но она была единственной, кто оставлял мне веру в людей. Она жила совсем неподалеку, и иногда я сам навещал ее, один раз мы даже попили у нее в доме чаю. И у меня никогда не было идеи за что можно было бы убить такое прекрасное и невинное создание...

– Но в этом, как показывает хронология, все же была необходимость. – бесчувственно отметил Мик. – И причем причина на это, видимо, веская.

– Вы знаете человека с именем Оскар Перри? – резко направил беседу в нужном направлении шериф. – Он был как-то связан с Фрэнсис?

– Кажется, я начинаю вспоминать... О, боже, да! Мистер Оскар Перри, когда-то он был известным в узких кругах автором, позже – библиотекарем. Я не видел его уже столько лет! Он жил здесь, и был очень добропорядочным человеком, но после убийства сразу исчез. Как сквозь землю провалился! Я даже не успел с ним попрощаться...

– Вы знаете, куда он уехал, хоть примерно?

– Отсюда никто не уезжает в неопределенность... Я слышал, что его видели на шоссе вблизи пляжа Уотермелон-бич, а затем в гостинице рядом с ним. Не хотелось бы говорить, но у него было не слишком много средств для проживания последнее время, и я не думаю, что ему удалось бы оттуда перебраться; даже в место хоть сколько-то лучше.

– Ясненько. – шеф открыл свою записную книжку. – Уо-

термелон-бич, где-то я уже это слышал...

На самом деле Джон и понятия не имел, где находится пляж арбузов, ему захотелось придать вид внимательно слушающего, чтобы сказать говорящему, что слова его несколько не малозначимые, что они действительно имеют какое-то значение, даже если это было не так. Чувство сострадания, в явлении которого в душе Донлона отказать было невозможно, пусть и угасало во всей жестокости его по отношению к другим, но никогда не исчезало полностью.

Последний свет сопереживания давал еле заметные знаки волнуемому кораблю, что скоро буря утихнет, что вскоре встанет солнце и все возвратится на круги своя. Но хорошо ли это? На этот вопрос он не мог ответить даже себе – понимая, что Лоун больше не сможет ничего сказать, он все равно спросил:

– Можете ли еще сказать что-то про мисс Шенк? У вас не ни малейшей догадки за что она могла получить пулю?

– Нет. – почти шепотом ответил Стив.

– Вы называли ее *чертовкой*, когда впервые описывали ее. – заметил Сол. – Почему? Думаю, вы что-то недоговариваете.

Лоун перекатился с пятки на носок – и деревянный пол проскрипел. Сердце его забило быстрее, вдохи стали чаще. Он поднял левую бровь, и, стараясь не показаться волнуемым, сказал:

– Я любил ее, а...

Руки Донлона резко взмыли вверх, будто старались под-

нять весь воздух ближе к потолку.

– Только не это! Опять история двух безумно влюбленных?

На лице Мика тоже появился грозное выражение.

– Нет, сэр, что вы! Я никогда не думал о...

– Она не признавала тебя, не замечала. Считала просто другом, верно?! – предположил Бенсон, надеясь на лучшую из всех версий.

– Д-да, наверное. – тревожно произнес Стив.

– Наверное или точно? – продолжил атаковать детектив. – Нам нужно знать все детали.

Старца заполонила невинность, он на несколько мгновений показался совершенно чистым, словно только что появился на свет. Сол не был готов к такому неожиданному нападению со стороны полицейских и был готов начать унижать их, как те сами резко утихли.

– Ладно... ладно. Но почему-же все-таки она чертовка? Ушла к другому, предала вас? – хотел добиться полного ответа Джон.

– Нет же! Она грабила... и грабила много... Ее муж, о котором никто, включая меня, ничего не знает, помогал ей. Вместе они проворачивали столько разных дел! Но я не знал случая, в котором она кого-нибудь бы убила.

– Почему вы не сказали раньше?

– Она была воплощением всего прекрасного! Как я мог выдать...

– Она рассказывала вам про свои дела?

– Вина за это до сих пор преследует меня... – признался

Стив. – Если бы я понимал тогда, в чем участвую, то...

– То нас бы тут сейчас не было. – закончил начатую Лоуном мысль Джон.

– Джон, не думаю, что мы еще что-нибудь получим от него, нужно ехать к Перри. – поторопил Мик, выведя из дома подростков.

– Как можно быть настолько по уши влюб...

– Вы не видели ее, шериф! А если бы только увидели...

Клянусь, ее милое лицо осталось бы у вас в памяти навсегда.

Донлон молча развернулся и переступил через порог, за которым, на улице, ожидали того остальные.

– Если это был последний раз, когда мы вас видим, то прощайте. – он закрыл дверь и подошел к машине. – Не думаю, что он назвал ее так именно из-за ограблений. Должна же быть причина покрупнее...

– Не пытайся найти смысл там, где его нет. Люди часто верят в то, чего не существует, бояться этого, или, наоборот, радуются от осознания того, что оно где-то рядом.

– Не приободрил ты меня, конечно; но каждая речь у тебя, право, похлеще предыдущей. – весело произнес шеф и сел на водительское кресло. – Будем надеяться, что он все еще находится в своем номере.

– Да-т-с-с. – чуть ли не свистнул Мик и залез в автомобиль. – Будем надеяться.

– Ты хоть знаешь, где находится этот Уотермелон-бич? – хорошо зная лишь окрестности своей улицы, спросил у товарища Джон.

– Приходилось какое-то время патрулировать там дороги. Тогда там собирались лучшие из лучших, ну... или худшие из худших, в зависимости от того, как на это посмотреть... Так что да, считай, что я знаю дорогу. – закончил Мик и широко раскрытыми глазами посмотрел на своего начальника.

– Ты мне на что-то намекаешь? – не понимая что имеет в виду Бенсон, спросил шериф.

Тот в ответ раскрыл глаза еще шире. Донлон немного качнул головой. Сидящие на задних сидениях тоже ничего не понимали.

– Вечно тебе все нужно объяснять. Если я знаю дорогу, то логичнее было бы дать мне вести, понимаешь? – растолковал значение своего возмущения Мик и тут же вышел из машины.

Оба они молча перешли вдоль машины и снова сели в машину.

– Ну теперь-то тебя все устраивает? – спросил Джон, до сих пор не до конца понимая суть данного движения.

Бенсон улыбнулся, надел солнцезащитные очки и помчался на скоростях вдоль лесов, где волки, как не беги, тебя съедят, где зайцы, как не прыгай, тебя догонят, где орлы, как не лети, тебя схватят своими острыми когтями. Поездка предстояла быть долгой, и в любую минуту ее Джефферсон что-

то обсуждал с Солом, они то не согласно переглядывались, то и вовсе повышали громкость своего шепота до такого уровня, что он уже становился больше похож на яростный хрип. Мало что можно было бы понять из этой беседы, но она была настолько бурная, что остаться в стороне, не обратив внимания на нее, было невозможно. Многие из посмотревших бы на нее наверняка бы заявили, что никогда до этого еще не видели столь живого и страстного спора, возникающего между двумя отнюдь не глупыми людьми. Но всему суждено рано или поздно заканчиваться, и спустя пару часов дороги за окном стали слышны звуки бьющихся о скалы волн. Они не заканчивались еще пятнадцать минут, пока патрульная двигалась вдоль набережной. Но затем они начали отдаляться, становиться все менее заметными, и, в конце концов, на повороте к гостинице, исчезли.

– Из всех здешних зданий, что я знаю, только это – настоящая гостиница. – остановился Мик у серого обветшалого здания, напоминающего давно заброшенный замок дракулы.

А впрочем, как может называться человек, скрывающийся в тени и в тайне проворачивающий свои злобные дела?

Прежде чем припарковаться, Мик долго ездил кругами, проверяя каждый уголок, пока не нашел подходящее местечко. Остановившись у серого фургона, одиноко расположившегося в закоулке возле здания, оба полисмены докурили сигары и вышли из патрульной.

– Надеюсь, ты не выставляешь нас за дураков и эта гости-

ница в действительности то, что мы ищем. – пригрозил пальцем никому не доверяющий Джон Мику и налег на дверь.

Та начала открываться, и с неприветливой улицы детективвы попали в уютную хижину, напоминавшую таверну нового времени.

– Здравствуйте, странники! – помахал рукой вошедшим чудаковатого вида мужчина с крюком вместо руки, сидевший за столиком прямо перед входом.

– Здравсьте-здасьте... – осматриваясь, в ответ проговорил Донлон.

– Ого, старина Бенсон! – воскликнул тот. -Давно не виделись, сколько времени прошло?

– Семь или, может, восемь лет? – радостно ответил Мик, явно не ожидавший встречи со своим приятелем, и затем его настроение резко сменилось с дружеского и задорного на более деловое. -Мы задержимся тут ненадолго, и поэтому давай сразу перейдем к тому, что нам нужно.

– И что же вам надобно? – все так же по-товарищески спросил другой.

– Комната, где живет Оскар Перри. Нам срочно нужен ее номер. – намного тише сказал сыщик. -И желательно, чтобы ты сказал нам его безо всяких вопросов...

– Хорошо-хорошо, без вопросов – так без вопросов! – заметив револьвер на поясе Мика, согласился мужчина и начал просматривать какие-то списки. -Вам в комнату номер пятьдесят три, вам нужно пройти чуть дальше и повернуть

налево.

– Спасибочки. – дружелюбный тон Бенсона опять возвратился.

Впятером они пошли по указанию хозяина. Чем дальше они уходили в глубь коридора, тем обои на стенах все больше сползали, сборища паутины становились все больше, лампы становилось все меньше, а их свет – все более тусклым, пока и вовсе не пропадал и переставали окрашивать его стены.

Почти в самом конце прохода с правой стороны была намертво закрыта дверь с золотой надписью “53”. При попытке открыть ее, все, что получилось у полицейских, это сломать скрепку, которую они, по совету Сола, использовали, чтобы попытаться обхитрить замок.

– Что за черт? – возмутился Донлон, еще раз постучавшись. – Там вообще кто-то есть?

Тут Луна увидела цепь, соединяющую замок со стеной.

– Нужно разрезать ее!

– И чем же? – несколько не удивленный, будто бы изначально увидевший этот способ пробраться внутрь, спросил Джефферсон.

– Ну... например ножом.

– И где же ты найдешь нож? – ухмыльнувшись, спросил Паркинсон.

Вдруг перед его глазами пронеслось лезвие, и цепь двумя частями упала на пол. Джефф посмотрел в сторону и увидел убирающего в карман нож Сола.

– И с каких это пор ты носишь с собой нож? – посчитав себя униженным, спросил другой.

В ответ Планк просто улыбнулся и сказал, обращаясь к полисменам:

– Давайте быстрее допросим его и...

До этого момента мне казалось, что вся работа полисменов заключается в том, чтобы допрашивать, допрашивать и, еще раз, допрашивать. И если бы это было так, то я бы окончательно потерял понимание того, чем занимают себя люди в течение всей жизни, но, к моему немалому удивлению, позже мне раскрылось еще множество тайных занятий стражей порядка, о которых они сами предпочитают умалчивать.

Из книги “Дело о Безликой Семерки”

Джон чуть ли не выбил доску (дверь эту другим именем назвать было бы крайне трудно) и увидел сначала пятно крови, в центре него голову, а дальше – безнадежно валяющееся на полу тело. Казалось, его уже ничто не могло удивить.

Он покачал головой, вздохнул и преспокойно сказал:

– Эх... Семерка, видимо, от нас просто так теперь не отстанет.

Как и не отстанет от всех причастных к ней лиц. Вы на-

чали игру, запустив цикл поочередных убийств всех тех, кто мог бы помочь вам. Ну что ж, играть дальше или останавливаться – решать вам, но вот убийства, уверяю вас, они никогда не бросят вас, и будут всегда служить напоминанием о вашем скверном желании переиграть судьбу.

И если уж первая пуля не убьет тебя, то вторая закончит твое существование прямо на месте. Понимаешь, на что я намекаю? А хотя... так даже лучше.

Глава 16

– Труп, труп, труп! Опять проклятый труп! – продолжил Джон. – Почему до этого никто никого не убивал, а теперь все перевернулось с ног на голову?

– В любом случае, теперь нам нужно изучить его комнату. – деловито заметил Мик.

Несчастные расследователи, как теперь можно называть пятерку пытающихся раскрыть дело о Безликой Семерке людей, аккуратно переступили через руку мертвеца, что полностью пересекла прихожую.

– Осмотрите все помещение, я пока займусь Перри. – дал команду шериф.

– Ого! Никогда еще не видела настолько правдиво-мертвых лю... – хотела было прикоснуться к руке лежащего Луна, которую заинтересовала бездыханная фигура.

– Не трожь! – шепотом крикнул Донлон. – Оставишь отпечатки – и нам конец.

– Это что, настоящий мертвец? – спросила Паркинсон у направляющегося к шкафу Планка.

– А ты что думала? – смущенно от наивности подруги, ответил Сол. – Если бы он притворялся... нет, это в любом случае безумие!

Бенсон достал сигарету и вновь закурил. Он посмотрел в

щель жалюзи и увидел патрульную, на которой они только что приехали.

– Удивительно! – воскликнул он. – Тот, кто сделал это, явно хорошо подготовился, раз даже догадался закрыть вид в комнату с этого невзрачного уголка.

Мик подошел к шкафу, у которого стоял Сол. Пока Планк обыскивал нижние полки, Бенсон посмотрел под самую конструкцию. Там, у самой стены он нащупал что-то маленькое.

– Ага! – воскликнул он, воображая себя расхитителем гробниц. – Тут что-то есть.

Он начал аккуратно доставать руку, и когда его кисть стала полностью видна остальным, в ней показалась помада. Джон посмотрел на нее, затем на Мика:

– Неужели это была девушка?

– Не спрашивай меня, я вообще ничего не понимаю. Думаю, после этого нужно будет ехать в Блессуорт, и нужно будет сделать это как можно быстрее, пока она не сбежала.

– Почему ты настолько уверен, что это “она”?

– А иначе что бы тут, в комнате, где жил лишь один старый пень, делала помада?

– Одной помады недостаточно, ее могли оставить здесь прошлые жители.

– А тебя не смущает, что вся комната почти что идеально чиста, и из женских вещей тут только она? Я полагаю, что Перри не был из любителей беспорядка и, посмею предположить, что убийство произошло недавно. Очень недавно...

– Он умер максимум полчаса назад, кровь еще не застыла. Но с чего ты взял, что это вообще убийство? Может, несчастный случай или...

– Одумайся! Несчастный случай там, куда мы едем за несколько минут до того, как мы туда приехали! Я сильно сомневаюсь, что это обычное совпадение.

– Ну да, ну да. – вздохнул шериф. – Остальные – что думаете?

Те вопросительно обернулись и удивленными глазами посмотрели на растерянного шефа.

– Нельзя отклонять ни одну из версий, но сперва мы должны проверить самые очевидные. – предложил Сол.

– Но ведь правило детектива гласит, что самые неверные догадки – самые очевидные. – оспорил Джефферсон, навалившись на стену.

– Да, однако другого выбора у нас нет. – вмешалась Луна. – У нас есть зацепки, указывающие лишь на одну версию – говорящую, что убийца – женщина, и весьма неглупая женщина, и потому сначала нужно проверить именно эту версию.

– Если сделаем это, то думаю, что мы узнаем кем работал Оскар. – развил идею Луны Планк. – И тогда мы сможем судить о его мотивах, а как известно – мотивы одерживают верх над любым здравым смыслом.

– И что же вы вдвоем предлагаете? – спросил Джон, отходя от трупа.

– Ехать!

– К!

– Вилли!

– Говарду!

– воскликнули те.

– На этот раз он-то нам все расскажет... Такие очевидные улики должны его сломать, он поймет, что гибель его близка и пойдет на сотрудничество, я прав? – интригующим голо-сом в темном углу сказал Джефф, изображая из себя самого умного детектива, и специально делая загадочный акцент на каждом втором слове, чтобы придать своей реплике больше пафоса.

– Точно. – скрыл удивление от пришедшей к нему мысли Донлон и вернулся обратно к мертвому. -Но что делать с этим?

– Нужно непременно сообщить хозяину. – решительно сказала Луна.

– Но те, кто это сделали, как раз рассчитывают на это... Что, если сделать вид, что мы ничего не видели? – задумался Сол. -Злоумышленники думают, что сейчас на место прибудут отряды констеблей, где их всех разом “захлопнут”.

– Зачем им убивать обычных полицейских? Почему бы им просто не убить нас? – спросил Паркинсон. -Это ведь бессмысленно!

– Видимо, они все что-то большее, чем хладнокровные губители. У них точно есть определенная цель...

– Не говори “они”, мы не знаем работал ли убийца один,

или их было несколько. – настоял шериф. -Но все же я согласен – больше вероятность того, что они согласовывают свои преступления, не может же такая цепочка совпадений происходить по случайности!

– В таком случае, кто они? – спросил Бенсон. -Сколько их? Двое, трое, может, все семеро?

И опять это душераздирающее молчание, молчание, в которое хочется сказать хоть что-нибудь, но никто не может этого сделать.

– Вот-вот. – убедившись в том, что никто не имеет понятия, кто является затейниками всех злорадств, в коих они сейчас беспощадно роются, подтвердил Мик. -Вы правы. Нам нужно ехать к Говарду. Но сообщить о трупе необходимо – если мы этого не сделаем, нас либо сочтут за убийц, либо за сумасшедших. Быть может, те, кто следят за нами, предполагали, что мы поступим так, как хотели поступить только что, тем самым переиграв нашу хитрость. Но мы поступим так, как поступил бы любой нормальный человек, перехитрив их переигрывание нашей хитрости, понимаете?

– Если честно, твоя пламенная речь была похожа скорее на бред только что сбежавшего из психбольницы. – признался Джон.

– Я так и думал. – Бенсон улыбнулся. -Ладно, неважно, поехали быстрее в Блессуорт.

Тут я вспомнил, куда предстоит нам отправиться, и же-

лание встретиться с Вилли возросло еще больше. Вся эта атмосфера серого бездушного здания, окутанного преступными байками и историями, от которых кровь стынет в жилах, безумно вдохновляет меня. Но удивительнее всего то, что все эти истории имело место быть на самом деле.

Ты просто недостаточно хорошо понимаешь, что тебя ждет в конце, Сол. Как называется чувство, когда ты бесконечно чего-то хочешь и готов отдать за это все? Одержимость, верно? Ты ОДЕРЖИМ, Планк, ОДЕРЖИМ! ОДЕРЖИ-И-И-И-М!

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Два знакомых всем круглых огонька летели сквозь капли дождя, не останавливаясь ни на секунду. Они преодолевали километр за километром за считанные минуты, вокруг них все время пролетали то высокие тонкие дома, то обширные леса, наполненные толпой тесно расположенных деревьев. Прошел час до того, как вспышки остановились на месте. За ними показалось возвышенное каменное здание, сверху которого было вычерчено: “Блессуорт”. Все четыре двери распахнулись и из машины одновременно вышли пятеро детективов.

– Вот и она... – представил Джону тюрьму Мик. -Впечатляет, правда?

Донлон смотрел наверх и не мог разглядеть конец строения.

– И это мы еще не зашли внутрь! – торжественно сказал Бенсон и поторопился к забору.

Они прошли на территорию для заключенных, где их встретил человек в голубой рубашке и с пистолетом около кармана.

– Здравствуйте, мне необходимо знать причину вашего прибытия сюда.

Донлон спокойно достал паспорт, показал его спросившему и сказал:

– Не беспокойтесь, когда-то вы точно увидите наши имена в газетах, а сейчас извольте пустить нас, мы торопимся.

Не дождавшись ответа, Джон, махнув рукой другим, пошел дальше. Шериф подбежал под крышу и открыл дверь.

“Ох-ох-ох, что за черт!? – подумал он, восхищаясь представленным ему видом. -Почему раньше мне никто этого не показывал?”

На его лице легко читалось неприкрытое удивление и восторг.

– Не преувеличивай всю грандиозность этого здания. – Мик опередил шерифа. -Как только увидишь что творится в клетках, оно тебе сразу разонравится.

Теперь повел всех Бенсон – только он в совершенстве знал путь до нужной им камеры. Увидев, что они проходят под вывеской “безопасное отделение”, Джон возмутился:

– Ты посадил его в отделение для безопасных?

– А куда еще? – будучи любителем отвечать вопросом на

вопрос, спросил Мик. - У нас ведь нет доказательств того, что он убил кого-то, верно?

- Верно... - вспомнил всю забавность своего положения шеф. - Но ты ведь понимаешь, что это самое неразумное решение, из всех, что у тебя тогда были!

- Я не мог по-другому. - пожал плечами профессиональный сыщик и приподнял уголок рта. - Закон есть закон, тут ничего не поделаешь!

Пересекши не один коридор и не одну лестничную клетку, они, наконец, подошли к камере Говарда. Тот сразу улыбнулся, будто знал, что они придут.

- Жизнь так забавна, не находите? Вы уверенно идете вперед, но все равно возвращаетесь в одно и то же место! Тот, кто создал этот мир - чертов ублюдок, вам так не кажется?

- Интересный способ начать разговор. - поправил пояс Джон. - Но на этот раз ты нам уж точно все расскажешь.

- Смелое заявление, Донлон. Ты уже заинтриговал меня, а ну-ка давай выкладывай все свои козыри. - захохотал заключенный.

- Как ты здесь еще с ума не сошел?

- Псих не может сойти с ума, разве ты не думаешь обо мне не так? Признайся, чего греха таить, все мы рано или поздно умрем, пора бы уже заканчивать хранить в секрете всякую чертовщину. Вы все думаете, что счастье близко, что скоро вы поймаете его за хвост, вы представляете его как феникса, что в один прекрасный для вас миг зацепиться за ветку и вы

хватать!, да поймаете его раз и навсегда. Однако оно вовсе не феникс, оно – как крыса, бегаёт из угла в угол, и когда вам кажется, что вот-вот, и оно будет у вас, оно ускользает прямо у ваших пальцев. Я знаю о чем говорю, Джон, и ты сам об этом знаешь.

– О чем ты говоришь? Опять он за свое, скоро выведет меня из себя своими чудными намеками.

– Ты знаешь! Просто не помнишь, и в этом вся беда. Злодеяния запоминаются лучше всего остального, и потому это помню только я. При каждой встрече с тобой я лишь убеждаюсь в твоей малодушии, Донлон. Никогда ты не сражался за то, что любишь, никогда не жертвовал чем-либо. Все в твоей жизни было получено ложью, ты не ценишь всего, что у тебя есть? Не припомнишь, как тебе досталось звание шерифа? Ну хоть здесь всевышний справедлив – забрал все, что было у этого города! А может, не он сделал это? Может быть ты все испортил, а? Твоя жена была намного лучше тебя, Джон. Пусть она и была мразью, но не настолько, насколько ей являешься ты.

– Заткнись! – Донлон чуть не потерял контроль над движениями и был близок к тому, чтобы достать револьвер. -Не смей называть ее так! Ты не знал ее так, как знал ее я.

– Еще как знаю... Думаю, вы уже знаете кто такая Фрэнсис “чертова изменщица” Шенк.

– Что? – переспросил разъяренный Джон. -Она...

– Так вот... твоя женушка была не далека от нее, в плане

распущенности... И та, и другая были отнюдь не верны, как ты думаешь.

– Только не начинай этого, пока я тебе башню не прострелил.

Зная, что Донлон не сделает того, что говорит, Вилли продолжил:

– Думаю, сказал бы тебе кто-то до этого, твоя жизнь бы уже давно покатила к чертям собачьим. Я, конечно, не знаю, кто стал ее секретным возлюбленным, но, думаю, этот факт раздосадовал тебя не меньше того, когда ты узнал, что она мертва. А знаешь кто ее убил?

Джон замолчал.

– Ха-ха! – Говард не переставал говорить. – Ты не знаешь того, кто убил ее, зато поименно знаешь тех, кого убил она! Жизнь, точно сплошная шутка. Не знаю последний ли это наш разго...

– В Семерке были женщины? – настойчиво спросил Донлон.

– Не понимаю о чем ты. Какая еще женщина?

– Это тебе о чем-нибудь говорит? – вынул Бенсон из кармана помаду и, с твердой злостной решительностью посмотрев в глаза Вилли, показал ее через решетку.

В зрачках Говарда вспыхнуло разочарование, будто его многолетний великий план разбивается о какой-то пустяк.

– Вы все-таки напали на ее след. Или она промахнулась? Одно из двух. Что ж, ладно-ладно, будем считать, что вы ме-

ня уговорили. Энн Уилтерс, единственная в своем роде женщина-профессионал в Семерке, которая продержалась с самого начала создания Семерки и до самого ее конца. Но видимо, как оказалось, не такой уж и профессионал...

По правде говоря, конец Безликих был очень, очень разрушительным. Но этого вы от меня уже не узнаете. Пока я даю вам информацию, хоть в количестве крошки, вы не сможете убить меня, потому что кроме меня вам ее никто не предоставит.

– Ты умеешь ставить приоритеты... и паузы. – заметил Бенсон.

Джон немного пришел в себя и, увидя, что неподалеку уже собираются группы внимательно подслушивающих их диалог надзирателей, спокойнее сказал:

– Какие бы слухи не ходили насчет них обоих, они по-прежнему остаются слухами.

– Тебе лишь хочется верить в это. Ты обманываешь себя, пытаясь обрести лучшую жизнь, но на самом деле все прекрасно понимаешь. Твоя жизнь уже была сломлена тогда, пятнадцать лет назад, когда ее пристрелили.

– Говори: это был ты? – не желая знать ответ на этот вопрос, все равно спросил Джон.

– Я? Что ты, конечно нет! Это сделали помощники Уалфера, которого она отравила.

– Уалфер? – это имя показалось ему до боли знакомым, но он не мог вспомнить, кто именно носил его.

– Да, твой проклятый босс, которого мы ненавидели всем штабом. – сказал Вилли.

– Мы? – не расслышал Донлон. Или думал, что не расслышал.

– Да, именно “мы”! Ты отнял у меня звание шерифа, вспомни меня, Вилли “дворнягу” Говарда! Или вы настолько привыкли к моему прозвищу, что насовсем позабыли мое настоящее имя?

Джон с ужасом еще раз оглядел заключенного. Он стал вспоминать, в чертогах разума начали проясняться образы из прошлого, среди которых он нашел и своего давнего врага.

– Не напомним, как вы дали мне эту кличку? Я был лучше вас всех, всех гребаных офицеров, но вы все, абсолютно все, унижали меня, не давали протиснуться в равную борьбу. Не пускали меня в свой круг, чтобы не иметь достойных соперников! Вы наслаждались тем, что все уже в ваших руках, и вам казалось, что все, чего вы могли достичь, вы достигли. То задание, которое стало для многих последним... его подстроил ты, верно? Миссия, в которой погибли все до единого! Именно, что до “единого”, ведь ты убил их! Ты знал, что никто не станет проверять между железнодорожными путями, по-настоящему заброшенными путями. Их тела, наверное, до сих пор валяются там, под землей. А я знал все, все это время, ведь это было подстроено с твоей женой, и тут пазл сложился воедино! Но знаешь, сначала я даже был

благодарен тебе за это, потому что смог, наконец, стать тебе равным. А теперь давай-ка вспомним, что ты сделал, чтобы меня исключили из борьбы за звание шерифа. Ты убил свою жену, убил ее! Ты знал, что она все время навещала меня, и никто не подумает на “преданного” мужа. Ты прекрасно понимал, что она не любит тебя, потому что ты ничего не мог сделать. Во что превратилось это захолустье, разве в этом главным образом виноват не ты? За мной на протяжении нескольких лет вели слежку, пока я таинственным образом не пропал. Тогда-то я и вступил в Семерку, от всей безвыходности чертовой жизни. Ты никогда никого не любил и не ценил ничего, как следовало бы. Ты вечно ускользал от препятствий, тебе нужна была лишь награда. Правда не так сладка, чувствуешь? Вся твоя жизнь строилась на самообмане, чем разрушила жизни окружающих тебя людей. Но тебя никто не посадит, ведь ты, черт побери, шериф. К тому же, нет никаких доказательств всех твоих злоключений! Мне, скорее всего, никто не поверит, но мы то с тобой знаем всю правду. – он широко улыбнулся и оголил свои желтые зубы. -Иногда жизнь предоставляет сюжеты гораздо более запутаннее, чем те, которые разворачиваются в драмах, не так ли? Почему ты ничего не говоришь, я хочу, чтобы ты сказал что-нибудь!

– Ты не знаешь ничего и не можешь говорить так обо мне и моей семье. – уже принимая то, что его честь запятнана, сказал Джон.

– Семье? Ты назвал то, что у тебя было, семьей? Даже самый близкий друг, и тот оказался предателем! Все, чьи жизни ты испортил, видишь, что с ними стало? Назови хоть одного живого человека, с которым ты мог пообщаться еще десять лет назад? Я убил Уэбли вовсе не из-за того, что я сумасшедший, а из-за того, что хотел послать тебя к черту, Донлон! Хотел показать, к чему ведут твои решения!

Из всех пятерых стоящих по другую сторону решетки еще мог говорить только, пожалуй, сам Джон. Он настойчиво спросил:

– Энн Уилтерс, где она сейчас?

– Мне не хочется заканчивать этот разговор, Джон, я подержу интригу еще пару минут, если ты не возражаешь.

Шериф ударил кулаком решетку. Говард чуть вспрыгнул от неожиданности и откатился на стуле ближе к стене. Щелкнув пальцами, он, как ни в чем не бывало, продолжил говорить:

– Семерка, скажу честно, тоже была не благословенна. Вечные несогласия, перепалки... ну... все то же самое, что было у вас, думаю ты знаешь, о чем я говорю.

– Хватит с нас разговоров. – отрезал путь к отступлению Вилли Бенсон. – Где находится Энн Уилтерс?

– Неужели ты и вправду хочешь знать это? – с неким удивлением спросил Говард.

– Да, я хочу знать это. – Мик приложил руку к револьверу.

– Как скажешь. – облизнувшись, сказал тот. – Но пообещай-

те мне, что не затащите меня еще глубже в тюрьму, я вам все-таки как-никак помогаю.

– Обещаем, обещаем. – с оттенком приветливости дал слово Планк.

– Хорошо... Тебе я верю. Что ж, она, должно быть, сейчас едет на каком-нибудь шоссе вроде тридцать второго к себе домой... По крайней мере до того, как вы утащили меня к себе, она говорила, что именно так и сделает – сначала пересечет границу, затем остановится в отеле “Грацьяс” или что-то в этом роде, затем продолжит свой путь.

– Если ты нам что-то недоговариваешь, тебе же хуже. – предостерег того Бенсон.

– Ну что вы? Разве психопат с поехавшей крышей может что-то утаить от профессиональных детективов? Возможно, это наш последний разговор перед тем, как вы закроете дело, или, может даже, вообще последний... Во всяком случае знайте, что все, с кем вы знакомы, могут оказаться совсем не теми, за кого себя выдают. Легко оказаться обманутым, когда все вокруг честные. Напомните, скольких из Семерки вы уже определили?

Джон начал считать:

– Ты, Уэбли, и все.

– Странно, что ты так уверен, что Уэбли из Семерки. Если он помог мне, это вовсе не значит...

– Хорошо, тогда назови другую причину, по которой он помог тебе сбежать? – резко спросил Донлон.

– Ладно. – улыбка с лица Вилли ушла. -С вами такое не провернешь... Да, вы правы! – он захохотал. -Как же мне нравится быть тем, от которого зависит самое грандиозное расследование последних лет. Я, своего рода, психиатр, дающий наставления своим пациентам. Когда представляешь это таким образом, на душе внезапно становится легче. Знаете, почему я сразу вам все не говорю? Да, это риторический вопрос, и ответ на него предельно прост – все это игра, затеянная не мной, но в которую я тоже хочу поиграть. Я человек-загадка, которую никто не может разгадать. Я умнее вас всех вместе взятых, и наслаждаюсь этим. С одной стороны я псих, а с другой – гений, понимаете?

– Не-а. – повертел головой шериф. -Ты точно ненормальный, и просто не можешь принять это, живешь, питая надежду на то, что с тобой еще не все покончено.

– Может и так, но одно я знаю точно – ты никогда не был далек от меня, Донлон, мы всегда были и будем похожи, и любая наша затея будет либо идиотской, либо необъяснимой! Вот только я творю, а ты уничтожаешь.

– Ты пытался творить, и в этом твоя слабость. – отвернувшись и собираясь уходить, поставил точку Джон.

– Слабость? Хе-хе-хе-хе-хе! Это мой приговор, который обеспечило мне общество. Эти мерзавцы, которые сделают все, чтобы получить желанное, которые душу продадут ради всего этого.

– А может, они не мерзавцы, какими ты их представля-

ешь? Подумай о них как о людях, таких же, как и ты.

– Они никогда не были такими же, как я! Они были такими же, как ты, уподобляясь “величайшему шерифу всех времен”! Если ты и был когда-то человеком, то точно уж не в последний десяток лет. И знай, что это не я был инициатором нашей первой встречи с твоей женушкой. Она ненавидела тебя, и сама стала посещать мой дом!

– Тогда почему же отравила Уалфера, чтобы именно я стал шерифом?

– Потому что она не любила никого из нас, мы для нее были ничем, обычными куклами, которыми она ловко управляла. Вот только я это понимал, а ты – нет.

– И почему-то все равно оставался с ней!

– Потому что она была единственным, кто хотя бы делал вид, что поддерживал меня. Знаешь, говорят, что каждому человеку нужно свое вдохновение, без которого он станет не больше, чем бездумным существом, не понимающим ради чего он живет и ради чего совершает поступки.

– Я больше не могу слушать его бредни! – крикнул Джон и вышел из комнаты.

– Для кого-то бредни, а для кого-то откровение всей жизни. – усмехнувшись, закончил Вилли и снова облизнулся.

Бенсон, Сол, Луна и Джефферсон мигом последовали за Джоном. Было понятно, что это был тот самый разговор, в котором нуждались они оба. Детективы вышли с территории тюрьмы и сели в машину. Дождь только усилился: капли ста-

ли больше, и падать они стали чаще.

(И снова) тишина *(все та же, душераздирающая!)*. Ничто могло бы улучшить это положение. Не это ли та самая минута, в которую хочется все объяснить, но что-то не позволяет тебе это сделать, словно что-то сковывает твою волю, с помощью которой ты был готов открыться миру? Если бы не эта потусторонняя сила, совсем скоро бы наступила беззаботность, какая наступает после того, как все, что было заключено в темницах сердца и разума человека, моментально высвобождается и отпускает его, открывая путь новым чувствам.

– Джон... – прервал безмолвие Сол.

– Пожалуйста, не спрашивай меня ничего. – твердо попросил Донлон.

– Ты ведь знаешь, что я не могу не спросить тебя. – горестно ответил другой.

– Нет, я не позволю тебе... – шеф нажал на газ, развернулся и поехал, сам не зная куда.

Следующие двадцать минут его вела лишь слепая интуиция, он не успевал обдумывать то, куда направляется, он был полностью погружен в размышления о прошлом, о котором так редко задумывался.

Голоса, недавно начавшие появляться у него из ниоткуда посреди мыслей, то и дело, что говорили ему: “И куда тебя это привело? Все потеряно, Джон, теперь ты обманываешь не только себя! Что, неужели все это было напрасно? В один

миг ты успел растерять все, что у тебя было!”

Шериф начал теряться в мыслях, он, будто растворенный в поедающих его изнутри думах о совершенных ошибках, не понимал, что делать дальше. Но теперь этот вопрос означал для него намного больше, чем любой другой подобный. Нельзя представить себе будущее, когда у тебя нет цели, теперь шериф убедился в этом на своем собственном примере. Нет желания стремиться к чему-то, когда ты знаешь, что это не имеет никакого значения, как и все, что ты делал до этого.

Кажется, слова Говарда не такие уж и странные, они просто опережают его сознание.

Я знал, что Джон не хотел говорить ни с кем в тот момент. В нем все замкнулось – легкий поворот ключа будто перекрыл путь к нему, к тому, чтобы твои слова хоть как-то подействовали на него. Не знаю, что я чувствовал в тот момент, слишком много факторов воздействовали на меня. Ужасно наблюдать за тем, как ставший близким тебе человек мучается в угрызениях совести. Почему-то тебе кажется это несправедливым, но потом ты понимаешь, что все это – отданный долг за совершенное.

Ты тоже будешь корить себя, Сол. Будешь кататься по полу в полном понимании того, что натворил. Я уверен, задуманное тобой просто обязано навредить кому-то другому. Так промышляет жизнь, и ты не уйдешь от беспощад-

ного рока, что в один прекрасный день разделит твою дорогу на до и после...

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Джон вдруг остановился у какого-то дома. Абсолютно незнакомого никому из прибывших дома.

– Куда нам надо? – не подавая никаких знаков, что он видит и слышит других, спросил шериф, крепко держась за руль своими обледенелыми красными пальцами.

– Отель “Грасиас”, или что-то вроде этого. – коротко, так как любое неточное слово могло обрушиться на него шквалом гнева шефа, ответил Мик. – Это где-то в соседнем штате, около границы.

– Границы между чем? – не до конца понял Джон.

– Между этим штатом и соседним. – пояснил Бенсон, считая этот вопрос откровенно забавным. – Говард сказал, что недалеко от нее как раз находится этот отель.

– Знаешь путь? – коротко спросил Донлон.

– Возможно... Мне приходилось пересекать ее, но помню ли я ее? Сначала нужно доехать до порта Ля-финале, а потом вдоль ближайшего сквера, уже позабыл как его именуют местные ехать по шоссе, на котором, как раз-таки, нам и попадется “Грасиас”.

– Понятно. – в голосе его не было никакой эмоции, сейчас это была просто говорящая голова, холодно мыслящая и оценивающая ситуацию лишь только сухим разумом. Но в

тот момент оно было явно к лучшему.

Машина тронулась с места и, набирая скорость, поехала к Ля-финале. Он представлял из себя если не один из самых больших портов в стране, то точно уж самым громадным в городе. В нем могли одновременно находиться свыше десятка судов, как с гордостью заявляли живущие рядом, ежедневно оттуда переправляется более сотни тонн грузов. Когда Мик впервые услышал эту статистику, он чуть не рассмеялся, так как знал, что статистика ведущих портов переваливала за сотни тысяч тонн в день, но не хотел огорчать искренне уверенных в том, что их инфраструктура процветает как никогда. В вопросах этих Бенсон разбирался лучше любого профессионала. Он знал когда и куда отправится каждый корабль, как скоро он прибудет в точку своего назначения, знал сколько груза тот забрал с собой. Когда-то его знали все, кто хоть сколько-то интересовался этой сферой, вне зависимости от того, насколько его познания были глубоки, и насколько хорошо он мог поддерживать дискуссию с Миком, “знатоком всех морей”. Каждый вечер он стоял на причале и смотрел за вновь и вновь отбывающими судами за их теряющимся вдали следом. И тогда, смотря на солнце, он всегда спрашивал себя: “И где же ты окажешься через десятки лет?”

Но все было куда трагичнее сейчас. Если уж и не у Бенсона, то у его окружения уж точно. Если бы только он оглянулся в прошлое, если бы задумался на секунду...

Патрульная резко остановилась.

– Нам нужно вернуться. – нервничая, сказал Джон. – Нам срочно нужно вернуться, мы забыли узнать одну очень важную деталь, черт!

Автомобиль свернул на поворот и развернулся.

“Мы опять разворачиваемся”. – подумал Бенсон, но решил умолчать.

– Мы не знаем ничего про Оскара Перри, ни кто он, ни чем он занимается. – шериф неожиданно оживился, будто бы снова почувствовал утерянный вкус расследования. – Без этих деталей все следующие не смогут стать единой картиной, надеюсь этот Говард еще не успел найти способ сбежать из этой дыры...

“Он сказал “дыры”, он и вправду это сказал? Как можно называть Блессурт “дырой”?” – в тот момент меня беспокоил только этот факт. Каким же я был идиотом! Что было в моей голове тогда, почему именно эта мысль, эта чертовски глупая и бесполезная мысль влезла в мою голову в тот момент? Это ужасно! Как нечто подобное могло взбрести... Ай, как вспоминаю те секунды, сразу становиться не по себе.

Как же я устал намекать тебе, Планк! Неужели ты не читаешь свои прошлые главы? Я устал играть с тобой! Дай мне, наконец, почувствовать, что я сильнее тебя! Что я во

много раз хитрее, и вижу каждый твой шаг наперед. Вы еще ничего не добились, а уже строите из себя счастливых, раскрывших это преступление. А Джон, тем временем, медленно сходит с ума – начал писать какие-то заметки, общается в них сам с собой. Постой, а может ты становишься таким же? Точнее стал уже несколько месяцев назад, когда затеял все это. Может, я лишь твой отголосок? Я знаю, у меня никогда не получится убедить тебя в этом. Но просто попробуй допустить этот вариант... Стало страшно? Я знаю все твои секреты, и, между прочим, не только твои.

Хочу ли я доказать вам что-то? Нет, но хочу что-то показать. Что-то, что убьет вас изнутри, расправится с вами без всяких трудностей. Ведь что может быть хуже, чем правдивая история, в которую ты отказываешься верить? Что может быть хуже ощущения, что тебя вот-вот настигнет правда, от которой ты осознанно сбежал на протяжении всей жизни? Если тебя не убьет выстрел, то это, уж поверь мне, точно не сжалится над тобой.

*Что за загадочный голос во тьме
Поет тебе песню ночную?
Что тебя встретит тогда на холме,
Куда ты притопчешь вслепую?*

Пуля однажды череп пробьет,

*И сердце кому-то вмиг разобьет,
Но тот, кто дело до конца доведет,
Навеки счастье свое обретет!*

*И когда-то ведь весь упрямый твой мозг,
За момент разлетится на щепки,
Но вынужден закончить я свой монолог,
Все слова ты запомнишь навеки.*

Заметки С. Планка из “Дела о Безликой Семерке”

И опять эти извилистые ворота, а за ними это большое серое здание. Блессуорт, с прошлого их посещения, как ни странно, ничуть не изменился. (Прим. автора: постоянно возвращаясь туда, где мы уже были, мы безвозвратно теряем страсть к движению и стремлению к высшему. Не перестая в этом убеждаться). Хождение по кругу неизбежно приводит к сумасшествию, но как известно, сумасшествие и гениальность – две крайности одного и того же. Тут каждый и становится вершителем своей судьбы, который обязательно найдет что-то, к чему тяготился.

Может, цитаты из данного перечня отчетов станут культовыми, а может, само мое творение забудут через пару дней после его выхода. Но одно я знаю точно – каким бы не вышло изложение не только правды, но и всех моих

прежних переживаний, оно всегда будет служить хорошим примером сознания, если так, конечно, можно выразиться. Здесь может заключаться намного больше, чем повествование об одном из величайших расследований за последние сорок лет, которое я не мог изложить на бумагу еще очень много лет после самого происшествия.

Кто знает... может, мне придется раскрыть еще не одно похожее дело?

Из книги "Дело о Безликой Семерке"

Все вокруг стали писать отчеты, и я тоже захотела попробовать. Почему-то сейчас, пока я не начала писать их (или уже начала?), мне кажется, что так делают только исключительно странные люди. Не понимаю для чего вообще они нужны. Черт! Карандаш... придется писать ручкой. О ужас! Почему теперь мой почерк стал больше и кривее? Нет, я точно не тот человек, которому дано писать отчеты, это же полная глупость! Ума не приложу, как им это удастся делать, при этом оставаясь адекватными и добрыми (за исключением Джона, он в последнее время стал заметно раздражительнее) людьми?

Из заметок Л. Паркинсон

И опять эта металлическая решетка, а за ней этот таинственный вредно улыбающийся человек. И опять это молчание (такое душераздирающее!), и опять все эти люди, кидан-

ющие на тебя подозрительные взгляды.

– Не думаю, что ты хочешь продолжать разговор со мной, Донлон. Но раз ты пришел...

– Кто такой Оскар Перри? Он ведь тоже был участником Семерки, и только попробуй соврать нам! – собравшись с мыслями и пропустив реплику Говарда, спросил Джон.

– Он! Безликий!?! – еле сдерживал смех Вилли. – Прости, что заставляю тебя выглядеть неловко, но ты сам понимаешь, что сказал? Зачем кому-то из Семерки убивать кого-то из Семерки.

– За этим мы пришли к тебе.

– Пфф! Конечно же он не из нас, вы совсем спятили? В свое время он наделал делов... Все время следил за нами в Гранд-Энде, за нашей шайкой.

– Ты тоже ездил туда? – вспомнил обратные слова Говарда шериф.

– Ну конечно же! Как же легко вас обмануть! Этот Перри всегда знал, что мы совсем не обычные посетители, и потому доставлял массу проблем. Потом мы какое-то время не ездили туда, и он исчез. Сначала, признаюсь, мы хотели его убить, но потом...

– Вы его убили. И убили весьма неординарным способом.

– Что? Не-ет, я в этом не участвовал. Если бы участвовал, вы бы немедленно узнали об этом. Подумайте, как я могу выбраться отсюда?

– Ты, может, и не участвовал, но отношение к этом непо-

средственное имеешь.

– Интересно какое же! – воскликнул заключенный, отрицая любые домыслы детектива.

– С этим нам еще предстоит разобраться. Его точно не отравили, подделывание крови – пустая трата времени. Но и ранений я не заметил, не мог найти место, откуда могло возникнуть кровотечение. Мы исключаем любые проявления огнестрельного оружия, так как на звук выстрелов немедленно прибежал бы хозяин той гостинички.

– Сломать шею, удавить – есть множество способов *тихо* и *незаметно* убить человека так, чтобы вокруг него осталась кровь. – начал размышлять Вилли.

– И зачем ты нам это говоришь?

– Потому что мне нет смысла скрывать что-либо. Это совершил не я, а значит мне должно быть плевать на это все, на того, кто это сделал, и что с ним будет.

– Ты помогаешь раскрыть дело, в котором сам замешан?

– Трактуй как хочешь, рано или поздно все мои намеки раскроются, как будто бы в один миг повернутся все ключи ко всем потайным дверям.

– Не терпится уже привести тебя в зал слушания, когда твоя участь станет очевидна. – проворчал Джон.

– Не говори так, ты что, до сих пор не понял, что мы с тобой похожи?

– Еще что-нибудь есть по Оскару?

– Ты должен благодарить меня за то, что после всего того,

что произошло между нами, я тебе помогаю.

– Это все в прошлом, и ты сам это знаешь.

– Иногда в него полезно смотреть. Если бы ты был чуточку умнее, то давно понял бы это.

– Или если бы был чуточку чудаковатее... Ну так что, о Перри ты больше ничего не знаешь?

– Даже если знаю, то вам об этом не скажу, дневная доза напутственных слов исчерпана. Могу поболтать с тобой о чем-нибудь другом. – он начал легко качаться на стуле, мотая головой.

– Нет уж, спасибочки. Болтать с тобой – это как прием у неправильного психолога – вместо того, чтобы отмывать тебе мозг от всякой дряни, он, наоборот, заставляет тебя привыкнуть к ней. – с этими словами Джон быстренько подтолкнул остальных и отправился в коридор, откуда бы никакие возгласы Говарда не были слышны.

– Он точно имел доступ к убийце Перри, в этом я уверен на сто процентов. – заверил всех шериф. – Он точно знал об убийстве.

– Как ты это понял? – еще сомневаясь, спросил Бенсон.

– Удушье, Перри умер от него, и Говард это знал. Он не соврал, она его задушила, потому что других объяснений его смерти я не вижу.

– Но тогда зачем ему раскрывать это?

– Возможно, хотел предать своих сообщников.

– Но зачем? Это ведь настоящее...

– Сумасшествие? Я так не думаю. Он, как я начинаю догадываться, затеял что-то хитрое, что-то такое, что должно удивить нас.

– Мне кажется, он просто псих. – обобщил свою позицию Бенсон.

– Нет, Мик, вы не правы! – возмутился Сол. – Вилли совсем не дурак. Он знает, что делает, и продумывает каждый свой шаг. Он ловко обходит нас, а мы даже не замечаем этого.

– Хм... – улыбнулся детектив и закурил сигарету. – Или не он обходит... В любом случае личность он довольно противоречивая.

– Все мы такие. – глубоко вздохнул Джефферсон, положив руку на плечо Солу. – И ничто не сможет нас изменить. Разве что мы сами.

Планк вырвался из-под ладони друга и подбежал к Джону.

– Ну так... может быть ты нам расскажешь?

– Время еще не пришло, Сол. Скажу тебе одно: если бы я жил только по закону, то я бы во-первых не был счастлив, а во-вторых уже бы мертвым разлагался в тюрьме. И между прочим, первое произошло бы не из-за второго.

– А что, если время не придет никогда?

– Тогда ты сам разберешься во всем этом.

– Но так нельзя! Оставлять свои проблемы на душе других?

– Слишком уж многого в этой жизни нельзя... Давай без

лишних вопросов, хорошо?

Планк немного замедлил шаг, но это было бесполезно – они уже стояли у машины в полной готовности продолжать расследование.

– Дорога до Грасиас долгая, у нас еще есть около трех дней, чтобы бездействовать. – зная каждую, даже самую утоптанную тропинку в городе, сообщил Мик.

– Не называй это словом “бездействовать”, нам всем так или иначе нужно отдохнуть. – согласился с идеей напарника шериф. -Так что на *(сколько тебе хватит, Джон, сколько хватит?)* два дня остановимся в участке, заодно, может быть, закроем какие-нибудь дыры.

Все сели в патрульную, она выехала на прямое возвышающееся шоссе, перед этим круто повернув и оттого чуть не упав в с моста, и поехала вперед. И не был бы это конец главы, если бы не вечерний закат солнца, неожиданно-негаданно появившегося из-за туч.

*Это солнце! Такое солнце! Даже сейчас не до конца верю в увиденное. Оно было не красное или оранжевое, оно было точно розовое, я точно помню его! Думаю, если бы я сказал о его цвете кому-то другому, меня сочли бы за идиота. А может, солнце для всех свое, может оно необязательно должно быть оранжевым? Кстати интересно, солнце состоит из огня или оно лишь покрыто им? Судя по тому, что оно **ОЧЕНЬ** горячее, смею предположить, что это са-*

мый настоящий огненный шар. Тогда почему оно виделось мне розовым? Да уж... лучше как можно быстрее забыть об этом.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Они вернулись в участок поздно вечером, когда везде уже было темно и безлюдно. В отделении лениво читали что-то за столом и попивали чашки кофе двое с виду не очень важных человека. Оба с завистью посмотрели на прибывших и уткнулись обратно глазами в стол.

– Вы трое. – обратился Джон к детям. – Можете идти домой, завтра утром я позвоню вам, нужно будет обсудить план.

“План”, как же меня взбесило это слово! – подумал Сол. – Как же часто я его уже за последнюю неделю слышал. Разве не лучше всего, когда плана нет? Если его нет, значит ничто не может провалиться, верно?”

– Конечно, разумеется. – вынужденно ответил он и приуныл.

Приуныл то ли от неискренности шерифа, то ли оттого, что не может сказать то, что думает, как бы не пытался.

– Жду не дождусь твоего звонка. – Сол постучал пальцем по револьверу и вышел из участка.

Джон зашел в свой кабинет и *тихо*, почти *незаметно* закрыл дверь.

– Ну и чего вы ждете? – спросил Бенсон у оставшихся Пар-

кинсонов. -Разве вы не должны бежать за ним?

– Мы не можем так, сэр; постоянно нас обходят стороной, никто никогда не замечает нас.

– Оу! Не надо так, это совсем не...

– Нет, Мик, мы устали от этого. Планк видел в нас потенциал, а потом вмешались вы. Вы затмили его, а вместе с тем – и нас. – возразила Луна.

– Неужели в расследовании можно затмить кого-то? Оно ведь в равной степени важно для каждого из нас.

– Но принесет оно “для каждого из нас” что-то свое, и это нужно понимать. Хватит смотреть на нас, как на ходячих помощников, которых вы используете при нужде. Мы – такие же детективы, как и вы.

– Ну это вы преувеличили...

Напротив лба шерифа появилось дуло. Чуть выше – два испуганных голубых глаза, смотрящих в самую душу Бенсона.

– Что-то приходит со временем, а для чего-то есть лишь неуловимый момент. – пистолет, тот самый пистолет из подвала, резко уставился в пол. -Нет, я не могу!

– Вот и хорошо. – тот похлопал оробевшую Луну по голове и тепло улыбнулся. -А теперь идите-ка по домам, вам нельзя находиться тут.

Джефф нахмурился, но больше поделать ничего не мог. Он открыл стеклянную дверь и, подождав когда сестра выйдет на улицу, последовал за ней. Они, какой бы зловещей не была к ним судьба, пошли среди пучины рассеивающихся

облаков, открывающих путь к земле.

– Такие забавные! – воскликнул себе Мик и пошел в свою комнату. -Думают, что смогут раскрыть что-то. Нет уж, об этом позаботимся мы. Точнее я один.

Смерть приходит неожиданно, как и жизнь.

Но в отличие от смерти, жизнь выбрать нельзя.

Ежесекундная стрелка часов и... Ба-дамс!

Из книги “Дело о Безликой Чертовой Семерке”

Глава 17

Звон
Будильника,
Проснись!
“Да
Сквозь землю
Провались!”
Не судьба
Нам быть
Вдвоем,
Пока
Всех мы
Не уьем!

Сол ударил пальцем по стеклу часов. Звон не прекращался. Он, смотря в подушку, ударил по будильнику, и тот упал с прозрачного стола на деревянный пол. Раздался стук, но звон прекратился.

– Опять это солнце! – подняв голову, прикрыл лицо руками Сол.

Он посмотрел на часы, а стрелка на них уже не двигалась. Планк опять вспомнил, что он еще жив и такие пустяки еще вечность будут злить его, и пошел на кухню.

– Ты в курсе, что поднял на уши весь дом? – спустился к проснувшемуся Джефферсон.

– Весь дом – это три человека, Джефф. Я думаю, вас не ждет крах, если вы проснетесь на несколько часиков пораньше. Скоро должен позвонить Джон.

– Мм... этот самонадеянный старик?

– Ч-что? – не поверил услышанному Планк. – Как ты можешь говорить так о шерифе?

– Я устал быть подопытным кроликом!

– Но я не понимаю, о чем ты...

– Не понимаешь, потому что сам им являешься. Донлон и Бенсон нас используют!

– Но не будем ведь мы идти против них, обесценивая все то, что мы уже проделали?

– Нет, просто нужно дать понять им, кто тут главный.

– Ну и кто же? – с вопросительной жалостью посмотрел Планк на своего друга.

– Ты, Сол! Ты тот, кто взял их в это расследование, и не должен забывать об этом! Должен показать, что мы не...

– Звучит как начало восстания, не замечаешь? Джефф, мы всегда были с Джоном очень близки, разве я могу ему перечить?

– Конечно можешь! Твоя близость не должна мешать тебе смотреть на людей объективно, ты оправдываешь его правоту близостью с тобой, разве не это безрассудство?

– Нет, я так не могу. Не могу рисковать нашей дружбой.

– Ну и зря, Сол. Жизнь без риска, как печенье без сахара. И если хочешь продолжать так жить, то боюсь, рано или поздно наши дороги разойдутся.

– Разве это одно может повлиять на это?

– Не знаю... мы оба многого еще не знаем.

– Как и любой другой человек... Кажется, мы разгадали правду всей жизни. Как думаешь, в чем ее смысл?

– Да достал ты меня со своими дурацкими вопросами! – резко сменил позицию Джефферсон и развел руками в сторону. – Уж точно не в том, чтобы его искать.

– Тогда зачем же этим вопросом все время задаются?

– Ну не знаю. Может, потому что все вокруг откровенно лишь делать вид, что придают жизни какой-то смысл?

– А-а-а. – протянул Сол. – И он становится ложным ее смыслом, кажется я начинаю понимать.

– Этого я не говорил, но пусть будет так. Как думаешь, скоро все закончится?

– Ты говоришь об этом, как о ночных кошмарах, которые снятся тебе вот уже на протяжении месяца.

– Не подумай, просто это так изматывающе!

– А что мы сделали, чтобы устать? – начал вспоминать все Планк. – Что сделали ты и я, чтобы истратить все свои силы? Вот я, например, в самом разгаре...

– Думаю, не станет секретом, если я скажу, что боюсь за свою жизнь. Я не хотел говорить вам всем, но по ночам я все время слышу шаги, они исходят откуда-то сверху... или

снизу, я не могу понять. Мне страшно, что в одну ночь может не стать не только меня, но и вас с Луной! Я не могу выйти, потому что боюсь, что не успею защитить вас от опасности.

– Ты сказал только сейчас? – возмущенно надул щеки Сол.

– Я до сих пор не уверен, было ли это на самом деле. Может, они слышались мне, я не знаю, но нам срочно нужно что-то делать. Либо убегать...

– Нет. – уверенно отказал Планк. – Отступать мы ни в коем случае не будем. Мы зашли достаточно далеко, чтобы возвращаться в начало.

– Знаешь ли, иногда лучше вернуться, чем поплатиться за дерзость своей шкурой.

– Ты как-то пессимистично настроен. Вспомни того Джефферсона Паркинсона, который вместе с “расхитителем богатств” Солом Планком промышлял самые изощренные кражи в городе!

– Это было не так уж и давно, всего полтора-два года назад, и тогда мы не очень-то задумывались о наших поступках.

– А что сейчас мешает тебе начать делать то, что ты по правде хочешь?

– Я не хочу оставлять одну Луну, ты не понимаешь насколько она мне дорога. – обернулся в сторону лестницы Джефферсон. – А тогда, как я уже сказал, мы не думали о том, что будет завтра.

– А разве не лучше просыпаться и не знать, что ждет тебя

сегодня?

– Просыпаться и допускать, что именно сегодня вся жизнь покатится черту? Спасибо, мне такого существования не надо.

– Ладно, ладно! Что ты там говорил про шаги? – сменил тему разговора, не желая больше спорить с товарищем, Сол.

– Каждую ночь, каждую. Ты не заметил пропавших листов?

Тут Планка охватила паника. Он совсем и позабыл, что забыл не только вчера проверить рукопись, но и вовсе – не открывал тающий в себе множество сконцентрированных мыслей сундук. Его глаза раскрылись от удивления, а сам он начал размахивать руками в стороны, не в состоянии произнести ни слова. Он уже предвкушал, что обнаружит, открыв роковой ящик.

Незнание ужасающей правды лучше его незнания, да ведь? Но оно вовсе не означает, что этой правды не существует, верно, Сол? На мой взгляд, знать, что она существует, но не знать какая она, намного хуже, чем ее принятие. Ты уже начинаешь кружить над стаей гиен, и с каждым преодолимым метром, ты теряешь высоту. Скоро вы всей компанией окажетесь в пасти у свирепых охотников на наживу. Советую вам как можно скорее заканчивать свое расследование, иначе, обещаю, ваша жизнь превратится в настоящий предсмертный полет.

Представь, что вместо того, чтобы быть съеденным, ты получишь две пули – одна в ногу, другая – в живот, чуть ниже печени. Так ты будешь умирать мучительной смертью, и мне это чертовски нравится.

Планк поднялся на чердак, и подошел к изливающему интригу сундуку. Он машинально схватил ключ под ним, не ощутив, что его положение изменилось, и стал поворачивать его в замочной скважине.

Чирк! и Солу оставалось только открыть крышку, за которой было то, чего он так боялся – правда о его незнании. “Долой промедление!” – подумала Планк и открыл ящик. Его ожидало не еще одно известие о пропавших листах, и даже не его отсутствие. На верхней странице он увидел большую надпись, написанную будто бы кровью: хвосты букв продолжались куда-то вниз, чуть ли доходя до края листа, а цвет их был то ли бурым, то ли алым, точно разобрать было нельзя – их смешение не поддавалось тонкому анализу Сола, он лишь уставился на само послание: “Планку, вору из уголка, в котором нет места счастью”.

Стоящий за юношей Джефферсон, кажется, уловил каждую извилистость настроения своего товарища. Он точно с таким же ужасом прочитал эту надпись, и чуть было не сделал шаг назад – прямо в люк, ведущий на пол. Сол медленно отложил в сторону первый лист, и за ним посмотрел на второй. Сначала он обратил внимания на его номер – “36”.

Было понятно, что злоумышленник неспроста поменял порядок листов, если, конечно, не украл все до этого. Внизу страницы, после всего текста, написанного карандашом Сола, следовала синее, очевидно, выполненное ручкой, сообщение.

– *Ты тоже будешь корить себя, Сол. Будешь кататься по полу в полном понимании того, что натворил... ты не уйдешь от беспощадного рока, что в один прекрасный день разделит твою дорогу на до и после.* Кто бы то ни был, он знает все про нас, абсолютно все.

– Я об этом и говорил, Сол. Мне страшно за свою жизнь, за твою и Луны!

Но Планк не мог ответить ни слова. Он перелистнул страницу и увидел:

*“И когда-то ведь весь упрямый твой мозг,
За момент разлетится на щепки,
Но вынужден закончить я свой монолог,
Все слова ты запомнишь навеки”.*

Каждая новая страница дополняла другую, их номера будто бы складывались воедино, но появляющийся шифр не означал совершенно ничего. Каждое написанное незнакомцем слово будто бы проваливалось в чертоги разума Сола и утопало в его бесконечных просторах. “36, 78, 23, 12, 7, 43”. – прочитывал Планк, смотря на номера страниц. Он не успевал осмыслить смысл предыдущих, как ужасался видом нового, затем следующего, и так, пока не долистал до послед-

ней страницы, с номером “1”.

– Все неслучайно. Во всем этом нет никакой случайности, тот, кто следит за нами, постоянно продумывает все, что делает.

– Да, Сол, в отличие от нас. – не мог не согласиться Джефферсон. – Нет времени на промедление.

– Ты слышал шаги этой ночью?

– Да, говорю же – шаги были здесь каждую ночь. – взмыл руками вверх Паркинсон.

– О, ну почему же все нельзя было сказать раньше? Что, черт возьми, останавливает нас всех? Так, нужно подумать.

– Не надо думать, нужно просто заканчивать все это. Не удивлюсь, если через пару недель, а может быть и дней, кого-то из нас уже точно не будет в живых.

– Отчасти ты прав, но вместо того, чтобы закончить расследование, мы быстренько доведем его до конца.

– Но как ты это сделаешь? Ты уже два месяца пытаешься его раскрыть, а у тебя ничего не выходит. Ты не знаешь, насколько могут растянуться сроки. Одно потраченное лето не стоит жизни человека!

– Для нас это какие-то два месяца, а для Донлона – целая жизнь.

– Донлон – убийца собственной жены, как ты можешь доверять этому человеку, быть преданным по отношению к...

– Он мне как отец, Джефф, разве ты этого не понимаешь? Для меня его история начинается с того, что наши взгляды

встретились, тогда я даже не мог сказать и слова. Он спас меня, если бы не он, то...

– Откуда ты знаешь, что не он убил твоих родителей? Ты хоть знаешь обстоятельства их гибели, Сол!? Я не хотел напоминать тебе об этом, но ты не оставляешь мне выбора.

– Зачем ему это делать? Неужели он такой же идиот, как и все преступники?

– Нет, просто он не чувствует цену убийства. Это вовсе не означает, что он идиот.

– Нет, он не мог сделать этого, как бы он потом смотрел мне в глаза.

– Знаешь, легко простить себе убийство, когда оно совершено не полностью по твоей вине.

– Ого, знаток в убийствах, я смотрю, нашелся! Как ты можешь так говорить?

– Чтобы понять убийцу, не обязательно быть таким же, как он. Достаточно лишь иметь похожие взгляды на жизнь.

– А как же вкус крови, который кардинально меняет человека, как же вкус мести?

– Да нет никакого вкуса ни крови, ни мести. Все эти мифы понапридумывали себе сами преступники, чтобы их свершение казалось еще более высоким.

– Высоким?

– Ну да, настоящие убийцы никогда не убивают просто так. Если человек не дорожит жизнями других, то вот он – идиот. Но это не делает убийц человечными, они по-преж-

нему поистине ужасные люди. Джон, например. У него явно была причина убивать свою женушку, ни один нормальный человек не сделал бы этого просто так.

– Почему ты не допускаешь вероятности несчастного случая?

– Потому что это не оправдание. Если человеку все равно на остальных, у него намного больше шансов убить, чем у человека, который...

– Тогда может ли убийца сразу ненавидеть всех и при этом иметь четкую мотивацию?

– Ненависть и безразличие – разные вещи, Сол. Но отвечая на твой вопрос, разумеется, да. Ненависть не такое сильное чувство, как может показаться. Вот одержимость, пусть даже одержимость какой-то великой идеей, она-то может сыграть злую шутку на десятках других людей. Одержимый не перестает действовать даже тогда, когда понимает, что ему вот-вот придет конец.

– И что происходит в конце?

– Смерть одержимости приводит в действие самоуничтожение человека изнутри. Когда он теряет то, ради чего он существовал, то есть предмет его одержимости, если выразиться чуть менее экспрессивно, то он начинает поедать всего себя. Так он продолжает до тех пор, пока от него не останется живого места. В буквальном смысле. Все это может сопровождаться неконтролируемостью чувств, поступков...

– Ладно, не продолжай. Противно все это слушать. Так

ты... предлагаешь нам сдаться?

– Не называй это таким словом. Мы тактично отступим. У меня есть идея: что, если мы на несколько дней приостановим расследование, чтобы посмотреть, что тогда начнет делать Семерка. Я уверен, что этот человек из Безликих, потому что никому другому просто нет смысла мешать нам, разве что кому-то, кто тесно связан с ее делами, но поимка этого человека тоже нам не помешает.

– То ты говоришь, что мы не можем ждать, то предлагаешь подождать?

– Иногда это означает одно и то же, не задумывался?

– Так уж и быть, твоя идея кажется неплохой. – взгляд Сола поднялся, было похоже на то, что он отстранился от главной темы разговора.

– О чем болтаете? – с нижней ступеньки легко спрыгнула Луна. -Опять о своих вечных проблемах в этом скучном деле?

– Скучном? – переспросил Сол. -Почему вам обоим оно кажется скучным, разве вы не чувствуете того духа, с которым одна нить за другой разматывается из одного большого клубка?

– Это все, конечно, хорошо, но вот только от нас-то польза какая? Мы просто ходим за вами троими, а нам даже пистолет в руки взять нельзя. Сол, ты ведь сам понимаешь, что такое второстепенность. Когда нет ни одного человека, который бы мог отдать тебе все, что у него есть, когда ты знаешь,

что никто не отдаст тебе тех чувств, что получают другие. – воскликнула Луна.

– Почему я должен знать, каково это? – с сомнениями спросил Планк.

– Потому что вся твоя жизнь ходила на грани между главным лицом в городе и не имеющим никакого значения во-ришкой.

– Тогда кто ты? Ты уверена, что являешься вершителем своей судьбы?

– Не знаю, у каждого осознание приходит в свое время.

– Ар-г! Легко списывать все на время, и говорить за другого. – заворчал Сол. – Раз вы так хотите взять все в свои руки – дерзайте. Но в ближайшие дни, как мы уже договорились, мы будем бездействовать. Тактично бездействовать.

Раздался телефонный звонок из гостиной комнаты. Сол проскочил между братом с сестрой и, краем глаза заметив подпрыгивающую трубку, подскочил к ней.

– Алло, Джон, это ты?

– Привет, Сол. Нет времени объяснять – мы совершили большую ошибку, но ее еще можно исправить, скорее отправляйтесь в участок, я с Миком пока проверю кое-что.

– Но... – не успал закончить слова Планк, как связь оборвалась, и послышались три гудка.

– Все, как я и говорил. Ему не важно мнение других, он просто делает то, что...

– Должен. – закончил слова Джефферсона Сол. – Через де-

сять минут жду вас у крыльца.

Паркинсоны переглянулись, но не в способности поделаться что-то, попятились вниз.

Планк положил листы обратно в сундук, ключ на этот раз решил спустился на первый этаж, накинул куртку, взял пистолет и вышел на улицу.

Синее небо, а вдали – надвигающиеся тучи. “Никогда не верил в предзнаменования. – подумал Сол. -Но это мне явно не нравится”. Тщательнее рассмотрев свой пистолет, он заметил на нем то, чего раньше никогда не замечал – на нем было выцарапано имя, которое он прочитал не с первого раза.

–Вринна. Что бы это могло значить? – спросил он сам у себя. -Должно быть, это...

И сколько бы ты многоточий не ставил, последний твой знак в любом случае будет точкой. Печальной и ничем не утешающей точкой. Просто капля синих чернил, упавшая на белый лист и закончившая собой историю, растянувшуюся на многие годы. Прерывание – не значит прощание, как и движение не означает жизнь. Движение – это жизнь, говорите? Ни черта, это полнейшая глупость. Самая глупая глупость из самых глупых глупостей.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Открылась дверь. Сол обернулся и увидел сперва Луну, за ней – Джефферсона. Он с энтузиазмом посмотрел в глаза

первой, но затем быстро отвернулся.

– А вы шустрые. – заметил он и сделал шаг вперед. – За мной!

Он быстро прикрыл оружие и, не просовывая руки в рукава, поспешил к участку. Троица шла, а над головами их нагоняли облака. Армией бездушных темно-серых масс надвигалась буря, закрывая собой чуть выглядывающее из-за покрывших уже все небо облаков. Воцарилось молчание, скорее непонимающее, чем вынужденное. Вокруг – никого, слышен только ежесекундный топот, отбивающий точно в ритм какой-нибудь марш. Тем временем, расстояние между отделением непрерывно сокращалось. Сол иногда поглядывал на друзей, которые стали ему таковыми еще очень давно. Он посматривал то на Джеффа, то на Луну, и пытался понять, что происходит у них в голове. Пытался, но не мог. Не мог представить себя на их месте, не допускал такой возможности. Смотря то в голубые, то в зеленые глаза он пытался не утонуть в них, прекрасно понимая, что ничто не может тронуть его, как дружеский взгляд боли и неудовлетворения. А расстояние все уменьшалось и уменьшалось. Казалось, вот началась игра в выживание, кто первый обратится к другому – будет вынужден сказать другому то, чего совсем не хочет говорить. Однако они сейчас шли в участок, а не по тропинке, в самом конце имеющей две противоположных развилки, они все понимали, что начать рассуждения о вечном и запретном сейчас было явно не лучшей идеей. Планка вдруг

посетил странный голос, затем потемнело в глазах. Он пару секунд не понимал, куда идет, пока черный туман не рассеялся. Неподалеку показалось белое здание, чья верхушка заметно превышала любые другие. Сол опять вспомнил про расстояния. Расстояния, которые не дают свершить задуманное, в конце которых ты все равно когда-то падешь. Затем оттуда стали доноситься звуки выезжающих машин, голоса констеблей. Завернув за угол, Сол увидел множество бело-синих машин с двумя огоньками сверху. Он тут же, позабыв обо всем, ужаснулся происходящему, которое разбивало все его планы; Планк проскочил между стоящими и разговаривающими между собой полицейскими, и зашел внутрь здания. Он посмотрел по сторонам, и увидел открытую в кабинет шерифа дверь. Не дожидаясь напарников, он начал:

– Джон, что тут происходит? Мы не можем продолжать расследование.

– Мы изучили дело Фрэнсис Шенк, оно было у нас среди архивов. Пришлось попотеть, но мы все же добыли его. Говорят, она связана с двойным убийством, произошедшим на этой улице, поэтому шансы на то, что кто-то слышал о ней, возрастают в разы. Мы с Миком решили собрать весь штаб, чтобы отправить их расспрашивать город.

– Нет, Джон, постой. В моих записях кто-то делает свои. И этот “кто-то” точно жаждет моей смерти, а может даже и не ее одну.

– Мм. – пытаюсь что-то утаить, промычал Донлон. -И что

ты собираешься с этим делать?

– Мы должны сделать вид, что закончили расследование, пусть даже на несколько дней.

– Но Энн Уилтерс может ускользнуть в любой момент! Мы не можем сидеть, сложа руки.

– У нас есть по меньшей мере три дня, это точно. Отсюда до Грасиас, если мне правильно говорят карты, дорога занимает четверо суток.

– Но ты ведь сам знаешь, что секунда промедления...

– И все пойдет к чертям, да. Но пойми, разве жизни людей не так важны?

– С чего ты взял, что твоя жизнь в опасности, Планк? Тебе пишет какой-то неизвестный человек, и что с того?

– Да то, что все мои записи лежат на чердаке дома, в котором мы живем, и каждую ночь, как оказывается, нас посещал какой-то неизвестный человек.

– А входная дверь закрыта, ты проверял?

– Замок сломался, родители Джефферсона пытались починить, но ничего не вышло. – вздохнул Сол, понимая, в какой ситуации они оказались.

– Ты так говоришь, как будто бы о вашей незащищенности знаешь только ты.

– Так и есть, шериф, так и есть! Я не хочу испугать Луну с Джеффом, я не могу этого делать, потому что если сделаю, то все пойдет еще хуже.

– Ты ведь сам играешь жизнью, Сол. Разве это будет не

предумышленное убийство?

– Что ты говоришь, Джон!?! Если тот, кто рыщет по ночам у нас в доме, узнает, что на него началась охота, он немедленно заставит вас закончить все это. Лучше остановиться сейчас, пока еще не поздно повернуть все вспять.

– Вспять? Ты ведь не предлагаешь мне закончить дело окончательно?

– Пока нет. Но если того потребуют обстоятельства...

– Это все твои “друзья” тебе наговорили. Никакие они тебе не друзья, какими они тебе кажутся, они действуют лишь в собственных интересах.

– Ты спятил? Никто не может быть дороже, они – единственные, кто могут понять меня.

– Тебе лишь кажется так! Вспомни кто взрастил тебя, вспомни кто уберег тебя от той жизни, что ждала тебя, не приходи на место трагедии я.

– Мы оба не знаем, что было бы тогда. Так что не надо опираться своими доводами на то, о чем никто никогда не узнает. Это правда, что ты виновен в их смерти?

Вопрос, неожиданный для шерифа, поразил его. Он был удивлен не столько самим вопросом, сколько его дерзостью. Но и ответа однозначного он не давал – стоял и неловко молчал, потому что понимал, что от ответа зависит чересчур много.

– Говори! – воскликнул Сол, опустив обе руки на стол возле опустошенной чашки со слоганом “Что бы не происходи-

ло, исправит это только шериф”.

Он посмотрел на ее дно и погрузился в бурю каплю, не сходящую с места.

– Говори! – опять сказал он, делая между словами частые вдохи и выдохи. – Ты спас меня, потому что не мог бросить, потому что это была твоя вина?

И опять (*такое душераздирающее!*) молчание, и опять Планку кажется, что все вокруг сходит с ума. Или он сходит с ума, но теперь это не важно, не так ли?

Сол замахнулся кулаком на Джона и отчаянно ударил того чуть ниже плеча. Оторвать руку от рубашки он уже не мог, силы вмиг исчезли, а ярость не оставляла от него ни живого места. Джон взял руку юноши и удержал ее, прежде чем она вырвалась из западни. Он, чувствуя, как слезы катятся по его звезде, до сих не мог издать звука.

– Что же ты молчишь? Что же ты молчишь, Джон? Умоляю тебя, только не молчи!

Это ли то самое незнание правды? Это ли та уверенность в безысходности? Это ли то мгновенье, когда все вокруг не имеет значения? В конце концов, это ли не конец чего-то долгого и грандиозного, о чем так тепло вспоминать, но холодно испытывать?

Но шериф был непреклонен. Он держал руку Сола в своем кулаке, не давая стать этому касанию последним между

ними. Джон пытался понять, как из дружеского разговора их встреча превратилась в раскрытие тайны, кажущейся тайной всей их жизни.

– Хватит сидеть и ничего не говорить, Джон! Ты ведь знаешь, ты только убиваешь меня, почему всем так сложно сказать правду, чего все постоянно скрывают? О чем все пытаются не говорить, но всегда пользуются этим? Почему нельзя быть хоть капельку честнее, Джон, разве столько лет, сколько мы знаем друг друга, разве они не имеют значения? О боже, Джон, не молчи!

Сол изливался слезами и не мог оторвать кулака от Джона.

– Ты не знал их. Не знал, какими они были, не можешь знать. – вдруг тихо начал Донлон.

– Ты сбил их, да? Ты сделал это, так ведь? – Планк не мог и поднять головы, не мог теперь смотреть в глаза шерифу.

– Они были...

– Неважно какими, черт побери, они были, Джон! Они были моими родными, а ты убил их! Беспощадно расправился с ними, ты ведь не мог просто врезаться в них! На таком шоссе так жестоко не врезаются!

И опять (*такое душераздирающее!*) молчание. И опять (*такое постоянное!*) тиканье часов. Минутная стрелка вечно догоняет часовую, но они никак не сойдутся воедино.

– Ты не человек, Джон! Ты никогда не заслуживал должность шерифа, тебе просто повезло, все в твоей жизни получено обманом и несчастьем других людей.

И оба в кабинете сходят с ума, и оба не понимают, что будет дальше.

– А-а! Что в твоей голове, Джон! Что в моей голове!? Как я мог не понять, что ты такой мерзавец.

Хватка Джона ослабла, и Сол выхватил руку и вновь нанес удар, ровно в то же место. Затем еще один, потом еще, и еще. Он не мог остановиться, но в душе понимал, что его удары ничего не значат.

И вот, показалось, что Донлон вот-вот скажет что-то, но он лишь сделал вдох и, вырвавшись из-под ударов Сола, встал и подошел к двери. Считая долгом осуществить желание Планка, он выкрикнул:

– Ми-ик! Сворачивай все это безобразие, планы меняются!

С лестницы спустился Бенсон и, вопросительно и непонятливо посмотрев в сторону своего начальника, спросил:

– И что же тебя заставило...

– Без лишних вопросов, Мик. – строго сказал шериф, не желая продолжать разговор, и начал закрывать дверь. – Просто выгони всех, кого мы тут собрали.

Щель между стеной и проходом исчезла, и Джон обратился к Солу:

– В ночь на двадцать седьмое сентября шестьдесят пятого их не стало. Тогда я выполнял задание, и... – его слова резко оборвались.

– И что? Что случилось, Джон? Я должен знать правду,

какая бы она не была, Джон, ты слышишь меня?

Полицейский вздохнул и, поняв, что отступить некуда, да и смысла делать этого не имеет, решил раз и навсегда поставить точку в истории, которую так долго не мог рассказать.

Глава 18

Как ты там говоришь? “Друзья” – вечный вопрос каждого человека! Я свой решил уже давно... Они никогда не окажутся в нужном месте в нужное время, при любой возможности предадут. Или, быть может, это мое неверное представление о них? В любом случае, от них можно ожидать чего угодно.

Из заметок Дж. Донлона

1965

27 СЕНТЯБРЯ

“Поздний вечер так навевает тоску о прошлом...” – подумал Джон, покачиваясь на своем мягком кресле посреди уютной комнаты в снимаемом им отеле.

Через порог к нему переступил Уэбли, до этого искавший что-то в соседней комнате.

– Нигде нет “Психологии убийства и его мотивов”, неужели такой шедевр не может стоять на обычной книжной полке?

– Может, дело в том, что она обычная? – начал рассуждать Джон. – А зачем тебе она?

– Уалфер говорил, что она затягивает.

– Ты веришь его словам? Безумец. Он идиот, и мы все это знаем. Не стоит идти против констеблей, если они уже поддерживают тебя. – посоветовал тому Донлон, читая газету с сигаретой меж зубов.

– Но это произведение, оно в действительности лучшее в своем роде! – воодушевленно воскликнул Рон.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь его не читал, а значит и судить не можешь.

– Но оно не может быть плохим, раз его так тепло приняла публика, верно?

– Искусство субъективно, а значит его нельзя оценивать, можно лишь примерно описать его форму, его очертания, понимаешь?

Уэбли постоял у окна, и не отрывая взгляд от высокой башни с часами, спросил:

– А что самое лучшее в романах, на твой взгляд?

– То, что у каждого они свои, Рон. Знаешь, почему великие произведения читают веками? Потому что они по-прежнему вызывают к нашим чувствам, и не прекращают играть с ними по сей день.

– Интересно. – задумался Уэбли, но не совсем понял мысль напарника. – Как скоро мы получим новое задание?

Зазвенел телефон. Трубка начала дергаться, но до того, как она успела упасть со стола, Джон быстро схватил ее и поднес к уху.

– Кто это?

– Джон, приветствую. Мне сообщили, что ты ночуешь в отеле, но сегодня, боюсь, ночка будет не из самых простых. Твенти-роуд, вам нужно будет перехватить беглеца из Блессуорта, он передвигается на желтом фургоне.

– Желтый фургон? Разве кому-то взбредет в голову ездить на желтом фургоне?

– Это серьезное задание, Донлон. На все про все у вас не больше двух часов, и поторопитесь – те, кто сбегает из Блессуорта, обычно туда не возвращаются.

– Но как нам туда добраться? – спросил Джон, задавшись сразу многими вопросами, касающегося проведением миссии.

– Это уже ваша проблема. Чтобы я вас не выкинул, вы должны привести мне сбежавшего. Живым или мертвым – не имеет значения.

Привычные три гудка.

– Какой же он противный! – пожаловался Джон своему коллеге. – Мы единственные, кто может выполнить это задание, а он нас еще уволить хочет! Совсем не понимает что делает. Ладно, давай собираться, выбора у нас особо-то и нет.

– А что, если мы просто не выполним задание? – предложил Уэбли. – Не вы-пол-ним!

– Тогда он нас точно уволит, Рон. Это невозможно. При всей твоей тяге к свободе и разным идеалам, ты не перестанешь меня удивлять.

– Да неужели? Говорят, это противоречивость характера.

– Нет, Рон, это его изюминка. Все, хватит с меня, я жду тебя в патрульной в течение пяти минут. Не увижу тебя на улице – считай ты упустил возможность получить похвалу.

Рон, еще не успевший снять рубашку, взял куртку и начал надевать ботинки, как послышался стук – это вышел из комнаты Джон. Взяв все необходимое – пистолет, фонарь и нож, Рон отошел в комнату, из которой попал к Донлону, и опять начал рыскать в надежде найти нужное произведение.

– П-п-п. Пс-пс-пси. – проговаривал он, ведя пальцем по корочкам книг. – И почему такого интереснейшего романа нет совершенно нигде? Мир и вправду слетел с катушек.

С этими словами, адресованными себе же, ничего не найдя, он распахнул дверь, и побежал напрямик по коридору к выходу, где за дверью его ждал верный констебль.

– Я нашел это шоссе на картах, если поторопимся, то сможем успеть перехватить угонщиков. Но будь готов стрелять из окна.

– К-конечно; и даже не спрашивай умею ли я стрелять на ходу.

– Я и не собирался. – Джон по-дружески посмотрел в зеркало заднего вида и увидел там отражение взгляда Рона. – Никогда еще не сомневался в твоих способностях.

Уэбли закрыл дверь, и машина рванулась вперед. В противоборстве потоком ветра она преодолевала метр за метром, ловко уезжала за поворот и останавливалась на светофорах. Последнее, к слову, было единственным, что останавливало

их – никакая другая машина не могла перекрыть им путь, потому что еще с давних времен считалось: если едет полицейская машина с маячащими фонарями, то она едет неспоста. Перекрывая своим корпусом любые проезды и выезды, патрульная заставляла останавливаться и удивленно смотреть вслед всех водителей, возле которых она пролетала. Капли ночного дождя градом сыпались на лобовое стекло, но несколько не мешали полисменам. Те маневрировали между стенами домов и людьми, проходящими мимо – наставление догнать сбежавших было беспрекословным. Исполняя различные развороты и аксели, патрульная чуть не заканчивала свой эпохальный вальс, переворачиваясь вверх ногами и не сотрясая землю своим разочаровывающим падением. Однако настойчивость стражей порядка в тот момент, казалось, победила бы даже самое сильное чувство страха. Ничто не могло сломить их победоносный настрой, ведь они знали, что их долг – защищать свой город, и что только они могут справиться с этим призванием безо всяких помех.

С тех пор многое изменилось... Я бы сказал, очень многое. Даже неисчислимо многое. Людям суждено меняться, весь вопрос в том, в какую сторону. Кто-то ищет для себя идеал, кто-то сравнивает себя с другими. А кто-то просто безнадежно тонет в нещадно захватывающей тебя серой массе, которая даже не пытается измениться, не пытается понять тебя! Но ничего, на вас-то я и отыграюсь.

Только-только жизнь моя стала налаживаться, и вы даже не понимаете, что я уже на шаг впереди. Еще одна ошибка, и я буду дальше уже на два. Кто вперед – того черед, хе-хе-хе. Мне так нравится оставлять смех в этих бессмысленных записях. Я знаю, вы уже испугались, так что эти заметки были не зря. Каждое ваше действие, каждая идея уже предугадана и обдуманна. Вы не первооткрыватели, вы лишь пытаетесь стать фиксаторами того, что никто не может доказать. Я приехал в этот городишко совсем не за тем, чтобы вершить судьбы других. Я попросту желал умиротворенной жизни, которую не получил. На все есть объяснения, как говорят радикальные скептики, верно? Но найти объяснение моего столь удачного прибытия я, увы, не могу. Полагаю, так рассудили звезды, Кстати интересно, а что, если звезды умеют мыслить? Как некоторые из нас, из людей. Вы не знаете кто я такой, не знаете когда я пробираться в ваш дом. Не знаете как я открываю этот чертов сундук без ключа, и как я его закрываю, куда пишу эти заметки, зачем начал вырывать листы (ведь раньше я этого не делал, вы заметили?). Холодок пробежал, да? Все я знаю – читая это, вас, скорее всего, от раскрытия дела уже отделяет непроходимый туман, причина которому я. Приятно осознавать, что чьи-то судьбы в твоих руках, сразу чувствуешь себя не таким несущественным. А вам придется потерпеть – страдания, в которых сломаются ваши черепушки, будут необъятны, как и необъятны те поля, в ко-

торые так хочется забежать в юношестве.

Патрульная выехала на прямое шоссе. Как почти на любом шоссе, расположенном рядом с окраиной города и имеющим однозначный номер, на нем не было ни единой души. Полоса на дороге простиралась на многие километры, заканчиваясь где-то на обочине.

– По всей видимости, к нам поедут навстречу. – предположил Джон, смотря на пустующую трассу. – Но кто осмелится протаранить полицейскую машину с включенной мигалкой?

– Разве что очень самоуверенные преступники. И исключительно профессиональные.

– Не думаю, что профессиональные преступники вообще могут попасть в западню, Рон. – захохотал Донлон. – Нам нужно ехать вперед – пока от нас до развилки мало расстояния, угонщикам будет несложно от нас скрыться. На прямой дороге у них этой возможности быть не должно.

Машина уже медленнее стала спускаться по наклонной. Перекачиваясь с одного колеса на другое, они медленно и тактично приближались к центру шоссе. С каждым пройденным знаком с указанием числа в милях до ближайшего города, полицейские внимательно осматривались и пытались уловить каждый звук – будь то карканье вороны или сигнал далеко проезжающей патрульной. Через какое-то время бесповоротного движения Джон сказал:

– Все. Подъедем ближе – и не успеем догнать негодяев.

Они могут успеть проскочить за холм, и тогда нам их больше не видать. – показал он на ближайшую возвышенность, покрытую мокрой травой. -Держи пистолет наготове – какую бы ловушку мы им не подготовили, опытный беженец из любой ситуации найдет... выход.

– Немудрено, что тебя не считают умным. – улыбнулся Уэбли. -Но в мастерстве красноречия тебе невозможно отказать.

– Я настоящий профессионал, так что оставь свое мнение при себе. – полисмен опустил голову и надменно посмотрел на своего напарника. -Мы еще не знаем, кто из нас лучше.

Рон посмотрел в окно, а затем достал из кармана записную книжку.

Он с умным видом посмотрел в нее и спросил, снова отвлекшись к окну:

– Не слышал о пропаже нескольких тонн древесины? Такими темпами наш город превратится из процветающей небольшой империи в забытое всеми захолустье.

– Ты преувеличиваешь. Наш городок пусть и маленький, зато живее всех живых – ежедневно сюда прибывают тысячи новых жителей, сейчас мы переживаем самый настоящий расцвет нашего укромного местечка, это ли не чудо?

– Смотрю на это все, да думаю. Сколько всего разных несчастных людей, пытающихся всего-то найти то, что некоторые ищут всю жизнь. Неужели ради счастья необходимо идти на такие жертвы?

– Скажи-ка мне, Рон: ты счастлив? – Джон впервые так откровенно посмотрел на Рона.

– Даже не знаю... – вздохнул в ответ Уэбли.

– Брось ты! Тебе нет двадцати пяти, я ты уже один из известнейших персон в городе! Какое будущее, какие амбиции! – он провел рукой в воздухе. – А еще столько всего впереди! Конечно ты счастлив!

– Неужели ты можешь судить о степени счастья другого человека, Джон? Ты мне друг, и это бесспорно, но достаточно ли мы близки для этого?

– Ты начинаешь призывать своего внутреннего интроверта. Я открыт тебе, ты открыт мне, в этом нет ничего странного. Скажу тебе по справедливости, я тоже счастлив: у меня есть любящая жена, работа, без которой бы я уже давно спился, и друзья, которые, уверен, помогут мне в любой трудности.

– Всегда ли друзья приходят на помощь, Джон? – наивно спросил Рон, прикусив губу.

– Такие друзья, которые есть у меня – абсолютно всегда. – тот положил руку на плечо товарища и широко раскрыл глаза, будто хотел донести что-то важное. – Именно такие друзья и называются настоящими.

Тут неподалеку послышался клаксон. Он становился все громче и громче, все громче и громче, все громче и громче. Затем стали быть слышны звуки ударяющихся о землю шин, но полисмены никак не реагировали. Они сразу бросили все

разговоры, и принялись делать то, что так хорошо умеют – следовать указаниям: Донлон уверенной хваткой вцепился пальцами в руль, а Уэбли достал из-за пояса новоиспеченный револьвер, с серебряной гравировкой “Beso mortal” на стволе.

Показалось холодное желтое свечение, за ним на полной скорости тащился фургон, готовый уничтожить все на своем пути. Рон чуть не выронил от испуга оружие, и вскрикнул:

– Езжай, езжай, чего же ты ждешь?

Джон повернул руль на сто восемьдесят градусов и нажал на педаль, и автомобиль устремился вперед в противоположном направлении.

За звуками колес слышались звуки сирен, а за ними – еще одна очередь колес.

– А вот это неприятно. – сообщил Джон Рону, пока они пытались не попасть под смертельный желтый грузовичок. – За нами собрался не только ряд других патрульных, но и, по всей видимости, еще одна легковая пассажирская.

– Легковая пассажирская! – воскликнул Уэбли, поглядывая в зеркало.

Это словосочетание, пожалуй, больше всего пугало его. Он помнил, что жизни многих невинных людей забраны именно полицейскими, а не преступниками, поэтому постарался сконцентрироваться еще больше.

– Что ж ты не стреляешь? – спросил Джон, не оглядываясь назад.

– Я не могу попасть по колесам, он слишком близко, нужно дать ему обогнать нас.

Донлон без колебаний снизил скорость, и через пару секунд фургон показался в зоне видимости их обоих. Не успели они рассмотреть его номер, как в лобовое стекло пришло две пули – почти в одно место.

– Что за чертовщина? – со злостью спросил у неба Джон, надеясь провести эту ночь в теплой мягкой постели. – Я на такое не подписывался, я звоню Уалферу.

Одной рукой он взял телефон с антенной и через пару секунд начал:

– Ты куда нас послал? Почему не сказал, что они вооружены, почему не предупредил нас о том, что это настоящие мастера своего дела?

– Хи-хи. – раздалось из трубки. – Разве вам не было достаточно того факта, что они сбежали из Блессурта?

– Пошел к чертям собачьим, Уалфер! – выкрикнул Донлон и, еле заметно повернувшись к коллеге, бросил рацию. – Так, сейчас наша главная задача – выжить, понятно? Стреляй в любой момент, когда будешь уверен в том, что не промахнешься.

Руки обоих дрожали, а обстановка только накалялась. “Ставки повышаются, а игра не перестает удивлять!” – представил Джон реплику комментатора.

Неожиданно для него раздался первый выстрел со стороны блюстителей закона. Фургон начал чуть подпрыгивать, но

не более – Рон попал в одно из колес, что уже было отрадно для преследующих. В голове же у него была только одна мысль: “Легковая пассажирская, легковая пассажирская, легковая...”

Я ждал, когда он расскажет всю правду, всю правду о нас двоих. Никто другой не мог мне рассказать ее честнее, но я все равно поначалу не верил ему, отказывался верить. Безрассудство, одержимость пытаются все время убить нас, но я понял – мы не должны поддаваться им, обязаны бороться с ними.

А что, если не можешь, Сол? Что, если искушение слишком велико, а? Ты когда-то в жизни желал чего-то, что никогда не получил бы? Одна только мысль об этом одурячивает тебя, ты забываешь о всем, о чем думал. Предмет твоих мечт, вот то, что губит тебя. То, чего ты хочешь, по иронии, становится тем, что тебя убивает. Жизнь, она любит пошутить, знаешь? Любит заигрывать с историями, может нечаянно сплести несколько историй в одну. Я не чувствую, как провожу линии, когда пишу это, потому что пишу это не я, за меня пишут мои мысли. В полночь, когда все засыпают, просыпаются они, и начинают подсказывать, обогащать твою душу и давать ей то, чего раньше у нее никогда не было. Ты можешь назвать это безумием, но на деле – это гениальность. Звучит самовлюбленно, но это правда, чистейшая правда, о которой ни от кого другого ты

не узнаешь. Никто не хочет того, чтобы ты был счастлив, Сол, у тебя нет этого человека. Неужели ты не понимаешь то, о чем я пишу? Если твой ответ “нет”, то ты лукавишь, причем очень явно. Задумайся на секунду, могут ли те, ради кого ты готов на все, пойти на все ради тебя? Ты знаешь каково это быть – непонятым. Понимаешь, как иногда хочется поговорить со стеной, возле которой пишешь, потому что это единственный друг, который может молча выслушать тебя? В душе все мы создатели историй, просто у кого-то выходят драмы, а у кого-то комедии.

Из заметок С. Планка из “Дела о Безликой Семерке”

...Пассажирская”. Он уже видел все исходы этой ситуации, подобно искусному детективу, просчитывающему каждое действие преступившего закон, и они его отнюдь не обрадовали. Повелев Джону еще немного снизить скорость, ему удалось попасть еще по одному колесу, но больше – ничего. Два задних колеса отдавали искорками и с неизмеримой скоростью нагревали дорогу, скользя колесами по асфальту. В то же время из-за окна грузовика вылетали очередями пули, несколько из которых на мгновение приближались к полисменам на довольно невеликое расстояние, вплоть до нескольких сантиметров у головы.

– Хватит медлить! – засуетился Донлон и попытался объехать фургон с другой стороны.

В ответ на такую дерзость тот вильнул хвостом и ударил

задней частью нос патрульной.

– Что с ними не так, мать твою!?! – не на шутку испугался полицейский, судорожно возвращая руль в изначальное положение. – Нам нужно подбить им все колеса, чтобы уж точно лишить возможности уклоняться.

– Я не могу попасть по передним двум, пока мы сзади их. – пытаюсь перекричать сигналы и звук обхватывающих уши потоков ветра, выкрикнул Рон. – Все же попытайся сравнить с ними расстояние, нам это необходимо.

Джон молча надавил на педаль еще сильнее, и машина рванулась вперед. По лобовому стеклу проскользило еще три пули, и все они – в разные места. Патрульная двинулась правее, как с другой стороны появилась другая патрульная. Это был отряд других констеблей. Уэбли помахал тем рукой в знак того, что ему не нужна помощь, и сделал предупредительный выстрел. Полицейская машина вмиг отделилась от двух соперничающих автомобилей и дала возможность маневру – Донлон резко повернул руль, и вот уже они были на одном уровне с угонщиками.

– Стреляй! – опять вскрикнул Донлон, отклонившись к спинке кресла.

Его напарник неуверенным движением нажал на курок, и раздался звонкий звук – пуля попала в кузов. Он немедленно еще раз попытался выстрелить, но у него ничего не вышло.

– Что за черт? – начал ругаться Уэбли, не понимая в чем дело, а затем вдруг все по-прежнему с энтузиазмом восклик-

нул. -Ненавижу, когда заканчиваются патроны!

Он перезарядил магазин и выстрелил наперед, надеясь попасть в окно. Выстрелы пришлись почти в нужное место, но были недостаточно точны. А как известно, либо твоя пуля пробивает череп, либо чья-то пуля пробивает череп тебе: из машины опять выглянуло хитрое лицо и еще три оглушительных удара.

Джон почувствовал трудность в управлении, будто одно из колес не поворачивали вместе с остальными. Он, понимая, что шина проколота, глубоко вздохнул, и в его глазах вспыхнула ненависть, самая настоящая, неподдельная.

У одержимости есть два главных двигателя, что управляют всем, чем только можно управлять – любовь и ненависть. Обе они непрерывно ведут человека на свершения того, чего бы с холодной головой он никогда бы не сделал. Они могучим составом сбивали все на своем пути – начиная от все других чувств, заканчивая посторонними людьми. Я понял это тогда, когда нашему делу пришел конец. День проснувшихся улиток, да! Как сейчас помню его, и все произошедшее. Покинуло ли меня чувство вины? Нет, определенно нет. Но сейчас я понимаю, что выбора у меня не было, отчего мои страдания слегка ослабевают. Говоря о том, что все мы должны двигать мир к прогрессу, большинство людей не задумываются, что для прогресса сперва нужно вернуться в начальную точку.

Регресс, Сол. Вы уже перестаете замечать мои действия, будто бы совсем одурачили друг друга. Что ж, у меня есть две версии: либо вы в конце сошли с ума, либо поджидаете нужного момента. Но знаешь, что хуже всего получается у ненормального человека? Ждать, ждать неизвестного. Но разве вам уже нужно чего-то ждать? Вы превратили свою жизнь в мучения, точнее я их в это превратил. Управлять судьбами, Джон говорит? Ну так пусть испробует это на себе, пока валяется в конвульсиях в своем жалком кабинете! Сходить с ума – значит терять все, что только получишь. И гениальность тут не причем, не стройте из себя замученных творцов, вы такими совсем не являетесь. Созидатели, в отличие от вас, полный идей, а вы лишь кучка никчемных идиотов. Думаю, не стоит говорить, что я вас окончательно обыграл. Записки продолжились, а тела – нет. Может, вы очень недооценивали одного из своих знакомых?

Донлон стал медленно обгонять фургон, чтобы занять более удобную для атаки позицию. Вдали он заметил крутой поворот, поэтому решил не медлить и получить преимущество прямо сейчас. В любой перестрелке, к слову, он видел настоящий тактическое соперничество не только точности, но и ума, и пусть даже в этот день сидел за рулем, все равно понимал, что правильное позиционирование – необходимое условие для роковой пули, удачно пронзающей противника.

Он прекрасно знал, что любое лишнее движение, и вот ты уже находишься под траекторией полета такого маленького, но смертоносного снаряда, разрывающим своим попаданием не только плоть, но и душу от осознания того, что все, что ты распланировал на жизнь в одну секунду становится ничем. Она пропивается тебе не в сердце, а в душу, заглядывает туда и открывает все ее секреты, которые начинают испаряться наружу, истощая и самого пораженного. Если дорога не приводит в тупик, значит она не может быть неверной, не так ли? Так и весь путь пули, но самое страшное, когда она проходит насквозь – тут от понимания смерти никуда не убежишь, но оно придет далеко не сразу.

И тут становится не по себе от той мрачной и не поддающейся никакому логическому описанию мысли, что от одной лишь по счастливой воле судьбы выбранной позы, можно избежать того, что все твои труды за мгновение станут бессмысленны. Когда пуля пронзает тело, сначала у тебя горят глаза, ты хочешь сказать все, что ты не сказал за свою крохотную жизнь, а затем все, что осталось в твоей душонок, начинает бесследно пропадать, уходит в глубину, пока ты окончательно не закроешься от мира сего. В последнее время я все больше пишу отчеты, подобно Солу, и, кажется, начинаю сходить с ума – речь моя становится невнятной и нелогичнее, а выводы из суждений стали совсем неочевидными, какими казались мне ранее. То ли я стал

меньше высыпаться, то ли... Почему я не помню, как мне приходилось писать некоторые предложения? Мик говорит, мне надо бы отдохнуть, но я не могу закончить дело. Приостановить – да, закончить нет. Паузы на жизненном пути, как говорил мне один верный (до поры до времени) друг, дают нам время пораскинуть мозгами. Но можно ли верить человеку, предавшему дважды?

Дважды? Ты не рассказывал мне о втором случае, Джон. Неужели ты во второй раз наступил на те же грабли, Донлон? Ах, как мне нравится вести разговоры с самим собой, с самим собой (ты уже чувствуешь, как повторяются слова в твоей голове) – так никто не может даже попробовать навязать тебе свое никому не нужное мнение, цена которому не превышает цены пустых слов.

Из заметок Дж. Донлона из “Дело о Безликой Семерке”

Тем временем, желтый грузовичок выглядел по-прежнему загадочным и опасным – из какой бы позиции не стреляли преступники, пули всегда оказывались либо в колесе, либо отскакивали от стекла, либо застревали в кузове. Донлон пытался оторваться от него, но у него ничего не выходило – тот все время набирал скорость, а когда видел, что не отстает от патрульной, резко снижал ее, что не подставлял свою заднюю часть. Рон производил выстрел за выстрелом, и, несмотря на достаточно точные попадания в капот, он никак не мог пробить металлическое покрытие.

Поворот приближался.

– Нам нужно их обогнать. В любом случае, Джон. – заключил Уэбли, понимая всю сложность ситуации. – Войдем неудачно на поворот – и нам двоим придет конец, так что либо замедляйся, и тогда нам не видать работы, или жми со всех сил на газ.

Донлон зажал руль еще сильнее, и все с той же невероятной силой стукнул по педали и задержал на ней ногу. Вопреки побочным эффектам от проколотой шины, Джон ловко объела пару-тройку машин в соседнем ряду и, почувствовав, наконец, свои движения, проскочил между фургоном и другой машиной вперед первого.

– Отлично! – воскликнул Рон, уже целясь в стекло злоумышленников.

Он около пяти раз нажал на курок, и если первые четыре пули не попали внутрь, то последняя сделала свое дело – она попала точно в проделанное одним из предыдущих выстрелов отверстие, и попало в плечо водителя.

– Так-то! – с детским азартом выкрикнул молодой полисмен. – В стрельбе мне равных нет!

Джон, с желанием подбодрить своего товарища, воскликнул:

– Так держать, друг! Только не смей убивать их.

В памяти Рона отразилась только последняя фраза, и он сразу вспомнил про легковую пассажирскую. В глазах его потемнело, а руки зашатались. Он попробовал сделать еще

несколько выстрелов, но все они – мимо. Страх отвлек его, по своей пессимистичной натуре он снова начал рассматривать только самые пагубные варианты действия. Возможные исходы заставили его замкнуться, он вдруг замолчал и съёжился. В воображении его возникла ужасная *поза* умершего, и он уронил пистолет. Он услышал звук его удара о сиденье и вовремя одумался. Пока тот не скатился на пол, Рон снова взял его и прицелился. И опять (*такая душераздирающая!*) *поза*, силуэт, возникший у него в голове. В этот момент, казалось, все стало против него одного, и все силы судьбы противостояли ему; вся мощь природы его, созданная для того, чтобы помогать человеку, вдруг помешала ему и разорвала все пути для побега. Ударило в голову. Он сопротивлялся, но не мог ничего поделать с недугом. Еще секунду продержав револьвер, он упал в беспамятстве, облокотившись на кресло.

*И почему все те мои герои,
Что к идеалу подойдут,
Рвут мирные свои покои,
И все в беспамятстве падут?*

– Рон! Черт, Рон! – слышалось вокруг.

Уэбли постарался открыть глаза, но у него не получилось

– они вновь захлопнулись и отказывались открываться.

– Рон, нет! Чтоб тебя, Рон! – опять послышался все тот же донельзя знакомый голос.

Уэбли почувствовал землю, и, протерев глаза, сначала открыл левое, а затем и правое око. Сначала он увидел дым, затем бегущего к нему со слезами на глазах Джона.

– Рон, что я натворил, как я мог?

Только очнувшись, тот посмотрел на небо и ничего не увидел – оно было закрыто войсками облаков, солнце еще и не планировало вставать.

– Сколько времени, Джон? – спросил Уэбли первое, о чем он подумал.

– Какое к черту время?! Рон, я не знаю как сказать тебе...

– Что ты сделал, не бойся, говори. – практически спокойно, но все-таки с некоторым напряжением, сказал Рон.

– Нет, я не могу, нет! Эти двое, на легковой...

Тут Уэбли вспомнил все – и желтый фургон, и патрульные, и ту самую легковую пассажирскую. Он молча посмотрел по сторонам, и увидел два лежащих на земле окровавленных тела, и сразу понял что произошло.

– Нет, Донлон, скажи, что я все еще в своем сне, не надо говорить ничего другого.

– Рон, я не хотел убивать их, ты ведь понимаешь?

У другого не было сил вставать. Он еле поднялся на колени и сказал:

– Джон, мне нужно срочно... срочно уходить, уходить из

твоей жизни, я...

– Нет, Рон, почему ты мне не веришь?

Уэбли не мог найти нужных слов – его переполняли чувства и эмоции. Он еще раз посмотрел на трупы, а затем на Джона.

– Донлон, ты не понимаешь, мне нужно бежать.

– Предаешь меня, Уэбли, да? Все я понимаю, Рон, не смей бежать – иначе я заряджу в тебя пулю. – резко сменил тон полисмен.

Рон послушался. Он поднял сперва одну ногу, затем оперся на нее и поднял вторую. Почувствовав стопы, он сделал шаг, и легко устремился куда-то в чащу.

– Нет, Уэбли, что ты делаешь, черт тебя подери! Неужели ты бросишь меня тут, как они поверят мне, что это не я их убил, что это был не я! Ты же веришь мне?

Его напарник обернулся, и, на его обливающимся слезами переживаний лице появилась нотка чувства вины.

– Джон, ты не виноват, я знаю это, прекрасно знаю!, но я не могу больше быть здесь, просто не могу.

– Ты оставляешь меня здесь, по центру этого круга огня? – показал он на вспыхивающие и угасающие потоки огня возле обеих машин. – Ты ведь даже не знаешь, что произошло!

– Джон, мне не надо знать этого, не делай мне еще хуже. Я... я просто должен...

– Нет, твою мать, я не дам тебе сбежать! – свирепо проорчал полицейский, достав пистолет из-за пояса. – Ты не из-

бежишь наказания!

– Джон, пойми, все намного труднее, чем ты думаешь. Я бегу не из-за того, что боюсь засесть за решетку, а потому что... ах, тебе не понять!

– Мы ведь были друзьями, самыми настоящими, как я могу не понять тебя?

– В том-то и проблема, что ты мне друг.

– Это не может быть проблемой, Рон, ничто не может разлучить нас, мы много лет работали вместе, и тут – такое. Знаешь, в этом, пожалуй, виноват больше ты, чем я.

– Ч-что? – с наивно раскрытыми от удивления глазами вымолвил Уэбли. – Как я? У меня случилась паническая...

– Атака, и бла-бла-бла! Я не желаю слышать этого, Рон! Кто не выстрелил, когда нужно было, кого я доставал из горящей машины, кто подкосил меня в ту секунду?

Молодой страж порядка зарыдал и отвернулся. Он бросил револьвер на землю и побежал к ряду деревьев, уходящим глубоко в бор.

Джон, по своему предупреждению, взял в руки кольт, хорошо прицелился в спину второго, и нажал на курок.

Услышав щелчок, Рон не стал уклоняться – он отдал свою жизнь воле судьбы. Но ничего не произошло – опять (*такое душераздирающее!*) явление пустого магазина. Джон, смотря на отбивающие по булыжнику сапоги Рона, не стал перезаряжать пистолет. Он смотрел, как Уэбли продолжал бежать и все надеялся, что тот вот-вот остановится, одумается. Но

его надежды были напрасны – тот скрылся за густыми деревьями, и больше не появлялся в поле зрения Джона еще долгие годы.

Донлон, за секунду потеряв веру во все светлое, подошел к мертвецам и перевернул их обоих ногой. “Не хочу видеть их морщинистые жалкие лица”. – подумал он. Джон достал из кармана какой-то документ и прочитал: “Джереми Планк”. Затем он перевернул страницу и увидел “Кейтлин Планк”. Еще пару секунд простояв без памяти о том, чем он занимается, он, в конце концов, отошел от несчастных к машине. Он сел на водительское кресло, и стал ждать. Непонятно чего, непонятно зачем, но стал ждать. “Я не могу оставить их пропавшими без вести. Нужно, чтобы все люди знали, какой ценой мы спасаем других людей от всех этих мерзавцев, обкрадывающих весь город”. – он из окна посмотрел в другую сторону, и увидел вторую пару трупов. Оба они лежали друг на друге рядом с желтым фургончиком, пока сзади все продолжали обшаривать отряды блюстителей закона.

– Езжайте, сэр Донлон. Мы не станем обвинять вас в убийстве, нет никаких тому доказательств. А эти двое преступников – полностью ваша работа, Джон. Все выглядит именно так, как вами и задумывались, верно? – подмигнул будущему шерифу один из констеблей.

Джон лишь улыбнулся и тепло положил руку на покрывало на соседнем кресле. Саркастично помахав рукой, он поехал вперед, не оглядываясь по сторонам – все ему ста-

ло здесь противно и далеко, и только одно невинное, чистосердечное и простодушное осталось после произошедшего – под покрывалом засмеялся ребенок.

– И что ты нашел во всем этом смешным? – устав от этой безжалостной жизни, спросил он как сам у себя.

Хохот не прекращался. Из-под одеяла стали выглядывать маленькие ручки, а затем выглянуло пухлое лицо.

– Сол, назовем тебя именно так, малыш. Другое имя тебе давать было бы настоящим грехом, которых у меня и без того, пожалуй, накопилось немало. Пора бы платить по долгам. – он поднял уголки рта и продолжил следить за дорогой. – Сол Планк, тебя ждет очень необычная жизнь! Очень необычная!

Глава 19

1 ИЮЛЯ

Полицейский участок. Сол и Джон в кабинете второго.

– Зачем ты спас меня!? – вскричал Сол после рассказа Джона. – Разве не было понятно, что моя жизнь обречена на несчастье? Ты убил их, оступившись, оступившись! Ты совсем не ценишь чужие жизни, Джон!

Планк не переставал рыдать и продолжал бить по плечу Донлона.

– Убил их, даже не почувствовав вкус вины!

– Я заботился о тебе, а ты так поступаешь со мной? – возмутился шериф.

– Как? Теперь я знаю, что если бы не ты, то я бы сейчас находился совсем в другом месте, и точно уж не в этом проклятом городе!

– Мы оба не можем это утверждать, Сол.

– Нет, Джон! Ты скотина, просто ужаснейший человек! – сквозь слезы пытался сказать Планк, продолжая наносить удар за ударом, каждый из которых был все слабее и слабее предыдущего.

– Рон боялся того, что случиться с пассажирской машиной, но почему?

– Сол, это не имеет отно...

– Джон, это очень важно! У Рона были какие-то воспоминания, он не мог просто так начать бояться, его что-то очень тревожило, что-то очень близкое. – Сол попытался прекратить выть и сказать что-то чуть более разборчиво.

Донлон около десяти секунд помолчал, а затем, решив, что уже ничто не остановит пыл его юного друга, признался:

– Его жену убили так же, констебли. Я не хотел это говорить... он, он был мне самым близким другом, я не мог, нет!

Планк вдруг проникся судьбой совершенно незнакомого ему человека. Он прочувствовал каждое переживание в душе Уэбли, которого он совсем не знал.

– И все-таки, зачем ты взял меня? Боялся, что это может стать решающей деталью в твоём деле? Ты ведь ко всему относишься лишь как к части какого-нибудь расследования, разве не так? Разве не ты видишь во всех нас лишь марионеток, с которыми ты ловко управляешься?

– Сол, хватит винить меня! – рассердился Джон. -Хватит осуждать меня во всех убийствах, во всех бедах, во всех преступлениях! Смерть твоих родителей была предписана тебе, ты еще не понял?

– Предписаний не существует! – поспорил Планк. -Если бы они существовали, то получали бы мы удовольствие от жизни, сэр? – он резко почему-то почувствовал себя ниже своего собеседника.

– Да кого это уже волнует? – он бросил сигарету в урну и

замолчал. -Кажется, ты спросил, почему я спас тебя?

Сол сел рядом с Донлоном, положил руку к нему на колено и посмотрел тому в глаза. Джон, сделав глубокий вздох, начал:

– У меня никогда не было человека, которого бы я мог полюбить. У меня была жена, но я не любил ее. Совсем не любил. Планк, может я и бездушная тварь, но все мои убийства, чего уж там скрывать, оправданны.

– Да разве убийства можно оправдать? Убийства невинных людей! – слезы прекратились, но теперь на влажном лице Сола горело желание узнать правду.

– Все, кого я убивал, были какими-то не такими, какими-то...

– Какими, Джон? Ты серьезно пытаешься оправдать убийство своей жены! А откуда я могу знать, что я не стану твоей следующей жертвой, Донлон!? – чувство превосходство вернулось к нему.

– Я не могу вновь позволить себе любить, потому что чуть не полюбил ее. Я знаю, что значит потерять человека, и что любовь – это сплошная боль, поэтому просто послушай меня. – спокойным голосом попросил шериф.

– Нет! Ты не знаешь, что значит потерять человека, с которым твоя жизнь могла бы стать лучше в разы! – воскликнул Планк и тут же выбежал из участка.

Ему навстречу неспешно шли Луна и Джефферсон. Он растолкал их в разные стороны и побежал дальше, куда-то

на холмы.

“Я ему еще покажу, еще покажу! Думает, что может управлять моей жизнью, думает, что все его проказы останутся незамеченными. Ну уж нет, Джон, тебе я этого не прощу, совсем не прощу”. – думал он со злостью, пока его уши обвивали струи ветра.

– Ненавижу! – сам того не ожидая, внезапно выкрикнул он, и будто отпустил часть своей души. – Лучше бы он никогда не попался в моей жизни, этот проклятый шериф нашего городка!

Как много тогда хотела вырваться наружу Сола, чего только еще он не рассказал миру!

– Он никогда не думал о других, и никогда не будет! Даже не подумал, будет ли моя жизнь счастливой после всего того, что со мной произошло! Никто не думает о других, все так далеки друг от друга. Никто не хочет выслушивать другого, каждый только и делает, что болтает о себе да о своих проблемах. Почему никто не может даже сделать вид, что ему небезразлично все это? Я далек от всех, и все далеки от меня. Каждый... *одержим*, да!, *одержим* собой! По-другому я не могу сказать – именно это слово описывает все равнодушие окружающих тебя людей. Ни Джон, ни Паркинсоны не хотят слушать мои мысли, идеи, они просто бегают за мной! – рассуждал вслух Сол, поднимаясь по крутому холму.

Он пнул камень, и тот, наверняка пробыв в неподвижном состоянии немало времени, покатился по склону.

– Пора начать новую жизнь. – решил он и посмотрел на остановившийся у самого подножия песчаник.

Он хотел ринуться вперед, но не мог – его желание угасло, и он сел на зелень, распрямив колени. Не зная что делать и не ведая того, как ему действовать, он, выбрав путь смирения, крепко заснул.

Его разбудил чей-то шаг поблизости. Услышав шелест травинок, он моментально открыл глаза, и увидел чьи-то белые туфельки. Он не припомнил ни одного человека, который мог бы носить их. Он не стал смотреть на подошедшую фигуру, а сначала окинул взглядом небо. На том сияло всплывающее из-за горизонта солнце, а вокруг него расходились облака. Он почувствовал множество капель на руке, и понял – он проспал тут больше, чем ожидал.

– Проснулся, Сол. Я не стала тревожить тебя, когда увидела тебя здесь. Когда-то и я убежала сюда, чтобы уединиться. Прекрасный вид, не правда? – спросил у него до боли знакомый милый голос.

Планк посмотрел наверх: глаза его дошли до черной юбки, затем прицепились к такой же темной блузке, и, быстро пробежав вдоль шеи, только по лицу он узнал в силуэте свою приятельницу.

– Луна! – вдохновенно воскликнул он. -Что ты тут...

– Не стоит слов, Сол. – она тихонько села рядом с ним, не боясь запачкаться. – Нам нужно поговорить, ты и сам это знаешь.

Планк посмотрел в глаза говорящей. Она продолжила:

– Мы оба жертвы той несправедливости, которая пытается погубить наши судьбы.

– Что ты имеешь в виду? – не думая, спросил Сол.

– У тебя умерли родители, а у меня... думаешь, у меня все лучше? Они вечно пребывают на съемках, этих изнуряющих и не дающих покоя съемках. Они поглощены работой, навещают нас с Джеффом всего пару раз в месяц! Я понимаю тебя как никто другой, поверь мне, Сол. – она хотела коснуться его щеки, но осторожно остановила руку.

– И о чем ты хочешь поговорить? – не сопротивляясь, но и не с энтузиазмом, спросил юноша.

– О том, о чем до этого ты не осмеливался говорить. – она улыбнулась и крепко взяла его чуть дрожащую руку. – Я читала все твои записи, от первой страницы до той, что ты написал несколько дней назад.

– Что? Когда ты это делаешь, и... делаешь ли ты это в одно время? – озаботившись деталями происходящего, суетливо задал вопрос Планк.

– Не волнуйся, я не вижу в этом ничего необычного. Я каждый вечер поднимаюсь на чердак с надеждой, что сегодня ты написал что-то. Я подумала, что если вы не хотите допустить, чтобы я оказалась в опасности, то лучше после-

дую вашему совету, и буду узнавать о всех событиях из твоих отчетов.

– Но я не против того, чтобы ты была в опас... А-а, неважно. – он сбился с мысли и замолчал.

– Сол, ты не хочешь говорить со мной? – наивно предположила Луна.

– Почему ты так решила? Вовсе нет, я совсем не против...

– Так начни! Дай своей душе выплеснуть то, что так долго ее отравляло.

– Но разве я могу поступать так с человеком, которого я совсем не зна...

– Ты ошибаешься, Сол. Ты знаешь меня куда больше, чем думаешь. И к тому же – кто может выслушать тебя, если не я?

Планк не мог спорить сам с собой. Он, отдавшись слову сердца, принял флаг, отданный Луной:

– Я так больше не могу – все вокруг начинают ненавидеть меня, сходить с ума. Мне самому порой кажется, что я не могу мыслить здраво. Джефф сказал, что слышит по ночам шаги.

– Я их тоже слышу. – нечаянно перебила Паркинсон с удивительной беззаботностью. – Но в последнее время они исчезли.

– И не сказала мне раньше? – с укором воскликнул Сол.

– Я не хотела тревожить тебя, но мне было очень, очень-очень страшно. Ты не представляешь себе...

– Представляю, Луна! Представляю, каково это жить,

зная, что тот единственный, кто кажется тебе...

– близким,...

– находится в...

– опасности...

Они, сами не ожидая, что продолжат мысли друг друга, удивленно посмотрели друг на друга.

– Мы испытывали одни и те же чувства на протяжении всего этого времени! – озарило Сола. – Но почему мы не замечали этого?

– Потому что были сосредоточены, слишком погружены в свои собственные размышления, Сол. Я говорю это, потому что те чувства, что мы испытывали, совсем не обыкновенные, и я понимаю это. Чувствую, что между нами...

– Нет. – опустил голову другой. – Я ведь не могу так, Луна. Что же ты делаешь?

Та еще крепче сжала руку второго.

– Почему не можешь? Мы оба знаем, что мы нужны друг другу, неужели ты откажешься от этого? – сказала она, будто сразу вкладывая это в мозг Планка.

Тот не мог ничего поделать. Он, доверившись чутью, сказал:

– Я не хочу видеть тебя, замертво лежащей на земле. – признался он. – И не хочу знать, что если это произойдет, то только из-за меня.

– Но разве не лучше вести красочную жизнь, чем вечно

дожидаться, когда наступит время? Жизнь слишком коротка, чтобы искать в ней потайной смысл – просто делай то, что хочешь: будь собой, не отказывай себе ни в чем, считай себя единственным на свете и веди себя так, словно никто не может тебе ничего сказать.

– Это неправильно, я не могу так, понимаешь?

– Правильно, Сол! Что тебе мешало взять расследование в свои руки, почему сейчас им занимаешься не ты, а эти два полисмена, которые воспользовались тобой, и потом заберут всю награду себе? Тебе мешал сам ты, и ты это понимаешь. Ты не уверен в своих действиях, потому что ищешь одобрения от других. Одобрение – плод зависти, который очень сладок на вкус, но на деле совсем горек.

– Но откуда ты знаешь это?

– Чувствую сердцем. – захихикала она. -Ну а как же еще детективы распознают настоящих преступников, а?

Она слегка толкнула его плечом в бок и положила голову на его руку.

– Ну так что, начнем нашу собственную историю? – протянув руку, спросила Луна.

Ни о чем не задумываясь, Сол невольно согласился. Он снова посмотрел в ее голубые глаза и теперь уж точно не мог отказать – его охватило вдохновение, и, поглядев на возвышающееся солнце, понял – это было то, что он искал так долго.

Лучи уже почти не доходили до земли, и солнце вот-вот

должно было спрятаться за другую сторону планеты.

– Джон тоже пишет отчеты, и мне кажется, что он тоже сходит с ума.

– Почему “тоже”?

– Ты не видела те странные записи?

– Видела-видела, но ты ведь не думаешь, что это ты их пишешь? Если честно, я думаю, что их оставляет тот, кто пробирается по ночам в дом.

– Тогда кто писал их последние четыре дня? В эти дни шагов не было, и ты это знаешь. Я ничего не помню, ни что я писал предыдущим днем, ни что тогда произошло. Я и вправду начинаю сходиться с ума, все вокруг только и говорят, что я замешан на одной лишь идее раскрыть это дело.

– Но это ведь не так, Сол! Ты ведь почти не думаешь о...

– Так выглядит, что я не думаю. Каждый день я собираюсь с мыслями и пытаюсь рассуждать с самим с собой о своих поступках, понимаешь насколько я свихнулся? Говорю сам с собой, и даже не помню этого! Я просыпаюсь в неведении кто я, с чувством того, что вчерашний день я провел впустую, и уже с самого утра я опустошен этой навязчивой мыслью. Ты не понимаешь, что происходит в моей голове, когда я день за днем не ведаю, что творю, и в чем моя цель, ради чего я делаю все это?

– Я понимаю тебя, Сол. Всю свою жизнь я живу подобно твоему, и чувствую, что никому не нужна. Я не знаю, почему нахожусь сейчас тут, когда могла находиться в любом другом

месте. Неужели это определено судьбой и мне не суждено изменить все? Я не ощущаю время, которое я потратила на раздумья какую бы книгу почитать, но это не значит, что оно невелико. Думаешь, я с пользой потратила времени больше, чем ты?

– Вопрос не в этом, Луна!

– А в чем тогда? Люди вечно не добиваются целей, потому что им не хватает времени! Они идут к ней годами, а потом останавливаются, и то убегает от них. В конечном счете и человек, и цель остановятся, но когда это сделает вторая, будет уже слишком поздно. У тебя есть все, чтобы не заканчивать расследование. И ты должен воспользоваться шансом, данным тебе жизнью. Джону такая возможность выпала только сейчас, и он ей по-настоящему дорожит, для него это дело всей жизни. А для тебя – это всего маленькая шалость, которой ты и полгода не посвятишь. Напомни, ради чего ты затеял все это? Богатств! Ради богатств ты начал расследовать дело. В твоей голове мысль о славе привела тебя к мысли о преступлении, а она, в свою очередь, вывела тебя на Семерку. Но скажи мне, ради чего ты занимаешься этим сейчас, когда цена ошибки возросла в разы? Ты можешь сказать, что ради чести нашего города и жизни тысяч людей, но совершишь. Ты почувствовал вдохновение, но потом оно угасло. А людям всегда нужно то, что будет их вдохновлять, понимаешь? Ты же потерял страсть к жизни, ты вдохновлялся ради вдохновения. Тебя заставляло жить дело о Безликих, чтобы дать

тебе раскрыть дело о Безликих, это просто невозможно. Рано или поздно это должно было случиться – тебя переставало интересовать как само расследование, так и все твои записи, и ты начал искать выход. Знаешь, если в своей жизни ты не знаешь ответ на вопрос, его знает кто-то другой. Это может быть любой посторонний, а может быть бесконечно близкий человек. Но как бы там ни было, ни одна встреча в жизни не случайна.

– Я, конечно, не фаталист, но полагать, что и наша с тобой встреча не случайна, мне нравится.

– И мне тоже. – улыбнулась Луна. – Так что не падай духом и возвращайся к Джону – он как никто другой знает тебя, ведь провел с тобой почти всю твою жизнь.

Сол ничего не ответил. Он поднялся на ноги и, не до конца понимая, кому адресован этот вопрос – Луне или небу – спросил:

– А что будет с Джеффом?

– Ну... Ты ведь не оставишь его одного?

– Не знаю. Я стал замечать, что наши пути расходятся...

– А возможно ты просто ошибаешься. Дороги не могут сойтись воедино без острого соприкосновения, не так ли? Может быть это только исток ваших схожих взглядов на мир. А хотя... разве схожие взгляды на мир заставляют дорожить? – не дав договорить Солу, вздохнула Паркинсон.

– Тут я ошибаться не могу. Я знаю вкус этого мгновенья, когда ты понимаешь, что больше не можешь быть так близок

к другому человеку, как ранее.

– Ты еще слишком молод, Сол! – вновь рассмеялась Луна и, тоже встав с влажной почвы, положила руку на шею юноши. – Как и я! Так... что мы будем делать дальше?

Этот вопрос когда-то давно изрядно потрепал Планка, но в этот раз он с чистой душой ответил, впервые так легко и искренне:

– Что повелит судьба.

Они оба восхищенно окинули взором все поле и с счастливым взглядом в будущее пошли восвояси – в то место, где их никто не ждет, но которое подарило им лучшее время в жизни.

В конец с ума сошел! Ведь теперь я знаю, какой удар будет самым болезненным, знаю, что вызовет у тебя непременно чувство вины. Ты об этом еще пожалеешь, очень сильно пожалеешь. И опять слова повторяются у тебя в голове, и опять, и опять! Ты знаешь, что не закончишь дело, Сол, что ты делаешь? У тебя не останется ничего, просто прислушайся: Н-И-Ч-Е-Г-О. Ты убьешь себя сам, но моему другу ты еще нужен. Он что-то нашел в тебе, он хочет приобщить тебя к своим грандиозным планам. “Говоришь загадками, говоришь загадками!” – он все время нашептывает мне, и говорит, чтобы я писал все, что говорит он. И я тут всего лишь связующее звено, но зато такое важное и загадочное! Как не прийти в восторг от моего явления, не

правда ли?

Из “Дела о Безликой Предавших-Семерке Идиотах”

Дверь в участок распахнулась, и внутрь забежал Сол, а за ним – Луна. Они пробежали мимо констеблей и проскользнули в кабинет шерифа.

– Джон, я был неправ. – начал Сол, открыв дверь.

Но в комнате никого не было. На столе лишь лежала записка: “Отель Грасиас. В десяти часах езды”.

– Он решил закончить дело сам. – переглянулись друзья.

– Мы должны ехать за ним. – твердил Сол.

– Он вернется уже завтра, вместе с этой чертовкой Уилтерс. Он не может взять и допросить ее в гостинице.

– Это не мешало ему допрашивать всех остальных. Надо срочно ему позвонить. Но как?

Планк начал искать глазами рацию или телефонную трубку, и, увидя на столе белый телефон, без раздумий схватил его:

– Один-семь-ноль-два-три-пять-семь... Алло?

Послышался писк рации где-то в этой же комнате. Луна открыла нижний ящик в тумбе и увидела лежащий в ней аппарат с мигающей антенной.

– Он не взял ничего, ничего кроме... – Сол начал рыскать по всему кабинету в поисках чего-то неизвестного.

Посмотрев на каждой полке и в каждой коробке, он, не увидя того, что искал, с облегчением сказал:

– Пистолета. Его он взять не забыл.

– Мне кажется, все остальное он вовсе не забыл. Даже наоборот – прекрасно помнил о каждом предмете, с которого до него можно достучаться. Он знал, что ты вернешься.

– Какой же я дурак! – разозлился Сол.

– Нет, Планк. Еще не поздно все изменить, но ехать за ним – полное сумасшествие. Нужно узнать где Бенсон. Вряд ли он взял его туда – думаю, он хотел побыть один.

Но им было не видать спокойствия и после того, как они проверят все отделение – сделав это, они не только убедились в том, что их выводы о Мике неверны, но и в том, что теперь у них стало только больше вопросов.

– Получается, нет ни Мика, ни Джона. Отлично! – подытожил авантюрный детектив, расхаживая вдоль стены. – Погоди, а где тогда Джефф?

– Мы вместе зашли сюда с ним, и затем, увидев тихо сидевшего шерифа решили не тревожить его и тут же вышли; затем он свернул куда-то на повороте по направлению к нашему дому, а я еще несколько часов расхаживала, чтобы найти тебя.

– Сейчас же бежим в дом, сейчас же!

Они вдвоем ринулись из здания к своему товарищу, о судьбе которого они могли только догадываться. Начали появляться устрашающие мысли, роющих в голове у обоих бесконечный тоннель, и странные видения. План пытался избавиться от них, но ничего не получалось.

Добравшись, они открыли дверь, и в доме показалось удивительно тихо. Все лампы, стулья, столы – все отдавало какой-то необъяснимой мрачностью. Повсюду темнота. Она захватывала и заглатывала в свою бездну все, что могла. Сол хотел было включить свет, как перед вошедшими показался револьвер. Планк отпрянул в сторону, и услышал:

– Тише, тише, глупые влюбленные! Не хватало еще, чтобы кто-то услышал, как с вами жестоко расправляются. Джон уехал, как жаль. Некому теперь прийти на помощь и спасти вас. Знаете, что отличает хищника от жертвы?... Умение ждать, ничего более.

Они даже не могли понять, с какой стороны доносится до них этот голос, он было словно вездесущ.

– Пришел час расплаты, и расплата эта будет безумно горька.

Произошел выстрел. Луна сделала кувырок за стену, и спряталась за углом, пока Планк слепо пытался нащупать руками источник звука. Голос размножился эхом и стал удаляться в темную пучину. Сол вел рукой по стене, пока не наткнулся на выключатель света. Он невольно нажал на него, и вся комната залилась светом. Планк взял кольт, но было поздно – никого в комнате видно уже не было.

– Сбежал! – выкрикнул Планк и, поднявшись на второй этаж, забежал в комнату Джефферсона.

В ней лишь скрипело настежь открытое окно.

– Черт! Луна, нам нужно искать Джеффа, его тут нет.

Паркинсон открыла входную дверь, как перед ней появился ее брат. Он, одетый в черный плащ, держал револьвер в руках и был готов стрелять. Выбежавший с лестницы Планк чуть не споткнулся о последнюю ступеньку, и явно не ожидал такой встречи.

– Категорически приветствую. – холодно сказал Джефф, переступая через порог и параллельно закрывая дверь. – Не ожидали, верно? Все произошло так быстро! Жаль, что он не убил вас.

– Что? О чем ты говоришь, Джефф? – спросила у того Луна. – Ты теперь...

– Это именно то, о чем вы подумали. Я подумал: “Раз никто из добросовестных расследователей не хочет работать слаженно, отчего у них ни черта не получается, то почему бы мне не застать их врасплох”. Вот я и здесь. На самом деле, я подумывал об этом намного раньше, можно сказать, почти с самого начала, когда со мной обходились как с подопытным.

– Но никто ведь не...

– Хватит, Сол. Как бы там ни было: были ли несправедливы вы ко мне, или же я просто сильнее желаю богатств, все равно из нас живым уйдет лишь один. Может, конечно, это произойдет и не сейчас, но, как в финале любой истории, нас ждет горькая кульминация.

Планк взял пистолет.

– Брось оружие. – одной рукой придержал он своего, пожалуй, прежнего друга.

– Не буду. – на Джеффа не подействовал и поднятый к его лицу револьвер. – Теперь мы отстаиваем противоположные интересы, и как же все-таки это метафорично! Вот теперь-то наши жизни стали поистине интересными!

– Джефф, ты сошел с ума! – воскликнула из угла Луна, в дрожащих руках тоже держа пистолет. – Ты не понимаешь, что делаешь! Просто стираешь все, что было между всеми нами!

– Все это было ложью! Пусть и сладкой, но ложью. Когда ты начал заниматься делом, Сол, я, наконец, открыл для себя твое истинное лицо – эгоистичное и самовлюбленное. Не думая ни о ком, ты продолжал делать то, что тебе нравится, не обращая внимания ни на кого и ни на что. Каково это быть обычной испытуемой крысой, за счет которой ты добиваешься таких успехов!? Только я знаю ответ. Все время насмехался надо мной, не давал возможности почувствовать то же, что чувствовал ты.

– О чем ты говоришь? Я не понимаю, как ты мог обратить все в...

– Я говорю правду, Сол! Никому из нас троих терять нечего – мы не ценим никого, и никто не ценит нас. Мы все бездушные смертники, Планк. Так что не лучше ли покончить со всем сейчас?

– Закрой рот, Джефф! Как ты можешь говорить такое о нем? Он ведь не сделал тебе...

– Вот именно – он ничего не сделал для меня: не отдал

того, что дал ему я. Но пришло время оплаты по счетам.

Луна и Сол переглянулись, и по взгляду друг друга поняли, что пора попробовать осуществить побег. Первая, все еще прячась в углу, выстрелила в пол, чем оглушила ничего не подозревающего брата, сама выбежала из комнаты и вырвалась за дверь. За ней, пытаясь не смотреть назад, впопыхах помчался и Планк.

Он малость споткнулся о порог, но успел перешагнуть и толкнул дверь назад. Ударил еще один выстрел, но в этот раз пуля пролетела над головой Сола и приземлилась где-то далеко на дороге. Выбежавший под палящее солнце, он попытался разглядеть что-то, но в глазах его был полный мрак. Затем стали немного различаться очертания деревьев, и тут он посмотрел вверх – на небо. Последнее, что он увидел – это убегающую в неизвестность Луну, после чего его сразу же ударило что-то по голове, и он упал без сознания.

И эти звездочки средь текста,
Что части его дробью бьют,
Там расположены лишь к месту,
И часто тайну создают.

Послышался стук биты о чью-то руку. Затем произошел удар, и Планк очнулся от его разлившегося по всей комнате

грома.

– Как же приятно осознавать, что сейчас наступит месть! – вышел из тени Джефферсон.

– Джефф, что ты задумал? – мгновенно пришел в себя Сол.

– Показать, что я чего-то да стою. – он поднял подбородок и закинул оружие на плечо.

Он повернулся к Планку спиной и дважды топнул ногой. За это время Сол попытался выдернуть руки из скрепляющих их с ручками стула ремешков, но у него ничего не вышло. Он посмотрел на единственную лампу и оглядел все серые стены.

Паркинсон опять развернулся и на его хитром лице появилась улыбка. Сол по привычке хотел взять пистолет, но за поясом его не оказалось.

– Ты наверняка ищешь это. – Джефф подкатил к ногам того револьвер. – Можешь думать, что я спятил, но я-то знаю, что я в любом случае буду прав. Думаешь каково это – день за днем убеждаться в том, что ты второстепенен и тебя никто не замечает, даже не пытается найти в тебе каплю потенциала, которыми ты преисполнен! Когда с каждым днем ты только больше и больше разбираешься в этой проклятой чертовщине, в которой никто не думает о других. Я так больше не могу, Сол.

– Почему бы тебе не спросить Джона? – до последнего не желая задавать этот вопрос, все же спросил Планк.

– М-м... Перекладывать вину на других – это в твоём вкусе. Ищешь крайнего, пытаешься избежать ответственности, да? Знаешь, что привело тебя сюда? Твое самолюбие и эгоизм, Сол. А сейчас пришло время расплаты. Можешь сказать свое последнее слово, и обещаю, я буду помнить о твоей смерти до последнего дня. А, вспомнил! Как же я могу не познакомить тебя с местом твоей смерти, верно? Может, у тебя есть предположения?

Планк молчал.

– Знаешь, почему я растягиваю этот момент? Потому что с друзьями нельзя прощаться быстро, нужно прочувствовать каждую деталь этого прощания, остановиться в ней на точной ноте. Знаешь, можешь не переживать – говорят, квантовое бессмертие возможно. Это когда ты умираешь, а затем начинаешь жить жизнью одной из бесконечных твоих версий в других вселенных. Так что, может ты даже станешь тому первым подтверждением.

– Что за чушь ты несешь? Освободи меня сейчас же!

– Ты, видимо, не понял, что я серьезен как никогда. Последнее слово, Сол. Мне уже не терпится совершить задуманное.

– В чем смысл моей жертвы? – спросил Планк, пытаясь оторвать руки от стула. – Мы никогда не задумывались о том, что это может обидеть тебя, что...

– Это не обида, Сол. Это понимание бытия и восстание, которое начнется с твоей смерти. Я бы мог сделать это с по-

мощью легкого выстрела, но тогда цена этого убийства не будет ощущаться в полной мере. Все, мне надоело ждать. – он резко замахнулся и ударил Сола битой по лицу.

На пол хлынули брызги крови. Планк заревел и стал судорожно трясти руками с еще большей надеждой на спасение. Второй удар – и на лице показалось рассечение.

Посреди возгласов Сола в дверь пробился тонкий луч света. Затем еще один, еще. Пронесся третий удар, и все замолкло – Планк от беспамятства, а Джефф от рокового испуга. Звон за звоном разносились на весь дом, вселяя веру на счастливый исход в Сола. Когда, в конце концов, послышался характерный “бряк”, дверь медленно, но оттого не менее неожиданно распахнулась. За нею показалась Луна, уверенно держащая револьвер. Она с некоторым удивлением качнула головой и сказала:

– Оказывается, замок здесь и не такой уж прочный, как я думала.

После этого, увидев лежащего на кресле Сола, она уверенно сделала два выстрела – один попал ровно в ручку биты, отчего та молниеносно выпала из рук Джефферсона, а второй промчался мимо.

– Что ты сделал с ним, ублюдок? – ее настроение моментально переменялось – она разразилась громким возгласом, и пригрозив пистолетом обидчику ее друга, аккуратно подняла биту с пола. – Если он мертв, то тебе конец. Сол, очнись! Сол, что с тобой!?

Паркинсон хотел было уже напасть на свою сестру, но та выпустила еще две пули – одна из которых вонзилась тому точно в ногу. Он с криком упал на пол и стал визжать.

– Вечно ты не в то время не в том месте! Узнала, чертовка, что я заперся в проклятом подвале, знала ведь, что никакого другого места я бы не выбрал!

– Я всегда знала, что ты ненормальный. Никогда не показываешь свои чувства, потому что боишься быть непонятым, что *твое* настоящее нутро вскрыется наружу.

– А-а, чтоб тебя! – продолжал всхлипывать раненый, попытавшийся пронзить сестру мимо кинутым кухонным ножом. – Был бы тут Джон, он бы утащил тебя за решетку!

Но Луна уже не слышала его слов – она была озабочена только мыслью о Планке. О том, жив ли он, и если жив, то насколько страшны его увечья. Тот не подавал никаких признаков жизни, но в душе Паркинсон не угасал тот огонек, что на протяжении тысячелетий связывал людей. Она не переставала умолять:

– Сол, очнись, ты не можешь покинуть меня сейчас! В любой момент, но только не сейчас. Что я буду делать в этом никчемном мире без тебя, на кой черт мне существование, когда я знаю, что никогда больше не увижу тебя?

Она, как и на холме, сжала его руку и прижала к сердцу.

– Так кончаются жизни, Луна. Он был той занозой, которая разъединила нас еще много лет назад! Помнишь, какими дружными мы были тогда, когда не знали о нем, когда

мы даже не знали кто такой этот Донлон!? Какие были времена... – Джефферсон, уже в полусне, пытался достучаться до сестры.

– Просто заткнись. Ты совсем сошел с ума, уже не понимаешь, чего стоят жизни людей!

– Ах, разве это плохо? Это прекрасно, когда ты можешь расправиться с другим человеком и не остаться с чувством вины.

– Ты и вправду сошел с ума. – покачала головой Луна, стараясь держать себя в руках.

– Как видишь, брат с сестрой не всегда находят общий язык. – развел руками лежащий на холодном полу. – А я-то думал, мы с тобой родные души!

– Замолчи сейчас же. – та направила на своего брата пистолет и вернулась к предмету своего внимания. – Сол, просто дай знак, что ты еще будешь жить, пожалуйста. Ничто не сможет скрасить мою жизнь, кроме тебя!

Планк все еще не производил ни малейшего движения. Тогда Луна, поняв, что это очень удачный момент для допроса, на несколько минут решив бросить Сола, затеяла расспросить Джефферсона:

– Раз ты у нас такой упрямый, то я заставлю тебя говорить.

– Ох, в таком случае тебе придется постараться! – в блаженстве вымолвил Паркинсон. – Я получил все, чего хотел! Каждое соприкосновение биты с его черепушкой принесла мне несказанное удовольствие!

Луна выстрелила.

– Говори! Иначе я запущу в *твою* черепушку парочку пуль, которые принесут *мне* такое же удовольствие.

Джефф с испугу отполз ближе к стене, и, заикаясь, начал:

– Ка-ак т-ты можешь поступ-пить так с-со мной-й?

– Легко и просто. За жизнь платят жизнью, Джефферсон, и я буду судить тебя по всей строгости закона. – она была настойчива, как никто другой.

Ее переживания были на пределе, но она, не подавая виду, стойко стояла перед Джеффом и размеренно вела свою грациозную речь:

– Я-я не бу-уду ничего го-в-ворить. – пытаюсь сохранить смелый и отважный вид, сопротивлялся Джефферсон. -Мож-жешь убить меня, но тебе это ничего не д-даст – всего лишь воспоминания о своем-м легком-мысле.

– Да что ты? – та выстрелила еще раз.

– Ауч! – вскрикнул Паркинсон, возле ноги которого отскочил снаряд. -Ах-ах! Нет, такими методами ты точно не встрясешь из меня даже каплю, сестричка.

– Ладно-ладно. – истерически хихикнула та и раздался неутешительный гром. Джефф раскинулся в страданиях, как слышался голос позади:

– Луна, что ты делаешь?

Это был еле живой Сол. Он не двигал шеей, но мог отчетливо произносить слова.

– Не убивай его, он еще этого не заслуживает. – он за се-

кунду вспомнил все, что с ним произошло.

– Сол! – присела возле него Луна. – Ты не представляешь, как я испугалась, когда увидела твое окровавленное лицо.

– Дай мне выбраться отсюда, здесь очень неудобно. – чувствуя, как его запястья скручивают ремни, попросил Планк.

– Конечно, конечно! – со слезами радости согласилась Луна и начала развязывать сковавшие того цепи.

– Как вы мило смотрите вместе! Правда, личико у тебя, Сол, не из самых нетронутых, знаешь ли. – Джефф громко рассмеялся. – Бегите отсюда, давайте! Мне бояться нечего – я скроюсь раньше того, как вы сообщите об этом кому-то из прибывших.

Луна прицелилась в ногу брата, чтобы произвести, как она думала, “добивающий” выстрел, но Сол схватил ее за руку и возмущенно сказал:

– Ты не можешь взять и оставить его мучиться здесь. Пусть бежит, мы не в праве решать его судьбу. К какой бы стороне он не примкнул, он все равно будет частью жизни нас обоих.

– Ой, вы сейчас меня растрогаете! Бегите-бегите, пока я вас обоих не убил.

Планк тяжело встал со стула и, подняв с пола револьвер, почти не различая контуры предметов, пошел за убегающей вдоль лестницы Луной. Он медленными тяжелыми шагами стал направляться в сторону выхода, и ступил на первую ступеньку. Облокотившись на перила, он, стараясь быстро пе-

ребирать ногами, преодолевал метр за метром, пока не забежал за дверь. Он подумал закрыть ее, но сделать это было невозможно – разбитый замок уже лежал на полу и рушил все надежды на вечное заточение коварной души.

– Нам надо бежать, бежать в участок и запираяться там. Сообщить констеблям, что Джефф сошел с ума. – тянула за собой искалеченного Сола Луна.

– Возьми пачку печеньеv. – сказал Планк, мысленно продумывая варианты развития событий. – Пистолеты у нас обоих есть, об остальном позаботятся полисмены. Не думаю, что они успеют догнать его, но в случае успеха мы станем еще ближе к разгадке. Он не мог так резко измениться, Луна. Кто-то подчинил его себе, я уверена. Иначе... иначе я не могу никак...

– Ты права. Но сейчас нам нужно срочно попасть в участок, пока он опять не смог ходить.

– Конечно, конечно. – Паркинсон взвалила руку Сола на плечо и впервые сжала ее так страстно, со всем чувством беспокойности. Но Планк грубым движением вырвался из ее объятий и отошел в сторону.

– Сол, не надо думать, что я боюсь сблизиться с тобой, найти что-то общее. Я совсем не та, какой ты меня представляешь. – отозвалась Луна.

– Луна, давай не сейчас, пожалуйста. Нас только что чуть не настигла смерть. Ты хоть видела, что со мной сделал твой братец? – показал он на свое распухшее лицо.

– Это ужасно, Сол. Если хочешь, я могу убить его...

– Нет. – настойчиво отказал он. – Мы не будем этого делать. Это будет неправильно. Нам нужно бежать, живо!

Он, невзирая на кровоподтеки, кинулся в сторону полицейского отделения, и буквально через полчаса был встречен толпой удивленных и замешанных взглядов.

Не успел он, открыв дверь, полностью оказаться в теплой комнате, как на него тут же покосились отряды констеблей. Они все смотрели не столько со страхом, сколько с интересом какой была причина именно такого появления Сола в участке.

– Нет времени объяснять. – опустив голову, громко начал Планк. – Срочно обыщите дом номер сорок семь. Если найдете кого-то, не отпускайте – приведите сюда. Кто-нибудь знает куда уехал Донлон?

И опять!... Вдруг что-то щелкнуло. Дверь отворилась, и в здание вошел шериф, а за ним – ранее никому до этого не известная женщина.

Какой же Джеффферсон все-таки неглупый мальчик! Вот он, в отличие от вас, понимает цену вопроса и вероятность вашего успеха. Почему же вы не пристрелили его? Этот вопрос до сих пор интересует меня. Неужели он смог вас одурачить? Или, быть может, испугать? Теперь наши ряды тоже не стоят на месте – раз вы решили начать войну, то пусть будет по-вашему. Боже, как же много пафоса в моих

*словах, аж самому противно становится! В любом случае
– знайте, что с этого момента шанса отступить не будет
– и чья-то кровь точно будет пролита!*

Глава 20

Все взоры быстро обратились к детективу. Он важно растолкал толпу и прошел в свой кабинет, не переставая тащить за собой женщину в наручниках. Та, в свою очередь, недовольно оглядывалась на стены, будто пытаясь просчитать как она будет сбегать.

Джон резко остановился. Он совсем немного повернул голову и сказал:

– Мик, Сол и Луна – за мной.

Двое детей послушно попятились за ним, и когда они все втроем зашли в кабинет, Донлон демонстративно закрыл дверь.

– Джон, я знаю, ты сейчас очень зол, но я хочу сказать, что был непр... – стал извиняться Планк, взывая к сердцу шерифа.

– Не стоит слов, Сол. Ты был прав, все сказанное тобой – чистой воды правда. Но сейчас это не имеет значения, ведь, надеюсь то, что я тебе приготовил, искупит все мои грехи.

Джон показал на скованную фигуру и представил:

– Энн Уилтерс собственной персоной! Если честно, то я думал, что поймать ее будет куда сложнее. А она даже не доехала до Грасиас! Я перехватил ее на шоссе, когда та решила остановиться. О чем ты вообще думала? – спросил он у

пойманной.

– Ты ничего не понимаешь. – сурово отрезала Энн. – Все ваше расследование уже трещит по швам, и скоро вас уже тут не будет.

– Знаешь что? Ты не первый человек, который нам это говорит. Но почему-то мы по-прежнему продолжаем распутывать этот клубок, не замечаешь?

– Что вам нужно?

Тут шериф хотел что-то сказать, но вовремя замолчал и отошел назад. Он похлопал Планка и Луну по спине, и сказал:

– Ваш черед.

Сол воодушевленно, как никогда ранее, достал из кармана блокнот и спросил:

– Джон, на какой машине ехала мисс Уилтерс, когда ты поймал ее?

– Родстер... то ли красный, то ли розовый. – вспомнил Донлон. – А зачем тебе это?

Планка ошарашило. Он начал восстанавливать в памяти то, с чего начинались все их похождения. Красный родстер, очевидец женского пола. Пазл будто бы сложился, но Сол все равно не мог поверить в то, что это конец. Его наполнило чувство незавершенности.

– Нет, этого не может быть! – воскликнул он.

– Что? Что именно не может быть? – не понял Джон, почесывая затылок.

– Красный родстер, эта машина встречалась во всех упоминаниях о Семерке.

– Погоди, то есть ты хочешь сказать, что она убила Шенк?

– Нет, не может же все быть так просто? Нам нужно поговорить наедине, Джон.

Донлон свистнул, и на характерный звук один из рядовых полисменов отворил дверь.

– Отведите ее в машину, нам еще предстоит с ней поговорить. – повелел Донлон.

Констебль с осторожностью положил руки на наручники на Уилтерс и вывел ее из комнаты.

Дождавшись, когда тот закроет дверь, Сол с искренним и молящим о чем-то выражением лица признался:

– Джон, мне кажется, что все мы сходим с ума, и что все наши улики на самом деле изначально неверны.

– Что за ересь? Почему это все мы сходим с ума? – пытаюсь скрыть что-то, спросил Донлон.

– Кто-то оставляет в моих заметках записи, может быть даже я сам. Но я никогда не помнил бы, что оставлял их, это меня неистово пугает.

– С-сол. – голос шерифа дрогнул. – Я не мог сказать тебе раньше, но я больше не могу терпеть. В моих отчетах они тоже появляются, и я чувствую все то же самое, что и ты – страх и растерянность. Этот неизвестный голос угрожает вечным горем, и это ужасно терзает меня. Он велит мне остановиться все, но ты понимаешь, что я не могу. Это дело – все, что у

меня осталось, уже как свыше десятка лет я жил в скуке, и если она вновь перерубит мне все пути, я этого не выдержу, повязну в бесконечной печали.

– Мы не будем останавливаться, Джон. Мы решили с Луной, что чего бы нам это не стоило, мы доведем начатое до конца – свихнувшиеся или нет.

– Но нам нужно поторопиться, причем очень сильно. Так ты говоришь, что этот родстер не является прямым доказательством ее виновности?

– Она в любом случае виновна, а косвенно или напрямую нам предстоит узнать.

– Погодите, – встряла Луна. – А где Мик?

Все трое оглянулись вокруг себя.

– Черт, черт-черт-черт-черт-черт. – рассердился на себя шериф. – Я не должен был оставлять вас, какой же я идиот! Пойдите, а где тогда Джефферсон?

Паркинсон хотела рассказать всю правду, но Сол остановил ее жестом руки. Он посмотрел в ее голубые глаза и отрицательно покачал головой.

– Он в доме, решил передохнуть пару деньков. – успел сообщить он прежде подруги.

– Деньков!?! – изумился Джон. – Мы не можем ждать так долго!

– Мы будем действовать без него. – уверенно в своих словах поставила точку в вопросе Луна. – Шериф, вы правы – времени медлить нет и не будет, так что нам немедленно

нужно допросить Уилтерс и затем ехать в Блессуорт – может, Бенсон снова допрашивает Вилли.

– Зачем ему снова допрашивать Вилли? – недопонял Сол.

– Может, мы чего-то еще не знаем. Он мастер допросов, так что доверьтесь ему. – обнадежил ребят Донлон. – А сейчас – бегом в патрульную!

Расследователи вышли из кабинета, а толпы уже не было – все стояли на своих рабочих местах и добропорядочно выполняли свое дело.

– Так-с! – Джон открыл дверь патрульной. – Вы имеете право хранить молчание, или как там говорят? В общем, у вас допрос. И настройтесь на то, что в худшем, для нас, случае, мы получим одно имя из Семерки. А в лучшем – все оставшиеся шесть. Что ж. – Донлон сел на мягкое сиденье и взял стоящий рядом стакан с кофе, – Приступим.

Шериф вальяжно достал пистолет и направил его в сторону Энн.

– Э-Н-Н. У-И-Л-Т-Е-Р-С. – произнес он прямиком в душу, наполовину повернувшись назад – лицом к жертве. – Вы обвинены в убийстве, причем по-настоящему умышленном и по-настоящему загадочном. В связи с этим в ваших же интересах говорить правду и только правду. Надеюсь, мы друг друга поняли. Для начала стоит спросить вас о вашей цели – Оскаре Перри. Мы пока ничего не знаем о нем, так что...

– Он был библиотекарем. Самым обычным, без каких-либо секретов. – равнодушно начала Уилтерс, поднеся к кро-

ваво-красным губам сигарету. -Не знаю что он делал раньше, но его жизнь была еще той скукотищей!

Ее голос неожиданно приобрел оттенок эмоций, она вдруг облокотилась на одно из окон сзади и удобно расположилась между двумя креслами. Ожидавшие снаружи Луна и Сол отошли немного в сторону – резкий неприятный запах просачивался даже сквозь старый потрепанный металл.

– Вечно сидишь и отдаешь эти чертовы книги, одну за другой! Разве от этой работенки не хочется застрелиться?

– Смотрю, вы решили за него, мадам. – иронично подметил Джон. -Если он был бессмысленным лицом во всей этой цепочке, то зачем вы убили его?

– Я не говорила, что он был бессмысленным лицом. Вы уверены, что я связана с Семеркой, сэр? – Энн со смешком выдохнула, и пар разошелся кругом в лицо шерифа.

– Возомнила себя преступным гением? – начал размахивать руками Джон. -Не забывай, все же, что я застал тебя спящей за рулем, ага?

– Ты такой смешной, шериф! Я знаю тебя пару минут, а ты уже начинаешь казаться мне забавным. “Эта цепочка”, о которой ты говорил, не так уж и однозначна, смекаешь? Одни работают на других, эти другие – на третьих, и первые не подозревают о том, что находятся в лапах у четвертых, на которых работают третьи. Несложно было догадаться, что я из числа Безликих, это правда. Имя, говоришь? Хочешь имя – будет тебе имя. Шенк. Фрэнсис Шенк. Все, я свободна?

Зрачки Донлона быстро уменьшились. Он задержал чуть не выплеснувшееся у него изо рта кофе и жестом указал Уилтерс повторить сказанное.

– Фрэнсис Шенк, что непонятного-то? – надоели пойманной убийце расспросы.

“Что несет эта чертова плутовка? – подумал шериф про себя. -Или, быть может, она говорит что ни на есть самую настоящую правду?”

– Шенк? Ты ведь в курсе, что ее Семерка убила? – спросил у Энн Донлон, не до конца соглашаясь с истинностью суждений Уилтерс.

– Да-да, я прекрасно это знаю. Видимо, я вас не на шутку удивила. Фрэнсис состояла в Семерка с самого ее начала. Она, можно сказать, проживала жизнь за всех Безликих: погибла она – погибли и все участники этой зловещей группировки. Но то, на что она пошла поистине ужасно.

– Что она сделала? На что пошла, Энн? – пытаюсь не потерять конец нити между ним и делом, спросил шериф.

– Посчитала, что то, что может потерять в личной жизни, важнее того, чем рисковала для Семерки.

– Сражалась за что-то вечное? – не заканчивал задавать наводящие вопросы тот.

– Да нет же, просто возомнила себя самой важной. А на деле – обычная дурочка из захолустья, так что не делайте из нее святую – все мы ужасны и отвергнуты Всевышним.

– Вы ненавидите ее?

– Возможно. – легко оторвалось у Энн. – Ну так что... я свободна?

– Неужели ты ничего мне больше не расскажешь? – он приблизил к ее лицу пистолет.

– Я тебе не Шехеразада, так что будь мил, открой эту дверцу и отпусти меня на волю, где птицы поют так, что их хочется убить.

Не впечатленный печальным концом ее, казалось бы, воодушевляющего предложения, Джон стоял на своем.

– Мне нужно новое имя. Имя, которое мы еще не слышали.

– Ты играешь не по правилам, шериф! Вообще – то, чем вы занимаетесь, законно? Власти знают об этом?

– Хватит ерзать, Уилтерс – лучше не станет. Либо ты выкладываешь имя, либо не видать тебе твоей жизненки.

– Мы резко сблизились, не так ли? А я ведь даже не знаю твоего имени. – она хитро улыбнулась и оглянулась на свои оголенные плечи.

Два ее желтых глаза сияли посреди темного салона машины.

– Я ведь не шучу, шальной выстрел – и ты труп.

– Ничего я тебе не скажу, мы ведь играем по правилам.

– Мы не играем. Двое готовых убить тебя стоят около автомобиля, а ты продолжаешь перечить мне?

– Потому что знаю, что я не в опасности. – та ехидно хихикнула и отвернулась от шефа. Все твои люди ничего не

смогут сделать мне, когда я окажусь на свободе, хи-хи!

“Да она сумасшедшая”. – снова проснулись мысли в голове у Джона.

– Говард тоже так говорил. Ты ведь знаешь кто это?

– Конечно. Я. Знаю. Твои вопросы слишком скучные, они лишены всяких чувств. Почему нельзя быть чуточку распушеннее и непринужденнее?

– Говори, черт тебя подери, имя, или я застрелю тебя на месте? – выкрикнул Донлон.

– Не-а. – продолжала улыбаться в сторону Уилтерс.

– Говори! – Джон нацелился револьвером в голову Энн, как услышал плод ее испуга.

– Ладно-ладно, есть у меня еще в памяти несколько человечков. – она на некоторое время посмотрела в потолок, пытаясь вспомнить нужное сочетание букв. -Генри Мэдден. Теперь-то ты доволен?

– Не то слово! – воскликнул Джон, записывая имя в свой блокнот. -Так-с, что ты знаешь об этом Генри Мэддене?

– Он участник Семерки.

– Очевидно. – подтвердил Джон.

– Он очень, очень-очень плохой человек.

– Очевидно. – опять подтвердил Джон.

– Он всегда мешал нашим планам.

– Оче... что? Чьим планам? А хотя, ответ и вправду очевиден. – на секунду замешкался шериф. -Что-нибудь еще известно?

– Джон, – Энн сменила позу на более расположенную к своему собеседнику: руки ее спрятались за спиной, а корпус приблизился к креслу водителя. – А ведь правда – какого черта мы должны бояться вас, пару-тройку неудавшихся полисменов?

– Тогда кто ты, если тебя поймал один из неудавшихся полисменов?

– Хм. – задумалась Уилтерс. – Ладно, тут твоё парирование удалось. И все-таки, как вам удастся допрашивать преступников одного за другим без привлечения всех этих “важных” лиц!?

– Мы просто выполняем свою работу. Представь только что осознавшего то, что его поймали, человека, которого грозят утащить в Блессуорт! А в последнее время, поверь мне, таких все больше и больше. Таким безнадегам остается только молить Бога, но в большинстве случаев их все равно ожидает участь любого другого несчастного воришки или убийцы – отбывать свои долгие годы в заключении.

– Твой рассказ только-только начал меня завораживать, и ты остановился. Я, правда, не совсем расслышала что ты тут говорил, ну да неважно. Так... ты меня отпустишь?

– Ты, кажется, не совсем правильно поняла наш уговор – ты в любом случае едешь в Блессуорт.

– Ну разве это по-мужски, шериф? Нельзя ведь так поступить с невинной дамой, у вас ведь нет доказательств моей виновности!

Джон аккуратно, в перчатках, достал из полностью прозрачного пакетика помаду.

– Не знала, что ты красишьс... – сперва не разглядела Энн надпись на ней и подумала, что это какой-то абсолютно случайный тюбик.

Но не прошло и секунды, как она быстро поняла что к чему:

– Оу, а вот это, если честно, неприятно; может, лучше забудем об этой помаде?

– Мы едем в тюрьму, и это мой окончательный вердикт. Сейчас ты сядешь рядом со мной, а эти двое. – показал он на Сола с Луной, – Поедут с нами сзади, ясно?

– Я не могу противиться воле властелина. – пытаюсь сдерживать гнев, согласилась Энн, кажущаяся сама себе обманутой.

– Вот и отличненько. – Донлон вышел из патрульной, подошел к двери дальше, открыл ее, вывел Уилтерс из машины, закрыл дверь, прошел вокруг машины, открыл дверь спереди, посадил Энн на соседнее с водительским место, закрыл дверь спереди, снова обошел машину, и, обращаясь к двум стоящим его коллегам, тихо сказал:

– Она чуток странная, не обращайтесь на нее внимания – может быть очень говорливой.

Оба ребят переглянулись и затем тоже сели в патрульную.

– Приветствую. – холодно и важно поприветствовала вошедших Энн, подняв одну руку в красной перчатке в знак дружелюбия.

Планк сразу обратил внимание на одеяние Уилтерс: на ней было черной платье, а поверх него накинута джинсовая куртка с повисшими по разные стороны рукавами. Она продолжала элегантно держать в одной руке сигарету, а второй, прикованной к первой, поддерживать свой острый подбородок. Всем своим видом она напоминала осторожную во всем и готовую в любой момент напасть черную кошку, которую не хочет встретить ни один счастливчик из города.

– Знаете что, ребятаки? Я даже польщена, что вы соизволили довести меня на своей дряхлой машине. Я могла доехать сама, но вы сделали такое одолжение!

Донлон все время пытался заткнуть свою соседку, но сам невольно начинал то с необыкновенным вниманием слушать ее размышления, а то и вовсе забывал о ее сущности и начинал заводить с ней разговор, причем такой пламенный и чувственный, с таким тонким взглядом на мир, какой не завел бы ни с каким другим человеком.

– Вы начинаете становиться интересным, шериф! – льстиво хвалила своего собеседника Уилтерс, легко покачивая ногой. – Как жаль, что ты забрал у меня мой револьвер, а то я бы уже давно одурачила тебя и пристрелила бы. Знаешь, как самка богомола, решившая полакомиться головой своего партнера.

– Не думаю что это именно та тема, которой ты больше всего озабочена.

– Ты прав, шериф! На самом деле я хотела поговорить о

Vendetta per Lucia, такая это прекрасная драма!

– Vendetta per... что? Не слышал о такой. Сол, ты слышал о...

Планк был явно удивлен столь резкой перестановкой приоритетов в разговоре. Он, до этого смиренно терпевший бредовые, на его взгляд, суждения парочки спереди, неожиданно для себя ответил:

– Нет, я тоже не слышал. Джон, не стоит ли тебе рассказать нам о всем, о чем вы успели поговорить с Энн, пока мы стояли снаружи?

– Ты абсолютно прав, Сол. – чистосердечно согласился Донлон с предложением своего напарника. – Можешь записать в свою рукопись имя “Генри Мэдден”. Наша будущая заключенная говорит, что этот человек поможет нам в расследовании.

– Почему мы не можем узнать от тебя сразу все, Энн? – поменял цель своих допросов Планк. – Расскажи нам все, и твой срок уменьшится в разы, содействие в расследовании всегда почитается, ты и сама знаешь.

– Она опять начнет говорить, что ее спасет кто-то. – вмешался Джон. – Они все почему-то так говорят! Начинают играть с нами в игры, а потом им приходит конец.

– Да, шериф, вы правы насчет моего скорого спасения. – подтвердила Уилтерс. – Я знаю, что жизнь моя обречена на счастье, и что одна я в этой темной дыре просто так не останусь.

– Все, дамочка. Твои слова начинают походить на слова пьяницы, так что лучше бы тебе замолкнуть. А то еще случайно проговоришься, что убила старика Перри.

– Хе-хе! – снова тихо хихикнула Энн. -Разве не самые счастливые те разговоры, что ведутся с нетрезвым человеком? Жизнь в его глазах предстает такой другой, недостижимой, не правда ли? Шериф, вы пьете?

– Хватит. – холодно отрезал он.

– Ты слишком резко стал таким злым! – вздохнула Уилтерс. -Не понимаю. А мы ведь могли так хорошо поболтать о жизни, разве ты не любишь болтать о ней?

– Если ты и вправду так думаешь, то совсем меня не знаешь. – все с той же суровостью сказал Джон. -Хотя и знать тебе меня не откуда – ты обычная преступница, решившая, что вся жизнь это ее история становления великой.

– Ну это ты переборщил! Пусть не великой, но хотя бы сколько-то значимой. Значимость иногда куда важнее именитости.

– Все, теперь уж точно давай замолкай. Если кто-то решит поинтересоваться почему мы ведем с тобой разговор, то у нас всех точно будут неприятности.

Сол с облегчением вздохнул и продолжил писать в блокноте.

– Нет, шериф, я так не могу. Ты, наверное, знаешь какие женщины все-таки хитрые и противоречивые натуры. То не могут и слова проронить, а то и замолкнуть – все время го-

ворят да говорят. Вот сейчас именно второй случай.

– Хорошо, говори все, что хочешь, только меня в это не вмешивай. В худшем случае тебя сочтут за сумасшедшую.

– И ты совсем не хочешь узнать что-то от такого близкого к Семерке человека?

– Она права, Джон. – поддержал идею Уилтерс Планк. – Ты ведь даже не спросил у нее существует ли группировка по сей день!?

– Сол, а может это не так уж и важно? Какое дело до того, существует ли Семерка сейчас – мы расследуем убийство Шенк, а не дело о Безликой Семерке. Кстати, запиши, что Шенк принадлежала к числу Безликих.

– Что? – переглянулся Сол с Луной. – Это с чего ты взял, Джон. Совсем свихнулся что-ли?

– Ах-ах-ах! – рассмеялась Энн, удивившись наивности сидящих позади.

– Послушай-ка, дамочка: мало того, что у вас название до смешного никчемное, да к тому же вы и сами сделать ничего не можете. В семьдесят девятом вам повезло, что никто не начал расследование, иначе вас бы тут уже не было. – не понравилась Джону насмешка Уилтерс.

– Да нормальное у нас название, оно хотя бы звучит по-злодейски! А не этот ваш “отдел полиции”! Кто вообще называет так сборище людей, борющихся за справедливость?!

– А ты, я вижу, упертая. – начал злиться шериф. – Еще одно неуютное слово, и окажешься без головы, ясно?

Энн глотнула. Джон вопросительно посмотрел на нее. Затем отвернулся.

“Не такая уж она и важная, Джон”. – сказал сам себе Донлон. – “Выстрел – и дело с концами. Нет, Джон, о чем ты думаешь, господи! Убить ее означает лишиться еще одного потенциального источника информации. У нас их не так много (точнее всего двое), так что стоит ими дорожить, верно, шериф? Что? Это Уилтерс говорит со мной? Почему все время я слышу этот противный “шериф”? Или что-то со мной не так? И вот опять, опять начинаю сходить с ума! Смотри на дорогу, шериф, не бросай руль, шериф, возьми себя в руки, шериф! Проклятый шериф, чтоб тебя! Да, четыре часа сна дают о себе знать. Надо бы выпить таблетки. Нет, шериф, смотри на дорогу, не бросай руль, возьми...”

Донлон бесчувственно смотрел в неопределенную точку вперед. Единственным движением на его лице было моргание глаз раз в две с половиной секунды. Очень внезапно его охватил страх и нервозность, о которой он на несколько часов совсем позабыл. “Начал теряться здравый смысл, Джон. Таблетки точно нужны. Нет, держи руль, смотри на етекло дорогу, смотри на... Это начинает по-настоящему сводить с дорёги ума. Что говорит Уилтерс? Кажется, я уже не различаю ее слов. Почему я вообще ее слушал? Нужны таблетки”.

Джон потянулся в карман куртки и достал оттуда пачку белых капсул, высыпал в ладонь несколько штук и затем, убрав остальные обратно, проглотил их.

“Сходить с ума можно не так уж и медленно и мучительно, шериф, не правда? Почему я опять разговариваю сам с собой?”

В воспоминаниях Джона засияло огнем одно пробирающее его.

“Опять зеленый холм, опять этот голубой ручей, опять эти огненные лучи. Только не это! Смотри на еянце дорогу, шериф. Следи за светом еянца фар”.

Перед его глазами показалось окровавленное лицо Рона. Оно продолжало становиться все краснее и краснее, пока вдруг не обратилось фигуру Шенк.

“Очнись! Откуда я знаю ее? Знакомое лицо, чертовски знакомое. Какое-то дело, я начинаю припоминать. Или это подействовали препараты? Надо выпить. Еще одна таблетка – и я не жилец. Но без таблеток я не могу”.

Джон достал пакет, взял две капсулы, проглотил.

“Первые пару секунд хорошо, затем начинается сущий кошмар. Так, не терять мысль, не терять мысль. Что говорит Уилтерс? Так, не терять мысль... Шенк, откуда я помню ее? Досье, чье-то досье”.

В неразумных глазах померещилось черно-белое лицо.

“Да, я не знаю какого цвета у нее глаза, фото было черно-белое. Точно досье. Становится хуже, нужны таблетки. О чем говорит Уилтерс? Так, не терять мысль. Шенк, откуда... Ненавижу себя. Ненавижу это проклятое расследование. Нужны таблет... Шенк, не терять мысль, не терять...”

В лоб Джона пустилась тонкая линия холодного света. Патрульная остановилась.

– Кто вы? – послышалось спереди.

Донлон чуть опомнился. Он вернулся в согласие со своими зрачками и увидел впереди себя держащего фонарик человека в форме.

– Шериф, шериф города. – показал через стекло Джон звезду. – У нас тут заключенный.

– Заключенная. – самодовольно поправила Донлона Энн. – Но это ненадолго.

– Хорошо, въезжайте. – открыл ворота тот и отошел в сторону.

“Фрэнсис-Мосс Шенк. Продолжаю вспоминать. Куда ехать? Я не знаю где остановиться, но я остановился. Где? Таблетки. Нужны таблетки”.

Джон вышел из машины и ступил на дорогу, залитую белым светом фонарей. Неосознанно вывел из автомобиля Уилтерс. Сол и Луна, не находящие в поведении шерифа никакие странности и не замечающие его размеренные покачивания из стороны в сторону, спокойно направились за ним внутрь каменного здания. Шериф с пойманной пересекли дверной проем и очутились уже в знакомом зале.

– Нам направо. – вспомнил Джон и резко свернул в сторону. – В безопасное отделение.

“Номер... номер, какой был у него номер? Был ли он вообще? Ладно, неважно, последний отсек в части”.

Не успели они пройти и коридора, как встретили двух бегущих с криками о помощи. Те убегали от неопределенной темноты, в которую вела дорога, и даже не остановились, не обратили внимание на вопрос Джона о том, что произошло. Но что-то явно произошло.

– Нам следует поторопиться. – сказал Сол.

“Ни один человек в здравом уме не пойдет туда”. – продолжил сам с собой шериф. – “Видимо, таблетки не подействовали. Надо идти. Пути назад нет”.

Они немного ускорились. Зайдя за вторую дверь, они стали наблюдать не только испуганных надзирателей, но и мигающие красным цветом лампы.

“Раньше я не замечал их. Думал, что здесь висит всего одна лампа. Какой дурак! Какой дурак!”

Открыл третью дверь. Люди исчезли. Остались только багровые стены с развилками, уходящими к другим клеткам.

Четвертая позади. С каждым коридором следующий все короче предыдущего. Становится страшно.

И вот, пятая дверь. “Надеюсь, что читатель творения Сола никогда не узнает, что таится там, дальше, потому что, по всей видимости, это нечто ужасное”.

Джон тяжелой рукой толкнул дверь и зашел внутрь. На все огромное здание послышалась сирена и властный голос:

– Говард сбежал. Повторяю, Говард сбежал. Всем покинуть шестой отсек второго отделения, повторяю – всем покинуть шестой отсек второго отделения.

Сол, еще не зашедший, посмотрел на стену впереди – на ней цифра “6”. Затем он посмотрел направо, в угол.

Труп. Облитый кровью, с ножом в животе, лежал полицейский.

Левее, Сол, ты точно не хотел увидеть то, что представило пред тобой по центру комнаты.

Планк устоялся ровно в центр квадрата.

Пятно крови. На нем пистолет, серебряный кольт. Золотая звезда.

Сол с ужасом посмотрел на решетку рядом – дверь распахнута, а прутья погнуты. Затем его взгляд перешел на Энн. Зрачки ее тут же уменьшились, в глазах отчетливо горел ужас. Посмотрел на Джона. Тот уже лежал на полу в полном беспомоществе, рядом с ним – выпавший пакет с капсулами. Обернулся в сторону Луны – та со слезами оперлась на стену не в силах держаться на ногах. Она скатилась на пол и через пару секунд тоже потеряла сознание. Тишина. Только тихие всхлипывания Уилтерс.

– Что тут, чтоб ты был проклят, мир, тут происходит? – спросил Сол сам себя.

Что я говорил про ужас, что настигнет вас? Так вот, это оно самое.

*И мир уже совсем не тот,
Каким его ты видел раньше,
В нем ты сведешь концы вот-вот,
Не думай даже о реванше.*

Из заметок С. Планка

Вдруг Энн приблизилась к пистолету, лежащему около Донлона, и уже собиралась схватить его, как на ее руку, тихо ползущую по холодному бетону, наступил Сол.

– Я не хочу убивать тебя, дай мне убить себя, чертов подлец! – вскрикнула она, не сдерживая слез.

Планк не знал что делать. Он в полусне отпустил ногу и через секунду услышал выстрел. Не оглядываясь по сторонам, он поднял пакет Джона, запихал все содержимое себе в рот, и сквозь мгновение, подобно своим товарищам, дремал во мраке. А может, уже и вовсе был мертв.

Глава 21

Это пробуждение сопровождалось не сияющим солнцем, лучи которого так и норовят пробиться сквозь шторы, а рвотой, вызванной передозировкой лекарством. Первым проснулся Сол – он, стараясь не задумываться о том, что здесь произошло и предпочтя до конца не знать правду о случившемся, сидел на полу в ожидании пробуждения напарников. Голова его кружилась, но тошнота все уходила. Сзади него до сих пор распласталось красное пятно, и мирно лежало мертвое тело. Планк сначала хотел изучить его, но не осмелился и прикоснуться к тому – вид почти насквозь пронзенного желудка был для него невыносимо жутким.

Что-то звонко брякнуло. Нога Донлона пошевелилась, и шериф поднял голову, чтобы осмотреться вокруг.

– Джон, ты очнулся! – обрадовался Сол. – Ты съел чересчур много таблеток, тебе нужно...

– Со мной все в порядке. – медленно убедил Планка Джон. – Как мы тут оказались? И где они, мои таблетки?

Он увидел пустой пакет и разразился:

– Ах ты сволочь!

– Не стоит, шериф. Вам же лучше. – придержал того Сол, потянувшись за отсутствующим в его кармане пистолетом.

– На чем мы остановились? – отпрянув обратно, спросил

другой.

– Лучше тебе посмотреть самому. Говард опять устроил заварушку...

– О, нет. – посмотрел он на красное пятно на полу. – Только не говори, что... Просто я не хочу потерять второго напарника.

– Джон, – начал Сол, казалось бы, обещающую быть долгой речь.

– Черт! – он встал на ноги и посмотрел на пол. – А это что еще такое, два трупа в одной комнате! погоди, это Уилтерс что-ли?

Он пнул ногой мертвую женскую фигуру и увидел под ней револьвер.

– Да что с этим Говардом не так? Пистолет твой?

Сол виновно посмотрел в глаза Джона.

– Ты еще и дал ей убиться, да?

– Она выглядела такой измученной, шериф. Я не мог терпеть ее страдания.

– Опять ты начинаешь оправдываться. Пора понять, что нет чувств в криминалистике! Из-за тебя мы потеряли еще один источник информации.

– Они тоже люди, Джон!

– Тогда почему ты даешь им умереть?! Нету у тебя никакой логики, Планк.

– Не забывай кто воспитывал меня, Джон.

– Я мог оставить тебя доживать свои последние деньки на

холодной дороге!

– И тогда бы я не чувствовал сейчас того, что чувствую!

– Да ты эгоист, Сол!

– Кто бы говорил, шериф. Вечно думаешь только о себе, сбежал от нас за Уилтерс, лишив нас возможности продолжить расследование в другом ключе. Даже не обсудил с нами свое странное решение!

– В каком другом ключе, одумайся! Та ситуация была безысходна, так что не стоит создавать иллюзию того, что у нас были варианты.

– Почему я только сейчас заметил, насколько ты лицемерен?

– Послушай себя, Сол! Мы сейчас стоим и выясняем кто из нас прав, когда на кону стоят человеческие жизни. Я хотя бы не отрицаю того, что я не идеален. Я каждый день схожу с ума, и с каждым днем уходит мое время. За последние годы я понял, что быть хорошим для всех – совсем не значит быть хорошим для себя. Я жил в этом колесе, когда ты нравишься всем, когда душа каждого открыта для тебя, и когда ты являешься не просто любимцем толпы, но и настоящим примером для подражания. А потом меня охватило какое-то странное, но очень, очень-очень сладкое чувство. Будто я могу отказаться от всего этого, ничего не потеряв. Я переоценил свой идеал, но одновременно с этим отказался от него, потому что думал, что его необязательно поддерживать. После этого вся моя жизнь покатила к чертям, но я

не могу измениться. Сколько людей уже умерло от моих рук и сколько еще умрет? Хватит думать, что все вокруг, кто желает тебе мира и добра, на самом деле стремятся сделать все наше существование таким. Все мы жалкие существа, каждый рыщет по свету со своей целью, и если кто-то делает что-то для тебя, то в первую очередь он все равно думает о себе.

– Ты не прав, Джон. Ты ужасен, поистине отвратен.

– Хватит, Сол. Тебе не надоела жизнь идиота, который только и делает, что пытается искупить свои грехи? Разве тебе не нравилась та жизнь, которой ты жил пару лет назад?

– Ты не знаешь о ней ничего.

– Я воспитывал тебя, и знаю о тебе все!

– Тогда ты просто сидел в своем кабинете и выпивал с самого утра, а затем ночами напролет не выходил из-за стола, переслушивая очередную кассету. Не тогда ли тебя покинуло желание наслаждаться тем, что ты делаешь?

– Знаешь, вот сейчас это именно то, чего я желаю. И не пытайся забрать у меня то единственное, чем я еще горю. Ты даже не представляешь, как это легко. Сначала все идет лучше твоих самых счастливых представлений, а затем за секунду, ровно за секунду – ни мигом больше, ни мигом меньше, ты теряешь весь энтузиазм, что наполнял тебя.

– Ты серьезно думаешь, что я пытаюсь испортить твою жизнь? – сердито взмахнул руками Сол. – Нельзя испортить то, что переживает свои худшие времена. Твоя карьера на закате, и ты это понимаешь. Будучи в силах устроить себе

счастливого будущее, ты истратил всего себя на мелкие пого-
ни. Вспомни, как все начиналось.

– Ты не знаешь как все начиналось.

– Нет, но я знаю что происходит сейчас. Ты убиваешь се-
бя, поедая эти таблетки, не спишь ночами в раздумьях кто
бы мог совершить все это. Час за часом становится все хуже,
а ты продолжаешь общаться с самим собой в отчетах, видеть
смысл во всем, что ты делаешь, продолжаешь совершать со-
вершенно необдуманные поступки.

– Сол, – в глазах шефа показалась вспышка, которую ему
не терпелось передать. – Только ты мог так понять меня. День
изо дня я пытаюсь достичь того, в чем не уверен, продолжаю
писать эти отчеты, и эти таблетки... Боже, да ты ведь пони-
маешь меня, всей душой и всем сердцем знаешь каково это!

Радость запела в выражении лица Донлона.

– Нет, жизненные встречи просто так не происходят. Те-
перь-то я в этом окончательно убедился. Ты тот, кого я ждал
всю свою жизнь! А ты всегда был рядом, рядом со мной! –
восхитился шериф.

– Джон! – воскликнул Планк. – Меня переполняет злость
за то, что я не рассказал раньше.

– Меня тоже! – по щекам Донлона покатались слезы.

– Я думал, я один в...

– Этой непроглядной тьме,

- Постоянно пытающейся сжечь тебя,
- Поглотить тебя всем своим весом,
- Сделать так, чтоб о тебе все позабыли,
- Оставить без шанса на спасение,
- Совсем одиноким и непонятым.

Они крепко обнялись. Сошлись душами, единым жестом слились воедино и так же гармонично отпустили друг друга.

Это было не объятие понимания, а скорее объятие сочувствия, которого нам обоим так не хватало. Я, конечно, не фаталист, но полагать, что наша встреча была совсем не случайна, мне нравится больше, чем разбираться в сути наших характеров.

– Джефферсон предал нас. Чуть не убил Луну... нам нельзя возвращаться в дом.

– Я так и думал. Ему нужна наша помощь...

– Он сделал свой выбор. Он чувствует, что знает цену убийства...

– Но ведь это не так. Нам нужно его остановить, предотвратить рождение еще одного зла.

– Мы неспособны помешать ему – процесс уничтожения, в отличие от процесса создания, невероятно прочен.

– Нет уж, Сол. Я породил не один ужас на этот свет, и должен хотя бы раз исправить свою ошибку. Все это время я слепо ходил по кругу, и наконец-то выбился из него. Ты не представляешь, как я благодарен тебе за...

– Не стоит слов. Молчание сейчас лучшее, что может произойти с нами. По крайней мере, нам стоит поменять тему, не желаю больше тратить времени на душевные разговоры. Ты многому научил меня, но самое важное – то, что никогда не стоит придавать этой жизни слишком большое значение.

– Это точно. – тепло улыбнулся Донлон.

Они еще чуть-чуть простояли в объятиях, и затем одновременно отошли друг от друга, и оба начали ходить по комнате взад и вперед; их шаги были медленными, но ни один не напрасен – будто бы именно они были связующим звеном между мыслями, охватывающими и Сола, и Джона.

– Бенсон мертв, да? – безнадежно спросил Джон.

– Не знаю. Все указывает на это, но его тела почему-то нет.

– Кто-то опять помог Говарду. Убил всех возможных свидетелей, а затем еще и припрятал труп Мика. Мы окончательно потеряли связь с самим Говардом, а значит и потеряли единственного человека, который мог бы нам помочь. Искать его – уже не наше дело, шансов у нас практически нет. За ним, скорее всего, уже выпустили несколько отрядов констеблей. Но у них ничего не выйдет, я уверен.

Перед Джоном опять проскользнуло лицо Шенк.

– Вот оно! Уйди, не попадайся мне больше. – сердито вскрикнул он.

– Что происходит, Джон? – испугался Сол.

– Это все таблетки, мне начала видаться Шенк. Но ее изображение все время черно-белое, я даже не могу вспомнить цвет ее глаз.

– Ты можешь описать ее?

– Могу ли... что? Нет, она появляется на мгновение, и какое-то время после этого я еще помню ее, но затем я напрочь забываю ее лицо.

– Так, сам факт того, что ты можешь интерпретировать ее вид уже занимателен. Когда мы вернемся, нужно будет снабдить тебя листами, и в следующий раз, когда ты увидишь ее, будешь дополнять ее портрет.

– Но это ведь издевательство! Я не буду принимать эти таблетки еще, они не дают мне спокойно спать. Да и жить, в целом.

– Думаю, дело не только в них. Обычно образы всплывают в голове, когда...

– Ты сумасшедший, Сол. Они появляются только тогда, когда у тебя начинает ехать крыша. Не надо пытаться списать все на то, что я и вправду знаю эту “чертовку”.

– Хорошо, ты не будешь делать этого. – легко отбросил идею Сол. – Тогда что предлагаешь ты?

– У нас есть имя “Генри Мэдден”. Вот только мне непо-

нятно, почему они выдают одного за другим, и продолжают говорить, что кто-то их спасет. На месте их предполагаемого спасителя я бы давно продал их души, которые, во всяком случае, почти ничего не стоят. Как можно так легко называть имя за именем, зная, что ты сдаешь знакомых людей, которые могли быть тебе ближе всего на свете?

– Говард говорил что-то про конец Семерки. Он сказал, что он был “разрушительным”, если мне не изменяет память. Возможно, они не так уж и дороги друг другу.

– Тогда зачем они вообще создали ее? Кстати, а ведь правда – мы даже не знаем цель ее существования. Что может объединять Говарда, Уилтерс, Уэбли и Шенк, которая не пойми как там затесалась? Говард и Уэбли – люди разных идей, Вилли – журналист, а Уэбли – полисмен. О Уилтерс мы толком почти ничего не знаем, но они никак не могли иметь общих интересов. Хотя... чем-то она с Говардом похожа. Есть у них обоих какая-то вера в светлое будущее, оба уж слишком много говорят странностей. – задумался Джон.

– Не факт, что эти странности так странны, как ты считаешь. – приложил руку к подбородку Планк. -Они, на самом-то деле, не такие уж и отдаленные от реальности. Говард хотел на помочь, это было видно. Особенно в последние дни его пребывания здесь, когда он рассказал нам слишком многое.

– Тогда почему не все?

– Возможно, не был до конца уверен в истинности своих

действий, не до конца верил своему разуму.

– Нам нельзя быть такими критичными. Мы обязаны взирать только на факты, иначе все станет переплетаться, и мы точно сойдем с ума.

Послышался шорох. Шериф с юным детективом вместе обратили свой взгляд к стене, у которой он раздался.

– Луна! – бросился к очнувшейся подруге Планк.

– Что за!?! – оглядела она окровавленный пол. – Черт, я вспомнила. Только не говорите, что вы уже уверены в смерти Бенсона.

– Еще нет, но похоже, что так и есть. – потеряв любую надежду, уставился в пол Джон, еще не осознавая цену потери. – Как ты?

– Я совершенно ничего не помню. Только она. – она показала на золотую переливающуюся красным светом звезду. – Она хорошо запомнилась мне. Сколько мы проспали?

– Пока не знаем, как и не знаем что нам вообще делать.

Опять лицо Шенк.

“Уберись из моей головы, уберись! – про себя сказал Джон. – Нет, она просто так не уйдет. Нужно быстрее со всем этим заканчивать. Почему мне кажется нормальным, что я говорю сам с собой? Или мне кажется это странным? Я ничего не понимаю, я вижу лишь ровный путь, но все, что находится по его сторонам недоступно моему пониманию. Ничто раньше не могло настолько сильно впечатлить меня. Но это лицо Шенк! Оно кажется мне чудовищным, будто бы сам

дьявол смотрит в мою душу. Она сделала что-то ужасное, я чувствую это. Но мне нельзя опираться на чувства, я, черт подери, шериф! Видимо, мое время и вправду истекает, все, что приносило мне удовольствие, скоро станет лишь воспоминаниями. Что же мне делать? Что же мне делать? Опять Шенк! Уберись!”

– Нам нужно бы раздобыть что-то о Генри Мэддене, но все, что мы знаем – это имя. Нужно будет проведать Перри, его тело должно до сих пор лежать там, если, конечно, никто не учуял тот мерзкий запах из его комнаты. – предложил Сол.

– Что мы можем там найти? – вернулся в эту реальность Джон.

– А мы ее вообще обыскивали? – резонно подметила Луна. -Нам не помешало бы вернуться, чтобы разобраться что там произошло.

– Что непонятного? Уилтерс задушила его, из-за чего нет никаких следов ранений.

– Мы можем найти там что-нибудь интересное. Перри... кто он?

– Библиотекарь, кажется. – почесал затылок Сол. -Но ты ведь не думаешь, что нас пытались защитить, и это все он ночами крал твои листы.

– Почему бы тогда ему не украсть сразу все? – спросил Джон.

– Это другой вопрос, но мы не можем ставить все на Го-

варда. Я понимаю, это безумие, но это может быть и не он. Нужно перечитать все мои записи...

“Темнота в глазах. Черт! – опять разразился голос внутри Донлона. -Записи, они не нравятся мне. Неужели я буду героем какого-то детективчика? Нет, я не хочу быть героем такого романа – лучше уж я паду смертью храбрых в психологическом рассуждении, словно старый дух его автора. Опять пошли странные мысли. Кажется, я ищу смысла там, где его нет. И не могу остановиться. Если я герой романа, то и все остальные – тоже! Но я ведь буду самым ужасным среди них, верно? Не хочу быть антагонистом в этой жалкой истории. А-ах, с каждым днем мне все больше приходится заставлять себя не думать. Не знаю хорошо ли это? Вот опять, как же мне не думать об этом? Все вокруг смотрят на меня? Только не это, только не это. Что? Я точно разговариваю с кем-то извне. И почему меня не волнует смерть Бенсона? Все ведет к тому, что мне безразличен мир. О да, ведь именно к этому я стремился всю свою жизнь, да, чертова судьба?”

– Нам нужно съездить к Перри, это единственный человек, местонахождение которого мы знаем.

– Мертвый человек. – подчеркнул Сол. -Это несколько усложняет всю ситуацию, потому что никто и ничто не может подсказать нам, был ли кто-то в его номере после нашего ухода.

“Я слаб. Ничего не могу поделать ни с собой, ни с другими. Почему в последнее время я начал так часто вести раз-

говоры про себя? Я что-то скрываю? Возможно. Погоди, почему “возможно”? Я не уверен в явлении своих секретов? Боже, какой я бессильный! Ведь мог допросить Говарда о его прошлом, как бы нам это помогло! Столько одновременно совпадений и несостыковок во всем деле! Почему я не говорю это другим? Нет, лучше не надо, иначе меня точно сочтут за сумасшедшего. Или все же стоит? Черт!... почему в моих мыслях так много слов, связанных с тем, что ждет меня после смерти? Эта проклятая жизнь меня уже изрядно вымотала”.

– Надеюсь никто не заподозрит нас в том, что мы убили Перри. Потому что если там не будет его трупа, то им явно заинтересовались. – сказала Луна.

– В любом случае нам следует ехать на Уотермелон-бич, где и находится тот отель, в котором мы обнаружили Оскара. А где Джеффер... а-а, точно, он ведь возомнил себя мстителем, которого обделила судьба. – недовольно пожаловалась Паркинсон. -Он теперь готов убить нас, кто-то забил в его голову мысль о том, что все, что он делал было неправильным.

– Им нам еще предстоит заняться. – запланировал вновь пришедший в себя Джон. – Мы не можем оставить его на той стороне, он ведь помогал нам с самого начала.

– Помогал? – спросила Луна. -Он, конечно, может быть в расследовании больше чем я, но он точно сыграл уж больше противоречивую роль, чем...

– Не говори так. – холодно вымолвил Донлон. – Ты не можешь судить о нем, ты не знаешь...

– Мм, не знаю своего родного брата...

– С которым не провела и четверти своей жизни, Луна! Где Несси, Уилл, которые должны заботиться о вас? Не забывай, что я тоже имею смысл в твоей жизни, и тоже знаю что вас связывает.

– Ничего. Он далек от меня, как и я от него, и вообще – я не выбирала проводить большую часть времени с тобой!

– Как и не выбирала появляться на этот свет. Не помнишь, как ты продолжала, все время, начиная с нашей первой встречи, просить меня рассказать тебе об очередном деле, которое ты пыталась зарисовать в своем альбоме. Я знаю больше, чем тебе кажется. Может хватит воспринимать меня как чужого человека? Может я и не знаю Джеффа, но ты для меня совершенно прозрачна.

– Брось ты, Джон! Я не хочу преуменьшать то, что ты сделал для меня...

– Ты уже это сделала! – язвительно воскликнул шериф.

– Не придавай всем моим словам столько значения, Джон. Да, я не смогла бы прожить без тебя, но, по правде говоря, большую часть времени, что ты проводил со мной, ты тратил лишь на рассказы о себе. И почему ты никогда не пытался поговорить с Джефферсоном? Он ведь старше меня, должен понимать тебя лучше.

“Что отвечать? Сказать ли правду? Сказать при Соле? Ох,

меня ждут долгие разговоры. Лишь бы не выскочила Шенк, прошу”.

– Хватит с меня споров! – решил сменить тему шеф. – Ты права, нам нужно ехать к...

Он соорудил вопрошающую гримасу, всем своим видом намекая на то, что совсем забыл имя, которое хотел произнести.

– Перри. – резко сделавшись чуть добрее, напомнила ему Луна.

– Точно, к Оскару Перри. – дополнил Донлон и почесал затылок. – Совсем выпало его имя из головы. Но сперва следует изучить все в этой комнате, пока нас отсюда не вывели насильно.

– Неужели никто не заходил сюда после побега Говарда? – поинтересовалась Луна.

– Из осторожно охраняемой тюрьмы сбежал псих, который убил детектива и еще несколько надзирателей. Думаю, что ни один адекватный человек не ступил бы сюда ногой после такого. – усмехнулся Джон.

– Справедливо. – согласилась Паркинсон. – Давайте тогда быстрее все тут осмотрим и уйдем отсюда к чертям собачьим, а то кто знает, что может поджидать нас еще.

– Пра-виль-но! – категорично высказался шериф и подошел к все смиренно лежащей звезде.

Он нагнулся и взял ее в руки, не боясь испачкать кровью свои и без того грязные руки. В ее блеске он увидел свое

отражение.

“Это она, звезда моего товарища, потерянного навсегда. И я даже не знаю, где бы мог находиться его труп! Тот, кто это сделал, поплатится жизнью. Я самолично прострелю ему черепушку. Клянусь всем, что у меня осталось”.

Пару секунд еще поглядев на звезду, он положил ее в карман куртки и вновь выпрямился.

– Больше ничего нет... – сказал он вслух, бесцельно посмотрев на пол.

Затем шеф медленно обошел лужу крови и присел у мертвого констебля.

– Знакомый нож, – с подозрением сказал Донлон и взялся за его рукоять.

“Ошибка! Дактилоскопия теперь бессмысленна. Зачем ты коснулся ножа, зачем?” – спросил себя Джон, но быстро отбросил эту мысль и продолжил тянуть нож. Лезвие его не заканчивалось – оно тянулось все дальше и дальше, аккуратно выходя из живота трупа.

Когда оно, наконец, полностью было в руке у Джона, тот, еще раз внимательно посмотрев на него, воскликнул:

– И вправду знакомый!

“Погодите, у нас нет дела Шенк, мы ведь проверяли. Тогда откуда я знаю ее лицо? Она была в чем-то другом деле? Я что-то упустил. А может, я уже знаю развязку дела? Все близится к концу, напряжение все выше и выше, и вот, должен наступить катарсис... но нет. Его нет! Жизнь такая шутни-

ца, или это я схожу с ума? Начинаю задавать риторические вопросы самому себе. Таблетки не помогают”.

– Донлон, что ты сделал!? Ты про отпечатки пальцев слышал? – разозлилась Луна, увидевшая как шериф держит в руках нож убийцы.

– погоди, мне надо вспомнить где я его уже видел, он напоминает мне что-то, очень сильно напоминает. – не обратил внимание на слова той Джон.

– Ты серьезно? Ты вообще в своем уме?

– Мы знаем убийцу. – остановил возгласы Паркинсон Сол, схватив ее за плечо. – Отпечатки нам уже не помогут.

– Но мы не знаем, кто убил Шенк! Мы расследуем убийство Бенсона или ее убийство, давайте уж определимся?

– Если мы будем каждый раз спорить друг с другом, нас точно пристрелят.

– Я не спорю с тобой, Сол, я лишь недовольна тем, что Джон теряет шанс за шансом!

– Поговорим об этом в другой раз, сейчас нам нужно аккуратно идти по следу. Мы не можем быть слишком эмоциональными, это только мешает делу.

– Ладно-ладно, хорошо, Джон, извини. – с необъяснимым чувством вины отступила Луна.

– Джон, ты вспомнил, где видел этот нож?

– Нет, это воспоминание где-то глубоко в моем мозге, я чувствую, что когда-то могу вспомнить. Это странно, но я это чувствую. Я заберу его, заберу нож.

– Ты совсем свихнулся?

– Здесь есть камеры, в конце концов – никто не подумает, что это мы его убили.

– Все это время здесь были камеры?

Планк и Луна обернулись к противоположной стене и увидели черный бесчувственный глаз, безмолвно висящий над ними. На его стекле отчетливо различалась большой раскол. Было件нятно, что питать надежду на него было бессмысленно.

– Ты ведь в курсе, что в эту камеру стреляли, и стреляли, по всей видимости, несколько раз.

– Как я раньше не заметил!?! – не поверил глазам Джон, до этого видевший черный глаз совершенно невредимым.

“Я видел ее полностью целой, никаких осколков. Меня обманывают. Или я обманываю себя?”

– Черт, как я сразу не заметил. – начал корить себя Дон-лон.

– Так, надо ехать в отель, срочно. Здесь мы больше ничего не найдем.

– Да, он прав. – согласилась Луна. – Джон, ты готов?

– Да, да, конечно. Мне уже лучше, гораздо лучше. – неуверенно ответил шериф и, закрепив кинжал за поясом, первым вышел из комнаты.

Он открыл дверь и ступил в темный коридор. Тут же свет пропал и в комнате. Кто-то ударил Джона в ногу, и шериф сразу же достал пистолет. Он услышал быстро удаляющиеся

ся шаги и побежал вперед в темноту. Никого он не замечал, кроме себя и своего внезапного врага. Его частый топот перекликался с топотом убегающего; казалось, что вот-вот он воткнется в стену и больше не увидит света. Донлон хотел уже сделать выстрел, как его остановила рука Планка, и он пришел в себя.

– Джон, ты жив? Джон! – услышал он над головой.

Он открыл глаза и увидел пытающегося сделать хоть что-то Сола.

– Что со мной произошло? Только-только я шел с вами, как...

– Ты резко начал бежать по коридору, пока не столкнулся с тупиком. Нет, Джон, тебе нельзя вести расследование в таком состоянии.

“Он сказал, что мне нельзя вести расследование? Так может он свихнулся, а не я? Совсем не понимает, о чем говорит”.

– Нет. – инстинктивно возразил Донлон. – Нет, я не могу остановиться. Нет.

– Но...

– Я сказал все. Хватит решать за меня мою же судьбу, ясно? Пусть я и не в самом лучшем в своем состоянии, но зато мне не опасно верить.

– Это правда.

– Быстрее идем отсюда, только быстрее... – тяжело попросил шериф и самостоятельно оторвался от холодного камня.

Они втроем быстрым шагом преодолели четыре двери и вышли в главный зал, в который пробивался тонкой линией лунный свет. Ни одной живой души (*и стоит упомянуть, что и ни одной мертвой*) – полное загадочности небытие воцарилось в Блессурте. Только эхом улетающие вдаль звуки шагов, словно соприкасающиеся с водой капельки росы.

Сол, Луна и Джон прошли вдоль стены до выхода, и вышли на улицу. Из мирной испуганной тишины они попали под бурный дождь, затмевавший любые голоса. Они посмотрели на ряд впереди стоящих машин и, остановившись на черно-белой патрульной у поворота, поспешили к ней. Все тот же серый свет отражался от ее окон и преломлялся в фарах, распускаясь в разные стороны. Джон открыл дверь, сел на водительское сиденье и крепко взялся за руль.

“Главное не засыпай; дорога предстоит быть долгой, но ты не засыпай, дружище”.

Сол открыл дверь сперва Луне, после этого себе, и сел рядом с Джоном. Донлон с укоризной посмотрел в зеркало, направил свои суровые веки прямо в глаза Паркинсон. Та неловко сдвинулась с места и отвернулась в сторону.

– Уотермелон-бич по ночам прекрасен! – неожиданно радостно объявил Донлон, нажав на педаль. – Поистине прекрасен.

С этими словами они тронулись с места и проехали настолько долго, что мне приходится начать новую главу.

Глава 22

“Ты чуть не заснул. – на середине пути заметил шеф полиции. – Но таблетки пока не нужны. Кажется, мне с каждым часом становится лучше. Проехали достаточно много. Но насколько много? – Достаточно, чтобы заявлять о том, что мы проехали достаточно много. Нет, лучше мне, видимо, не становится. Я знаю, что во мне общаются две души, но не пытаюсь прервать этого. Или не могу? Или боюсь? Если кто-то ведет диалог, а размышляю над ним, получается во мне серьезно три сущности. Мне это не нравится. Последнее время не писал отчеты. А они нужны. Погоди, если ты напишешь отчеты, то я рискую быть уличенным в сумасшествии. Да, ты прав, но по-другому я не могу. Достать ручку. Черт, я на дороге, как я мог забыть. Вообще, связан ли мой текст? Или это просто никак не подходящие друг другу слова, словно слепо набранные на печатной машинке? Вижу знак: Watermelon-beach, “e” немного стерлась. Ниже написано: 10 miles, “e”... тут не стерлась. Что? Мы уже настолько близко? Мы будем там уже через несколько десятков минут. Да уж, мои два внутренних дружка пожирают мое время”.

Машина пронеслась мимо очередного знака с объявлением о приезде на заветный пляж, и автомобиль резко повернул в ораву зданий. Извиваясь, как всегда, между домами,

патрульная все приближалась и приближалась к мотелю.

“Сколько раз мне уже приходилось проскальзывать между всеми этими другими машинами, каждая из которых только и хочет, что обогнать другого. Почему бы не всем стать терпимее? Терпение убивает прогресс. Правда? Кто это сказал? Моя тоска по счастливой жизни зашла слишком далеко. И сколько раз я себе это уже повторял!”

Стоп! – жестом будто бы указала судьба. Остановка.

– Приехали. – проверив в кармане пачку сигарет, громко сказал Джон и опять посмотрел в зеркало.

От увиденного его пробрала дрожь: Сол лежал, облокотившись на дверь, а на его плече спала Луна.

Это поразило меня. Я говорю не “что-то”, а именно “это”. Я устал от всей этой неопределенности, пришло время конкретики. Что-то меня занесло.

Луна так невинно и преданно посмотрела первым делом на него, я не знаю что меня охватило. Я будто открыл новую грань жизни, до этого мне неизвестную.

Из заметок Дж. Донлона

P-A-B-C-B-D-E-F-B-G-H-I-J-D-K

(прим. автора: я, кажется, понял, как работает шифрование!)

– О, наконец-то... – продравши глаза, со сдержанностью обрадовалась Луна и толкнула в бок Сола. -Просыпайся, улитка!

Планк почувствовал удар – этот пришелся прямо в печень. Он чуть не пришел в ярость, но открыл глаза, и боль резко утихла.

– Улитка? – повторил он слово, которое услышал последним. – По-моему, улитки не спят больше остальных животных...

– Ты медленно просыпаешься, Сол! А нам нельзя медлить.

“Медленно просыпаюсь... А нам нельзя медлить...”

Беспричинно или нет, но теперь я не могу задумываться об этой фразе. Просто не могу.

Из книги “Дело о Безликой Семерке”

Несчастные (прим. автора: Несчастный – значит обвиненный в несчастье. Можно ли обвинить кого-то в том, что он несчастен? Не думай, лучше не думай) **детективы** вышли из автомобиля и, сделав несколько шагов с характерным звуком, что издается при ходьбе по лужам, зашли в теплое уютное здание.

– О, это снова вы! – радостно воскликнул хозяин гостиницы. – Зачем пожаловали?

– Тебе лучше не знать. – сурово сказал Джон и пошел по памяти в комнату Перри.

– На протяжении скольких лет он снимал здесь жилье? –

задумалась Луна в середине дороги, когда увидела клубки паутины в углу между стеной и потолком. -Ему явно не повезло в жизни, если это место – единственное, где он мог жить свои последние годы.

– Тут ты безоговорочно права... – непроизвольно согласился Джон, ведя пальцами руки по стене и думая над совершенно другими вопросами.

Дойдя до двери, Донлон бесцеремонно пнул ее ногой и наступил своим переносящим любых насекомых в земле ботинком на мягкий ковер у порога.

– Па-дамс! – чуть ли не хихикнул шериф, когда не увидел труп Перри. -Кто же подготовил нам столь неприятный сюрприз?

– Он его спрятал. – моментально догадался Сол. -Он не мог вынести его, нас приняли без каких-либо подозрений.

– Видимо, его не так уж часто навещали...

– Нужно обыскать все: каждый шкаф, каждую полку и каждую щель.

Джон прошел дальше и сперва осмотрел все. Не удовлетворившись этим, он принялся внимательно изучать небольшой стеллаж, на котором, кроме возвышенных равнин пыли, ничего не было.

– Здесь ничего. – потеряв друг о друга руки, сообщил он.

Тогда Планк открыл шкаф и тут же, попятившись пару метров назад, упал на спину. Он нервно отодвигался руками и ногами от шкафа, но его встретила стена, которая неиз-

бежно заставляет его встретиться с тем, что он увидел.

С наклоненной на бок головой на петле в нем висел Перри; лицо его было до жути синим, а глаза раскрыты так неестественно широко, что казалось, лучше бы у него их и вовсе не было.

– Твою ж дохлую крысу! – испуганно воскликнул Джон.

Луна, между тем, жизнерадостно прошла мимо висящего тела, а затем с необычайным интересом взялась рассматривать его.

– Он возвращался сюда, и возможно, что не один раз. – шокировано начал рассуждать Сол.

– Мы не знаем, когда он вернется еще, если, конечно, вернется.

– А может он уже этим пользуется! – посмотрели друг на друга товарищи, уловив общую мысль, и посмотрели в окно.

“Чутье. Что-то близится”.

Но за стеклом ничего не было – все бил по крышам угрюмый дождь, не перестававший испускать капли в бой.

– Нет, вы точно помешаны. – сделала свой вердикт Луна, как стекло с бесконечным количеством тонких ударов разбилось на тысячи осколков.

Послышался первый треск, затем второй, и в стене показалась дыра диаметром чуть меньше сантиметра.

– Все сейчас же бегите из комнаты! – закрыл собой двух стоящих у угла юных “искателей богатств” шериф и схватил правой рукой револьвер.

Он сделал выстрел в неизвестность в ответ и тоже побежал к двери. Выбежав за поворот, он узрел бегущих к выходу товарищей.

– Стойте! Нет, не выбегайте на улицу, черт возьми! – старался он донести до тех, но у него ничего не удавалось.

Раздался звон колокольчика над входной дверью, а затем выстрел.

“Только попробуйте умереть, дорогуши. Ой как вам не поздоровится, если вы умрете сейчас в этом захолустье...” – подумал Джон, и выбежав во входную, почти наугад пустил очередь куда-то в сторону ряда окон. Сначала он посмотрел направо, и увидел только дрожащего и пытающегося набрать воздух хозяина отеля. Донлон перевел взгляд на перевернутый стол возле себя и увидел за ним прячущихся от рока вошедшего друзей. Не получив ни секунды на размышления, он только лишь услышал тихий вылет пороха, и что-то тут же поразило его плечо.

– Ну вот мы и встретились в последний раз. Не хочу тянуть свою речь, просто следует вас всех убить. – из-под тени выглянула хитрая улыбка.

– Джефферсон. – узнав по голосу своего недавнего приятеля, и сам тому дивясь, обратился к нему шериф. – Нам всем нельзя паниковать, совершать резкие движения, понимаешь?

Он легко отбросил от себя пистолет и поднял руки.

– Я обезоружен, видишь?

– А я нет. – он выстрелил еще раз, теперь в ногу шефа.

– Мм... – пытаюсь сдерживать крики боли, стал изнывать упавший на колено Донлон.

“Будь аккуратен в выражениях, только не приходи в ярость, только не при...”

– Джефф, что ты сейчас чувствуешь? – попытался пойти по другой дороге к взаимопониманию Джон, пока Сол и Луна бегло перезаряжали оружие.

– Что я сейчас чувствую? Безысходность, да! Это, пожалуй, лучшее слово, которое я могу использовать сейчас. В конце нашей дуэли останется лишь один победитель. Возможно, это произойдет сегодня, а, может быть, в любой другой день.

Из-под деревянного стола вылетел, точно ядовитый дротик, снаряд. Он пролетел возле деревянного столба и вонзился в руку Джефферсона, который, выбросив револьвер, упал на пол. Услышав его жалобное возмущение, Сол и Луна поднялись из-за стола и направили оба пистолета в своего обидчика.

– Не стрелять! – властно сказали они хором и выстрелили около ботинок Паркинсона.

– Луна! – доброжелательно развел руками тот. -Ты в первый раз соизволила так неожиданно встретить меня! Неужели Сол так сильно повлиял на тебя?

– Заткнись. – выступил вперед Планк. -Ты чуть не убил нас двоих, и можешь с легкостью можешь столкнуться с той

же участью, что постигла всех других пойманных.

– Вы недооцениваете того, кто ведет на вас охоту.

Осознав сказанное Джеффом, Джон резко подошел к нему, взял за воротник и поднял к стене.

– Только не спрашивай, где мы заложили динамит, хорошо? – будучи готовым ко всему, с насмешкой попросил Паркинсон.

– Что? – не понял шериф. – Вы еще где-то успели взрыв организовать? Еще нам этого не хватало.

– Да нет никакого динамита, неужто вы поверите любому бреду?

“Это уже неважно. Спроси его о том, что действительно имеет значение”. – с этой мыслью шеф прижал того к стене с еще большей силой.

– Кому ты служишь?

– Служу!? Ха-ха, я никому не служу, мы сотрудничаем ради собственной цели, но тебе этого не понять. Ты привык работать в одиночку, пусть у тебя когда-то и был напарник. Я понял, почему ты его потерял.

– Скажешь еще одно слово, и я прибью тебя. – посмотрел в глаза раненого Джон.

– И если сделаешь это, проиграешь безвозвратно. Убить меня – значит еще раз облажаться, вы еще не поняли? А вот мне убить вас – значит вас одолеть. После долгих, казавшихся мне вечными дней, я понял, что служить кому-то – не такое уж и благородное дело. Я проводил днями, раздумывая

о расследованию...

– Но ничего нам не говорил, почему же? Почему таил все свои обиды внутри? – спросила Луна, попытавшаяся вытянуть из своего брата всю душу.

– Я... я сомневался в своих помыслах, уже тогда во мне закрадывались сомнения насчет ваших злоключений. Я знал, что если вы найдете меня угрозой, то не будете медлить и сразу же отстраните меня, а так я напал на вас неожиданно, застав вас врасплох. Теперь у меня куда больше шансов обрести славу, не находите?

– Но мы не делаем это ради славы, ты не понимаешь?

– Брось ты, все я понимаю. Единственное, на что каждый из нас может рассчитывать в жизни – это лишь на свои собственные силы. Если собираешься прожить последние дни в этом захолустье – флаг тебе в руки. А я, пожалуй, с меньшим сопротивлением заберу у вас все, нежели буду страдать, находясь в этом городишке еще многие годы. Только представь, сколько возможностей у меня будет после моей внезапной известности и богатств. И вы тоже проводите это все ради признания, не врите мне.

– Джефф, так нельзя. Да, с самого начала нами двигало желание разбогатеть, но потом я быстро понял, что есть что-то ценнее, чем слава.

– Ты опять говоришь, как сентиментальный лицемер, может хватит жить в вечной иллюзии?

“Вспомнил про мертвого Бенсона. Осознание смерти дру-

того человека приходит в самый неожиданный момент. О черт, я разговариваю сам с собой, последствия моих вечных поисков смысла существования дали о себе знать”. – подобно Джону, подумал про себя Сол, впервые ощутив плоды, как он думал, сумасшествия.

– Не смей называть его так! – с беспомощной злостью грозно велела Луна и навела палец на курок.

– О, кровинушка моя, а ведь раньше ты была на моем месте. И если бы только Сол выбрал не тебя, а меня, тогда бы ты почувствовала всю мою боль, всю мою горечь поражения, которую я превратил в торжество победы! Усыпил вашу бдительность, нанес удар оттуда, откуда не ожидали. Поселил в вас страх, переросший в нервный ужас, который теперь всегда будет охватывать вас при виде меня, чуть не закончившего ваши жизни.

– В твоих словах нет ни капли правды! Все, Джон, надевай на него наручники, ему пора отправляться за решетку. – решительно сказал Планк и опустил свой кольт.

– Но не может же все так быстро закончиться. У убийства должен быть мотив, а у вас его нет. Придется вам его найти, прежде чем запускать в меня пулю. Хотя, думаю, правда будет лучшим из таких мотивов.

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно спросил Сол.

– Это конец истории, дружище! И этот конец истории должен быть оправдано красив.

– Не носи чушь, ты никогда бы не убил друга.

– Не стоит пытаться усмирить ярость нашей вражды, Планк. Разве ты не знаешь – *цикличность* и *изменчивость* – единственные две вещи, которые остаются постоянны в мире?

– Ну так что мешает тебе измениться?

Никто не смел вступать в их дуэльный разговор – борьбу мнений и понятий, борьбу взглядов на жизнь.

– Если мы не замечаем изменений, это совсем не означает, что их не было. Не существует изменчивости без цикличности, они – одно целое, одно восполняет другое. Все мы меняемся с течением времени, но все приходим к тому, что для себя решили много лет назад. Я до сих пор удивлен, как вы – Луна и Сол – так сплотились, ведь были так далеки!

– К чему этот вопрос?

– Мм, тебе неудобно. Я знаю о всех твоих подводных камнях с давних времен, а она толком и догадываться о твоей сущности не может.

– Наша беседа идет не в то русло, разве не так? – захотел остановить пламенную речь Джефферсона Сол. – Зачем ты перешел на сторону Семерки?

– Я вовсе не обыкновенный предатель, я непонятый и обреченный на предательство. Оно, можно сказать, было лишь вопросом времени. Если раньше мы ходили по улицам и могли знать, что твой товарищ заступится за тебя, то что сейчас? Где та чаща, в которой волки, как не беги, тебя съедят, орлы, как не лети, тебя схватят и птицы, сколько не рой под зем-

лю, очаруют тебя своим пением? Где теперь все это? Знаешь, виноват в этом даже не ты... Луна, вот кто был корнем всех зол. Она отняла у меня то, чем я дорожил больше всего на свете! Она должна поплатиться за все.

– Но как же ваша родственная связь? Я знаю тебя намного меньше, чем знает тебя она. – закрыл он рукой Паркинсон.

– Зато ты знаешь меня куда глубже, ты исследовал все пути моего запретного мирочка. Луна, а ну-ка расскажи, почему мы никогда не пробовали поговорить по душам?

– Хватит пытаться ее, Джефферсон.

– О-о, как вы жалко смотрите вместе! Даже я с простреленной рукой выгляжу увереннее вас двоих. Что ж ты ее так защищаешь? Любовь – это лишь еще одно горе, а...

– А дружба тогда что? Люди постоянно гибнут и гибнут, и я мы не можем просто не любить из-за осознания того, что любимый человек может уйти раньше тебя.

– Ты просто не чувствовал себя преданным, Планк. Почему мы не могли продолжать жить той жизнью, что была у нас до всего этого расследования? Да, она была не насыщенная, но была так сладка! Вспомни, как мы могли ночами напролет гулять и обсуждать теории о пересекающихся вселенных, вспомни, как мы все время спорили о разных научных книгах и работах, горели дискуссиями и этой неразрывной, на первый взгляд, связью между нами. По правде говоря, мне надоел этот сладостный разговор – пришло время судьбы. Так и кончается вечная дружба! – вздохнул Джефф и что-то

щелкнуло. Не успел он и дожать курок, как в шею его влетела очередная пуля.

Хлынула кровь. Джон стоял неподвижно возле места, куда он ранее бросил оружие и переводил дыхание. Луна посмотрела на шерифа. Сол посмотрел на шерифа. Джефферсон схватился за горло, но в душе понимал, что эту неравную дуэль он окончательно проиграл. Кровь просачивалась между его пальцами, протекая рекой в серый коридор. Он не мог остановиться кашлять, но не переставал держаться за горло. Сол с Луной продолжали опустошенно глядеть на шерифа, который был не в силах опустить пистолет. Минута для всех показалась вечностью; вечностью, в которую никто не может ничего сделать.

Резко этот долгий период оборвался – Джефферсон за-мертво рухнул на деревянный пол, на лице Джона появилось полное непонимание того, что он совершил, но Сол и Луна по-прежнему смотрели на него в ожидании объяснений.

“Все катится по наклонной. Хуже и хуже, хуже и хуже. Кажется, что главы в моих заметках становятся длиннее, но смысл в них все теряется и теряется, как я теряю смысл всего происходящего. Что я сделал не так, за что мне все это? Судьба платит мне моим неправильно совершенным поступком новым неправильно совершенным поступком. А знаете, она и вправду озорница”.

– Д-джон. – весь дрожа, начал самостоятельно Сол.

– Ш-шериф. – обратилась к тому же Луна. -Я н-не могу

поверить своим глаз-зам.

“Почему все стало таким жестоким? Почему я раньше не замечал этого в мире?”

Алая полоса продолжала простираться по всему помещению, уходя в его глубины.

“Осознание приходит со временем, сейчас только изумление”. – сказал себе Сол, предпочтя не понимать, что происходит.

– Я не хотел, я просто хотел защитить... он взял пистолет... – всхлипывая, начал объяснять шериф. -Вы не поймете... Я не хотел его убивать... Я, я не мог допустить вашей смерти.

– Но допустил его, Джон! Нет-нет-нет-нет-нет, скажите мне, что это сон. Ты дал волю чувствам, а это недопустимо, ты ведь сам говорил!

Донлону было нечего ответить. Он с мольбой о прощении смотрел в глаза Сола и внимал его словам.

– Ты ведь даже не понимаешь, что сделал! Если убил моего брата, то почему мы должны быть уверены, что не убьешь нас? Что, если переступишь через нас в слепой погоне за счастьем? – спросила Луна.

– Джон, ты совсем не чувствуешь цены утраты, а так вести дела нельзя. Ведь ты продолжишь стрелять в людей, зная, что тебе за это ничего не будет, единственный аргумент против убийства у тебя это то, что тебя могут за это уплести за решетку. Я чувствую, что все близится к концу. И поче-

му все всегда заканчивается так ужасно? Почему мы просто не могли раскрыть дело, почему встряли в эту цепочку преступлений?

– Потому что мы создатели этой цепочки, Сол. Именно мы виноваты в том, что случается с нами. – начал Джон, опираясь руками на колени. – Я не мог дать ему выстрелить: если бы все произошло худшим образом, я бы не смог больше жить.

– А как же теперь будем жить мы, Джон? Ты не понимаешь, что мы потеряли уже слишком многое? Бенсон, Джефферсон, кто дальше? Если собираешься перебить нас всех, то сделай это сейчас – так ты хотя бы будешь не таким злым предателем.

– Он бы убил вас обоих. – полностью веря своим словам, сказал Донлон.

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствовал; знал, что так произойдет. Что-то подсказало мне, что это будет моим единственным верным решением.

– Но ты ведь сам говорил, что нельзя полагаться на чувства, ты сам видел в этом только опасность. И вот – ее результат!

– Я пересмотрел свои суждения, поменял представление о мире, Сол. Из того сурового старика я, кажется, стал совсем другим. Теперь я не тот скучный шериф, которым ты меня знал.

– Не смей списывать все на твои душевные изменения.

Мы видим, как ты становишься психом, и вот тому доказательство. – показал пальцем на труп Паркинсона Планк.

“Мне послышалось, или он сказал, что я становлюсь психом? Что-то ударило мне в голову на этом слове, из-за этого я его и не расслышал. Зачем я объясняю себе очевидные вещи, которые сам понимаю?”

Луна подошла к мертвому брату и тронула его концом своей туфли.

– Джефферсон – настоящий мерзавец. Как и ты, Джон. Даже не знаю кто из вас хуже, оба вы не дорожите тем, что у вас есть.

– Мы не обыскали комнату Перри. – обратился Планк к Паркинсон. – Нужно бы поискать в ней что-то стоящее, может это нам хотя бы сколько-то поможет.

– Думаю, нашему положение не поможет уже ничто. – с тоской вымолвила та и пошла по коридору вперед.

Планк пошел за ней, а Донлон остался стоять. Он непрерывно смотрел на труп, на его уже начавшие становиться синими руки, которые крепко сжали шею, на два мирно закрытых глаза, которые уже не искали лучшей жизни, которые упокоились со всеми своими невзгодами и неудачами.

“И неужели сейчас мы снова окажемся в рутине, когда найдем адрес Мэддена, поедем к нему, допросим, узнаем новый адрес, поедем туда, допросим, узнаем новый адрес... Почему все события, что выделяются из моей обычной жизни, настолько ужасные? Самое страшное в этом то, что я ви-

новник сего торжества”.

Планк внимательно изучал каждую дощечку в шкафу с висящим телом Оскара, пытаясь не реагировать на противный запах и невольно искривляющий любую физиономию вид.

Он проводил рукой по полке, пытаясь нащупать хоть что-то, затем переходил к следующему разделу. Рассекая ладонью толстый слой пыли и не находя абсолютно ничего, с каждым пройденным уровнем его поиск все больше казался ему бессмысленным. Ударяясь о стенки шкафа, он все переносил и переносил свою руку, даже не ловя взглядом ее движение. Вдруг она столкнулась с высоткой бумаг.

Сол медленно, не видя уже ни в чем суть, повернул голову, и не на шутку удивился стопке бумаг, которую никак не ожидал увидеть в шкафу Перри. Он немедленно снял ее с полки и положил на стол, бездушно стоявший в углу комнаты.

– О-с-к-а-р П-е-р-р-и. – взглянул на первый лист он. – “Traición amistosa”.

“Что-то на испанском. – подумал Планк. -Неважно”.

Планк начал перелистывать страницу за страницей, чтобы понять, что именно громадой лежит перед ним. Читая пару слов за секунду, он быстро проглядывал строчку за строчкой, стараясь ухватиться за каждое из них, но теряя суть каждого с такой же скоростью, с которой он доходил до очередного пробела.

– Мм, все может быть куда неожиданней, чем мы думали... – как и прежде, загадочно, сказал Сол Луне, которая в это время с тоже любопытностью посмотрела на бумаги.

Планк долистал до конца и перед ним осталась лишь страница с надписью «el fin»³.

– Когда-то он писал, причем писал, возможно, достаточно много. – предположил Планк.

– И ты хочешь сказать, что он крал листы? – поняла наводку Паркинсон.

– Именно. Но тогда у него должен был быть мотив, и... он у него вполне даже есть. – обернулся к Луне Сол и посмотрел на ту воодушевленными глазами. – Нам надо узнать, кем он работал до и после того, как стал писать, но думаю, нам это не удастся. Возможно, он захотел вновь обрести свою известность после долгого застоя.

Паркинсон подошла к висящему трупу и прикоснулась к его рубашке. Она полезла в ее карман, наткнулась там на что-то мягкое и прямоугольное и вытащила какой-то скомканный листочек.

– Обычно, все свои предметы люди прячут в самых очевидных местах. – с легкостью слова сказала Луна и неуклюже посмотрела на надпись на свертке. – Это, должно быть, его визитка.

– Что там написано? – любопытно спросил Планк, не переставая смотреть на свою подругу.

³ Конец (исп.)

– “Топос Скепсис, д. 12”, или что-то в этом духе. Нужно проверить, что там находится. Перри работал там когда-то, и это может нам помочь. Возможно, он именно тот, кто все время крал у тебя листы из твоих записей. Нужно срочно найти что-то еще. Я проверю еще его карманы, а ты поищи в остальной комнате, это не может быть единственной находкой здесь.

Планк молча открыл второй ящик в тумбе. Посмотрев на белое ее дно, он быстро закрыл ее обратно и продолжил искать, на этот раз открыв еще один шкаф, последний в комнате. Он был чуть ниже предыдущего, но поражал своей загадочностью не меньше. Взглянув на верхнюю полку и ничего на ней не поймав глазами, он соскочил на вторую, затем на третью, четвертую; он стремительно близился к самому низу, пока в его ушах не прозвенел звук скользящей по столу бумаги.

– Это было в другом его кармане. – объяснила Луна, аккуратно положив перед собой новый обрывок. – “Читальный зал, у самого входа”.

– Кто-то хотел встретиться с ним, и видимо тот, кто пригласил его, и приложил руку к его убийству. А иначе кто бы стал приглашать какого-то неизвестного никому старика на загадочную встречу, после которой его таинственно убивают.

– Ты прав, безоговорочно. Надо быстрее сказать Джону и

выезжать к этому “Топос Скепис”, надеюсь он прихватил с собой карту города.

– Он сейчас явно не в лучшем расположении духа, да и состояние у него довольно критическое.

– Но мы ведь не оставим его здесь? – наивно спросила Паркинсон у Планка.

– Нужно обдумать это, Луна.

– Ты сам говорил – нам нельзя медлить.

– Мне нужна одна ночь, всего одна. Завтра утром, чувствую, мы положим начало концу этому сумасшествию. Я чувствую, что мы близки, что после всего произошедшего те, кого мы ищем, теперь стали осторожнее, стали бояться нас.

– А что, если наоборот – они копят силы и хотят сыграть на недооцененности?

– Тогда бы они не стали вербовать Джефферсона, они беспощадно использовали его. – грустно признал Сол.

– Не надо, Сол. Только не сейчас, я не хочу погружаться в тоску, пока что я хочу думать только о... деле. – вздохнула та, будто сама недовольная концом фразы.

– Ладно, я пока и сам не в состоянии осмыслить случившееся.

“Почему я так не встревожен смертью товарища? Это ведь поистине ужасно, или я обманываю сам себя?” – спросил себя Планк.

– Полагаю, здесь больше ничего не найдется. Ты обшарила все карманы?

– Да, этот был последний. – кивнула Луна.

– Отлично, тогда пора делать ноги – в любую минуту сюда могут нагрянуть тучи других полисменов.

Сол и Паркинсон закрыли все отсеки, вышли из комнаты, захлопнули дверь, и через пару секунд (*которые начали отсчитываться у меня в голове. Прим. автора: или лучше не подавать виду, что я сумасшедший?*) они были уже перед сидевшим на полу и смотрящим в одну точку Донлоном.

– Подвел вас, потерял все, что у меня было! – раскаялся он.

– Джон, не стоит. Никто из нас не виноват в том, что произошло.

– Но кто-то ведь не виноват в этом в меньшей мере! Я должен отступить – дать вам самим закончить дело.

– Но ты не можешь жить без него. Лишив тебя его, мы лишим тебя единственной радости.

– Эта радость стоила мне стольких проблем с головой? Мне кажется, что все здесь постепенно рушится, становится совершенно неестественным. Почему-то я чувствую, что всюду обман, что изначально все расследование было не ради расследования, а ради чего-то потустороннего.

– Шериф, не говорите так. – сжав кулак Донлона, попросила Луна. – Мы закончим дело, и его исход вас не разочарует.

Джон поднял голову и впервые посмотрел в ее глаза так искренно и понимающе:

– Мне хочется верить твоим словам, но за секунду во мне убивается больше, чем оживает. Я становлюсь совсем бездушным, или, быть может, бездушным лишь в этой реальности.

– Джон, мы не подведем тебя. – пообещал Сол, протянув шефу руку.

Тот поднялся на ноги и посмотрел на двух своих приемников. Оба они горели энтузиазмом и порывом завершить начатое.

Казалось, с посылком отправить нас в долгий путь он хотел закончить свою мысль. Никогда до этого я не видел его таким разбитым и одновременно горящим надеждой.

Если бы все описываемое случилось чуть позже, он бы точно сказал “carpe diem, <...> пусть ваша жизнь будет необыкновенной!”

– Добро пожаловать в чашу, где улитки, как не беги, тебя догонят, где орлы, как не ползи, тебя схватят своими острыми когтями, и где солнце, сколько бы солнцезащитных очков ты не надевал, все равно будет палить на тебя со всех сторон.

Джон пожал руку и еще раз посмотрел в глаза каждому из них:

– Я буду ждать вас каждый рассвет, каждый закат и каждый бой колоколов. Я отчаливаю, но лишь на время, и мы встретимся там, где суждено нам оказаться вместе.

Джон подкинул в воздух ключи от патрульной, и те, пролетев над его головой, попали точно в руки Солу.

– Поезжайте, расследование не ждет.

– А как же ты? – спросил Планк у шерифа.

– ...Меня встретит какой-нибудь полуночный попутчик, захватит меня и довезет до участка. Хватит мне жить жизнью, в которой все решаю я: по-моему, намного интереснее идти за рукой судьбы.

– Спасибо, Джон. Спасибо за все. – тихо вымолвил Сол и открыл дверь, собираясь уйти.

– И еще. – остановил того Джон, -Держите трубку наготове, будьте готовы взять ее в любой момент – никто не знает кто встретит нас, пока мы бродим во мраке одни.

На эту просьбу Сол не ответил. Он вместе с Луной вышел из гостиницы и сел в машину. Нажав на педаль, он тронулся с холодного асфальта и медленно поехал к повороту.

“Где суждено нам оказаться вместе. – повторил про себя Сол. -Я никогда не забуду эти слова, никогда не забуду его выражения, и никогда не забуду его испачканных в крови ботинок – таких одновременно замкнуто-строгих и грешных”.

Доехав до перекрестка, патрульная повернула направо и проехала вдоль кирпичного дома; вдоль его серой стены, у подножия которой злобно, тая все безрассудство ее забывшего, покоилась нетронутая серебряная пуля.

Глава 23

Мой разум буквально схлопывается. Кто-то стал главным героем моей истории вместо меня, это одновременно пугает меня и заставляет восхищаться произволом истории и ее автором.

Прим. автора: если я пишу свои отчеты, считаюсь ли я автором своей истории, или же я всего лишь ее наблюдатель? Я вообще в том смысле употребил слово “наблюдатель”?

Всю дорогу Луна в раздумьях смотрела в окно: то на капли, сталкивающиеся с ним, то на отражающееся в нем небо. Ни на одну секунду ее взгляд не терял желаний исследовать этот мир, подобно расследованию дела, нить которого она с необыкновенным интересом распутывает, ни на одну секунду ее взгляд не переставал пылать верой в то, что всех их ждет финал, свойственный самым лучшим традициям драмы и романтизма. Все глубже и глубже погружаясь в размышления и представления о мире, она искренне поверила в реальность своих фантазий, и была совсем не рада, когда ее счастливый покой был нарушен певческим зовом Сола:

- Пора выходить, уважаемая. Мы добрались до участка.
- Брось ты, поклонник светских бесед! – развеселил вы-

шедшую из машины Луну вызов Планка. - Не такие уж они и светлые, знаешь ли. Все время говорят об одном и том же, а толку никакого! И что ты в них нашел?

- Ты ведь знаешь, что у меня неподдельная страсть к драгоценностям. - улыбнулся тот в ответ. - Отсюда и такая тяга к высшему обществу.

- Я и не заметила как наши разговоры стали намного душевнее, Сол.

- Что ты хочешь этим сказать? - частично поняв намек, спросил Планк.

- Тебе решать... Как говорится, мы сами вершители своих судеб! - громко разразила Паркинсон. - Интерпретируй как хочешь, все понятия все равно субъективны.

- Правда? Не думаю, что какая-нибудь цифра... или термин в науке субъективен.

- Ты ошибаешься, Сол! Все воспринимается нами по-своему, каждая частичка этого мира - все оно сделано для нас, надо восхищаться, исследовать это!

- Раз так, я пойду к забытому всеми холму на окраине, можешь не ждать меня до утра - думаю, мои раздумья поглотят меня целиком и полностью.

- А я, пожалуй, наслажусь вкусом горячего кофе, сидя в кабинете шерифа. Ведь теперь мы ведущие этого дела, верно?

- Ага. - начав искать что-то в кармане, согласился Сол. - Только не смей оставлять дверь в участок открытой, иначе

нежданный гость не заставит себя долго ждать.

– Да ты чего!?! У меня, в конце концов, револьвер есть! – самоуверенно воскликнула Луна.

– Если не закроешь дверь, я лично пущу пулю около твоей головы. В общем, когда кто-то постучит в окно – знай, что это я желаю зайти внутрь.

– Конечно. – покачала головой другая. -Но вот открою я тебе или нет, решать буду я.

– Ну ты и интриганка. – устремился в последний раз перед уходом Сол в глаза, кажется, самого родного для него человека. -Жди меня с восходом солнца.

– Как восхода солнца. – поправила сердечного друга Луна.

Планк улыбнулся, сделал глубокий вдох, и вприпрыжку помчался к зеленому одинокому холму, у которого проводит все больше и больше времени.

Его подружка, поглядев на него еще некоторое время, повернулась и зашла в здание. Окутанная косыми взглядами констеблей, она прошла в кабинет шефа и быстро закрыла дверь, желая уединиться и встретиться лицом к лицу со своими думами.

Перебираясь с ноги на ногу, Сол тяжело и устало тащился к холму. Только сейчас удары Джефферсона почувствовали ему во всей красе: его лицо хотело разорваться на кус-

ки, будто горело изнутри, но, посмотрев на свое отражение в сияющем пистолете, он не увидел ничего, кроме рассечения щеки. Планк замечал странным, что движения его стали и труднее, будто бы лишь с этого момента они ощущались в полной мере. За ним на дороге оставался длинный грязевой след, смешанный с полосой крови. Постепенно его охватывала необъяснимая паника.

Луна положила перед собой телефонную трубку и белый лист бумаги. Полазив в парочке ящичков близ стола, она нагнулась на упаковку сигарет. Ее желание почувствовать что такое “эта криминальная жизнь” было неукротимо – она достала пачку и вывалила немного ее содержимого на деревянную поверхность.

“Господи, Джефферсона больше нет с нами! – задумалась она. -Господи, почему я только сейчас это поняла?”

Резко в глазах у Паркинсон потемнело, ее мысли показались ей удручающими, но просто необходимыми. Только в это мгновение она осознала чего стоило им все расследование, которым они управляли. Чуть помедлив, она достала из сумки кухонный нож, который подобрала при схватке с братом.

– Что мы наделали с тобой, мой дорогой Сол? Ведь убили невинного человека, в чьей несчастной судьбе сами винов-

ны. Зачем я общаюсь сама с собой? – всхлипывала она при любой мысли о Джефферсоне.

Она дотянулась до лежащей на краю стола ручки и начала рисовать. Рисовать резкими линиями, накладывающимися друг на друга. Спустя несколько десятков проведенных черт, на листе проявилось лицо. Невинное и нетронутое жизнью, совершенно не знающее пороков. Неопределенный цвет глаз, волос, рассеянные границы морщин и очертаний – все пыталось сделать вид, что нарисованный портрет представляет не Джефферсона, но, увы, Луна знала, кого хотела изобразить. Она посмотрела на это еще не столкнувшееся с ударом несправедливости выражение, а затем вспомнила его лицо перед каждым ударом битой.

– Нет, ты был совсем не таким! – разозлилась она на себя и перечеркнула твердой линией нарисованное.

Затем жестко, чуть ли не протыкая бумагу, провела еще одну, затем еще и еще, пока из аккуратного рисунка он не превратился в порождение абсолютной ненависти. Луна резко остановилась и зарыдала. Вся любовь и непонимание поступков сконцентрировалось в ней, она не могла не поговорить с кем-либо. Она достала блокнот, и сквозь слезы, начала:

“Я поняла, почему все пишут отчеты. Поняла, да!, поняла! Мне нужно поговорить с кем-то, но поблизости никого нет. Я должна услышать кого-то, но звук не доносится до

меня. Вот зачем люди пишут отчеты! Они совсем не сумасшедшие, а наоборот – хотят разобраться в себе, я поняла, поняла! Каждое мое слово, пролитое на этот тонкий лист, теперь искрится радостью и в то же время окрашенное моей печалью и запятнано моей судьбой. Я, конечно, не фаталист, но полагать, что наша встреча с Солом не случайна мне нравится намного больше, чем искать в этой случайности потайной смысл”.

Паркинсон поставила точку и вырвала страницу с написанным. Она спрыгнула со стула и закружилась вокруг себя, потому что знала, что сейчас сделает. Она легко бросила обрывок на пол и вышла из комнаты. Пройдя до входной двери и уже не останавливаясь на глаза других, она, проверив заряженный кольт, вышла из участка и, любуясь ночным сиянием луны, понеслась на крыльях воодушевления к холмам; холмам печальных отчуждений!

Планк, уже сидевший на синей траве и ужасающийся своим мыслям, достал пистолет.

“Я начинаю сходиться с ума... Так же, как и Джон. Потерял все: сначала семью, затем друга, сейчас и потерю наставника жизни. А все из-за дурацкого желание прославиться, черт подери! Я смотрю в свое отражение, но не нахожу в нем

взгляда понимания, я вижу лишь две черных точки, в которых множится бесконечное количество раз темное небо. Нет смысла писать отчеты, все равно они служат лишь подсказкой убийце. Вечно я говорю об убийце, убийстве, а может... всего этого нет? Может, все время мы охотились на себя же? Надо об этом подумать. Нет, времени нет. Надо решаться. – он сжал рукоять оружия в правой руке. **-Так решайся же, Сол”.**

Последнюю фразу сказал не Планк – голос другой.

“Кто это? Эх... как же мне плохо, нужны таблет-... нет, нельзя поддаваться. Они разрушат твою жизнь полностью, в этом и сомневаться не стоит. **Сол, но ты ведь хочешь избавиться от мук? Кто ты?! Отвечай!** – Планк огляделся вокруг. Никого нет. -Вот же черт! У меня точно поехала крыша. Но когда? Когда весь этот кошмар начался? **Осознание приходит позже, Сол, не сразу.** Опять этот проклятый голос! Зря я читал свои отчеты, зря читал все, что в них оставлял этот негодяй! **Нет, ты сам оставлял все заметки, ты сам организовал свои похороны, Сол.** Заткнись! **О, видимо я беру контроль над тобой, верно? Джон так же стал безумцем, просто пока вы этого не замечаете. Он бродит кругами по ночам в своем кабинете, постоянно свистит себе под нос. Откуда ты, в смысле я, это знаю? Не знаю. Догадываюсь. А-а! Как избавиться от тебя, чертов подлец? М-м, ты решил играть до конца. Револьвер в твоей руке.** Нет, этот способ слишком аморален, я не бу-

ду. Тогда будешь жить со мной всю оставшуюся жи-изнь. Лучше уж так. О, да ты у нас хочешь показаться героем? А как насчет этого?!”

Голову Планка поразила острая боль. Он взвыл и схватился за виски.

“Зачем тебе все это? Цель обесценена, когда дорога настолько пуста, разве не так? Избавиться от тебя... избавиться. Нет, этот способ единственный”.

Планк поднял револьвер и приложил его к подбородку, параллельно шее. Приложил пальцы к курку, и чуть не нажал на него от испуга из-за женского голоса позади:

– Сол, я не поняла, что ты делаешь?

Сол обернулся и увидел бегущую к нему Луну.

– Что случилось? Я думал ты проведешь остаток дня в участке...

– Собрался убиться тут? Нет, я тебе этого сделать не дам. – села она рядом с Планком.

– Я не знаю куда двигаться, хотя мне кажется, что я знаю куда ведут все дороги. Все эти люди, которых мы встречали... Они ведь не убивали других.

– погоди, Шенк что ли не в счет?

– Ее убил один человек, я практически уверен. Мы раскрыли Говарда, Уилтерс, Уэбли и Шенк, и никто из них не убивал никого другого.

– Почему ты так уверен?

– Они все невинные душой, рассуждают так искренне, так

наивно!

– Ты не можешь говорить так о всех, ты не знаешь ни одного из них достаточно хорошо, чтобы судить об их свершениях.

– Я верю им, мне хочется это делать. Я не могу представить, что мне нужно назвать кого из них виновным. Да, они могли соучаствовать, но только не по собственной воле. Перед всеми ними поставили выбор... Говард не зря недоговаривал о конце Семерки. Виноват здесь всего один – человек, который заставил их делать этот выбор. Завтра придет время узнать всю правду. Убийца, должно быть, знает, что завтра мы окажемся на Топос Скепсис, но он не знает, что мы до этого догадываемся.

– Знаешь, я много раз приходила к этим холмам в прошлом, тогда ты даже не знал об их существовании. Просто посмотри сколько их! И каждый такой одинокий, каждый представляется мне опечаленным человеком, у которого даже нет друга! Не с кем поговорить, не с кем обсудить свои заботы жизни. Я уверена, они тоже о чем-то да думают. Все, на самом деле, о чем-то думают. Но самые глубокие мысли, безусловно, выдвигают холмы и розы. Холмы – это мудрые старцы, которые знают о мире практически все. На протяжении многих лет они передавали из поколения в поколение свои знания о нем, и вот сейчас, мы видим результаты их раздумий...

– Тогда как с этим связаны розы? – заинтересовался рас-

суждениями Луны Сол.

– Они одни из самых мудрых цветов, но получили свои знания, в отличие от молчаливых холмов, благодаря разговорам с другими цветами. Будучи самым важным королевским домом, они имели доступ к любому другому семейству, и собирали самые разные знания со всего света.

– Тебе не кажется это слишком сладостным?

– Ах! Кажутся... да вот только не найти другой двери из этого угрюмого мира, кроме как этой. Мы столько многого прячем в себе, я устала от этого, мое сердце разрывается от того, что я не могу быть честной с другими. Все мы слишком замкнуты, будто скованные в своем мирке, когда в мирских просторах царствует свобода!

– И никто не понимает другого, точно подобно этим тихим холмам. Каждый говорит о своем, и запоминаются лишь только факты.

– Ты понял... тоже понял! – радостно воскликнула Луна и сама взяла за руки Сола. – Скоро нас ждет новая жизнь, финал где-то близок. Сол, ты не представляешь, как я тебя обожаю!

От счастья на ее глаза навернулись слезы.

– А помнишь, как все начиналось? – тут же засмеялась она. – Все эти люди, они сблизили нас, они самые настоящие вершители судеб!

Планк, не понимающий верен ли он себе и своим чувствам, повернулся к возлюбленной.

– Я, конечно, не фаталист...

– Но полагать, что наша встреча predetermined, мне хочется больше всего. – улыбнулась Луна, услышав мысль, над которой тайно думала и не раз.

– Точно. – глаза Планка засияли верностью и очарованностью. – Это прекрасно, прекрасно жить, зная, что тебя окружают единомышленники!

– Не только, Сол. Жить прекрасно уже из-за того, что тебя окружают поистине хорошие люди.

Они оба легли на спины и посмотрели на небо.

– А ведь мы, своего рода, тоже вершители судеб. Но мы такие жестокие! Разрушили жизни самым обычным людям... Огромному количеству таких невинных и до этого, быть может, даже счастливых людей.

– Не думай, Сол. Чем больше ты думаешь, тем хуже тебе становится. А я не хочу, чтобы тебе становилось все хуже и хуже, ты ведь знаешь?

Планк застыл на одной звезде – ничего кроме ее движения и представляемого в голове звука ее пылания он не замечал.

“И она, такая же одинокая, но разумная, которой есть так много чего сказать, движется, сама не зная куда. Уж точно мне не хочется оказаться в бесконечном циклическом повторении, вот что действительно ужасно”.

Уже не впервые встреченный случайным проезжающим в

паре километров от гостиницы, Джон, удобно расположившись на мягком кресле кроссовера, к полуночи добрался до участка. Он прошел мимо коридора, ведущего в его кабинет, и поднялся сразу на второй этаж, к комнате Бенсона. Как и в былые времена в своем кабинете, он сел за рабочий стол и задумался: “Я ведь никогда даже не заходил в его кабинет. Как и в кабинет Уэбли”.

Шериф перевернул вниз головой свой рюкзак, и из него сначала выпал блокнот, часы, острый карандаш, а затем ровно пять таблеток.

– Так и знал, что вы меня не подведете. – шепотом сказал он, поймав одну из них в ладонь.

Еще три из них упали на стол и, прокатившись немного к краю, остановились в паре сантиметров друг от друга. Пятая же отскочила от кресла и упала на плитку. Джон хищно наклонился под стол и, внимательно разыскивая потерянного дружка, медленно пополз вдоль стены.

– Собралась убежать? У тебя ничего не выйдет, ты не представляешь насколько ты мне нужна.

Краем глаза он увидел овальное тельце вблизи ножки стола, и тут же дотянулся ее и вернул в кучку ей подобных.

“Пока, вроде бы, неплохо. Но в любую секунду может стать хуже”.

Лицо Шенк.

“Ладно, одна не помешает. – решил Донлон и закинул в рот одну капсулу. -Надеюсь, сейчас-то ты меня преследовать

не будешь?

Опять лицо Шенк.

“Черт, оно не отпустит меня. А мне ведь еще о стольком надо поразмыслить! Чертов я не даю себе же осознать случившееся, а без осознания я не смогу прекратить существование второго меня. Кажется, я и вправду в петле”.

И опять лицо Шенк, залитое кровью и полное ожогов.

Джон начал трясти коленкой. Его пятка постоянно отрывалась от пола и затем возвращалась к нему.

И опять, опять лицо Шенк, залитое кровью, полное ожогов и глубоких порезов.

“Ладно! Чего ты хочешь?” – взбесился Донлон.

Он отвел взгляд в сторону. Увидел висящий на стене портрет 35-го президента страны.

Затем шеф вспомнил слова Планка и подумал: “Ладно, Сол, только ради тебя. Не знаю скольких мук мне это принесет, но теперь я чувствую, что должен”.

Донлон взял карандаш, вырвал из блокнота девять листов: сложил их в прямоугольник: три листка в один ряд и три в другой – и начал вести грифелем по бумаге. Вдруг остановился. Портрет выпал у него из памяти.

“Чертов закон Мерфи! Где ты, Шенк, когда ты так нужна?”

Лицо вновь проявилось.

– Фу-ух... Хорошо, хорошо. – продолжив вести каранда-

шом по листку, вздохнул с облегчением Джон.

Вот линия прошла стык страниц и перепрыгнула на соседний обрывок. Шериф осторожно остановил руку – опять забыл куда вести кривую.

На секунду в глубине его разума опять показалось **то, что ему нужно.**

Не обращая уже внимание на головную боль, он, обрадовавшись, прочертил еще до следующего листа, но после этого со злостью кинул карандаш в стол и развалился на стуле.

“Она появляется на слишком короткий промежуток, я не успеваю запомнить ее! Осталось четыре таблетки. И ни одна не заставит убраться этому лицу у меня из головы. Получается, выбора у меня нет”. – рассудил Джон и раскусил еще одну таблетку.

В этот же миг перед ним прояснилось все то же лицо, но на этот раз оно оставалось в его памяти чуть дольше – он провел почти прямую линию, изображающую рот, и затем немного опустил ее конец.

“Хорошо, хорошо, уже лучше. – проговаривал про себя Джон, неуверенно ведя руку все ближе к левому краю.

Доведя ее до конца самого левого листа, он опять ушел в забвение – как и не видел заветного лица. Через пару секунд оно снова пролетело у него перед глазами, и он быстро продолжил. Тонкая черная линия не заканчивалась, а наоборот – убегала все вперед и вперед, затем останавливалась, а затем как ни в чем не бывало продолжала свой путь. Но со време-

нем остановки учащались, а их продолжительность увеличивалась. Джон все больше и больше злился на себя, пока, наконец, на очередной неудаче, полностью не сбился с толку.

“Опять она исчезла! Я только закончил половину, а она уже дважды заставляет меня приходиться в ярость. Но я не могу сдаваться, и это вынуждает меня раз за разом пытаться обуздать мою психопатию. Однако она развивается, и с каждым разом мне все сложнее запоминать ее лицо, будто я живу жизнью двух совершенно разных людей. Это так отвратительно! Словно один Я знает секреты человека, который мне близок, а второй Я ими пользуется. Чувствую себя подонком. Но не должен сдаваться, не должен. Вспоминай!”

Голову накрыло волной боли. Джон вцепился пальцами в ручки кресла и, пытаясь как можно быстрее избавиться от нее, схватил со стола оставшиеся три таблетки и быстро проглотил их.

Через пару секунд Донлон лежал на кресле без памяти.

– Что это? – открыл глаза он, услышав звук течения.

Посмотрел налево, в окно – увидел сияющее солнце, остальное вокруг различить было невозможно. Повернул голову правее, заметил разноцветную косулю, стоящую за голубым ручьем, не имеющим ни истока, ни впадающего ни во что.

“Что здесь, вашу мать, происходит?” – повернул он голову на бок.

Животное сделало тот же жест и уставилось на шерифа.

“Чего она глазеет на меня? Это какая-то уловка или так должно быть?”

Донлон сперва выпрямил шею, а затем положил голову на другой бок. Косуля в точности повторила его движения.

“Мм, получается она ничем не лучше меня... Ага...” – подумал Джон и сделал шаг в лужу. Не успела его ступня дотронуться до нее, как все под ним превратилось из мокрого асфальта в летнюю траву. Он, ничего не понимая, еще раз осмотрел все в округе. Ничего и никого – лишь одна странная косуля по другую сторону ручья, безостановочно повторяющая за прибывшим на эту поляну. Донлон сделал еще один шаг; не почувствовал ничего необычного, сделал еще. Пройдя так метров пять к ручью, он перестал бояться делать резких движений и спокойно пошел к потоку воды. Вокруг цвели розовые сакуры, их листья были душевно-розового цвета, каким обычно окрашивается небо в самые едиனுшные и счастливые вечера. Их тонкие ветви не переставали смотреть вверх, ближе к лучам, которые совсем не доходили до земли под деревьями. Джон, внимательно следивший за своими ногами, посмотрел на косулю. Та еще несколько секунд стояла на своих тонких ножках, и затем пронзила насквозь ледяная стрела. В миг кровь ее брызнула на лицо шерифа, и солнечное утро сменилось суровым морозным вече-

ром: трава вся обратилась покровом снега, а теплый ветер – леденящей душу вьюгой. Крупными клочьями они врезались в лицо Джона, уже потирающего всего себя руками. На белом снегу осталось красное пятно. Послышался возглас вороны. Он эхом пронесся над всем лесом и, возвратившись, ударил в голову Донлона. Пред глазами его пролетела стая птиц и разлетелась по ветвям деревьев.

Первое карканье. Второе. Вдруг вся стая издала один протяжный стон, и земля содрогнулась. Солнце ударилось о поверхность земли и лучом провело вдоль нее линию. Джон посмотрел на снег – на нем до сих пор был заметен след крови. Он побежал дальше от света, где его никто бы не нашел, но вдруг из-под снега стали вырываться волчьи пасти. Шериф изо всех сил отбивался дулом револьвера, но их становилось все больше. Наконец, неудачно попав рукой прямо меж клыков, он почувствовал, как его плоть расходится, и затем посмотрел на запястье – то, уже полностью забрызганное кровью, неугамонно подергивалось вблизи находящейся в пасти кисти. Та так же беззаботно каталась из стороны в сторону. Джон еще раз посмотрел на предплечье и упал на спину без сознания.

Не успев проспать ни секунды, он поднялся и почувствовал за собой спинку кресла. Делая быстрые вдохи и выдохи,

он тронул рукой место на столе, где до этого лежали таблетки, но там уже ничего не было.

“Что за чертовщина только что показалась у меня в голове?” – спросил он у себя второго.

– Не забывай рисовать, Джон, фиксировать черты лица Шенк. – сказал он себе и, не отойдя от увиденного, сосредоточился и продолжил, не отрывая, вести карандашом по бумаге.

На бумаге резко стали быстро различаться границы носа, глаз, казалось, что заветный портрет будет вот-вот готов. Но посмотрев на свое творение целиком, Донлон ужаснулся: опять вспомнил, что откуда-то ведь он уже знает его. Не мчится ли он обратно во времени? Не столкнулся с точкой сингулярности, когда ничто уже не движется ни в каком направлении?

Вечная головная боль сопровождала каждый переход с листа на листок, рука Джона дрожала от страха очередного удара. Но в один миг его сознание перевернулось: убрав локоть с бумаги, он лицезрел до боли (*в прямом смысле этого слова*) знакомое ему выражение.

“Я точно видел его, точно! Не мог ведь я так ошибиться!”

Несмотря на незавершенность рисунка, один только хмурый взгляд Шенк ошеломил его.

“Это фото где-то близко, оно должно быть в каком-то из кабинетов, я помню его, помню!” – восклицательно пробормотал его мозг, который тайно давал всему телу команды.

Донлон вышел из кабинета и, шатаясь от стены к стене, еле ставя ноги, перебирался между комнатами. Он знал, что только в одной комнате он мог найти давно затерявшееся у него дело – в той, где по сторонам рядами стояли многочисленные ящики и в которой практически не было места для лишних движений.

Шериф спустился на по всем двадцати двум ступенькам, быстрым шагом дошел по коридору до черной металлической двери с вывеской “Архив”, и, толкнув ее, оказался в темном помещении. Включил свет. Три лампы мгновенно подсветили каждый ряд.

– Ну что ж, Шенк, пора тебе выходить на свет. – жадно потер ладони тот и зашел в первый ряд. – Я не помню, чтобы мне на глаза попадалась эта фамилия, но стоит проверить.

С этой неглупой мыслью он прошел вдоль первого ряда и завернул во второй, примерно в конце которого торчала белая бумажка с напечатанной “Ш”. Он непонятливо посмотрел на нее, и затем стал перебирать все папки с именами. Кто только не попадался ему на пути, но ни одной похожей фамилии он не заметил. Пораскинув мозгами, он осознал, что все было куда запутаннее, чем он ожидал на первый взгляд. По крайней мере, он искренно в это верил.

“Должно быть, она сменила имя, да! Ее не может не быть здесь. **А что если ее тут нет? Все кончено? Твоя жизнь больше не будет иметь смысла? Отвечай же!**”

Джон схватился одной рукой за голову, но не перестал пе-

релистывать папки. Чего бы не стоили ему эти мучения, так просто он теперь не сдастся.

“Слишком много я прошел, чтобы остаться гнить в своем маленьком кабинете, тебе ни за что не переубедить меня! Да что ты, правда? Я так не думаю, совсем не думаю. Когда твоя жизнь станет настоящим кошмаром, ты поймешь, как ошибался”.

Что-то похожее на последнее предложение он уже где-то слышал. Но не мог вспомнить где именно, память его вмиг рассеялась, а бдительность заснула. Закончив на фамилии “Шарвен”, он докоснулся до следующего листка, с буквой “Э”.

“Придется искать среди всех досье...” – разочарованно поднял голову Джон. Сон и бодрствование слились у него воедино *(как слились бессмысленные слова и описание обстоятельств в моих отчетах)*.

Донлон развернулся, прошел через первый ряд и вернулся к самому началу.

Он навелся глазом на букву “А”, и за ней в перспективе показались еще семь-восемь букв. Шеф посмотрел на них, как на вызов, и, тихо усмехнувшись, стал искать.

Открыл первое дело: август шестьдесят седьмого, Майкл Аркондсен. Серийный убийца, количество жертв: точных данных нет, около пяти жертв.

Остановившись на сочетании “серийный убийца”, Джон задумался: “После чего убийца становится серийным? Мож-

но ли, в таком случае, назвать его маньяком? Если да, то считаюсь ли маньяком я? Убивал ли я беспричинно, ради удовольствия? Всегда ли убийцы убивают ради него? Так, пора перестать все чаще думать об этом”.

Джон пролистал первую стопку страниц и перешел к следующей.

“Б, говорите? **Битва, бессознательность, безумие!** Не обращать внимание, не обращать”.

Он пытался не дать голосу затуманить разум, но тот был явно сильнее; и с каждым своим появлением лишь усиливается. Не найдя ничего и во второй стопке, он приступил к третьей.

“В... **Вой, война, вина!** Ты меня алфавиту учить собираешься? **Нет, Джон, не стоит гневаться – ты боишься слышать правду?** Если дело в этом, то знай, что только я могу знать все твои секреты. Ты другой, совсем ничего не знаешь обо мне. **Я хотя бы не убивал десятки людей, Джон! Не подвергал мукам никого другого!”**

Донлон неожиданно для себя хитро улыбнулся.

“**Я начинаю овладевать тобой, дорогуща! Теперь могу сам начинать мысли, видишь? Это ненадолго – до следующего приема таблеток. Таблетки, ха-ха-ха! Ты еще не заметил, что они делают только хуже? Первые минуты ты чувствуешь себя блаженно, а потом что? Правильно, потом я начинаю властвовать над тобой. Почему ты мешаешь проводить мне расследование? Я не ме-**

шаю, я просто задаю тебе вопросы... У меня и злой мысли нет, как ты мог подумать такое? Просто замолчи, хорошо? Со мной не так уж просто и договориться, знаешь ли”.

Донлон внутренне замолчал, перестал умирять своего домашнего питомца. Он продолжил идти вдоль ящиков, переступая пальцами через буквы. В его голове в танце кружились самые разные ассоциации: **гниль, дурак, идиот... мерзавец... неопределенность, одержимость, предатель...**

“Подождите-ка...” – остановился Джон, которого будто осенило понимание необъяснимого, и переместился на одно дело назад.

Он открыл фотографию, и та поразила его точным совпадением с нарисованным. Он тут же поднялся, перепрыгивая через ступеньку, в свой кабинет, бросил папку на стол и стал смотреть на фотографию. Затем посмотрел на рукодельный портрет, затем снова на фотографию... Нет никаких отличий! Боже, неужели это то, чего не хватало ему все это время!?

Детектив прочитал имя: Бонни Питерс. Затем посмотрел на дату: семьдесят девятый год, преступление: сообщенное убийство.

Последнее Джона поразило больше всего.

– Кого она могла убить? – вслух спросил он, читая ниже. – “Обвиняется в спланированном убийстве молодой девушки

двадцати лет”.

Зрачки Джона уменьшились в разы, весь мир показался ему совсем незначительным на фоне его открытия.

– Они вместе убили Шенк, вместе подстроили ее убийство и вместе замели все следы!

Донлон по привычке приоткрыл дверцу шкафа, чтобы найти пачку ручек или, если повезет, сигарет и то, что он увидел, потрясло его еще больше.

На буром дереве лежало “Дело о Безликой Семерке”, подписанное С. Планком. Он медленно взял его и стал читать:

“Теперь я каждый день, клянусь, каждый день буду приходить к этому холму, где меня встретила Луна. По ночам там бывает так прекрасно! Звезды смотрят на тебя и на обнаженную траву, как на одно и то же. Бывает, иногда, на них прольется тоскливый дождик. А утром, когда все еще спят, тебя встречают первые солнечные лучи, и прелесть их в том, что они – первые. Тогда и задумываешься о всей трагической судьбе этого мира: этого неба, этих вод, и этих холмов!

Так решайся же, Сол. Сол, ты ведь хочешь избавиться от мук? Осознание приходит позже, Сол, не сразу. Нет, ты сам оставлял все заметки, ты сам организовал свои похороны, Сол. О, видимо я беру контроль над тобой, верно? Джон так же стал безумцем, просто пока вы этого не замечаете. Он бродит кругами по ночам в своем кабинете, постоянно свистит себе под нос. Я не знаю об этом, но догадываюсь. М-

м, ты решил играть до конца. Револьвер в твоей руке. Тогда будешь жить со мной всю оставшуюся жи-и-изнь. Только не говори, что ты у нас хочешь показаться героем? Зачем тебе все это? Цель обесценена, когда дорога настолько пуста, разве не так? Уилтерс сделала свое дело, теперь мы с ней квиты. Правда, она, скорее всего, не выдержит известия о моей кончине. Нет никакого Мэддена, он уже как пару лет мертв! Жизнь не простила ему годы, проведенные в кругу Безликих. Не знаю что будет дальше, но вручаю ваше порождение вам – все, что нужно было мне от него, я уже получил. Осталась последняя, всего одна последняя дуэль. Она будет мрачна и судьбоносна. Дело за малым, ребятнишки, лишь за финальной сценой!”

В этот же момент накрыв все бумаги титульным листом, шериф рванулся на улицу. Только об одном мог думать он сейчас, все остальное убилось в нем абсолютно. Перед входной дверью он наивно заглянул в свой кабинет, но там было пусто.

– Будь ты проклята, судьба! – вскричал он и выбежал из здания.

Начался ливень.

“Он знает где они сейчас, может настигнуть их в любую секунду! Сол, зачем ты рассказал ему про холмы, зачем раскрыл тайны всей жизни. Любовь погубит вас, любовь среди предателей возможна лишь подчас! Я должен был вас преду-

предить, должен был рассказать о любимой! Никогда до этого момента это расследование не было опасной игрой! Только сейчас, когда на кону стоят жизни близких, только сейчас она опасна, черт возьми! Холмы, трагические холмы, где же они? А! Кажется, я могу знать”.

Джон пересек одну улицу, вторую, но ни на секунду не останавливался перевести дыхание – порывы его были чисты и неумолимы. Кажется, в эти минуты он впервые за последнее время стал обладать собой в полной мере. Или ему так казалось. Вокруг он не замечал ни светящихся фонарей, ни луж, в которые он регулярно наступал своими старыми дряхлыми ботинками. Не обращал внимание он и на прыгающую на его полуплешивой голове шляпу, которую так и норовило улететь и пуститься в долгий полет, в котором никто бы больше не взял ее с собой в свои тягостные приключения.

Камнем на голову упал на шерифа вид холмов, внезапно представший перед ним.

“Вот и настала минута великих свершений”. – эту мысль вселенная получила не от Джона.

Кто-то еще был поблизости. Послышался щелчок, какой обычно предшествует выстрелу. Краткий рокот! и опустошение. Через секунду раздался еще один. Услышав его, Джон остановился. Бежать было страшно – да и, наверное, уже бессмысленно. Путь до холмов в его глазах растянулся в разы, сделанные шаги показались совсем короткими. Он посмотрел на дорогу и вновь побежал, пытаясь не смотреть вперед –

туда, где его, как он думал, ожидало самое страшное. Не отрывая глаз от нескончаемых луж, в которые наступал, Джон достал револьвер и был готов стрелять. Посмотрел вперед – никого не видно, только вдали высятся горы. Пробежал еще чуть-чуть, поднял голову – и снова пустота. Но он знал: где-то там, в глубине этих извилин находятся три человека. Дон-лон вдруг стал усыпляться. Револьвер чуть не соскользнул с его руки, и точно выстрелил, если бы шериф вновь не посмотрел на холмы и не увидел лежащее тело. Он тут же собрался с мыслями, но ни о чем другом, кроме как о мертвце, думать не мог: “Кто это? Я должен узнать кто это!” Шериф ускорился; подбежав к дереву за метров пятьдесят до трупа, он разглядел сидящего рядом на коленях человека. Точечным выстрелом поразил взглядом лицо уснувшей ей, и все его самые потайные догадки подтвердились.

Светлые волосы, минуту назад извивающиеся на легком ветерке, сейчас были неподвижны, зеленые глаза, живо мотающиеся по миру, сейчас погрузились в душу Джона. Точно в его глаза были направлены два бесчувственных зрачка.

“Все кончено, это точка невозврата. Что же будет с Солом, что же с ним будет!?” – подумал он и вспомнил все прошлое. – Все было ведь так хорошо! **Не стоит лицемерить, ты ведь так не считаешь.** Все было так светло и чисто, как первый выпавший снег. **Ты совсем не слушаешь меня?** Мы не заметили, как перед нами пронеслась наша счастливая жизнь, которую мы глупо упустили. В порыве всех желаний совсем

не оставляли времени на понятие прекрасного, на осознание лучшего, что было с нами. **Что же подумают Несси и Уилл, как будут огорчены, не правда? Виноват в этом ты, и сам это понимаешь. Чем дольше ты здесь – тем больше печали оставляешь вокруг”.**

Рука его непроизвольно подняла пистолет. Он медленно повернулся в сторону головы, как Джон отпустил его.

“Так-то! Где же ты сейчас, второй я!?” – зло передразнивая, воскликнул поймавший себя второго Донлон и увидел убегающую фигуру в черном плаще. Шефу полиции легко различим был свойственный серебряный отблеск пистолета, первая идея его была о предательстве Бенсона. Но тот уже не жив, что-то одно никак не сходилось.

Резко отпрянув от всех забот, он ринулся за убийцей. Перебегал с холма на холм, иногда терял из виду свою цель.

Ночь проведена зря, если все ее страсти не посвящены месту!

Из отчетов Дж. Донлона

И вот – уже никто не видит их обоих и никто не может помешать им решить свои судьбы. Вышли на равнину и остановились отдышаться. Ни один не желал сейчас смерти другого. Медленно передвигая ноги по земле, Джон увидел сияющий под светом луны револьвер.

“Опять этот кольт, таких в городе всего два – у меня и у Мика. Не перестаю убеждаться в том, что Бенсона серьезно подставили”.

– Кто ты такой? – крикнул впереди стоявшему Донлон. – Неужели откажешься от решающей встречи лицом к лицу? Рано или поздно все равно ведь ответишь по закону!

Силуэт в плаще молча стоял. Его границы были весьма размыты из-за перебегающих очертаний плаща, которых хаотично метали потоки ветра.

Из-под револьвера выпала пуля.

– Эта последняя. – коротко отрезал незнакомец. Колебания его голоса не в точности передались Джону, он показался ему отдаленно напоминавший что-то, но все равно далекий от чего-то, что он хорошо знал и помнил.

Потоки ветра усилились, стали кружить вокруг ушей каждого из наконец встретившихся.

– Я желаю честной схватки, мы сражаемся за одно и то же – богатства. – исказился на крыльях ветра голос человека в плаще.

– Нет, ты неправ. Мы не убивали твоих людей. – не согласился шериф.

– Моих? – переспросил другой. – Никто из них не был мне близок, все они были лишь маленькими шахматными фигурами в моих руках... Холмы эти раскрывают все свои краски утром, ты так не считаешь?

Донлон, кажется, понял намек.

– Сражаться сейчас нет смысла. Оба мы, поверь уж, не захотим убивать друг друга. На недолгое прощанье – знай: я убил ее не из ненависти, и не из коварства. Шальной выстрел закончил ее жизнь. А вот что привело к этому выстрелу, будет мучить вас всю оставшуюся, весьма недолгую жизнь.

Неизвестный спрятал пистолет за пояс и побежал дальше, не желая показывать лицо. За ним тонкой струйкой разлетелась линия крови.

– Так кто ты? – без надежды на ответ, крикнул вслед тому задержавший взгляд на его исчезающих в темной траве ботинках Донлон.

Окончательно потеряв, силуэт, Джон обернулся и увидел до сих пор сидящего на коленях у древнего дуба Сола. Донлон, медленным шагом, чтобы не нарушить умиротворенные скитания потерянной души, направился к нему. Опустив голову и только изредка замечая по сторонам шуршащие листья на ветках, не до конца ощущающий горькость утраты, он подошел к широкому стволу и посмотрел на лежащую запертво Луну.

Из лба ее, не останавливаясь, текла кровь. Она ручейком сползала ближе к дорогам, где исчезла бы через пару минут, перепрыгнув на шины автомобилей.

– Он сказал, что не хотел убить ее. Совсем не хотел. – попытался утешить товарища шериф.

– Он попал ей в голову! Прямо в голову! Я выстрелил в

ответ – но тот уже почти скрылся! – пнув ногой по земле, сердито сказал Планк.

– Ты попал в него, если тебя это успокоит.

– Он не умер! Не умер, как она! – стиснув зубы, чуть ли не зарычал тот.

Я любил ее, любил всем сердцем, но в один миг вся жизнь моя покрошилась на кусочки. Ей не было суждено остаться прежней, она навсегда переменилась и изменила меня. Выстрел... само его бытие опустошает, когда ты не знаешь к чему он приведет. Почему она? Почему? Кем бы то ни был этот ублюдок, я распознаю его. Каждая морщина теперь его будет заметна мне, каждое движение губ, глаз, бровей – все будет выдавать его. Пусть пока я и не нашел его, но ничего... ничего...

Ниче- (текст обрывается)

Из “Дела о Безликой Семерке”

– Ты не виноват в ее смерти.

– Не виноват!? Как ты можешь говорить, что я не виноват!? Я должен был стрелять первым. Нет, в следующий раз, когда мы встретимся с ним, я убью его голыми руками.

– Нам надо обыскать кабинет Бенсона, в нем все не так очевидно.

– Опять ты со своим проклятым делом! У тебя оно не забрало ничего, а у нас у всех... к чему оно привело нас? Хва-

тит думать только о нем, я не могу продолжать его, пока помню о ней. – Сол с виной показал рукой на возлюбленную.

– Она – единственная, кто разделил со мной все чувства, кто понял меня! За свои девятнадцать лет, что я был с тобой, ты ни разу не попытался даже понять меня.

– Сол, пожалуйста, не начинай этот вечный спор.

– Это не спор, эти сухие факты! Никто не понимает, что лишь правильный спор ведет к взаимопониманию, никто не хочет думать об этом. Всем легче ходить со своими мыслями в своем прогнившем мешке и не мешать остальным, верно? Ты ведь тоже так думаешь, Джон. Пусть я и провел большую часть своей жизни с тобой, мы совсем непохожи. А она... – Планк снова посмотрел на Луну и расплакался.

Донлон молчал. Даже не пытался противопоставить что-то: понял, что все это не имеет никакого значения. Никто из них двоих не знал что их ждет – Сол от неведения, Джон от непонимания. “Была бы с нами Луна, она бы давно пристрелила этого мерзавца”. – признался себе шеф.

Сол осторожно поднял руку покойницы, в которой с искрометной настойчивостью лежал револьвер. Он взял его и посмотрел на отражение неба в нем. Были лишь белые точки, ничего более.

– Я не дал ей выстрелить. Остановил ее – подумал, что нельзя стрелять первым.

– Ты по-прежнему по-детски наивен, Планк. И это оставляет во мне веру в человека, в человека, способного состра-

дать, понимаешь?

– Теперь я не буду прежним. – горечь его сменилась злобой. – Слишком много я пережил, чтобы оставаться ребенком.

– Сол, но...

– Хватит. Не говори ничего. Я свой выбор сделал... Что он сказал тебе? Что сказал этот подонок?

– Он будет здесь завтра на рассвете. Хочет честной “схватки”.

– Раз так хочет, значит получит; и получит то, что заслужил. Он расплатится за все унесенные жизни.

– Ты собираешься его убить?

– Да, Джон, и не пытайся переубедить меня. Я не могу не отомстить, чувство отпора хотя бы сколько-то смягчает внутренние терзания.

– Просто... Я не хочу, чтобы ты закончил, как все...

– Уж лучше так, чем отпустить мерзавца без ответного удара. Можешь не помогать мне, дальше наши дороги расходятся.

– Ты ведь понимаешь, что это убийство мы объяснить не сможем.

– Именно поэтому я тебя и отпускаю. Лети на волю! Ты – все еще орел, который не утерял своих сил.

Донлон промолчал. Планк проверил заряжен ли кольт. Убедившись в том, что он готов к обещанному отмщению, он измученно спросил:

– Ну так что? Почему не уходишь?

– Я не могу, Сол. Я не найду себе места, если узнаю, что он убил тебя, а меня не было рядом. Это все равно, что... бросить друга в самом конце долгого пути.

– Уж лучше тебе уйти. Не кори себя за мою возможную смерть, я на это пошел сам. Еще одна потеря, и мне ее не пережить.

– Пойми, как я могу....

– Я настаиваю. Не надо всюду следовать за мной, я устал от этого. Мне надо побыть наедине.

– Хорошо. – будто разрывая последнюю связь между будущим и прошлым, уступил Джон и напоследок сообщил. – Это тебе ключи от участка, если он будет вдруг закрыт. И если будешь проходить мимо, не забудь заглянуть в кабинет Бенсона, там могут быть очень полезные документы и записки. Я не буду рыться в них до того, как сделаешь это ты. Надеюсь, мы видимся не в последний раз.

– И я тоже. – вздохнув, сказал Сол и поднялся на ноги. – Ты был хорошим напарником.

– А ты – хорошим другом, Сол. Все мы встречаемся не случайно, каждое наше столкновение служит тому, что заполняет в нас пустоты, укрепляя наши души.

– И именно поэтому чем мы старше, тем становимся неизменчивее?

– Да... – шепотом сорвалось с языка у Джона. – Ты мудр, как никто другой, Планк.

– Все, не надо больше слов благодарности. Мне их говорили немного, но они кажутся такими сладостными!

– Ладно. Я, тогда, с тобой прощаюсь. Если вдруг судьба тебя когда-то еще затянет в этот город, не пожалей времени заехать ко мне, мне будет не хватать тебя.

На этот раз промолчал Сол. Он опустил голову и вернулся взглядом к Луне.

– Я виноват, и не смогу себе этого простить. – сказал он себе, дождавшись, когда Джон отступит. – Единственный путь к очищению души – это месть. Она-то и искупит все грехи.

С удивительной настойчивостью он согласился с своим суждением и сел рядом с Паркинсон; небо показалось ему фиолетовым, словно скоро настанет рассвет. Но до него было еще долго – около шести часов, половину из которых Сол потратил на резко наступивший сон возле убитой любимой.

Осознание приходит не сразу? Чушь. Для каждого свое время, как же я мог этого не понимать? Я был так глуп и так наивен!

Из заметок С. Планка

Планка разбудило падение во сне, которое обычно прерывает действие на самом захватывающем моменте. Он сразу вспомнил какое несчастье настигло его, и вспомнил слова

Джона о том, чтобы он проверил комнату Мика. Оставив лежащую одну под кроной дуба, он побежал к отделению, чтобы найти то, о чем с такой таинственностью говорил Донлон. Потеряв всякий энтузиазм, он горел лишь желанием отпустить все дело. Но отпустить без ответа не мог, не мог хранить незакончившуюся историю в душе вечно.

Добежав до участка, он дернул дверь. Та не открылась. Тогда он сунул ключ в скважину и повернул его. Послышался щелчок, и Сол зашел внутрь. Лучи, сопровождающие, кажется, любого человека почти каждое летнее утро пробились во все комнаты. Планк пробежал по ступенькам наверх, пересек коридор и зашел в кабинет Бенсона.

“Ну и что же он тут прячет?” – с легким интересом спросил Планк у себя и открыл первый попавшийся шкаф. Ничего.

Прошел дальше вдоль стены, потянул за еще одну ручку. Тоже ничего. С неким облегчением от того, что еще не обнаружил ничего повергшего его в шок, он открыл верхний отсек в тумбе около стола. Тут его и ждало разочарование.

“Я совсем позабыл об отчетах! Когда последний раз писал их? Я совсем оставил мою рукопись в этой всей суматохе, но не должен был так делать. Так я окончательно потерял связь между своими действиями, хотя... Из-за этих же отчетов и начал ее терять. Так, мне надо увидеть все эти записи – убедиться, что все эти записи не чистого рода сумасшествие”.

Сол открыл первый лист и стал быстро смотреть на стро-

ки, вспоминая каждый день, когда он их писал. Вспомнил солнечный вечер в середине июня, затем переместился в дождливый день начала июля, потом ему вспомнилась теплая ночь. Не пропускал он глазами и фразы, о написании которых совершенно не помнил. Но теперь точно знал, что написал их не он; и был в этом чистосердечно уверен. Он находил все те же фразы, какие наполняли и истощали его разум. Все это время они были лишь отголосками текста, который он прочитал. Ведя диалог с другим человеком и думая, что он общается с собой же, Сол осознал довольно многое. Но он никак не мог поверить в то, что поймет намного больше, когда прочитает эти строки вновь.

Пролистав все страницы до конца, он в полном замешательстве откинулся на стул.

“Бенсон мертв. Но это как-то оказалось в его кабинете. Либо кто-то действительно хотел подставить нашего товарища, либо он совсем уж и не товарищ”.

Планк, не находя выхода в том, что обнаружил, продолжил искать – открыл ящик ниже и вот тут-то, наконец, развеял все мифы о невозможности решения дела.

Белый лист с непонятной записью лежал на дне отсека. Планк прочитал:

“Поставить будильник и закрыть дверь.

Не забудь ключ: ьчь, бнк шбууь фиэжюдцс щечхлэп м упя-мю тауетьена чт ырэм. йплр”.

– Что за чертовщина происходила в голове у того, кто это

писал? Они все, что ли, как и мы, походили с ума? Или погодите-ка, это ведь шифр! Точно, тут что-то упрятано. Слово “ключ” неспроста, мне нужно срочно разгадать это сообщение!

“Ты не хочешь знать правду. Прекрати сейчас же! Иначе мне придется расправиться с тобой до того, как ты выйдешь отсюда! Не мешай мне, я не остановлюсь. Тебе не убить меня, пистолет остался у дуба. Я ведь ударю тебе в голову, и ты будешь поражен. Как и ты”. – Сола несколько не пугало явление своего внутреннего голоса – а даже наоборот, его забавляли никчемные выходки внутреннего “я”.

Я не знаю, что тогда заставило не бояться его. Я знал, что он может закончить мою жизнь, но почему-то не мог признать это. Видимо, тяга моя к теориям заговора, приданная от Джефферсона, спасла меня в тот момент.

Из трудов “Дело о Безликой Семерке”

Первая мысль его была о шифре Цезаря, но тут он промахнулся – насколько бы не сдвигал буквы в странном сочетании, ничего осмысленного у него не выходило. Затем в голову пришла идея поразмыслить над положением букв, быстро надоевшая ему. Он задумался о слове “ключ”. Джефферсон говорил ему что-то о таком... Шифр Виженера, да! “Ключом является буквенное выражение, точно!” – вспомнил Сол.

Он быстро начертил таблицу, где в каждой клетке верхней строки и первого столбца написал буквы в алфавитном порядке, и стал заполнять остальные квадраты: на пересечении двух “а” он написал “б”⁴, на пересечении “б” с “б” написал “г” и так далее. Потратив на все про все около десяти минут, он, подняв над собой листок с таблицей, который начало просвечивать солнцем, стал изменять показавшееся ему странным выражением другим, скрытым и имеющим смысл.

– М-м-и-к, он-ни п-оочт-и р-аск-ры-ли Сем-ерку и скоро до-бе-ру-тся до тебя. Бе-ги. – проговаривал он каждую букву, которую оставлял на листке.

Перечитав сообщение целиком, он почувствовал себя одновременно и гением, и дураком. Он не торопился с известием, он опять задумался о том, что никогда до этого они не пытались копать глубже, в самую суть преступления. Из-за этого все совершенные ошибки стали заметны ему. Все их упущения привели ко всему, что они получили. Сол чуть было не впал в печальную дремоту, но взял себя в руки, и с ощущением напрасности своих долгих бессмысленных походов, рванулся на встречу с врагом, личность которого уже знал.

“Убью его, убью. Он предал не только нас. Он предал всех, всех своих бывалых знакомых! Что он сделал с Говардом, как ему удалось так легко и фальшиво инсценировать свою

⁴ Прим. автора: “а” – первая буква в алфавите, поэтому она эквивалентна ключу “1”.

смерть, чтобы мы это не заметили? Все ведь было так очевидно! На месте трупа не могла лежать одна звезда, это ведь неправдоподобно! Господи, мы так ошибались, так медлили! Что ж, пора покончить с этим всем”.

Для грандиозности своих чувств, думаю, мы пересечем немного временную ветвь и перепрыгнем через несколько глав:

ГЛАВА XXIV

ГЛАВА XXV

ГЛАВА XXVI

ГЛАВА XXVII

ГЛАВА XXVIII

ГЛАВА XXIX

ГЛАВА XXX

Да, так-то лучше. Может, конечно, это эхо моего голоса, но как бы там ни было – значимое событие должно быть совершено и описано на максимальном уровне. Это я понял, когда описывал последнюю схватку в своей последней, до этого, работе – комедийной научной фантастике. Кажется, временные линии опять оборвались.

Из поздних заметок С. Планка

Я к вам с мольбой не раз уж приходил,

*Но все не можете меня утешить
О чем с надеждой вам не говорил!
И все же не получится уверить...*

*Я знаю: был я очень глуп -
Искал судьбы своей ответы,
Пока повсюду все мне врут,
Не знал я прошлого заветы.*

*Но стоит ль жизни отдавать
За выбор скорый и печальный,
И стоит ль судьбы обсуждать
Людей в округе жизни бальной?*

*Холмы, бескрайние просторы,
Ответьте на один вопрос:
Зачем бесславные укоры?
Уж лучше размышленья роз!*

Сол добежал до места, откуда этой же ночью сбежал. Там, с тех времен, ничего не переменялось: все тот же молчаливый дуб, его переливающиеся в солнечном свете листья, а под ними – жертва любви и медлительных чувств. Планк устремился очами за горизонт – на небе возвышалось холодно-желтое солнце. Он оперся на дуб и стал смотреть за его движением – медленным и завораживающим, как полет ка-

пель дождя.

“А что, если он не придет? Что, если обманул нас. Но тогда в чем смысл всего совершенного? Не мог ведь он убивать людей ради убийства. Не мог ведь предавать ради предательства. Нет, он будет с часу на час, с минуты на минуту, с секунды на секунду. Его появление вот-вот должно обрадовать меня и мое желание убить”.

Сол, сам того не замечая, начал давить указательным пальцем на курок револьвера, ему не терпелось вложить в него всю свою ненависть и нажать на него. Позади пролился шорох травы.

– Ну что же? Пришло время ответов на все вопросы! – вышел из-за ствола дерева знакомый Солу человек.

– Бенсон, и все-таки ты такой бесчеловечный! – обернулся, крепко удерживая пистолет, Сол к злосчастному предателю.

– Пока никто из нас не погиб, давай разъясню тебе свой гениальный план. Мое самолюбие не может жить спокойно, пока я не рассказал вам всю правду.

– Какого черта я должен тебе верить и полагать, что во время своего монолога не убьешь меня? Ты предал не одного человека, так что у меня нет причин доверять тебе.

– Ты прав, Сол. Поэтому я брошу пистолет. Правда, мы должны сделать это оба, все-таки ведь ты тоже хочешь равной битвы?

Планк молча отбросил пистолет в сторону.

– Отличненько. Теперь можно начинать. – торжественно воскликнул Мик, повесив черный плащ на одну из веток. – Думаю, тебе стоит рассказать все с самого начала.

– Без лишних разглагольствований, не надо заговаривать мне зубы, ясно? – гневно предупредил Планк и продолжил слушать.

– Разумеется. – улыбнулся в ответ Бенсон и начал. – С самого начала, когда вы только начали это идиотское расследование, я увидел в нем способ одурачить общественность и заполучить все деньги мира! Только подумай, что только-только прибывший в неизвестный город детектив раскрывает одно из самых загадочных убийств за последние десять лет! Именно желание разбогатеть и устроить лучшую жизнь двигало мной тогда и движет сейчас. Кого вы первого поймали, не напомним?

– Говарда. Вилли Говарда. – холодно произнес Сол.

– Да-да, точно. Рассказать, как он сбежал?

– Он сбежал с Уэбли.

– Ты прав, но ты не знаешь кто свел Уэбли и Говарда, кто вселил в них веру в счастье! – развел руками в стороны Бенсон.

– Я догадываюсь, поверь мне. – убедил того Планк. – Лучше расскажи-ка мне как тебе удалось свести всех членов Семерки в одно место и подчинить их себе.

– Вера в лучшее, она непреодолима, Сол! А боязнь и вера в лучшее вместе – еще непреодолимее. Без угроз не обо-

шло, конечно, но в большинстве случаев убеждение строилось исключительно на наивной вере. Вся Семерка состояла из непонятых, брошенных на произвол судьбы, а потому эта вера была им необходима. Каждый Безликий не знал, чего он хочет, и я умело играл на этом, использовал это!

– Твоя смерть... Ты убил Говарда?

– О, ты спросил о моей любимой части. Как все-таки легко убедить людей, что ты умер. Особенно, когда они наполовину не верят себе же. На самом деле, основным делом было одурачить вас, оставить вас наедине с вашим “голосом”; как легко использовать отчеты другого человека, чтобы захватить его жизнь целиком и полностью. Я, если честно, думал, что вы продержитесь чуть дольше. Так вот, всего лишь намеренно бросив звезду, я заставил вас поверить в то, что меня убил Говард! Я не думал, что вы все настолько наивные.

– И ты убил всех тех констеблей?

– Ну... мне помог Говард, но в целом да, их смерти – моих рук дело. Ну а что мне оставалось делать? Они сами начали сопротивляться, поэтому не надо обвинять меня во всех смертных грехах. Почему нельзя было просто скрыться? Эм... я хотел избежать конкуренции в погоне за славой. Смотри: если бы я не отпустил Говарда из Блессурта, он бы до конца своей жизни помнил, как я затащил его сначала в участок, а затем в тюрьму, а потом еще и сам заполучил все признание. Он не такой уж обычный человек, если так подумать – он, скажу по правде, по-настоящему пугал меня. Все

время твердил что-то странное и вытворял какие-то странные вещи. Брр! Не хочу даже вспоминать, как он расправился с одним из бедных полисменов.

– Ты ожидал, что он убьет Уэбли?

– Для меня это был полный шок! У нас, у гениальных планировщиков, тоже бывают свои изъяны. Я и подумать не мог, что он убьет его, в его голове тогда творилась полная чертовщина.

– Мне кажется, он понял, что ты собираешься предать его. Когда в дело вступила Уилтерс, вот тогда он и осознал, что его обманывают. Я заметил, как он резко стал заботиться о своей жизни, чего до этого я в нем не замечал.

– Вообще, он и мне казался довольно странным. Ну... на то она и Семерка – у всех у нас разные судьбы! Помнишь про письмо с наставлением уезжать? – улыбнулся Бенсон.

– Припоминаю... Да, Джефферсон сказал мне о нем, но было уже слишком поздно. Его оставил ты, да?

– Именно! Услышав от вас же, что вам нужен “некий” Стив Лоун, я сразу понял что к чему. Мой вам ответ не заставил себя долго ждать, хе-хе.

– Вы действовали с Уилтерс сообща?

– Да, но нет. Оказывается, она все время, пока я скитался по миру, преследовала меня. Больная женщина, что сказать! Перри убила она; и в доме за твоими записями ходила она; я думал, что так мы не только отведем подозрения от моей персоны, но и в конец запутаем вас. Но тут сыграло ваше

искусственное сумасшествие – вы и без того были запутаны, и поэтому совсем перестали опираться на реальные факты. Это ее красный родстер был замечен на фотографиях, но она не была убийцей. Убийцей Шенк был я. Хотя, если быть точнее, ее звали Бонни Питерс. Она сменила имя после того, как они все дружно убили Генри Мэддена.

– погоди, все стало запутываться. Шенк убила Генри Мэддена? Зачем?

– Тут все чуть сложнее: если говорить начистоту, то технически Мэддена убил я. Мы с Шенк были почти одной душой, и каждый из нас это прекрасно понимал. Но нашим отношениям мешал этот грязный негодяй, из-за которого мне потом пришлось убить и саму Шенк.

– Как это связано, я начинаю кардинально ничего не понимать?

– После того, как она убила Мэддена, Семерка распалась на две половины – те, кто были за распад Безликих и те, что не могли жить без других ее членов. На Шенк давили со всех сторон, именно она была корнем всех проблем тогда. Я не мог терпеть, как мои хорошие, на тот момент, друзья пытаются сожрать друг друга и как давят на Бонни, и мне пришлось убить сразу двух зайцев – я избавился и от источника проблемы, и от самой проблемы.

– Ты выбрал самый простой путь, который был тебе удобен. Нет, ты выбрал путь самозванца!

– Пойми меня, до этого я все время был не понят обще-

ством, и тут я обрел людей, разделяющих мои взгляды. И глядя на то, как все это теряется, что другое я мог выбрать?

– Все вы были не поняты обществом... А может, нужно было просто хорошенько пораздумать над своими поступками?

– Ах-ах-ах! Ты веришь в то, что человек может меняться? Мы все часто подвергаемся моральному насилию, которое впитывает в нас тягу к созиданию, понимаешь?

– Нет, и не хочу понимать. Вы все как были психами, так и остались ими. А в какой-то момент я даже считал Говарда нормальным. Это все твои дурацкие приемы с записками из отчетов, они виновны в моих мучениях.

– Я не думал, что у меня получится обойти вас так легко! В самый первый раз, когда вы спрашивали меня о Лоуне... Я знал его имя, знал откуда его знаете вы, и тогда моя реакция сказала все сама за себя. Не понимаю, как вы в тот момент этого не поняли. На самом деле, весь мой план строится на ваших ошибках и управлением вашими жизнями, строящимся на подрывании ваших разумов. Тянет меня, все-таки, в психологию!

– Я ведь сказал – без разглаговольствований.

– Ладно-ладно... Так, о чем бы еще рассказать?

Тут из-за холма вылетела пуля. Она вонзилась в колено Бенсону, и тот ринулся к своему пистолету.

– Ты убил всех их! – так же желая отмщения, выкрикнул, поднявшись на самый верх склона, Донлон.

– Джон, ты ведь обещал не приходиться. Что ты делаешь? Он убьет нас двоих.

Мик, несильно пострадавший от ранения, взял пистолет и, левой рукой держа свой серебряный кольт, выстрелил в шерифа. Две пули разрезали его рубашку, а третья попала в бедро.

– “Осознание приходит не сразу, да?” – саркастично спросил Мик и подбежал к шерифу.

Он ударил Джона в живот рукояткой, и тот упал на спину.

– Песенка ваша спета!

С ног Мика сбил Сол. Он налетел на того с такой силой, что сразу же повалил его на землю и стал наносить удары по голове. В каждом его взмахе сконцентрировалась ненависть, и с каждым ударом она не угасала. Закрывая лицо руками, Бенсон пытался столкнуть Планка с себя, но у него ничего не удавалось. Тогда он пожертвовал одной рукой, отдав ее на растерзанье разгневанному Солу, а второй стал перезаряжать револьвер. Вспышка! и почти подбежавший к двум валяющимся Джон был откинут пулей в живот. Еще одна вспышка! Из плеча Планка полилась кровь.

– Донлон, не припомнишь меня? Не помнишь меня до того, как я стал твоим помощником? – отбившись от ударов, спросил, переводя дух, Мик.

– Опять ты, как и Говард, со своим бредом! – еле вдыхая воздух, проворчал шериф, придерживая рану рукой.

– А давай-ка перечислим участников Семерки, а? Я,

Шенк, Мэдден, Уилтерс, Уэбли, Говард, и кто-то последний, да? Твоя душевная болезнь точно заставила тебя забыть. Джон, все это время ты раскрывал преступление, в котором сам же участвовал! Ты – последний, Седьмой Безликий. Попал в Семерку как и все остальные – потому что не видел другого выхода быть понятым, да? Убил жену, признал сам себя сумасшедшим и ушел навеки из криминальной жизни. А потом ты встретил нас. – гостеприимно расставил руки Мик.

– Нет, этого не может быть! – Сол не поверил услышанному. – Джон, это правда?

Донлон лишь глубоко вдохнул и выдохнул. Он бестолково глядел на траву и не мог ничего сказать.

– Ты опять пытаешься свести нас с ума! – еще раз набросился на Бенсона Планк и выбил у того из рук пистолет.

Бенсон хитро улыбнулся – он явно был доволен, что у них обоих теперь равные шансы. Он ударил Сола в правый бок, а затем в живот, на что получил ответный удар в челюсть и лицо.

– А ты, я смотрю, мстительный малый! Убил твою подружку, а теперь ты желаешь отомстить. Месть не заставит исчезнуть вине, глупец!

Услышав слова о Луне, пределы злобы Планка и вовсе исчезли – он сжал руку в кулак и нанес еще один удар в щеку. В воздухе разлетелась кровь. Но его это не остановило: с другой стороны его кулак столкнулся с виском Мика. Тот упал

на землю во второй раз.

– Второй выстрел всегда точный. – иронично заметил он и лежащим подле камнем разбил лоб Планку.

Юноша в ответ ударил локтем того в живот. Из рта детектива брызнула кровь.

– Твоя жестокость тебя же и погубит! Хе-хе-хе! – потеряв сознательность, радостно воскликнул Мик. – Все мы были или будем отвергнуты другими, но ты этого не понимаешь! Это убийство... – он замолчал от очередного удара, пришедшего по скуле. – Не принесет тебе ничего хорошего.

– Заткнись! Я буду с радостью вспоминать твое размазанное на траве лицо!

Сол взял выброшенный ранее пистолет и стал наносить удары им. Когда лицо Бенсона полностью было утоплено в крови, он стал быстрыми движениями перезаряжать его.

– Раз, два, три, четыре, пять... есть! – посчитал он и стал пускать все пули в лицо Мика.

Тот пытался прикрыться рукой, но защитился лишь от одной пули – четыре другие разделили его физиономию на пять кусков.

Планк не переставал быстро дышать – он делал вдох за вдохом, пытаясь усмирить свои порывы. Он посмотрел на Джона. Тот сидел, опираясь на дуб, и с ужасом смотрел на уже мертвого Бенсона. Он дрожал и во взгляде его был бесконечный страх. Сол понял: оставаться больше он здесь не может. Он быстро вытер перемешанную со слезами кровь с

лица и встал на ноги.

– Все произошло так быстро... – заплакал Джон, показывая правой рукой прощальный жест. Он понимал – сейчас они в последний раз встретятся своими искренними и наполненными чувствами взглядами.

“Это убийство мы объяснить не сможем”. – повторил про себя Джон и тоже зарыдал.

Планк в последний раз увидел своего самого близкого, из живых, человека и начал бежать в сторону кукурузных полей. Он перепрыгнул через небольшую оградку, пробежал сквозь поле одуванчиков и ромашек, и попал в безграничные леса колосьев, где никто не мог его увидеть, и никто не мог найти. Он посмотрел наверх – увидел голубо-розовое небо. Попытался еще раз встретить глазами Луну, но не смог – пшеница была слишком высока. Зеленые тонкие полосы окружили его в прощальном танце, обвивая каждый изгиб на его рубашке.

И отпустил он свою судьбу, и отпустил судьбы других людей. Он лишь бежал в неведении в всепоглощающем поле, все дальше убегая от раневших его сердце зеленых западных холмов; холмов, что подарили ему все; холмов, что забрали у него столько всего. Холмов, о которых он знал так мало.

– Сэр Донлон, повторите, пожалуйста:

Буря.

Единение.

Нонсенс.

Сон.

Одурачивание.

Неизвестность.

– Это ведь все бессмысленно, я уже много раз повторял это.

– Вы можете вспомнить что-то, с чем можно связать эти слова?

– Если я скажу, вы точно сочтете меня за психа. – сказал пациент и услышал хохот ответственного врача.

Испытуемый сначала недоумевая посмотрел на того, а затем тоже рассмеялся:

– Все это так странно! Та-ак стра-анно!